

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Фатьянова Ирина Валерьевна

**АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

10.02.04 – германские языки

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Бессонова Ольга Леонидовна

Донецк – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	20
1.1 Политический дискурс как объект междисциплинарного исследования.....	20
1.2 Политический дискурс в когнитивно-дискурсивной парадигме: терминологический аппарат исследования.....	34
1.2.1 Дискурс и смежные понятия.....	39
1.2.2 Разные аспекты изучения дискурса.....	51
1.2.3 Типологии дискурса.....	59
1.2.4 Место политического дискурса в разных типологиях дискурса.....	64
1.3 Основные характеристики политического дискурса.....	69
1.3.1 Зоны пересечения политического дискурса с другими видами дискурса.....	79
1.3.2 Политический дискурс vs газетный дискурс.....	86
1.3.3 Жанры политического дискурса: речь как один из основных жанров.....	93
1.3.4 Идеологичность политического дискурса.....	102
1.3.5 Аксиологичность политического дискурса.....	103
1.4 Адресантно-адресатные конфигурации в политическом дискурсе..	107
Выводы к главе 1	111
ГЛАВА 2 МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	117
2.1 Комплексный подход к исследованию политического дискурса....	117
2.1.1 Коммуникативно-функциональная и лингвокогнитивная парадигмы как методологическая основа исследования.....	118

2.1.2 Лингвокогнитивный анализ политического дискурса.....	122
2.1.3 Дискурсивный анализ	128
2.1.4 Диахронический анализ в исследованиях дискурса.....	130
2.2 Характеристика материала исследования.....	138
2.3 Методика лингвистического анализа политического дискурса.....	140
Выводы к главе 2.....	151
ГЛАВА 3 КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	
АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ	
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	
3.1 Тематическая классификация политических речей американских президентов XX – начала XXI веков.....	156
3.2 Дискурсообразующие концепты американского политического дискурса.....	160
3.3 Концепт POLITICS и его вербализация в XX – начале XXI веков..	164
3.4 Особенности актуализации концепта STATE.....	186
3.5 Лингвальное воплощение концепта PEOPLE.....	224
3.6 Вербализация концепта POWER.....	276
3.7 Национально-маркированные концепты американского политического дискурса и их языковая репрезентация в XX – начале XXI веков.....	309
Выводы к главе 3.....	316
ГЛАВА 4 КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	
АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ.....	
4.1 Языковая личность в англоязычном политическом дискурсе.....	327
4.2 Интенциональная характеристика политического дискурса.....	340
4.3 Метафора как способ реализации интенции в политическом дискурсе.....	350

4.4 Общая характеристика стратегий и тактик в политическом дискурсе.....	362
4.5 Коммуникативные стратегии манипулирования и давления в президентских выступлениях XX – начала XXI веков	374
Выводы к главе 4.....	386
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	390
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	395
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	396
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	465
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА....	469
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	485
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	508
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	512

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена одной из важных проблем современной политической лингвистики – изучению особенностей политического мышления по языковым данным, а именно, комплексному исследованию развития американского политического дискурса (далее АПД) в XX – начале XXI веков на материале публичных выступлений американских президентов.

Этот тип национального политического дискурса рассматривается как целенаправленная межличностная речевая деятельность в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов его организации и динамики функционирования на разных исторических этапах.

АПД представляет собой форму социального взаимодействия, определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условиями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов.

Выбор в качестве материала исследования публичных выступлений американских президентов обусловлен тем, что средства реализации когнитивного и прагматического потенциала текстов выступлений президентов, особенности их речевого поведения позволяют выявить признаки и качества, характерные для АПД в целом. Например: (1) *‘I speak today as both a citizen of the United States and of the world. I come with the heartfelt wishes of my people for peace, bearing honest proposals and looking for genuine progress’* [688].

Степень разработанности проблемы. Современная лингвистическая наука сосредоточивает свое внимание на исследовании языка и коммуникации как неотъемлемой части жизнедеятельности социума. Значительное количество научных работ посвящено таким актуальным вопросам дискурсологии, как исследование проблем порождения, функционирования, восприятия дискурса (Н. Д. Арутюнова [16; 17], Э. Бенвенист [49], Е. С. Кубрякова [230; 232; 233];

234], М. Л. Макаров [264], Ю. С. Степанов [372], Д. Шиффрин [557], Дж. Юл [479] и др.), определение критериев его дифференциации и классификационных признаков (Дж. Браун [479], Р. Водак [92; 93; 575; 576; 577], Т. ван Дейк [129; 130; 490; 491], В. И. Карасик [189; 190; 191; 192], В. Б. Кашкин [199], Г. Кресс [532], П. Серио [360], Г. Г. Слышкин [368; 369], Р. Фаулер [506; 507], М. Фуко [427], Н. Фэрклоу [497; 498; 499; 500], Д. Шиффрин [558], Дж. Юл [479] и др.). Подробно рассматриваются различные типы дискурса (В. И. Карасик [185; 186; 187; 188; 190; 191], В. З. Демьянков [136], В. В. Красных [214; 215; 216; 217], Г. Г. Почепцов [328; 329; 330; 331], А. А. Романов [342]), в том числе политический дискурс (Т. ван Дейк [131; 489; 492; 493; 494], В. З. Демьянков [136; 137], В. И. Карасик [187; 188; 189; 192], А. П. Чудинов [445; 446; 447; 448], Е. И. Шейгал [457; 458; 459; 460] и др.).

Современное состояние исследований в области политического дискурса (далее ПД) характеризуется разносторонностью проблематики. Значителен вклад в разработку общей теории ПД (В. Н. Базылев [447], Т. ван Дейк [127; 128; 129; 130; 490; 491], А. П. Чудинов [447; 448], П. Чилтон [482]), в изучение конкретных его видов (В. З. Демьянков [133; 134; 135; 136; 137], В. И. Герасимов [112], М. В. Ильин [113; 482], Е. И. Шейгал [457; 458; 459; 460]). Уделяется внимание тематическому анализу ПД (А. Н. Баранов [27; 28; 29; 31; 32; 33; 34], Э. В. Будаев [447], И. М. Кобозева [201], Ю. Н. Караулов [193; 194], Е. И. Шейгал [460], А. П. Чудинов [447; 448]), исследованию метафор и стереотипов, лежащих в основе определенных политических убеждений (Э. В. Будаев [447], А. П. Чудинов [445; 446]), изучению персонального дискурса политиков (Е. А. Моргун [284], Е. К. Мохова [285], А. А. Прокопенко [334], Л. С. Чикилева [443]). Значительное количество лингвистических исследований ПД посвящено выявлению его манипулятивных свойств, реализуемых с помощью использования определенных коммуникативных стратегий и тактик (Ю. М. Иванова [175], О. С. Иссерс [178; 179; 180], Е. В. Горина [120], О. Н. Паршина [303], К. В. Трошина [392]). Особое внимание уделяется изучению взаимосвязи

когнитивного, риторического и аксиологического аспектов в политическом тексте и дискурсе (С. А. Васильев [81], Ю. С. Вашталова [82], М. В. Гаврилова [104; 105], Т. М. Голубева [117], О. А. Гусева [125], С. В. Иванова [173; 174], Г. А. Копнина [210], Е. Р. Левенкова [245], О. Н. Паршина [303], Л. С. Чикилева [443]).

Исследуя особенности функционирования АПД, лингвисты фокусируют внимание на его лингвокогнитивных (Ю. С. Вашталова [82], Е. Р. Левенкова [245]), лингвокультурологических (С. В. Иванова [172; 173], А. М. Погорелко [313], Р. Т. Садуов [346], К. В. Трошина [392], Ю. М. Чантуридзе [437]) и лингвопрагматических особенностях (А. А. Прокопенко [334], Т. А. Светоносова [349]), изучают различные речевые феномены в выступлениях политиков США (П. С. Акинина [2], А. А. Константинова [208], К. В. Трошина [392], Л. С. Чикилева [443]), исследуют жанровые особенности президентского дискурса (А. Т. Тамзина [385], Ю. М. Чантуридзе [437]).

Усиливается интерес к изучению языковых явлений американской президентской риторики с точки зрения выявления способов манипулирования общественным сознанием (О. А. Гусева [125], С. В. Иванова [173], А. Ю. Миронина [278], Е. К. Мохова [285], Д. С. Мухортов [286], Е. В. Пильгун [308], Р. Т. Садуов [346], А. С. Самигуллина [348]), к сопоставительному исследованию президентского дискурса (Т. М. Голубева [117], Е. Н. Сагайдачная [344; 345], Т. А. Светоносова [349], Д. В. Шапочкин [449]).

Следует отметить, что большинство исследований ПД отличает текстоцентричность, которая проявляется в изучении частных случаев использования языковых средств в дискурсе без учета дополнительных экстралингвистических факторов.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом общества к политике в условиях информационной войны, важностью осмысления ее влияния на массовую аудиторию, недостаточной изученностью функционирования АПД и механизмов формирования политического сознания американского лингвосоциума. Обращение к

речевым технологиям, используемым в американском политическом дискурсе, позволяет актуализировать изучение стратегий и тактик, реализующих дискурсообразующие и национально-маркированные концепты в различные исторические периоды. Актуальным представляется привлечение к комплексному анализу развития АПД в XX – начале XXI веков понятийного аппарата когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики как системы в единстве ее когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов. Диахронический подход к анализу языкового материала, основанный на сопоставлении данных разных исторических периодов, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т. к. позволяет проследить динамику национального мировоззрения и мировидения и воплощающих его языковых средств и дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики, социума и культуры. Избранный подход способствует решению перспективной научной проблемы когнитивной дискурсологии и политической лингвистики – раскрытию когнитивно-прагматических свойств АПД в диахронии.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР «Языковые структуры и значения в аспекте типологической, социологической и политической лингвистики» (номер госрегистрации 20–1 вв/74, 0120D000009) и в рамках инициативной темы кафедры английской филологии «Лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования языковых единиц и категорий» (номер госрегистрации Г–18/42, 0118D000095).

Объектом исследования является американский политический дискурс, базирующийся на определенных дискурсообразующих и национально-маркированных концептах, коммуникативных стратегиях и тактиках, которые влияют на его организацию, а **предметом** – особенности

вербализации концептуального пространства и коммуникативной организации АПД в XX – начале XXI веков.

Цель исследования – установить и описать основные лингвокогнитивные и коммуникативные особенности организации, функционирования и развития АПД в XX – начале XXI веков. Реализация этой цели предусматривает решение следующих теоретических и исследовательских **задач**:

- определить теоретико-методологическую основу и терминологический аппарат комплексного исследования АПД;

- описать характерные черты АПД;

- сформировать и систематизировать эмпирический корпус исследования, разработать методику описания языкового материала;

- охарактеризовать структуру дискурсообразующих и национально-маркированных концептов АПД в XX – начале XXI веков и описать особенности их вербализации;

- установить сходства и отличия концептуального пространства АПД в XX – начале XXI веков, особенностей его вербализации;

- описать типы концептуальной метафоры как способа реализации интенции в АПД в XX – начале XXI веков;

- изучить особенности реализации коммуникативных стратегий и тактик в АПД XX – начала XXI веков;

- определить динамику концептуального пространства и коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков.

Материал исследования составили 662 официальные речи 20 президентов США, из них – 509 публичных выступлений 17 президентов в XX веке и 153 публичных выступления 3 президентов в XXI веке. Общий объем выборки составляет 20000 страниц (15000 страниц в первом исследуемом периоде и 5000 страниц – во втором).

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются следующие **методы и приемы анализа**: описательно-

аналитический метод – для развернутого описания особенностей концептуального пространства и коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков; метод компонентного анализа – для определения интегральных и дифференциальных семантических признаков значения единиц, вербализующих дискурсообразующие и национально-маркированные концепты АПД; метод контекстуального анализа – для выявления дискурсивных реализаций способов вербализации концептов и коммуникативных стратегий и тактик; метод концептуального анализа – для описания концептосферы АПД, включая фреймовое моделирование – для построения фреймовой модели концепта и инструментарий теории концептуальной метафоры – для установления коррелятов когнитивных метафор, которые формируют образно-ценностный компонент концепта; методика прагматически-когнитивной интерпретации значения – для определения оценочных коннотаций, которые лежат в основе ценностного содержания концепта; метод лингвостилистического анализа – для описания языковых средств, служащих стилистическими приемами экспрессивности; дискурсивный анализ – для интерпретации текстов публичных выступлений президентов в контексте политической ситуации с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста адресатом); метод количественного анализа – для определения частотности средств вербализации дискурсообразующих и национально-маркированных концептов, соотношения коммуникативных стратегий и тактик АПД XX – начала XXI веков и установления продуктивности средств их выражения.

В начале работы над эмпирическим материалом была сформулирована исходная **гипотеза исследования**, которая нашла подтверждение и была расширена в результате изучения концептуального пространства и коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков. АПД XX – начала XXI веков, актуализируемый в публичных выступлениях президентов,

характеризуется динамикой концептуального пространства и коммуникативной организации, что обусловлено политическим и социокультурным контекстом рассматриваемых исторических периодов. Концептосфера АПД, представленная системой дискурсообразующих и национально-маркированных концептов, в большей степени подвержена трансформациям по сравнению с коммуникативной организацией данного типа дискурса. Дискурсообразующие концепты регулярно актуализируются во всех жанрах публичных выступлений президентов США XX – начала XXI веков. Национально-маркированные концепты демонстрируют большую динамику, что проявляется в доминировании актуальных когнитивных признаков и лакунарности на определенных этапах развития американского лингвокультурного сообщества. В публичных выступлениях президентов США как носителей соответствующей культуры и статусно-ролевых отношений в XX – начале XXI веков приоритетны те компоненты национально-маркированных концептов, которые связаны с историческими и социокультурными аспектами жизни американского лингвокультурного сообщества.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведено комплексное лингвистическое исследование организации, функционирования и развития АПД в XX – начале XXI веков. Впервые определена динамика его концептосферы и коммуникативной организации. Определены типологические признаки АПД в XX – начале XXI веков, разработана модель его системного анализа. Исследованы основные дискурсообразующие и национально-маркированные концепты, стратегии и тактики реализации прагматической интенции коммуникантов в АПД в XX – начале XXI веков и способы их реализации. Описаны особенности развития системы концептуальных метафор как способа реализации интенции в АПД в XX – начале XXI веков. Установлены изоморфные и алломорфные характеристики лингвокогнитивной и коммуникативной организации АПД в XX – начале XXI веков.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты являются вкладом в развитие теории дискурса, политической лингвистики и лингвистики текста. Создание модели концептуального пространства АПД XX – начала XXI веков способствует расширению представлений о категориальной организации знаний на примере анализа таких сложных ментальных образований, как ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО, НАРОД, ВЛАСТЬ и является вкладом в когнитивную лингвистику. Исследование коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков, определение коммуникативных стратегий и тактик с обоснованием непосредственного влияния экстралингвистических факторов на особенности коммуникации и их отражении в американском варианте английского языка, является вкладом в теорию коммуникации. Предложенная методика анализа функционирования и развития АПД XX – начала XXI веков, интегрирующая достижения коммуникативно-функциональной и лингвокогнитивной парадигм, может быть использована при анализе других типов дискурса.

Практическая ценность исследования заключается во внедрении его результатов в учебный процесс кафедры английской филологии ГОУ ВПО «ДОННУ» в ОП Бакалавриата направлений подготовки 45.03.01 Филология (профиль «Зарубежная филология (английский язык и литература)») и 45.03.02 Лингвистика (профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (английский язык)»). Материалы исследования могут быть использованы в курсах стилистики и лексикологии английского языка, теории коммуникации, в спецкурсах по теории дискурса, лингвоконцептологии, теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. АПД представляет собой форму социального взаимодействия, определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под

влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных временных процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия АПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения. Центральным жанром АПД является публичная речь президента, так как она соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть. Основными признаками АПД являются хронотоп общения адресанта и адресата с присущими им ролевыми характеристиками, институциональная сфера общения, тематическая заданность общения, коммуникативная цель (ведущая интенция, функция), лексические, грамматические средства и стилистические особенности риторического произведения, используемые для достижения перлокутивного эффекта.

2. Одним из ведущих признаков АПД XX – начала XXI веков является его интертекстуальность: включение ссылок на президентов-предшественников, президентов других стран, выдающихся политических деятелей, философов, деятелей науки и культуры, библейские сюжеты. Ссылки на своих предшественников количественно преобладают в АПД XX века. Выбор ссылки на цитаты и имена выдающихся политических деятелей, ученых, философов функционально обусловлен и направлен на достижение перлокутивного эффекта.

3. Пространство АПД XX – начала XXI веков, реализуемого публичными выступлениями президентов, представляет собой совокупность ритуальных, ориентационных и агональных жанров. В контексте борьбы за власть ядро пространства занимают агональные жанры, в которых состязательность получает открытую, эксплицитную реализацию. Находящиеся на институциональной периферии АПД ориентационные жанры количественно превалируют, так как направлены на сохранение, удержание, а не завоевание власти. Количественное доминирование

ориентационных жанров является универсальной характеристикой АПД XX – начала XXI веков.

4. В АПД XX – начала XXI веков наблюдается корреляция тематики и жанров президентских выступлений. Глобальный тематический уровень, представленный во всех жанрах (ритуальных, ориентационных и агональных) на протяжении двух периодов составляют проблемы внешней и внутренней политики, государственной безопасности и войны. Темы расовой дискриминации, религии, миграции, терроризма, освоения космоса, кибербезопасности, защиты окружающей среды соотносятся в большем количестве контекстов с ритуальными и агональными жанрами и обуславливаются сложившимися социально-политическими условиями в государстве и мире. Ориентационные жанры, направленные на попытку удержания власти, в большинстве случаев фокусируются на таких темах, как преодоление проблем в сфере экономики, медицины, образования и культуры.

5. Языковая личность президента как субъекта АПД XX – начала XXI веков представляет собой обобщенный речеповеденческий портрет представителя определенной этнической, социальной и гендерной группы в когнитивном, ценностном и поведенческом аспектах, обусловленный его концептуальной картиной мира. Концептосфера языковой личности президента характеризуется и тесно коррелирует с дискурсообразующими и национально-маркированными концептами, сформировавшимися и регулярно актуализирующимися в АПД XX – начала XXI веков. Высокой коммуникативной востребованностью характеризуются дискурсообразующие концепты POLITICS, POWER, STATE, NATION и национально-маркированные концепты AMERICA, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, FREEDOM, DEMOCRACY, EQUALITY, NATIONALISM/PATRIOTISM, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM. Универсальными национально-маркированными концептами на протяжении двух периодов являются AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY. Изменения в мировоззрении и системе ценностей,

политической и социокультурной ситуации обуславливает доминирование национально-маркированных концептов REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, NATIONALISM / PATRIOTISM, EQUALITY, COLD WAR, PRESIDENT, THE FIRST LADY, FEMINISM в XX в. и WAR, CRISIS, SECURITY, TERRORISM в начале XXI века.

6. В АПД XX – начала XXI веков интенциональное воздействие на адресата достигается за счет использования 5 моделей адресантно-адресатных конфигураций, которые определяют характер коммуникации в АПД и детерминируют формы и стратегии общения: 1) адресант (президент) – адресат (граждане США); 2) адресант (президент) – адресат (мировое сообщество); 3) адресант (президент) – адресат (политические сторонники); 4) адресант (президент) – адресат (политические противники); 5) адресант (президент) – адресат (Конгресс). В данных моделях адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации, реализуется тип языковой личности, стремящейся к убеждению, покорению, принуждению и демонстрирующей доминирование.

7. В интенциональном аспекте одной из наиболее значимых особенностей АПД XX – начала XXI вв. является его сверхметафоричность, представленная широким набором моделей реализации онтологической, структурной и ориентационной концептуальных метафор. Сферами-источниками являются человек, мир растений и животных, природные явления и артефакты, что свидетельствует о преобладании антропоморфной метафоры.

8. Ключевыми коммуникативными стратегиями АПД XX – начала XXI веков являются стратегия манипулирования и стратегия давления. Стратегия манипулирования направлена на формирование массового сознания, поглощающего индивидуальное сознание, и имеет косвенное, но очень существенное влияние на менталитет лингвокультурного сообщества. Реализация стратегии давления предполагает обращение к эмоциям и системе сложившихся в обществе ценностей. Коммуникативные стратегии манипулирования и давления являются универсальными и устойчивыми в АПД

XX – начала XXI веков. Динамические изменения обусловлены выбором речевых приемов и зависят от особенностей исторического развития, мировой и внешней политики, социально-экономического положения на определенном этапе, лингвокультурного своеобразия картины мира коммуникантов, а также стереотипов поведения, социально-статусной принадлежности адресанта – президента как гаранта Конституции США. Стратегия манипулирования реализуется чаще, чем стратегия давления как в XX, так и в начале XXI века. Коммуниканты в большей степени сосредоточены на скрытом управлении людьми благодаря уже созданным, устоявшимся и проверенным временем схемам коммуникации.

Достоверность результатов диссертационной работы обеспечивается индуктивным методом ведения исследования: от конкретных языковых фактов к установлению системных отношений между ними и обобщению теоретических положений и выводов, фундаментальностью методологической базы, комплексным и системным подходом к исследованию концептуального пространства и коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков. Репрезентативный корпус эмпирического материала, полученный из авторитетных источников, в сочетании с комплексом адекватных методов его исследования обуславливает четкое выполнение поставленных задач и получение корректных результатов. Полнота, точность и объективность результатов и выводов достигаются посредством применения комплекса лингвистических методов, приемов и методик.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях и семинарах: VII Международном Крымском лингвистическом конгрессе «Язык и мир» (г. Ялта, 2015 г.); XIV Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Пятигорск – г. Донецк, 2016 г.); XVI Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические

исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк – г. Пятигорск – г. Ростов-на-Дону, 2018 г.); II Международной научно-практической онлайн-конференции «МИР. ЧЕЛОВЕК. ЯЗЫК» (г. Владимир – г. Донецк – г. Санкт-Петербург – г. Ростов-на-Дону, 2019 г.); XXX Международной Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования», посвященная 30-летию юбилею Института иностранных языков и Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург, 2019 г.); XXX Международной научной конференции «Лингвистика XXI века: традиции и инновации, посвященной 30-летию юбилею института иностранных языков» (г. Санкт-Петербург, 2019 г.); V Международной научной конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (г. Макеевка, 2019 г.); XVII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк – г. Ростов-на-Дону, 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт», (г. Белгород, 2020 г.); V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 2020 г.); XVIII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк, 2020 г.); XXXIV Международной Зимней научной онлайн-школе «Тюркизмы в русском и английском языках» (г. Санкт-Петербург – г. Кемерово – г. Севастополь – г. Армавир – г. Алматы – г. Бишкек, 2020 г.); VI Международной научной конференции «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 2021 г.); XIX Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк – г. Краснодар – г. Рязань – г. Пятигорск, 2021 г.); XXXIX Международной Зимней научной онлайн-школе «Методика преподавания лингвокультурологии и политическая лингвистика» (г. Санкт-Петербург, 2022 г.), IV научно-практической конференции «Дискурс современного социально-гуманитарного

знания и образования» (г. Луганск, 2019 г.); на научных семинарах кафедры английской филологии Донецкого национального университета (г. Донецк, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022).

Основные положения диссертации изложены в 29 публикациях: 21 статье в рецензируемых научных изданиях, из них 16 статей – ВАК ДНР и РФ, а также в 3 статьях других научных изданий и в 5 публикациях в сборниках материалов международных научных конференций.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы (577), списка лексикографических источников (47) и списка источников текстового материала исследования (119). Общий объем работы составляет 518 страниц. Основной текст диссертационного исследования включает 390 страниц.

Во **введении** определена степень разработанности изучаемой проблемы, обоснована актуальность исследования, сформулированы его цель, задачи и положения, выносимые на защиту, определены объект и предмет исследования, дана характеристика языкового материала и методологической базы, обозначены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, достоверность полученных результатов, представлены данные об апробации результатов исследования, описана структура работы.

В первой главе диссертации **«Теоретические основы лингвистического исследования англоязычного политического дискурса»** раскрывается суть основных понятий, составивших терминологический аппарат исследования, обобщены принципы анализа дискурса в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, обосновано выделение политического дискурса как разновидности коммуникации и публичной речи президента как жанра политического дискурса, определены основные характеристики политического дискурса, место и статус в системе других типов дискурса; рассмотрены особенности адресантно-адресатных конфигураций в АПД.

Во второй главе **«Методика комплексного анализа американского политического дискурса»** сформулировано теоретическое обоснование комплексного подхода к диахроническому исследованию АПД, представлена характеристика материала исследования, описана процедура анализа развития АПД в XX – начале XXI вв.

В третьей главе **«Концептуальное пространство американского политического дискурса XX – начала XXI веков: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты»** рассмотрены особенности функционирования дискурсообразующих и национально-маркированных концептов как сложных динамичных структурно-смысловых, этнически и культурно маркированных единиц языкового сознания в АПД XX – начала XXI веков.

В четвертой главе **«Коммуникативная организация американского политического дискурса XX – начала XXI веков»** представлены результаты анализа АПД XX – начала XXI веков как когнитивно-коммуникативной системы, определяемой единством двух аспектов: аспекта языкового использования, передачи идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматического аспекта – взаимодействия коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и ситуациях.

Заключение содержит основные результаты проведенного исследования, а также определение дальнейших перспектив исследования.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В **первой главе** диссертации раскрывается суть основных понятий, составивших терминологический аппарат исследования, обобщены принципы анализа дискурса в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, обосновано выделение политического дискурса как разновидности коммуникации и публичной речи президента как жанра политического дискурса, определены основные характеристики политического дискурса, место и статус в системе других типов дискурса; рассмотрены особенности адресантно-адресатных конфигураций в американском политическом дискурсе.

Первый раздел исследования имеет целью заложить теоретические основы дальнейшего лингвистического анализа языковых и внеязыковых средств актуализации АПД XX – начала XXI веков, поэтому считаем целесообразным осветить в нем проблему корреляции языковых и концептуальных структур знания, рассмотрев основные направления изучения и подходы к исследованию дискурса.

1.1 Политический дискурс как объект междисциплинарного исследования

Современная научная парадигма языкознания характеризуется антропологическим подходом, заключающимся в переносе исследовательских приоритетов на человека: наблюдается устойчивый интерес ученых к языку политики, как неотъемлемой части жизни современного общества, что связано прежде всего с ярко выраженным

дискурсивным характером данного феномена, демонстрирующего тесную связь между языком и характером социальных отношений.

Язык – политика – власть находятся в тесной взаимосвязи. Д. Грейбер считает, что для достижения поставленной суггестивно-политической цели политики должны уметь решать политические проблемы с помощью языка [511], поскольку язык политической коммуникации (далее ПК) имеет огромное значение и в процессе управления страной.

Современный ПД имеет специфические черты, отражает общественно-политические процессы, культуру, менталитет и ценности народа. Следовательно, исследование ПД в междисциплинарной области имеет важное значение и представляет научный интерес.

Специфика политики заключается в ее преимущественно дискурсивном характере, и интерес лингвистов к ПК выявляется прежде всего, в системе когнитивно-дискурсивных приоритетов. ПД, являясь формой социально-ориентированного и задающего общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений институционального дискурса (далее ИД), выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований, мощным властным ресурсом, средством саморепрезентации, легитимации и позиционирования в социокультурном и политическом пространстве.

Политика на протяжении тысячелетий является междисциплинарным объектом научного осмысления философии (Аристотель, Платон, Конфуций, Цицерон, Августин, Ф. Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.), социологии (М. Вебер, Н. Смелзер, П. Бурдьё, П. А. Сорокин, В. М. Амелин), истории (А. Токвиль), психологии (Л. Войтасик, Л. Я. Гозман, О. Б. Шестепал, Е. Л. Доценко) и, собственно, политологии (Р. Дарендорф, А. И. Соловьев, В. П. Пугачев, Р. Т. Мухаев и др.)

В конце XX ст. политика занимает свое место и среди объектов лингвистических исследований, что приводит к формированию и развитию в современном языкознании нового направления – политической лингвистики (А. Н. Баранов [27; 31; 32; 34], В. З. Демьянков [136; 137], П. Б. Паршин [302], А. П. Чудинов [445; 446; 447; 448], Е. И. Шейгал [457; 458; 459; 460], Р. Bayley [472]; V. Bell [474; 475]; Р. А. Chilton [482]; N. Chomsky [434], N. Fairclough [497; 498; 499; 500]; Т. van Dijk [489; 490; 492; 493; 494]; D. A. Graber [511], К.Л. Hacker [514]; G. Lakoff [536; 539], А. V. Marey [548]; R. Wodak [575; 576; 577] и др.), в кругу объектов изучения которой находится вербальная деятельность, связанная с социально-политической жизнью общества. Благодаря беспрецедентному развитию технологий и средств распространения информации использование знаковых слов и выражений играет всё более заметную роль в политической практике.

В ПК язык имеет большое значение, т.к. является самым мощным оружием в политической борьбе, так что можно сказать, что в определенном смысле политическая конкуренция – это борьба политических языков и языковых личностей разных государственных деятелей. Нет никаких сомнений в том, что основным объектом изучения ПК является политический язык. Это язык с определенным набором жанровых форм, используемых политическими участниками для достижения определённых политических целей. Действительно, язык является инструментом политики и необходимым условием существования и продолжения развития страны. Политика – это социальная деятельность, в которой язык является формой ее существования. По отношению к миру политики, понимание важной роли языка оформилось в философские и лингвистические проблемы соотношения языка и власти, агитации, пропаганды и политической рекламы, информативности и убеждения в ПК, изучение языка как инструмента социальной власти, языкового оформления социальных процессов в демократическом и тоталитарном государствах, использование языка с

целью влияния на сознание широких масс, роли языка в создании имиджа политика, индивидуального стиля политика как языковой личности [2; 3; 12; 13; 32; 37; 38; 43; 44; 45; 50; 77; 80; 81; 83; 92; 105; 111; 120; 125; 126; 131; 136; 137; 138; 161; 173; 174; 175; 177; 182; 189; 201; 208; 212; 245; 278; 281; 282; 284; 285; 286; 287; 295; 303; 305; 308; 312; 313; 314; 334; 342; 344; 345; 346; 347; 348; 349; 355; 363; 365; 367; 370; 376; 385; 390; 392; 437; 458; 459; 464; 474; 475; 482; 489; 496 и др.].

В настоящее время ПД не только изучается в русле философии, логики, семиотики, социальной психологии, социологии, антропологии, теории искусственного интеллекта, этнологии, этнографии, историографии, юриспруденции, педагогики, теории и практики перевода, политологии, культурологии, литературоведения, теории коммуникации, но и является объектом актуальных и активно развивающихся направлений лингвистической науки, сформировавшихся на междисциплинарной основе: дискуртологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, стилистики, поэтики, нарратологии, риторики, лингвистической теории аргументации, гендерной лингвистики, компьютерной лингвистики и т. п., что дает основание говорить про дискурсивный поворот в гуманитарных науках (*discursive turn*) [517, с. 146; 504, с. 94].

Анализ ПК происходит прежде всего в системе когнитивно-дискурсивных приоритетов. На данный момент ПД изучается политологами, философами, социологами, психологами, экономистами, филологами, лингвистами, специалистами по теории коммуникации и пиар-технологиям, имиджеологами и т. п.

ПК, мышление, действие и языковое воплощение находятся в тесном единстве, что делает ПД объектом междисциплинарных исследований. Интерес к изучению подобного дискурса привел к появлению политической лингвистики (далее ПЛ). ПЛ занимается рассмотрением создаваемых в

рамках ПК текстов (заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика) и их особенностей – языковых, перлокутивных, композиционных и т. п. Анализ современных исследований показывает, что ПЛ на данный момент является одной из самых перспективных и бурно развивающихся дисциплин. ПЛ носит междисциплинарный характер, объединяя знания лингвистики, политологии, риторики, когнитивной лингвистики, социологической лингвистики, этнолингвистики, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии и т. д.

Однако лингвистический фактор является ведущим в ПЛ, отвечая на такие вопросы: 1) как вербализуются демократические или тоталитарные идеологические установки; 2) с помощью каких приемов (риторических, психолингвистических) распространяются политические идеи и как они воздействуют на сознание граждан; 3) как организованы политические выступления, в которых выражаются такие функции языка, как манипулятивная, суггестивная, номинативная, фатическая, аттрактивная» [363, с. 44].

Следовательно, ПЛ – это лингвистика, обращенная к политической коммуникации [137, с. 32–43].

Как видим из определения данного лингвистического направления, предметом политической лингвистики является изучение политической коммуникации. Исследование политической коммуникации подразумевает под собой выявление особенностей «речевой деятельности, которая, в свою очередь, нацелена на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие, направленное на граждан и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного единогласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях плюрализма точек зрения в обществе». При этом целью ПЛ является «исследование различных взаимосвязей между языком, мышлением, коммуникацией,

субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [447, с. 6]. А. П. Чудинов обращает внимание на то, что борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности является главной функцией ПЛ. Так, политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное воздействие на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.) [447, с. 8]. Таким образом, политическая коммуникация – это речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Объектом исследования в ПЛ становятся различные политические тексты, а именно заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика. По мнению А. П. Чудинова [448, с. 53–59] дискурсивные характеристики политических текстов значительно отличаются от подобных характеристик других текстов, т.к. создатель политического текста – человек, на которого ложится вся ответственность за его содержание, даже если его писала целая группа специалистов. Политический язык отличается от обычного тем, что в нем политическая лексика носит терминологический характер, дискурс имеет не только специфичную структуру, но и специфичную реализацию, а именно его звуковое или письменное оформление [174, с. 74–77].

В связи с постоянным изменением общественно-политической ситуации язык политиков постоянно меняется, т.к. язык и политика тесно связаны друг с другом. По проблеме соотношения политической и языковой деятельности существуют различные позиции. В рамках данного исследования считаем необходимым дать определение понятию «политический язык», который

рассматривается как особая языковая система, предназначенная для политической коммуникации, целью которой является информирование, убеждение, установка на выработку необходимых правильных решений от адресата для адресанта [27; 31; 32; 33; 34].

В настоящее время особый интерес вызывает изучение ПД президентов, т. к. президент как первое лицо государства привлекает внимание как граждан своей страны, так и зарубежных стран. В лингвистике существуют следующие основные направления изучения речи лидеров ведущих политиков: исследование речевых действий с позиции риторики, дискурсивного анализа, лингвокультурологии, семиотики, коммуникативной лингвистики и др. [104, с. 57].

По мнению ученых, ПД может рассматриваться с разных точек зрения: филологической – как и любой текст; однако это происходит на фоне политических и идеологических концепций, превалирующих в сознании того, кто его интерпретирует, социопсихолингвистической, когда определяется эффективность достижений скрытых или явных политических целей говорящего, индивидуально-герменевтической, когда выявляются личностные смыслы автора и интерпретатора дискурса в данных обстоятельствах. Именно поэтому ПД является предметом изучения на пересечении разных дисциплин и его исследование связано с изучением формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных политических ситуациях [448, с. 53–59].

По оценке В. З. Демьянкова, ПД следует трактовать как «сложный объект исследования, поскольку он лежит на пересечении разных дисциплин: политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях» [136, с. 116–133].

Характеристика особенностей ПД (его институциональности, информативности, определенности, мифологичности, фидеистичности,

эзотеричности и т. д.), установление языковых показателей дистанции власти и авторитарности ПД, моделирование базовых концептов ПД и описание языковых средств их репрезентации, анализ импликации в ПД и когнитивное моделирование декларативных и процедурных знаний, применяемых в политической коммуникации – являются одними из главных задач политической лингвистики.

ПЛ направлена на исследование языковых средств политической сферы общения, политической коммуникации и манипулирования, взаимодействия языка, идеологии и власти. ПЛ является междисциплинарной областью, которая интегрирует теоретический потенциал теории речевой коммуникации, лингвоконцептологии, дискурсологии, лингвистики текста, социолингвистики с наработками политологии, философии, риторики, нарратологии и т. п. [447, с. 6].

В связи с этим в процессе исследования ПД используются разные методы, предмет исследования рассматривается с разных позиций, а не только с позиции лингвистики. В данной области до сегодняшнего дня нет теоретической единой основы, терминологии и методологии. Но это не исключает необходимости формирования некоторого терминологического и понятийного минимума, который может обеспечить систематическую передачу исследуемого материала и взаимопонимание между его исследователями. В виде набора базисных понятий и терминов, которые охватывают главные проблемы ПЛ, можно выделить следующие:

– лингвоментальная или языковая картина политического мира, являющаяся сложным единением таких ментальных единиц, как ментальные поля (ментальные сферы), политические концепты, антиценности и ценности, стереотипы в ПД [447];

– ПК и связанные с ней ПД, тактики и стратегии в ПК, жанры политической речи, политическая фразеология и лексика, политическая

сфера и ее уровни, политический текст, политическая речь и политический язык [447, с. 9].

Главным постулатом современной ПЛ считается дискурсивный подход к исследованию политических текстов. Дискурс-анализ в ПЛ позволяет установить мосты между социологическими, культурными, межличностными и когнитивными аспектами власти. Основным заданием лингвистического анализа ПД (Political Linguistic Discourse Analysis) является раскрытие механизма сложных взаимоотношений между властью, познанием, языком и поведением [460, с.7; 514, с. 51].

По мнению В.З. Демьянкова, политический язык определяется следующими характеристиками: 1) терминологической политической лексикой, включающей обычные слова, которые употребляются как не чисто «политические» языковые единицы; 2) специфической структурой дискурса, которая обладает специфическими речевыми приемами; 3) специфичной реализацией дискурса, его особым звуковым или письменным оформлением [136, с. 117–118].

ПД стал объектом пристального внимания современных исследователей языка и культуры, т.к. эта область знания дает представление об основных принципах, на которых базируется ПК в том или ином социуме, в той или иной культуре. ПД в России фигурирует в исследовательских работах в качестве о внешнителя процессов, происходящих в языке; объективатора некоторых языковых механизмов с логико-лингвистической точки зрения; таксономического языкового материала для создания словарей; изучения риторических особенностей ПД; анализа соотношения языка и идеологии; концептов в психосемантических исследованиях политического менталитета, динамики политического сознания как самоорганизующегося процесса; модельатора лингвем и идеологем в лингво-идеологическом анализе; средства создания текстов [447].

Помимо решения таксономической задачи, предпринимаются попытки анализа языковых / речевых способов актуализации политической метафорики [31; 214; 447]. Привлекает внимание исследователей и вопрос взаимоотношения языка и власти. В рамках сравнительно-исторической риторики, в частности, анализ проблемы соотношения власти и дискурса оценивается как наиболее перспективный, ибо риторика рассматривает структуру риторического идеала и логосферы культуры не саму по себе, а в связи с иерархией человеческого сообщества.

В сфере риторических исследований ПД рассматриваются проблемы: власть как право на речь (социальная роль vs. речевая роль, речевой этикет как система средств манифестации и соблюдения социальной иерархии), риторика манифестации власти (риторика вычеркивания из социального текста и контекста, речевая агрессия и речевое поведение лидера монархического или харизматического типа; риторические портреты лидеров; риторические особенности ПД (речевое поведение политика, власть и пресса – борьба и взаимозависимость, имидж и имиджмейкерство, вербальные и риторические стратегии в политической деятельности и СМИ), особенности русского политического риторического идеала [283].

Особое внимание в лингвистическом анализе ПД занимает изучение ментальных установок тех, кому адресована политическая информация, и тот, кто ее продуцирует. ПД служит материалом для анализа эффективности речевого воздействия в сфере массовой коммуникации либо с позиций соотношения языка с социальной психологией, либо с позиций сугубо языковых (анализируются устойчивые лингво-когнитивные соответствия, выраженные в речи на лексико-семантическом, семантико-синтаксическом и стилистическом уровне), либо с позиций психосемантических (анализ строится, исходя из методологии и методики синергетической парадигмы) [447].

Таким образом, исследовательских направлений – путей немало, но всех их объединяет одна – ориентация на таксономию, причем рамочными становятся либо познавательные, либо прожективные установки исследователя.

Дискурсивный анализ осуществляется с разных позиций, однако существуют основные посылки анализа. К ним относятся: 1) текст как коммуникационный продукт имеет несколько измерений, основными из которых считаются интерпретация и порождение текста; 2) коммуникация включает посткоммуникативную и докоммуникативную стадии; 3) главная роль в ситуации коммуникации принадлежит не средствам общения, а людям; 4) общение осуществляется в коммуникативных ситуациях, которые обязаны исследоваться в культурном контексте; 5) динамическая языковая модель обязана базироваться на коммуникации, то есть совместной деятельности людей, пытающихся выразить собственные чувства, обмениваться опытом и идеями либо оказать друг на друга влияние; б) статистическая языковая модель не соответствует природе дискурса и считается слишком простой [268, с. 11–21; 353, с. 120–121; 354, с. 625–631].

Дискурс с позиций социолингвистики представляет собой общение людей, которое рассматривается с позиций их принадлежности к определенной социальной группе либо применительно к определенной типичной речевой поведенческой ситуации, к примеру, ПД.

Анализ политического текста, а также исследование его элементов предполагает изучение уровня воздействия на политический текст, его восприятие адресатом разных языковых, социальных, культурологических, экономических, политических, национальных и иных факторов, оказывающих воздействие на понимание дискурса. Р. Водак пишет, что сложные отношения между обществом и дискурсом не могут быть адекватно описаны без сочетания социологических и лингвистических подходов [577, с. 181].

Из структуры ПД следует тот факт, что изучение связано с анализом содержания, задач и формы дискурса, который употребляется в

определенных ситуациях и лежит оно на пересечении разнообразных дисциплин [474, с. 46]. Считаясь частной дискурсивной разновидностью, ПД как базовое понятие не получил в лингвистике однозначного определения.

Модель институционального дискурса представлена несколькими признаками [158]: 1) нейтральные признаки; 2) признаки типа институционального дискурса; 3) признаки институциональности; 4) конститутивные признаки дискурса.

К конститутивным признакам институционального дискурса относятся: материал, способы, организация, условия и участники общения, т. е. люди, которые рассматриваются в их ситуативно-коммуникативных и статусно-ролевых амплуа; тексты с невербальными включениями; жанр, стиль, тональность, режим и канал общения; членение, развертывание общения, стратегии, цели и мотивы; коммуникативная среда и сфера общения.

Признаки типа институционального дискурса (далее ИД) отражают тип социального института, считающийся феноменом культуры, в его материальном и духовном выражении, имеет размытую периферию и жесткое ядро. Как считает В. И. Карасик, общественный институт можно представить в виде сложного фрейма, содержащего людей, которые заняты соответствующей деятельностью, их характеристики, типичные для этого института сооружения, поведенческие стереотипы, общественные ритуалы, мифологемы данного института и тексты, хранимые и проводимые в данном социальном образовании [192, с. 193].

К признакам институциональности относится уточнение конститутивных дискурсивных признаков по условиям и целям коммуникации, по линиям участников общения. Институциональное общение, будучи, по сути, представительским, реализует цель поддержания социальных институтов, обеспечения стабильности общественной структуры. Условия институционального общения выделяют контекст в

качестве действий ритуального и символического характера, типичных хронотопов, клише и трафаретных жанров [192, с. 192].

Нейтральные признаки отражены личностно-ориентированными фрагментами коммуникации, строевым материалом дискурса, моментами институционального дискурса, которым присущи и иным общественным институтам. ИД – это общение в контексте определенного общественного института, задающего рамки статусно-ролевых отношений [187, с. 14].

По мнению Е. И. Шейгал, ИД представляет собой дискурс, который осуществляется в социальных институтах, общение в которых считается неотъемлемой частью их организации [460, с. 42].

Главными параметрами ИД считаются [94, с. 40–41]: 1) речевые тактики и стратегии, которые обусловлены интенциональной составляющей; 2) набор типичных для этой сферы коммуникативных ситуаций – речевых событий; 3) представление о типичных моделях речевого поведения при выполнении конкретных социальных ролей; 4) ограниченную тематику общения; 5) специфический набор интенций.

ПД нужно рассматривать как минимум с 3-х позиций [37]: 1) индивидуально-герменевтическая позиция, позволяющая установить персональные смыслы интерпретатора и/или автора ПД в конкретных обстоятельствах; 2) социопсихолингвистическая позиция, используемая для оценки эффективности достижения политических целей оратора; 3) чисто физиологическая позиция, рассматривающая ПД, как и любой другой текст, однако с использованием политического и идеологического фона.

Данный подход объясняет, почему анализ дискурса в политической сфере находится на пересечении разных дисциплин и требует анализа содержания, задач и формы дискурса, которые реализуются в определенных ситуациях политической сферы.

Предназначение ПД – внушение прогнозируемых оценок и / или действий адресату. Понимание данного типа дискурса невозможно без

анализа логических переходов и скрытых мотивов адресанта, сюжетных схем, фона аудитории и автора вербального послания адресату, знаний, ожидания, которые существуют в конкретную эпоху [137, с. 43].

В ПЛ выделяются три основных подхода к изучению ПД: 1) дескриптивный, связанный с изучением речевого поведения политиков и характеристикой содержательной стороны политических текстов; 2) критический, направленный на критическое изучение содержательной стороны языковых способов представления социального неравенства, использование языка как инструмента власти и социального контроля, орудие борьбы идеологий [447].

Одним из главных тематических направлений критического дискурс-анализа, наиболее актуальным в современной лингвистике является анализ ПД, который стал основанием для формирования особого ответвления в языкознании – политической лингвистики.

К. Гакер считает главным заданием политического дискурс-анализа раскрытие механизма взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [514, с. 28–55]. Важно заметить, что в рамках дескриптивного направления исследователь остается нейтральным, независимым экспертом [482], а для критического анализа характерна ангажированность исследователя: имеется в виду, что исследователь открыто занимает сторону лишенных власти и угнетенных [92]

Третий подход, когнитивный, является относительно новым в политической лингвистике и характеризуется моделированием сознания участников политической коммуникации; анализом ключевых концептов ПД, политических метафор и их донорских концептуальных сфер, стереотипов речевого поведения, которые являются основой политических убеждений, предубеждений и мифологем; установления ментальных моделей, обусловленных идеологией власти; изучение влияния борьбы дискурсов на язык и т. д. [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 127; 128; 129; 130; 131; 133; 134; 135; 136; 137; 188; 189; 190; 191; 192; 309; 368; 369; 445; 446; 447; 448; 457;

458; 459; 460; 474; 475; 476; 480; 482; 484; 487; 493; 494; 497; 506; 507; 508; 509; 510; 511; 515; 519].

В рамках когнитивного направления исследуется также взаимосвязь языка и идеологии [489; 490; 492; 494; 495; 496; 520]. Политическое общение всегда идеологизировано, поскольку коммуниканты действуют в нем не как личности, которые представляют сами себя, а как представители институтов и политических групп.

Посредством социокогнитивного анализа соотнесенности контекста и ПД, опосредованных когнитивными моделями интеракционального или коммуникативного контекста, можно продемонстрировать, каким именно образом и почему политические ситуации конструируют речь и текст и наоборот: как и почему политические тексты и речь порождают политические ситуации. Принимая во внимание тот факт, что ПД может редко носить субъективный характер, хотя, не являясь исключительно социальным или политическим феноменом, реализуясь в индивидуальных текстах и речи, приобретая некоторые субъективные черты, Т. ван Дейк настаивает на том, что «только когнитивная теория способна расшифровать отношение между индивидуальным и социальным с помощью анализа диалектики эпизодических ментальных моделей и их репрезентаций с одной стороны, и социально разделяемых групповых репрезентаций с другой стороны» [131].

Таким образом, ПД может быть адекватно описан и объяснен лишь при условии теоретической экспликации социокогнитивных феноменов, связанных с общепринятыми политическими репрезентациями, контролирующими политические действия, процессы и системы.

1.2 Политический дискурс в когнитивно-дискурсивной парадигме: терминологический аппарат исследования

В последние десятилетия политическую культуру рассматривают через призму языка, а именно, через ПД, учитывая политические, онтологические, идеологические и аксиологические концепты в национальных вариантах

дискурса, определяя характер процессов концептуализации, описывая дискурсивные практики, т. е. исследуя ПК в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов [104; 245; 264; 269; 270; 271; 272; 284; 304; 305; 371; 372; 373; 374; 375; 445; 446; 447; 448; 457; 458; 459; 460]. Анализ дискурсивной практики позволяет раскрыть национально-культурную специфику ПД, изучить как действует система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной этнокультурной, идеологической или социальной позиций адресата и адресанта [105; 191; 245; 264; 271; 272; 284; 304; 305; 372; 447]. Вопросы анализа ПД, как наиболее влиятельного на общественное сознание и широко распространенного в СМИ, выявление его лингвистических и экстралингвистических особенностей выдвигаются на первый план. Одним из ведущих направлений политического дискурс-анализа в рамках когнитивного подхода является анализ политических концептов, под которыми понимают сложные ментальные образования, упорядочивающие и придающие значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяющим родственные понятия [284; 447]. Для политической науки эти концепты, отражающие важнейшие элементы политического сознания нации, являются наиболее значимыми. Совокупность политических концептов составляет политическую концептосферу, «в которой концентрируется политическая культура нации» [447, с. 43].

Общая направленность современной когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике на рассмотрение вербализации внеязыковых сущностей разноуровневыми языковыми способами позволяет выявить особенности языковой репрезентации конгломерации концептов в АПД XX – начала XXI веков. Диахронический подход, который охватывает все доступные этапы эволюции языка, направлен на изучение исторического развития языковых явлений и закономерностей языка как системы. Диахрония дает возможность проследить становление языковых подсистем,

действие исторических законов их развития, установить предпосылки, причины языковых изменений, время их действия и тенденции языковой эволюции [353].

В рамках коммуникативно-когнитивного подхода к изучению языковых и речевых явлений задачи исследования человеческого мозга не ограничиваются исследованиями ментальных репрезентаций в сознании человека. Человек уникален потому, что владеет языком, но владение им предполагает его употребление в самых разных целях: в коммуникации, и, прежде всего, в дискурсе [154; 155; 222; 237, с. 324; 240; 321].

Современная парадигма языкознания, ознаменованная когнитивно-коммуникативным подходом к речемыслительной деятельности, постулирует интегративное изучение языка и речи. Осознание того, что концептология не может существовать изолированно от дискурсологии становится ведущим принципом лингвистических исследований.

Рассмотрение двух заявленных объектов неминуемо вызывает ассоциации с феноменами системного порядка – концептосферой и двумя ее подсистемами – концептополем и дискурсивной формацией концептов (далее ДФК). ДФК основывается на двух типах связей – внутренних и внешних, объективных и субъективных. Первые реализуются в оппозиции «отношения внутри системы – отношения вне системы», вторые – «отношения в дискурсе – отношения в голове человека». Обусловленные этими отношениями определяются объединения концептов в разных режимах (временность / установленность, стойкость / нестойкость) открывают широкий простор для исследовательской работы.

Научный термин «языковая личность» (далее ЯЛ) ввел Ю.М. Караулов, который понимает под ЯЛ человека, способного создавать и понимать тексты, имеющие разную степень структурно-языковой сложности, глубину и точность отражения действительности, определенную языковую направленность [193]. Изучая языковые особенности разных народов,

непрерывно возникает вопрос о национальной специфике языка. Итак, принимая во внимание положение о том, что ЯЛ соотносится с культурой, то есть имеет общую картину мира с ЯЛ своего народа, под «ЯЛ» следует понимать образ носителя языковых единиц отдельного языка, который оперирует правилами языковой и речевой деятельности и которому присущ общечеловеческий и личностный культурный опыт. ЯЛ существует в культуре и обладает культурными ценностями – культурными концептами.

Функциональная парадигма, сфокусировавшая внимание лингвистов на феномене дискурса как речемыслительной деятельности человека в широком разнообразии социокультурных контекстов [2; 3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 21; 22; 23; 23; 27; 35; 42; 43; 44; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 55; 58; 59; 62; 63; 66; 67; 68; 69; 70; 75; 76; 77; 78; 81; 82; 84; 85; 86; 87; 92; 93; 94; 95; 96; 97; 99; 100; 101; 102, 118; 119; 121 и др.], усилила интерес к изучению концепта как единицы, которая обеспечивает речемыслительную деятельность индивида во время продуцирования и интерпретации дискурса, и привела к формированию нескольких подходов к концептуальному анализу: лингвопсихологического, рассматривающего концепт как динамическую единицу психических ресурсов индивида, подчиненной закономерностям его жизнедеятельности [35; 115; 119; 142; 145; 159; 165; 166; 192; 204; 306]; лингвокультурного, которое трактует концепт как единицу коллективного сознания, отражающее специфику лингвокультуры [54; 74; 84; 85; 86; 87; 96; 97; 98; 118; 120; 190; 191; 197; 216; 269; 270; 271; 272; 309; 313; 460; 572; 573]; семантико-когнитивного, представляющего концепт как единицу индивидуального сознания, которая соотносится с любой языковой формой [4; 5; 30; 61; 62; 63; 135; 139; 151; 152; 153; 154; 155; 156; 204; 222; 223; 224; 225; 226; 227; 228; 229; 230; 231; 232; 233; 234; 235; 236; 237; 246; 247; 248; 249; 250; 256; 288; 290; 291; 292; 293; 294; 300; 316; 336; 337; 374]; логико-эйдетического, занимающегося онтологическими схемами структурирования концептов, представленных лексическими единицами или лексико-

грамматическими конструкциями [25; 26; 157; 167; 176; 184; 196; 211; 212; 307; 320; 321; 323; 382]; когнитивно-поэтического, рассматривающего концепты художественного текста [99; 100; 242; 243; 244; 526; 527; 528; 529; 530; 531; 533; 535; 536; 537; 538; 539; 540]; философско-семиологического, который изучает когнитивные основы знаковости [371; 373; 374]; и, наконец, когнитивно-дискурсивного, интегрирующего достижения других подходов и рассматривающего концепт как единицу индивидуального сознания, которая отражает коллективное социокультурное знание об отраженном концептом феномене и данная лингвисту через разнообразие разноуровневых единиц языка, которые актуализируют его в дискурсе [165; 166; 266; 267; 268; 284; 290; 291; 292; 293; 294; 304; 357].

В настоящем исследовании концепт рассматривается как детерминированная культурой и опредмеченная в языке ментальная единица, имеющая понятийно-ценностный и образно-ценностный компоненты. Согласно с мнением А. П. Мартынюк, которая, внедряя когнитивно-дискурсивный подход к изучению концепта, отмечает, что реально концепт является единицей индивидуального сознания, отраженной в разноуровневых единицах языка, которые актуализируют ее в дискурсе в процессе речемыслительной деятельности индивида [266, с. 9–10].

Совокупность концептов, характеризующих определенный фрагмент действительности, составляет концептосферу (далее КС) [318, с. 67]. Неунифицированность лингвистической терминологии, применяемой в современных языковедческих исследованиях, дает основания констатировать наличие различных авторских терминов для обозначения описанной структуры опыта. Прежде всего, понятие КС коррелирует с понятием ментального пространства – концептуальной сферы, которая используется для объединения информации того или иного вида [265, с. 22; 501, с. 6–22]. Функционируя как ментальное пространство, КС представляет собой среду концептуализации и мышления и характеризуется сегментированностью,

существованием различных конфигураций своей структуры, созданием дискурса и т.д. [88, с. 148–155; 442, с. 475–480].

Изучение теоретической литературы по данной проблеме позволяет сделать вывод относительно понимания термина «концептосфера» (далее КС). Под КС следует понимать определенную иерархически организованную открытую группировку концептов, которая воспроизводит ту или иную сферу бытия социума в конкретный промежуток исторической реальности и получает свое воплощение в семантическом пространстве языка определенного этнокультурного сообщества [256, с. 4].

Если концепты рассматривать как умственные конструкты, которые размещаются и работают в сознании, существуют в культурно-семиотическом пространстве и времени» [213, с. 78], то правомерно, по нашему мнению, считать, что концепт следует рассматривать как когнитивную структуру, погруженную в лингвокультурный контекст, то есть связанную со стилем. Следовательно, задача следующего параграфа состоит в уточнении понимания понятия дискурса в антропоцентрической лингвистической парадигме знаний и выявлении лингвокультурологической почвы и коммуникативной сущности дискурса в их органическом сочетании.

1.2.1 Дискурс и смежные понятия. Решающую роль для преодоления изолированности в исследовании различных аспектов существования и функционирования языка, для создания базовых теоретических задач, которые необходимы для изучения человеческого фактора в языке, сыграло введение понятия «дискурс» в лингвистику. Термин «дискурс» используется очень широко [190; 216; 233; 234; 264; 460; 490; 491; 495; 557; 558], однако в настоящее время не существует единого определения, которое бы охватывало все контексты его употребления, что, прежде всего, объясняется тем, что исследователи придерживаются несовместимых позиций. К тому же, сущность дискурса и эвристика его анализа находятся в состоянии разработки и уточнения. Вышеуказанный термин употребляется в разных

гуманитарных научных традициях, например, в лингвистике «дискурс» представлен главным образом в англоязычной научной традиции, затем термин «дискурс» (discours) также использован французским исследователем Э. Бенвенистом вместо термина «речь» (parole) [49]. Популярным является использование этого термина в публицистике французскими структуралистами и постструктуралистами (М. Фуко [427], А. Греймас, Ж. Деррида, М. Пешё [268; 353] и др.). В Германии термин «дискурс» связан с немецким философом и социологом Ю. Хабермасом, по его мнению, дискурс представляет собой как особый идеальный вид речевой коммуникации, который критически рассматривает ценность и нормы социального сообщества [429]. Таким образом, дискурс – это междисциплинарный феномен, почти парольный термин, который используют ученые из разных социально-гуманитарных направлений, но понимают они этот термин каждый раз по-своему.

В современной лингвистике существует несколько точек зрения на понятие «дискурс». Так, например, Н. Д. Арутюнова в лингвистическом энциклопедическом словаре определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [16, с. 136–137]. Данное определение цитируется наиболее широко, и понятно, что «дискурс» отличается от термина «текст».

Авторитетной признана концепция Т. ван Дейка о лингвистических характеристиках дискурса. Ученый подчеркивает динамику и многомерность дискурса, по его мнению, в дискурсе отражены особенности менталитета и культуры [493, с. 47]. В. В. Петров и Ю. Н. Караулов согласны с этим

мнением, они рассматривают дискурс как сложное коммуникативное явление, в которое включаются необходимые факторы для понимания текста, не только текст, но и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) [129, с. 8].

П. Серио понимает этот феномен в широком ключе, придает термину «дискурс» восемь толкований: 1) эквивалент понятия «речь», т. е. любое конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [360, с. 26–27].

В. З. Демьянков считает, что дискурс является феноменом междисциплинарным, который исследуется в разных областях (включая семиотику, коммуникативную теорию, социологию и логику). Ученый так описывает его: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса. Исходная структура для дискурса характеризуется логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события;

г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [135, с. 7].
Ю. С. Степанов согласен с этой точкой зрения [372, с. 38].

Некоторые ученые придерживаются особого мнения, например, Н. Н. Миронова считает, что понятие текста и дискурса можно обобщить в следующих двух типах: 1) в определенных условиях дискурс фактически эквивалентен тексту; 2) текст рассматривается как дискурс в практике [279, с. 12].

В. И. Карасик трактует дискурс с позиции коммуникативного подхода как знаковую структуру, включающую субъект, объект, место, время, обстоятельства ее создания [185, с. 5].

Таким образом, дискурс представляет собой коммуникативное действие и социальный прагматический результат мыслительной и языковой деятельности, включающий в себя экстралингвистические факторы.

В современной научной литературе **понятия «текст» и «дискурс»** трактуются по-разному. Необходимо обратить внимание на определение высказывания М. М. Бахтиным: высказывание – целостная единица общения, характеризующаяся такими базовыми свойствами, как информационная, интенциональная и композиционная завершенность [39, с. 245–280].

В. И. Карасик, рассматривая вопрос об отношении текста к дискурсу, замечает, что данное отношение опосредовано моментом высказывания [187, с. 5]. Е. С. Кубрякова считает, что в понимании дискурса когнитивный процесс является важным элементом, который связывается с производством и созданием реальной речи, а текст как результат речевой деятельности представляется в определенной зафиксированной форме [230, с. 164]. Дискурс существует в текстах, и поэтому анализ дискурса – это прежде всего анализ текста, но текста, «погруженного в жизнь» [17], т. е. дискурс не ограничен текстом, а связывает текст с контекстом коммуникации и другими факторами. Так считает и М.Л. Макаров, который пишет, что «дискурс – это текст плюс ситуация» [264, с. 9].

Таким образом, разграничение понятий «текст» и «дискурс» с позиций когнитивной лингвистики соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата: дискурс – это когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливается в определенную законченную (и зафиксированную) форму [230, с. 60–62].

В настоящее время само понятие дискурс не новое, новым является стремление разработать его структуру, найти его место в социальном общении, проводя вехи от экстралингвистического к интралингвистическому и наоборот. На этом пути много поставленных, но еще нерешенных проблем.

Г. Г. Почепцов [328; 520] и другие ученые считают, что текст и дискурс можно рассматривать по аналогии с предложением и высказыванием [328, с. 75]. Кроме того, определение высказывания как «предложения в социальном контексте» стирает разницу между высказыванием и стилем, значительно расширяет его рамки. На этой почве следуем традиционной трактовке высказывания – «совокупность предложения, актуального членения и интонации» [108, с. 90], считаем определяющей характеристикой дискурса контекст: «Дискурс не является только изолированной текстовой или диалогической структурой, дискурс – сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, который дает представление как об участниках коммуникации (и их характеристики), так и о процессах порождения и восприятие сообщения» [129, с. 113].

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие подходы к разграничению дискурса и текста: 1) категория дискурса относится к сфере лингвосоциальной, тогда как текст – к сфере лингвистической [532]. Текст определяется как вербальное представление («словесная запись») коммуникативного события [479; 283, с. 85], а дискурс – как «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [17, с. 37]; 2) дискурс и текст противопоставлены как процесс и результат. Дискурс представляется

как явление действенное, процессуальное, связанное с реальным созданием речевого произведения, а текст – как продукт речевого произведения, который имеет определенную законченную и зафиксированную форму [147; 230; 479]; 3) дискурс и текст противопоставлены в оппозиции актуальность – виртуальность. Дискурс рассматривают как реальное речевое событие, «текущую речевую деятельность в данной сфере» [147, с. 19]. Текст не имеет жесткой привязки к реальному времени, он представляет собой абстрактный ментальный конструкт, который реализуется в дискурсе [489, с. 9–36; 555, с. 212–223]; 4) оппозиция «устный / письменный». Дискурс ассоциируется только с устной речью, а текст – с письменной формой [485]. Удачным преодолению ограниченности такого подхода оказывается концепция В. В. Богданова, согласно которому термины «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к родовому термину «дискурс». Речь связана со звуковой субстанцией, она – спонтанная, ненормативная, эллиптическая, диалогическая, тогда как текст является подготовленным, он – нормативный, развернутый, монологический или диалогический, отличается от речи графической репрезентацией языкового материала [59, с. 26–31]. Дискурс в этом смысле объединяет все параметры присущие как речи, так и тексту [460, с. 12].

В вопросе о соотношении **речи** и **дискурса** разделяем мнение Н. Д. Арутюновой, согласно которой речь – это «конкретное говорение, протекающее во времени и воплощенное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Под речью понимают, как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и ее результат (речевые образования, которые фиксируются памятью или письменно)» [18, с. 414], а под дискурсом – речь, которая рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах) [17, с. 136–137].

Согласно принятому подходу, речь трактуем как речевую деятельность, а дискурс – как речь в контексте социальной и мыслительной деятельности. А. П. Мартынюк и И. С. Шевченко отмечают, что не следует путать диалог как форму, которая предусматривает обмен репликами, и диалогичность как естественную характеристику дискурса [453, с. 9–20; 454, с. 21–29.].

Дискурс, как и речевая деятельность, диалогический по своей природе (в смысле «диалогичности» по М. М. Бахтину: адресованность дискурса, общность проблем, диалогический характер мышления / понимания и т. д.) [40, с. 303–306]; дискурс не представляет реальность, он активно конструирует ее. Итак, дискурс понимаем с точки зрения диалогических отношений, которые устанавливаются между тем, кто говорит, и тем, кто слушает.

Таким образом, в результате анализа научной литературы можно выделить несколько подходов к пониманию дискурса:

1) как текст в различных его аспектах (Е. А. Селиванова, Р. В. Никифорова) [352]; как актуализированный текст в отличие от текста как формальной грамматической структуры (Т. ван Дейк) [127], как когерентный текст (И. Беллярт) [353]; как текст, сконструированный говорящим для слушателя (Д. Браун, Дж. Юл) [479]; текст, высказывание, погруженное в определенную социокультурную ситуацию (Е. А. Селиванова) [352]; как результат процесса взаимодействия в социокультурном аспекте (К. Л. Пайк) [558]; 2) как связная речь (З. Харрис) [518]; как единство, реализующееся как в виде речи, т. е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т. е. в письменной форме (В. В. Богданов) [58]; 3) коммуникативная ситуация, интегрирующая текст с другими ее составляющими: «высказывательной ситуации, подразумевающей наряду с текстом субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания (П. Серию) [360]; 4) как связная последовательность речевых актов, т. е. как образование, включенное в коммуникативно-прагматический контекст, в отличие от текста как последовательности предложений, отвлеченной от

коммуникативно-прагматического контекста (И. П. Сусов, Н. Д. Арутюнова) [382; 17]; 5) ситуативное (точнее – культурно-ситуативное) понимание дискурса раскрывается в лингвистическом энциклопедическом словаре и содержится в работах Н. Д. Арутюновой, для которой дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [17]. Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей; в механизмах их сознания. В отличие от термина «текст», термин «дискурс» не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно (Н. Д. Арутюнова) [17]; 6) подход к дискурсу как к прагматизованной форме текста был заложен в концепции теории дискурса Э. Бенвениста, по мнению которого дискурс соотносится с конкретными участниками акта: тем, кто говорит, и тем, кто слушает, и с коммуникативным намерением говорящего с целью воздействия на слушателя. Итак, учитывается такой элемент дискурса, как иллокутивная цель коммуникантов [49].

В диссертационном исследовании, вслед за Е. А. Селивановой, И. С. Шевченко, А. П. Мартынюк, Е. И. Морозовой, Т. ван Дейк, Г. Кресс [266; 267; 268; 352; 454; 490; 491; 532], под дискурсом понимаем когнитивный процесс, связанный с реальным созданием речевого произведения, то есть текста, представляющийся в качестве конечного результата речевой деятельности, возникающий в определенной законченной (и зафиксированной) форме.

Дискурс рассматриваем как социолингвистическую структуру, которая создается адресантом и адресатом в конкретных коммуникативных, социальных и прагматических ситуациях, речемыслительную деятельность, выступающую как совокупность процесса и результата, интерпретацию

лингвистического и экстралингвистического. Следовательно, понятие «дискурс» связываем с анализом речевых структур, которые фиксируются как в статике, так и в конкретных динамических проявлениях, которые отражают характер представления в них участников этого события, их знаний, ситуации общения, которая сложилась; понятие «текст» связываем с анализом речевого отрезка как продукта речемыслительной деятельности.

Поскольку дискурс ориентирован на множество коммуникативно-прагматических факторов, решающее значение при классификации типов дискурса имеет прагматическая составляющая смысла. Являясь статусно-ориентированным, ПД характеризуется четырьмя разновидностями категорий, выделяемых в рамках коммуникативного подхода: конститутивными, жанрово-стилистическими, содержательными (семантико-прагматическими), а также формально-структурными [190]. Описание общего и национально-специфического в национальных вариантах англоязычной политической коммуникации базируется на перечисленных категориальных признаках.

В данном исследовании ориентируемся на понимание оппозиции «текст – дискурс» как динамического равновесия, в рамках которого данные понятия могут не только быть конститuentами, но и конструировать друг друга. Важными для данного исследования являются также определения дискурса и дискурс-анализа, данные З. Харрисом: дискурс – «метод анализа связной речи», направленный на «расширение дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени» и на «соотнесение культуры – и языка» [518]. Это соответствует принятому в данной работе пониманию дискурса как сочетания текста и контекста, универсальных социокультурных критериев и субъективной интерпретации дискурсивного процесса коммуникантами. Определение З. Харриса позволяет отчетливо противопоставить дискурс как динамическую единицу – тексту как единице статической. Учитывая различные подходы к пониманию дискурса и

основываясь на ключевых аспектах, приведенных выше определений, необходимо уточнить содержание понятия дискурс.

Итак, под дискурсом в данной работе понимается динамичное, многоуровневое образование, представляющее единство лингвистических маркеров (форма и содержание текста) и экстралингвистических категорий (контекст). Формальный уровень дискурса (или суперструктура – в терминологии Т. ван Дейка) реализуется в виде набора определенных грамматико-синтаксических средств, индивидуальных для разных типов дискурсов; содержательный уровень дискурса (или макроструктура в терминологии Т. ван Дейка) представлен определенными лексическими единицами, формирующими соответствующую концептосферу, и рядом когнитивных механизмов; уровень контекста представляет набор социокультурных специфических черт организации дискурса.

Интерактивная, диалогическая установка дискурса выражается в (1) значимости субъективной интерпретации дискурса реципиентами и в (2) динамическом сочетании текста и контекста как элементов, составляющих дискурс. Не только дискурс, но также и текст обладает потенциалом воздействия на контекст и на дискурс конструирования идеологической системы ценностей общества, формирования культурной специфики, определения внутри- и внешнеполитической позиции государства. В данном исследовании ориентируемся на восприятие оппозиции «текст – дискурс» как динамического равновесия, в рамках которого данные единицы не только являются конститuentами, но и обладают возможностью конструировать друг друга.

Вопрос о **разграничении дискурсивного анализа и лингвистики текста**, теории стиля и теории коммуникации является одним из актуальных в современной лингвистике. Многочисленные исследования [234; 137 и др.] посвящены изучению данной проблемы. Поддерживаем точку зрения тех ученых, которые считают, что четыре теории (теория коммуникации,

функциональная стилистика, лингвистика текста и дискурсивный анализ) занимают четыре различных, но взаимосвязанных предмета исследования – коммуникацией, стилем, текстом, дискурсом и являются взаимодействующими научными направлениями [353; 354; 447; 448].

Несводимость дискурса к функциональному стилю, его наджанровый и надстилевой характер отмечает Ю.С. Степанов [372, с. 38]. В середине XX в. в русле перехода от структурной к коммуникативно-функциональной, речеведческой и антропоцентрической парадигме языкознания возникают новые лингвистические направления: прагматика, психолингвистика, функциональная грамматика, дискурсивный анализ и др.

Проблеме разграничения **дискурса и функционального стиля** посвящены многочисленные работы, в том числе исследования М. Н. Кожиной [205], под руководством которой сформировалось направление функциональная стилистика.

Можно выделить ключевые моменты сходства и различия этих направлений: 1) для обоих направлений характерна междисциплинарность; 2) общим критерием, объединяющим эти два понятия, является процессуальность. Динамическое развертывание мысли (психических процессов, познания и др. экстралингвистических факторов) и отражение его в построении текста, композиции и текстовой связности лежат в основе исследований дискурса и функциональных стилей [205]; 3) различия в выделении дискурсов и функциональных стилей базируются на следующем. Для дискурс-анализа центральными категориями оказываются речевая деятельность и внеязыковые факторы социально-политической природы, влияющие на коммуникацию и проявляющиеся в виде бесконечного числа дискурсов (политический, экономический, юридический, спортивный, медийный и т. д.). Тогда как функциональная стилистика выдвигает в качестве базового критерия «различные формы отражения в сознании людей объективного мира и общественного бытия, возникающие в процессе

практической деятельности» [205]. Благодаря четким критериям, функциональная стилистика выработала более строгую классификацию объектов исследования (разговорный, научный, официально-деловой и др. стили); 4) оба направления изучают сходный материал (совокупность текстов), но методология исследования текстов различается. Дискурс-анализ обращается к исследованию лингвопрагматического (грамматический, текстовый уровни), когнитивного (лексический уровень), манипулятивно-интенционального (риторический, междискурсивный, сверхтекстовый уровни) аспектов. Функциональная стилистика сосредоточивается на анализе текста в аспекте реализации когнитивной деятельности автора, исследует своеобразие содержательно-смысловой и языковой организации произведения как проявление его стилевой специфики.

В современной лингвистике отмечается сближение понятий «**дискурс**» и «**коммуникация**». Дискурс понимается, прежде всего, как коммуникативное явление. Критерий «коммуникативность» выделяется в работах Т. ван Дейка: дискурс – это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя не только текст, но и экстралингвистические факторы (социальный контекст, фоновые знания участников, мнения и интенции коммуникации), необходимые для адекватной интерпретации процессов производства и результатов восприятия сообщения.

Подчеркивая статус дискурса не только как массива текстов, но и как коммуникативного события, направленного на аудиторию, Т. ван Дейк вводит понятие «ситуационная модель» как алгоритм анализа дискурса: модель представляет собой когнитивный коррелят ситуации внеязыковой действительности – это то, «что “происходит в уме” человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он читает или слышит о ней»; модель включает предыдущий опыт, накопленный в других ситуациях [129].

Под коммуникацией понимается «процесс взаимодействия двух и более

языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» [215, с. 172].

Таким образом, понятие коммуникации шире понятия дискурса, поскольку дискурс рассматривается как лингвистическая составляющая коммуникации, в то время как коммуникация включает не только вербальные (устную и письменную), но и невербальные формы проявления.

Другой важной проблемой, актуальной в современной гуманитарной науке, является разграничение **дискурса** и **жанра**. Как отмечает И. В. Силантьев, «жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса» [362]. Ученый предлагает определенные параметры, по которым высказывания группируются в жанры: коммуникативные (охватывают интенциональное разно- и единообразие высказываний дискурса) и текстуальные (характеризуют высказывание в плане структурности / композиционности его текста) [362].

Предлагая способ описания структуры ИД, наряду с выделением участников, хронотопа, целей, ценностей, стратегии, материала и т. д., В. И. Карасик включает также такой его компонент, как жанр [187]. М. М. Бахтин характеризует «речевой жанр» как «определенные, относительно устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [86].

1.2.2 Разные аспекты изучения дискурса. Понимание дискурса как интегративного феномена основывается на деятельностном подходе к изучению коммуникации. Только через понятие деятельности, подчеркивает Е. С. Кубрякова, можно объяснить такие ее продукты, как психика и сознание, а также такое средство ее самовыражения, как язык [237, с. 90]. Деятельностный подход к толкованию дискурса основывается на интеракционной модели коммуникации, деятельностном толковании языкового знака и концепта.

В современной лингвистике трактование дискурса определяется стилем мышления. Репрезентативный стиль мышления составляет методологическую основу формального и функционального направлений исследования дискурса [268, с. 12]. Расхождения в толковании и изучении дискурса между представителями формального и функционального направлений определяются способами обоснования объекта анализа. С точки зрения формалистов, структурные уровни объекта определяются своими конститuentами, а функционалистов – способами взаимодействия между конститuentом, выполняющим свою определенную функцию, и контекстом [515, с. 198]. Предметом расхождения между формалистами и функционалистами становится не понятие функции, которое успешно используется и в структурном анализе языка, а понятие контекста: при формальном подходе контекст языкового знака ограничивается другими единицами языка, а при функциональном он включает ментальный и социальный жизненные просторы коммуникантов [268, с. 12].

Функциональное направление не однородно. Так, например, Д. Шифрин выделяет в рамках этого направления два основных подхода: «умеренный», который сосредоточивается на изучении функций языкового знака, и «экстремальный», который рассматривает язык с позиции социальной семиотики как компонент социального взаимодействия, а дискурс – как «социальные практики, лингвистического и нелингвистического характера, в основе которых лежат идеология или культурные расхождения» [558, с. 1–2]. Такой подход также называют семиотическим, оставляя за первым название функциональный [268, с. 15]. Акцентируя необходимость учета ситуативных факторов при изучении реализации функций языка, именно функциональный подход также называют ситуативным [335]. Соответственно, в рамках функционального направления выделяют ситуативный и семиотический подходы к трактованию дискурса.

Сторонники формального направления трактуют дискурс на основе

иерархии структурных единиц языка. Такое понимание воплощается в определении типа: дискурс – это «язык выше уровня предложения или подчиненной части предложения» [564, с.1]. Такое трактование термина «дискурс» порождает дихотомию текст (письменный, монологический :: дискурс (устный, диалогический). Дихотомия письменный текст :: устный дискурс облегчает проблему, сводя ее к двум формам речевой деятельности [268, с. 14]. В некоторых определениях устная речь и письменный текст рассматривают как видовые понятия по отношению к дискурсу [59; 558]; в других определениях дискурс ассоциируют с устным диалогом [485].

Дихотомия монологический текст :: диалогический дискурс имеет условный характер, т. к. любая речевая деятельность, в том числе и монологическая, является диалогической по своей природе, как собственно и сознание носителя языка [39, с. 303–306]; см. также [49; 103].

Формалисты уподобляют структурную организацию языка организации неживых объектов: если последние организованы по принципу «снизу вверх» (от молекулы к атому и т. д.), тогда язык «сверху вниз» (подлежащее и сказуемое существуют только в предложении; если подлежащее или предложение употреблены сами по себе, то, в этом случае подлежащее представляет собой предложение, а предложение – текст [515, с. 198].

Формальное трактование дискурса как иерархического уровня выше предложения оставляет вне зоны внимания субъект дискурса; оно ошибочно приписывает дискурсу регулярность структурного построения по аналогии с иерархией единиц разных уровней языка, в то время как дискурс не существует в рамках заданных схем и правил и по отношению к нему не возможно употребить понятия правильности / неправильности построения [557]; синтаксические свойства предложений (порядок слов, гипотаксис, паротаксис и т. п.) зависят от коммуникативной цели говорящего [268, с. 14], целиком и полностью определяются ситуацией коммуникации.

Представители функционального направления исходят из обусловленности функций дискурса функциями языка.

При рассмотрении в функциональном ключе дискурс приравнивается к речи в сосюровском понимании – как использование языка (*language in use*) [268, с. 15–16]: «изучение дискурса – это изучение какого-либо аспекта употребления языка» [268, с. 15]; «анализ дискурса обязательно предусматривает анализ изучения употребления языка» [479, с. 1].

В рамках функционального подхода дискурс трактуют широко, как все то, о чем говорят и пишут [59, с. 5–6; 119; с. 225–227], т.е. как речевую деятельность, которая может реализоваться в письменной или устной форме и непосредственно дана исследователю в виде языкового материала в звуковой, графической или электронной презентации. При этом текст понимают, как «языковой материал, зафиксированный на том или ином носителе языка при помощи письма (обычно фонографического или идеографического)» [59, с. 5–6]. Такое широкое понимание дискурса довольно распространено в лингвистике [335, с. 20–21].

Функциональное направление анализа дискурса представлено ситуативным и семиотическим подходами. Ситуативный подход объединяет лингвистов, которые настаивают на необходимости различать контекст в узком понимании («ко-текст») и собственно – ситуативный контекст. Ко-текст трактуется как «фрагмент текста, который содержит выбранную для анализа единицу и является необходимым и достаточным для установления значения этой единицы, которое не противоречило бы общему содержанию этого текста» [467, с. 238]. В то время как ситуативный контекст определяется как «ситуация коммуникации, которая включает условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, отношения, в которых они находятся и т. п.» [467, с. 238].

В исследованиях дискурса термины «(дискурсивный / ситуативный) контекст» и «ситуация» иногда употребляются как синонимы. Роль

ситуативного контекста в разграничении понятий текста и дискурса подчеркивается в определении Н. Д. Арутюновой: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и т.п. факторами» [467, с. 136].

Противопоставление дискурса и текста на основе ко-текста и ситуативного контекста порождает дихотомию лингвальное :: лингвосоциальное и лингвальное :: лингвокогнитивное [216; 307; 479; 532; 564].

Ситуативный вариант функциональной концепции дискурса имеет множество разветвлений, в рамках которых акцентируются те или иные компоненты ситуативного контекста. Например, П. Б. Паршин ставит в фокус внимания адресанта, определяя дискурс как характеристику коммуникативного своеобразия агента социального действия: «Легко заметить, что определение-спецификация (генетивное или агенетивное) указывает либо на физическое лицо или на группового агента социального действия, либо на определенную социальную категорию, которая на поверхности может выступать как предмет обсуждения (например, «ответственность»), но с большим успехом может быть описана как метафорический агент, который «передает» определенное сообщение своим партнерам по коммуникации – определенной части общества или обществу в целом.

Например, дискурс ответственности – это не только то, как говорят про ответственность, сколько то, как социальная категория «ответственность» проявляет себя в коммуникативных формах («то, как говорит ответственность»); политический дискурс – это «то, как говорит политика» (если хотите, «политики», в «политике» [302, с. 6]. Близким по содержанию является определение Г. Н. Манаенко, который определяет дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в определенной сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также существующими стереотипами организации и интерпретации текстов» [265, с. 37].

В. З. Демьянков акцентирует роль адресата-интерпретатора в определении дискурса: «В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в его становлении в представлении интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной порции дискурса, которая поддается интерпретации, в рамки уже полученной промежуточной или предыдущей интерпретации. В результате удаляется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса. В ходе такой интерпретации отображается «реконструируется» – ментальный мир (*universe of discourse*), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструирует дискурс ... Этот ментальный мир включает также домысливаемые интерпретатором с его неповторимым жизненным опытом детали и оценки» [137, с. 49–50].

Некоторые авторы подчеркивают интерактивную природу дискурса, определяя его не как ситуативно обусловленную деятельность, а как ситуативно обусловленное взаимодействие, акцентируя присутствие в ситуации не только продуцента, но и интерпретатора: «речь, которая рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, который принимает участие в взаимодействии людей и механизмах их сознания.

Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [467, с. 137]; «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, воздействие друг на друга, переплетение коммуникативных стратегий, которые моментально изменяются, и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения [191, с. 5].

Семиотический подход представлен лингвистами, которые трактуют дискурс в социально-идеологическом смысле, где он включает отношения власти, политические взгляды и убеждения коммуникантов. В фокусе внимания лингвистов оказываются «дискурсивные практики» как «тенденции в

употреблении близких по функции, альтернативных языковых способов выражения определенного идеологического смысла» [268, с. 19–20].

Такое понимание дискурса является характерным для критического анализа дискурса (*critical discourse analysis*), в рамках которого выделяются три направления: социосемиотическое [427], социокультурное [497; 498; 499; 500; 575; 576; 577] и социокогнитивное [129; 130; 489; 490; 491; 492; 493; 494]. Все разветвления критического анализа дискурса основываются на наличии непосредственной связи между дискурсом и социальной реальностью [129; 489; 490].

Семиотическое трактование дискурса связано с понятием идиостиля [268, с. 19] как отображенной языковыми способами системы ценностей, которая определяется идеологическими факторами. На этом аспекте дискурса акцентирует внимание Ю. С. Степанов, который, ссылаясь на В. З. Демьянкова, интерпретирует его как особую социальную данность, которая существует в текстах, в которых содержится особенная грамматика, особенные правила словоупотребления и синтаксиса, особенная семантика, – в конечном результате – «возможный» (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина» [372, с. 676]. Подобное определение дискурса находим у П. Сериио «как обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число выражений в силу определенной социальной или идеологической позиции» [360, с. 26].

Формальное и функциональное направление, в рамках которых дискурс трактуется на основе репрезентационного стиля мышления, по мнению некоторых ученых, дает возможность установить и описать отдельные характерные признаки объекта анализа, но не проясняют его природу [267, с. 20]. Деятельностный подход объединяет лингвистов, которые ориентируются на деятельность как стиль мышления [165; 166; 211; 212; 267; 268; 372; 518; 561; 562 и др.], что кардинально меняет представления про язык как предмет лингвистики.

Основные идеи деятельностного направления анализа дискурса вытекают из трактования языка как «вида совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [212, с. 63] и сводятся к таким положениям: 1) язык является культурным конструктом второго порядка, всегда открытым и незавершенным, который происходит из деятельности первого порядка, содержание которой является создание и интерпретация языковых знаков [267, с. 20]; 2) эта деятельность представляет собой контекстно обусловленный и такой, который протекает в реальном времени, процесс обогащения языковой формы семиотической значимостью [268, с. 20–21]; 3) семиотическая значимость не является ингерентным свойством языковой формы; наделение языковой формы семиотической значимостью происходит в ситуации взаимодействия «в области intersubjectного дискурса как части материального мира, в котором протекают другие недискурсивные виды человеческой деятельности» [268, с. 21]; 4) языковые знаки не «несут информации, которой можно было бы обмениваться», а производят смежные или похожие информационные состояния в сознании взаимодействующих субъектов [268, с. 21] Таким образом, возникает и постоянно действует в ходе коммуникации результативное состояние, которое уместно назвать дискурсом» [268, с. 21].

Итак, на смену репрезентативному понятию языка приходит понятие языка-дискурса как ситуативно обусловленной интерактивной межсубъектной деятельности, направленной на взаимную ориентацию в жизненном пространстве. Содержанием этой деятельности является производство общих смыслов на основе intersubjectного наполнения языковой формы семиотической значимостью [267, с. 21].

В нашем исследовании, вслед за Е.А. Селивановой, И.С. Шевченко, Е.И. Морозовой, Т. ван Дейк, Г. Крессом [352; 451; 453; 454; 455; 127; 128; 130; 131; 490; 491; 493; 532], дискурс определяем, как устное, так и

письменное высказывание, язык в его постоянной динамике, которая впитывает в себя всю многогранность исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей коммуниканта и коммуникативной ситуации, в рамках которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, общая, так и индивидуальная, конкретная. Дискурсивный анализ ориентирует на исследование целостной системы лингвистических и нелингвистических факторов: значение языковой единицы, причины ее выбора, успешности выполнения отправителем информации своего намерения, особенностей аудитории, которая воспринимает информацию (уровень образованности, принадлежность к конкретному народу, наделенного определенным менталитетом), оценки сопроводительного фона. Это позволяет исследовать дискурс как целостное образование с учетом его различных характеристик.

1.2.3 Типологии дискурса. Современный лингвистический анализ дискурса предполагает решение вопросов классификации, типов и разновидностей дискурса. Проблема диверсификации дискурса, его вариативности, и, соответственно, его классификации составляют важное теоретическое поле в дискурсивном анализе [47]. Большое количество различных типологий дискурса, предложенных современными исследователями, является следствием того, что в основу классификации положены различные принципы и различные параметры для определения типов дискурса. Современные лингвисты, делая попытку классификации имеющихся типов дискурсов, выделяют различные его типы: дискурс власти, дискурс постсоветского пространства, политический дискурс, дискурс инакомыслия [187; 190; 264; 328; 331; 367; 445; 446]. Конечно, исследователи называют два основных типа моделей вербализированной речемыслительной деятельности – статические и динамические [264; 328]. Разнообразие статических моделей [470; 479] обусловлено различиями в подходах и методах авторов, которые по-разному решают проблему выделения наиболее

важных факторов, влияющих на процесс порождения и интерпретации высказываний [264, с. 147–150].

Известны попытки разноуровневых классификаций. Например, типология по жанровым характеристикам внутри институционального дискурса [187]; типология по жанрам и стилям [195; 268; 353; 354; 385; 437; 460]; типология по 20 параметрам, главные из которых: материальная манифестация текста, способ порождения высказывания, структура акта коммуникации [268; 353; 354]. Нетрудно заметить, насколько разноречивы рассмотренные классификации. Многие основания пересекаются, часто однотипным дискурсам присваиваются разные формулировки, одни и те же по сущности типы рассматриваются под углом зрения разных оснований. Взяв за основу ценностные признаки дискурса, различают социолингвистические (бытийный и институциональный) и прагмалингвистические (юмористический, ритуальный) типы дискурса [187; 460]. В институциональном дискурсе, в свою очередь, В. И. Карасик выделяет следующие подтипы, такие как, научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и др. [190, с. 286].

По критерию интенсивности воздействия Дж. Лакофф выделяет «обычный разговор» (*ordinary conversation*) и «побуждающий дискурс» (*persuasive discourse*), отмечая при этом, что любая дихотомия по языку является условной [558], а из-за этого выделения типов дискурса – достаточно сложная задача.

Исходя из экстралингвистических условий и целей общения в той или иной сфере общественной деятельности и лингвальных характеристик текста, А. Н. Кожин, А. А. Крылова и В. В. Одинцов предлагают свою типологию, что практически совпадает с функционально-стилевой: дискурс научный, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорно-бытовой [204]

(эти авторы трактуют понятие функционального стиля и дискурса как эквивалентные). Г. Кресс, отождествляя тип дискурса с жанром, выделяет такие типы, как: медицинский, расистский, юридический, политический и др. [532, с. 27–28]. По сферам коммуникации разграничивают поэтический, эстетический, научный, критический, педагогический, юридический, политический и другие типы дискурса [279]. В. В. Красных считает, что на статус типа дискурса могут претендовать только национальные дискурсы (например, русский, английский, испанский и др.), а вышеприведенные виды не являются отдельными типами (в строгом смысле) дискурса, а лишь некоторыми модификациями последнего, определенным образом «адаптированными» в соответствии с определенной сферой, в которой дискурс функционирует [216, с. 14].

Считаем целесообразным считать ведущими критериями выделения типов дискурса те, которые связаны с категориями дискурса [264; 460; 479; 490] (адресатностью, ситуативностью, информативностью, интенциональностью, его стратегиями и тактиками, когезией, когерентностью, интертекстуальностью и шире – интердискурсивностью) и те, которые могут быть разграничены в терминах семиотической модели [360; 372] – формальные, функциональные, содержательные критерии. Это означает, что всю общность дискурса можно логически разделить по определенному критерию. На этом основании выделяются следующие типы и подтипы дискурса: по критерию формы – устный и письменный типы дискурса; по виду речи – монологический или диалогический; на основе противопоставления общения, ориентированного на индивида или на его статусную роль – институциональный и персональный (бытовой) типы дискурса. В институциональном дискурсе адресатом и / или адресантом выступают общественные институты, или человек, чья роль обусловлена его статусом представителя такого института; он же ограничивает и набор ситуации общения. ИД – коммуникативные практики, имеющие место в

общественных институтах (политике, религии, медицине, науке и т. д.), которые представляют собой определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в определенных ситуациях [299, с. 235]. В свою очередь, в бытовом дискурсе выделяют повседневный (который обслуживает семейные дела и отношения и т. д., тематически ограничен, упрощенный по отношению своих лингвальных средств) и собственно бытийный (как таковой вид, служащий целям художественно-философского обмена существенными смыслами в процессе познания мира) [190]. В условиях различных общих установок, коммуникативных принципов реализуется аргументативный (переговоры, обмен мнениями), конфликтный (брань, ссора, драка и т. д.) и гармоничный (унисон) типы дискурса [11; 23; 34; 44; 175; 187; 311; 314; 325; 472; 481; 496].

По социально-ситуативным параметрам (сфере функционирования) логично выделить такие подтипы институционального дискурса, как политический, административный, юридический, военный, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, педагогический, спортивный, научный, электронный (интернет-дискурс), медийный дискурс (дискурс СМИ) [187; 190; 331; 460].

Функциональная и информативная составляющие дискурса позволяют разделить его на такие типы, как информативный и фатический («косвенное») общение [132], где в первом случае дискурс функционирует для передачи когнитивно значимой, а во втором – метакоммуникативной информации [273, с. 110–111]. Среди информативных типов можно вычленить отдельные подтипы дискурса, реализующие те или иные функции речи: эмотивный, оценочный, директивный дискурсы и тому подобное.

В структуре дискурса находит отражение тип определенной личности и, как следствие, перспективным является исследование дискурса личности, в частности – авторитарной [221]. Использование коммуникантами стратегий и

тактик некооперативного общения ведет к определению и изучению конфликтного дискурса [268; 353; 354].

Таким образом, в настоящее время классификации дискурсов, предложенные учеными, представляющими разные области знания и их направления, весьма неоднородны, что объясняется многогранностью феномена «дискурс» и возможностью его изучения с различных позиций, например, с позиции прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, лингвостилистики, социолингвистики. Тем не менее, основное разграничение в типологии дискурса – противопоставление дискурса устного и письменного.

Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между адресантом и адресатом во времени и пространстве; при письменном дискурсе такой контакт обычно отсутствует.

Ряд ученых (Н. Д. Арутюнова [17], Т. А. ван Дейк [130; 490], Ю. С. Степанов [372], В. И. Карасик [188], В. В. Красных [216]) классифицируют дискурс по национальному признаку, определяя дискурс русский, немецкий, французский и т.д., который далее подразделяется на дискурс научный, педагогический, политический и т.д. Следует заметить, что определенные английский и русский дискурсы (например, научные) являются не отдельными типами дискурса, а разновидностями данного дискурса, приспособленными к сфере своего функционирования [214].

В. И. Карасик отмечает противопоставление лично-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) дискурса, при этом лично-ориентированное общение содержит в себе все потенциальные разновидности общения статусно-ориентированного. В отличие от персонального, институциональный дискурс – общение в рамках статусно-ролевых отношений, речевое взаимодействие представителей социальных групп /

институтов друг с другом [190, с. 245]; специализированная клишированная разновидность общения людей, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Таким образом, основной признак личностного дискурса, в противопоставление статусному – стремление выйти на особый, сокращенный вид общения. Так организуется разговор об очевидном и легко понимаемом [187, с. 6–7].

Для определения типа ИД необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения, прототипное место общения. Применительно к современному обществу, лингвисты выделяют следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, спортивный, научный, сценический, медицинский, деловой, рекламный и массово-информационный. Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт [185; 186; 187; 189; 190; 192].

Таким образом, существует множество вариантов классификации дискурсов: на основании интенции говорящего, его языковой личности, потребностей, статусно-ролевых отношений адресанта и адресата и т. д. Для характеристики ПД в данной работе опираемся на типологию В. И. Карасика, который выделяет личностно-ориентированный и институциональный дискурс и предлагает следующую схему описания последнего: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [190, с. 189], потому, что только такого рода классификация позволяет узкоспециально рассмотреть каждый отдельный вид дискурса, в данном случае – АПД.

1.2.4 Место политического дискурса в разных типологиях дискурса.

Дискуссионными проблемами изучения дискурса является его типология и структура, которые взаимосвязаны [353, с. 21]. По мнению Е. С. Кубряковой,

определяющими характеристиками дискурса являются участники, условия и цели коммуникации, другими словами – социальный контекст [237].

А. А. Кибрик предлагает учитывать четыре параметра: модус (канал передачи информации, например, устный, письменный, жестовой, мысленный), жанр, функциональный стиль (научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный) и формальность (тип социальных отношений между говорящим и адресатом). При этом автор отмечает, что это не полный список, который следует дополнить и другими классификационными параметрами в зависимости от анализируемых типов дискурса [200, с. 3–21].

В научной литературе чаще встречается разделение типов дискурса по жанровой принадлежности. Т. И. Попова предлагает основывать типологию дискурса, придерживаясь концепции о функциональных стилях языка. Кроме того, исследователь предлагает учитывать установки говорящего, которые выражаются в классификации отношений субъекта речи: нейтральное, экспрессивное, эмоционально-окрашенное. На основе событийно-содержательного и личностного Т. И. Попова представляет типологию дискурса в виде модусного и диктумного типов. В диктумный тип дискурса Т. И. Попова включает научный дискурс, дискурс профессионального общения, дискурс запроса и получения информации в ситуациях бытового общения. К модусным типам дискурса исследовательница относит художественный дискурс, аксиологический дискурс (политический и правовой дискурс, дискурс нравственных ценностей, религиозный дискурс, дискурс экзистенциальных ценностей), дискурс повседневного личного общения [324, с. 46–48.].

В.И. Карасик, используя различные основания для классификаций, выделяет три типа дискурса: институциональный (педагогический, религиозный, научный, политический и медицинский), бытовой, прагмалингвистичный (юмористический и ритуальный) [190, с. 5–20].

Одной из наиболее полных классификаций дискурса считается классификация Г. Г. Почепцова [328]. Автор выделяет теле- и радиодискурсы, газетный, театральный, кинодискурс, литературный дискурс, дискурс в сфере публичных речей (ПР), рекламный дискурс, политический, религиозный (фидеистичный) дискурсы.

Е. И. Шейгал разграничивает институциональные и личностно-ориентированные дискурсы. Каждый из институциональных дискурсов использует определенную систему профессионально ориентированных знаков, имеет собственную подструктуру. Исследовательница характеризует ПД в соотношении с другими институциональными типами: юридическим, научным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивным, военным, – и не институциональными (бытовым и художественным) [460].

Отметим, что исследователи понимают под институциональным дискурсом, такой, который, «сведен к образцам вербального поведения, которое сложилось в обществе в соответствии с установленными сферами общения» [187, с. 20]. В основе институциональных форм общения лежат определенные социальные правила и ритуализированность функционирования. Степень ритуализированности общения зависит от таких факторов, как степень знакомства, степень официальных обстоятельств коммуникантов. Итак, институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, поэтому его можно определить, как речемыслительную деятельность, которая имеет место между представителями определенных социальных институтов в конкретных социокультурных условиях.

В результате изучения работ по типологии дискурса выделено общую тенденцию – исследователей интересует не дискурс в целом, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: именно языковыми дифференциальными чертами (в той степени, в которой они могут быть четко идентифицированы), а также спецификой тематики,

систем убеждения, способов рассуждения и тому подобное. Это дает возможность говорить о том, что дискурс представляет собой стилистическую специфику, совмещенная с идеологией, которая стоит за ней [190, с. 24–25]. Под дискурсом понимают обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное количество высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции, например, «феминистический дискурс», «административный дискурс» и другие.

В данном исследовании принимается классификация, где на первом этапе типологизации дискурса предлагается выделить две основные группы: личностный дискурс и институциональный дискурс. Критерием для их выделения является отношение между участниками коммуникации, а на следующем уровне – цель общения и признаки коммуникативной ситуации. Дальнейшее членение типов дискурса зависит от формы проявления языка (устного или письменного), от способа общения (массовый, индивидуальный), от тона и регистра речи (высокий, нейтральный, сниженный), от степени эмоциональности, спонтанности, нормативности, степени клишированности речевых форм и некоторых других признаков. Одним из важнейших критериев разграничения дискурсов справедливо считается ориентированность на реципиента. В исследовании принимается в качестве рабочего определения ПД как речемыслительной деятельности субъектов в сфере институциональной коммуникации, направленной на убеждение аудитории, что обуславливает специфику ее конечной реализации (политического текста) [353].

ПД понимается Е.И. Шейгал как «система коммуникации, которая имеет реальное и потенциальное (виртуальное) измерение», как институциональное общение, которое имеет собственный подъязык» [460, с. 11–15]. При этом ПД частично пересекается с другими типами дискурса – рекламным, бытовым, дискурсом массовой коммуникации и др. Так, например, в «дискурсе масс-медиа журналисты являются посредниками между

политиками и массовой аудиторией». Определяя границы ПД, исследовательница акцентирует внимание на том, что любой материал, в котором говорится о политике или автором которого является политик, или наоборот, адресованное политику, следует относить к ПД [там же, с. 25–26].

Учитывая все вышесказанное, ПД определяем, как совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом.

Характерные черты ПД проявляются на основе социолингвистического подхода к типологизации дискурса. Противопоставляя институциональный дискурс персональному, В. И. Карасик справедливо подчеркивает трафаретность институционального дискурса, то есть «коммуникацию в своеобразных масках» [187, с. 12]. Человек как автор дискурса является агентом определенного социального института и использует в своей деятельности общие стратегии представления информации, когнитивные модели, стереотипные жанры, речевые обороты и др.

Под социальным институтом понимаем глубинную систему норм и ценностей в основе социальной и культурной деятельности общества, которая обусловлена общественным разделением труда и предназначена для удовлетворения особых потребностей общества [264, с. 206].

Характеризуя ПД по национальной принадлежности, отметим особый статус АПД, который занимает доминирующую позицию среди всех ПД благодаря ряду общественно-политических условий его образования.

Широкий экстралингвистический контекст в анализе дискурса предполагает выделение идеологической составляющей. Мы принимаем традиционное широкое определение идеологии как совокупности общепринятых идей, взглядов, системы ценностей и социальных стереотипов, которые используются для поддержания отношений власти, неравенства, доминирования [144, с. 192]. Язык ПД насыщен невидимой, жесткой идеологией и навязывает всем определенную структуру ценностей

[506, с. 4], заставляет принять точку зрения автора благодаря четко расставленным оценкам, моделирует когнитивную картину мира адресата.

1.3 Основные характеристики политического дискурса

Политика – это сфера деятельности, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, поэтому ПД как форма политической деятельности в конечном счете ориентируется на вопросы государственного управления обществом, на определение форм, задач и содержания деятельности органов власти. Как правило, независимо от происходящих экономических перемен в жизнедеятельности социума, в ПД сохраняются существенные черты, присущие политике как особому роду деятельности.

По мнению социолога и литературоведа Р. Барта, к таким чертам, в частности, относится и перманентное сосуществование информационного и аналитического начал в политической деятельности власти, представленной в виде определенных «следов собственного письма» или языковых произведений – ПД [36, с. 148]. Именно поэтому изучение политического языка и описание языка политической власти определенного периода дает возможность воссоздать фрагмент исторического развития конкретного отрезка в жизнедеятельности того или иного социума и показать через призму этого письма то, что согласно Р. Барту, оно позволяет раскрыть. В этой связи справедливо заметить, что здесь ПД и язык политической власти имеют общее – реализацию власти.

В науке существует, как широкое, так и узкое понимание ПД. Более узкого определения ПД придерживается, в частности, Т. ван Дейк. Ученый считает, что ПД – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой, к таким Т. ван Дейк относит правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те же жанры, которые принадлежат к сфере политики. С другой стороны, ученый отмечает, что ПД – это дискурс политиков и

является формой институционального дискурса. Это означает, что дискурсами политиков считаются те, которые производятся в такой институциональной обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Высказывание должно быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в соответствующей институциональной обстановке [130; 131; 493; 494].

Более широкое понимание данного дискурса предполагает в качестве объектов лингвистического анализа – рассказы, имиджеологические мифы, политические высказывания и политические дискуссии в различных социальных кругах, воспоминания о политических мероприятиях – митингах, съездах, поездках в качестве члена делегации, автобиографии, обсуждения научных проблем и т.д., что дало основание заявить о «новом теоретическом подходе», о новом жанре в философии [457; 458; 459; 460].

Для А. А. Романова ПД является целостным образованием, которое выступает в виде определенного, т.е. построенного по определенному образцу (схеме, фрейму), комплексного речевого действия. Автор полагает, что его следует рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, всегда ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов.

Включение историко-социальной перспективы в объем понятия ПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака, понимаемого как язык в действии, на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения [342, с. 18].

В исследовании под ПД (в качестве рабочего определения) понимается речевая деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации [303, с.56].

Достаточная информативность ПД достигается не только за счет новизны сообщаемой информации, но и при помощи языковых средств, которые подчеркивают новый аспект в восприятии общеизвестной информации.

В результате анализа существующих определений были выделены следующие характеристики ПД:

1) ПД как целостное образование выступает в качестве определенного, т. е. построенного по определенному образцу комплексного речевого действия. Включение исторической (временной) перспективы в анализ ПД отражает динамическую природу, обусловленную функционированием этого образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра: особенностями его создания и воспроизведения, целью установки, ориентированности на адресата, психотипа языковой личности и т. д. [355, с. 7–9];

2) интенция борьбы за власть или ее удержание – это специфическая характеристика ПД, который имманентно присутствует во всех его жанрах. Политическое выступление и правительственное заявление являются монологическим действием, т. е. между участниками коммуникации не предполагается диалогических действий, осуществляется прежде всего функция сообщения и воздействия. Указанные жанры – политическое выступление и правительственное заявление отвечают принципам интернальности / экстернальности публичной речи, т. е. ориентированности говорящего на узкопрофессиональную аудиторию (интернальный тип правительственного заявления) и неограниченный круг адресатов (экстернальный тип). Любое «письмо власти» может одновременно рассматриваться и как политический идеологизированный (т. к. выражает функциональную идеологию власти, ее точку зрения) дискурс, и как публицистический – поскольку он обращен к массовой аудитории и содержит изложение определенной общественно-политической позиции по поводу актуальной для данного периода жизнедеятельности социума темы.

В ПД язык рассматривается как средство осуществления социальной власти, как средство формирования, а не выражения мировоззрения [460];

3) идеологическая направленность высказывания заключается в том, что политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или в ряде случаев «навязывает» получателю текста. Идеологическая направленность реализуется в тексте особыми средствами синтаксической организации, например использованием параллельных конструкций, риторических вопросов, повторов и т. д. Эти средства служат для усиленно-логического и эмоционально-психологического воздействия на получателя [355, с. 49–51];

4) исследователи выделяют также такую характеристику ПД как интертекстуальность. Интертекстуальность ПД заключается в признании факта существования нескольких реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание. Однако, интертекстуальность как характеристика ПД, а значит, и публичного выступления не исключает возможность исследования речевого поведения политика и диагностирование на основе его личностных характеристик, присущих этому политику. Интертекстуальность касается ответственности нескольких авторов за идеи, популяризируемые в дискурсе, но оформление их средствами языка происходит в процессе коммуникации непосредственно в момент произнесения публичной речи перед аудиторией, а произносит речь один человек [355, с. 80];

5) ПД отличает такая его характеристика как мифологичность, она проявляется в том, что отправитель сообщения предстает как имиджевая мифология: «канцлер», «президент», «лидер партии» и т. п. [199]. Мифологичность ПД обуславливается сознательным или интуитивным выбором отправителем сообщения стереотипов, т. е. определенного алгоритма знаний, согласно которому происходит одностороннее восприятие того или иного социального объекта, группы, явления и т. д. [460].

ПД определяется как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку / вовлечение в политический процесс, сочетающее дистриктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств и основанный на демократических принципах, но с правилами жестко прописанной и соблюдаемой институциональной иерархии [190; 460].

В ряде исследований по теме ПД наблюдается различное понимание языка политики. В лингвистической литературе наряду с понятием «ПД» (Е. И. Шейгал, А. Н. Баранов) употребляются дефиниции «общественно-политическая речь» (Т. В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (А. П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П. Н. Денисов), «политический язык» (О. И. Воробьева). Считаем, что в термине «ПД» специфика и задачи ПК обозначены более отчетливо [27; 190; 447; 460].

Считаем необходимым разграничить понятия «язык политики», «политическая коммуникация», «политический дискурс». В большинстве работ эти термины употребляются как взаимозаменяемые.

По мнению Е. И. Шейгал, «два последних действительно можно употреблять как нестрогие синонимы» [460, с.18]. Что касается политического языка, то существуют разные точки зрения на его лингвистический статус. Одни ученые считают его особой знаковой системой, предназначенной для осуществления политической коммуникации: для формирования общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений; специфической разновидностью языка для выражения идеологии власти с особой грамматикой и лексиконом [27; 31; 32; 33; 34; 360; 372].

Альтернативными этой позиции являются суждения лингвистов, которые рассматривают отсутствие в ПД каких-либо особенных форм лексикона и грамматики при наличии специфики содержания информации, обстоятельств, при которых совершается общение, особенных тем, целей и функций, терминологии и риторики [302; 511].

Язык политики составляет семиотическое пространство ПД, служит потребностям политической коммуникации, характеризуется деспециализацией политических терминов, направленностью на массового адресата, органичностью институциональными формами общения.

Главными функциями ПД лингвисты считают интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; развитие конфликта и установления консенсуса; осуществление вербальных политических действий и информирование о них; создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; манипулирование сознанием и контроль за действиями политиков и электората [460].

Итак, придерживаясь точки зрения Е.И. Шейгал, в работе термины ПД и политическая коммуникация используются как равнозначные, а под языком политики понимается «структурированная совокупность знаков, образующих семиотическое пространство ПД» [460, с.22].

Таким образом, в широком ключе ПД понимается как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [460, с. 23]. Кроме того, по мнению Т. ван Дейка, ПД ограничен именно сферой политики, т. е. ПД образуется как сопровождение политического акта в определенной политической обстановке [493, с. 24].

ПД – это дискурс политиков, сформированный их речами, дебатами в парламенте, обсуждениями в правительстве, и он используется в сфере политики [105, с. 128].

Р. Водак полагает, что ПД образуется на основе функционального языка в определенной обстановке и идеологии поведения определенной группы [92, с. 24]. По ее мнению, употребление ПД ограничено двумя факторами – функциональным языком и идеологией. Идеология создает каузальную связь производства и политической деятельности. Кроме того, как выше было упомянуто, ПД определен как «вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием» [99, с. 126].

Также ПД своей природой выделяется из множества других дискурсов тем, что он обладает функциями убеждения и воздействия. Как замечает П.Б. Паршин, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [302, с. 403].

На основании вышеизложенных трактовок, ПД в нашей работе рассматривается как особый тип общения, который в политической действительности актуализирует язык, воспроизводя власть, т. е. тесно взаимосвязанные элементы язык – политика – власть, и который реализует в коммуникации политические цели с помощью специфических коммуникативных приемов. Говоря более кратко, ПД понимаем, перефразируя слова Н.Д. Арутюновой, как политическую речь (или текст), погруженные в политическую жизнь [17].

ПД относится к типам институционального дискурса [174; 190, 460]. Выделяются основные параметры институционального дискурса: «1) набор типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий); 2) представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей; 3) определенная (ограниченная) тематика общения; 4) специфический набор интенций и вытекающих из них речевых стратегий» [460, с. 44].

В.И. Карасик выделяет персональный и институциональный типы дискурса, и считает, что модель институционального дискурса должна состоять из следующих четырех факторов: 1) конститутивные признаки дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения); 2) признаки институциональности (по линиям участников общения, по целям и условиям общения); 3) признаки типа ИД (характеризующие тип общественного института); 4) нейтральные признаки (строевой материал дискурса) [187].

Основными параметрами компонентной структуры ПД являются: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формы (см. [185; 186]).

Итак, ПД расценивается лингвистами как предмет лингвокультурологического исследования, как видовая разновидность ИД, как язык публичной области. Существует тезис, сформулированный исследователями в коллективном труде *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere* [552], утверждающем, что почти для всех публичных высказываний свойственна политическая функция. Таким образом, из этого положения можно трактовать ПД как современное употребление языка практически в любой области общения.

Соответственно, исследователи выделяют условия бытования ПД: «1) глобальная сфера: политика; 2) глобальный выполненный акт: законотворчество, выработка политической линии и т. п.; 3) глобальная окружающая обстановка: сессия парламента, съезд политической партии; локальные политические акты, например, занятие оппозиционной ниши и т. п.; 4) политическая роль участников: члены парламента, представители общественно-политических движений, члены правящей партии, члены оппозиционной партии и т. п.; 5) политические знания участников: политические убеждения и идеологии, цели и задачи политической деятельности» [105, с.14].

Как справедливо замечает Т. ван Дейк, контекст имеет особое значение в ПД, ибо без учета внеязыковых факторов ПД трудно понять. Е.И. Шейгал отмечает, ПД выражен в этой формуле «дискурс = подъязык + текст + контекст» [460, с. 15]. Суммируя сказанное, мы принимаем в качестве определения ПД следующее: речевые акты политических акторов в сфере ПК.

На сегодняшний день выделяются различные подходы к изучению ПД: 1) узкий подход (анализ текстов, образованных непосредственно

политическими деятелями) и широкий подход (анализ любых текстов на политическую тематику); 2) полевой подход (в этом случае объектом исследования являются стенограммы, публичные выступления и интервью политических лидеров, а также тексты, формируемые журналистами и переданные посредством СМИ); 3) сопоставительный (изучает общие и собственные национальные характеристики в политической действительности как особенности менталитета и политическую культуру); 4) когнитивный (посвящен изучению политических концептов, фреймов, ментальных схем, так и тактик речевого поведения); 5) дескриптивный (уделяет внимание на выявление языковых средств и способов убеждения и манипуляции); 6) критический (подвергается анализу способов реализации социального неравенства, которое выражается в языке или дискурсе); 7) риторический (анализирует единицы языка в качестве средств передачи мысли) [190; 447; 460].

В нашем исследовании проанализированы высказывания в рамках ПД лидеров США, в которых отражены отношения между языком – политикой – властью. В настоящее время изучение языковых особенностей политических выступлений ведущих лидеров разных стран вызывает большой интерес у исследователей. Современные лингвисты рассматривают особенности языка глав стран с разных позиций – дискурсивной [104; 105], риторической [2; 3; 8; 10; 23; 45; 50; 82; 101; 106; 125; 138; 173; 175; 208; 303], коммуникативной [285; 286; 334; 344; 348; 370; 376; и др.], языковой личности [289; 325; 346; 347; 385] и др.

Действительно, особенно важно то, что ПД как особая форма публицистического стиля в политической деятельности лидеров государств не только употребляет языковой стандарт, но и раскрывается во всех своих особенностях, имея только ей свойственную специфику выступления. Таким образом, чтобы создать предусмотренные эффекты общепонятности политических выступлений, главы государств неизбежно пользуются какими-либо языковыми приемами и средствами, например, эмоционально

окрашенными словами, выразительными синтаксическими конструкциями и прочими выразительными средствами языка. Безусловно, что различные языковые средства (лексические, морфологические, синтаксические, фразеологические и др.) помогают реализации функций информативной и воздействующей, также имея определенное значение в ПД для достижения поставленной цели коммуникации. В процессе политической коммуникации адресант выбирает языковые средства в соответствии с целью и задачами общения: информирования, аргументирования и – чаще всего – воздействия.

Таким образом, в нашей работе ПД характеризуется как особая форма публицистического стиля, который является формой выражения вербальной части дискурса.

Открытым в современном языкознании остается вопрос определения границ ПД, по мнению одних лингвистов, ПД сводится только к институциональным формам общения, тем самым, исключая такие жанры, как политические анекдоты, слухи, а также интервью и мемуары политических деятелей. Е. И. Шейгал придерживается широкого представления о ПД: «любые речевые жанры, связанные с политикой через субъекта, адресата или содержание, вносят вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса» [460, с. 256–257].

Ролью ПД является внушение предсказуемых оценок и / или действий адресату, его понимание невозможно без логических переходов и скрытых мотивов, присущих любой политической речи, кроме того подразумевает сюжетные схемы, фон аудитории и автора, знания ожиданий, которые существуют в определенную эпоху [137, с. 43]. К важнейшим характеристикам ПД относятся оценочность и агрессивность, эффективность, отстаивания своей позиции в риторике. Целью ПД является внушение адресату определенных намерений и установок, не описание, а убеждение, мотивация вполне определенных реакций, в частности действий [137, с. 43].

Таким образом, ПД является результатом политики, которая, во-первых, представляет собой борьбу за власть между теми, кто тяготеет к провозглашению своей силы, и теми, кто пытается сопротивляться этой силе; во-вторых, политика предстает в виде взаимодействия практик и институтов, которые существуют в обществе для стабилизации конфликтов интересов различных политиков по разным поводам, таким как деньги, влияние, свобода и т. п. ПД свойственны системообразующие признаки, такие как: цель коммуникации, участники коммуникации, способ коммуникации – избираемые тактики и стратегии. Посредством ПД осуществляется оборот политической информации, без которого невозможно движение политических процессов [177; 190; 447; 460].

1.3.1 Зоны пересечения политического дискурса с другими видами дискурса. Моделирование и становление дискурсов осуществляется как постоянное динамичное развитие, диалог не только в рамках отдельных дискурсов, но и между различными их типами. В современной лингвистике различают следующие виды междискурсивных отношений: интердискурс, полидискурс, «междискурсивная конвергенция», «внутридискурсивная мобильность», «дискурсивная гетерогенность», «составной дискурс» и др. [268, с. 11–21; 353, с. 119–121; 324].

Одним из первых концепцию «интердискурса» вводит в научный оборот М. Пеше, представляя интердискурс как «сложное целое с доминантой дискурсивных формаций», которое «подчиняется закону неравенства – противоречия – зависимости», характеризующему идеологические формации [353, с. 119–121]. Исследователь определяет значение своего рода «гена», являющегося «заготовкой», «сырьем» для дискурсивной формации как «преконструкт», который оставляет след в самом дискурсе [353, с. 119–121]. Уточняя теорию интердискурса М. Пеше, Р. Водак отмечает, что интердискурс определяет сознание людей, но люди часто не осознают этого влияния. Такое осознание может произойти только путем радикального изменения дискурсов, например, вследствие политической революции [577].

Э. Лакло и Ш. Муфф развивают теорию, которая базируется на понимании дискурса как ключевого звена, формирующего социально-политическую реальность посредством значений [268, с. 11–21; 353, с. 119–121]. Дискурсы входят в «область дискурсивности», т. е. находятся в процессе постоянной трансформации и борьбы за превосходство, благодаря которой обретают возможность зафиксировать в языке определенные значения. Для обозначения данных процессов Э. Лакло и Ш. Муфф вводят термин «артикуляция», т. е. уникальное сочетание элементов в коммуникативном событии, которое изменяется в процессе артикуляционной практики. Таким образом, исследователи подчеркивают интердискурсивность любого коммуникативного события и речевого произведения.

Ограничение термина «интердискурс» (или «порядок дискурсов») осуществляется в работе Н. Фэркло «Media discourse» [498], где выделяются только ситуации совместной артикуляции различных дискурсов в одном коммуникативном событии, благодаря чему можно говорить об уникальности данного явления. Наряду с интердискурсивными текстами Н. Фэркло оставляет возможность для существования и монодискурсивных текстов. Противостояние выделению интердискурсивности как базовой черты дискурса и отход от радикальной концепции слияния дискурса и интердискурса отмечаются также в работе Ю. Линка и У. Линк-Хеер, которые исследуют различные маркеры интердискурсивности, сигнализирующие о пересечении в тексте различных дискурсов [268, с. 11–21; 353, с. 119–121].

Основываясь на различных подходах к интердискурсивности, можно определить данное явление как диалогические дискурсивные отношения, возникающие в границах отдельного сообщения в результате совмещения базового дискурса и свойственных ему лингвистических характеристик с дополнительными инодискурсивными маркерами [268, с. 11–21; 353, с. 119–121].

Иногда исследователи смешивают понятия «интердискурс» и «интертекст». Например, «наложение элементов одного дискурса на другой (принимающий)» проявляется в виде «включения одного текста в другой» [453; 451]. Данное определение больше подходит для описания явления интертекстуальности (включение текстов, образование гипертекстов), которое изучено в трудах [14; 36; 372 и др.].

Важно разграничить данные понятия, поскольку интердискурсивность является когнитивной, надтекстовой категорией, предполагающей перенесение принципов организации одного дискурса на другого. Данная категория не обязательно должна быть выражена в виде включения одного текста в другой. Хотя такое включение возможно, оно не является ключевым критерием интердискурсивных отношений.

Таким образом, оба типа взаимодействия дискурсов связаны объединяющим понятием диалогизма. Различие состоит в том, что интердискурс представляет собой уникальное когнитивно-коммуникативное событие, в то время как полидискурс – совокупность текстов, принадлежащих к разным типам дискурса и представляющих определенную идеологию [268, с. 11–21; 353, с. 119–121].

Политическая сфера охватывает широкий диапазон явлений [12; 13; 287; 445; 446; 447; 448]: в него входят политические сообщества людей, политические субъекты (агенты), институты и организации, нормативные подсистемы традиции и ритуалы, методы политической деятельности, политическая культура и идеология, средства информации и пр. Все элементы поля политики так или иначе опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе и реализуются через дискурс. Вследствие прозрачности границ дискурса очень часто происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте [460, с. 24]. Институциональный дискурс, к которому, по нашему мнению, относится и ПД, наделен динамичностью. Для адекватного понимания этого типа дискурса нужно принимать во внимание интертекстуальные связи того или

иного типа дискурса с другими типами в синхронии и диахронии. Р. Водак, акцентирует внимание на том, что институциональный дискурс не отождествляется только с одним типом дискурса, а содержит сложную совокупность различных дискурсов, взаимосвязанных в рамках конкретной ситуации речи (setting) [576, с. 12].

ПД содержит цели, ценности и стратегии соответствующего типа дискурса, его подвиды и жанры, а также культурогенные тексты [185, с. 4]. Проявления особенностей ПД наблюдаются в юридическом, религиозном, педагогическом, авторитарном, научном и т.п. дискурсах.

ПД соотносится с **публицистическим дискурсом**, потому что политика как специфическая форма человеческой деятельности представляет собой совокупность речевых действий [460, с. 22–28]. В коммуникативных ситуациях ПД и публицистического дискурса руководители стран или ведущие политики используют лингвальные и позалингвальные средства выражения влияния в речах, дебатах. ПД так же, как и другие дискурсы, имеет полевую структуру. В центре полевой структуры ПД находятся те жанры, которые по своему назначению соответствуют ПК – борьбе за власть. Примером служат парламентские дебаты, выступления политических деятелей, голосования. Язык коммуникантов ПД характеризуется категоричностью, безапелляционностью суждений, использованием директивов (команд, приказов, инструкций) [45, с. 148].

Еще одна разновидность дискурса, которая соотносится со стилем ПД – **педагогический дискурс**. В педагогическом дискурсе осуществляется функция социального контроля с целью превращения человека в члена общества, разделяющего систему знаний, норм и правил общества. Специфика этого образования состоит из формального и неформального политического воспитания. То есть, формальное политическое воспитание происходит с помощью государственных учебных заведений, а неформальное политическое воспитание происходит в быту [460, с. 23].

ПД имеет общие зоны соприкосновения с такой разновидностью дискурса, как **юридический**, главная интенция которого – повлиять на гипотетического адресата с целью урегулирования его поведения, формирования ментальной деятельности коммуникантов. Властные группы следят за поведением людей контролируя их умственную деятельность, и осуществляют это с помощью юридического дискурса, который является не только средством выражения власти, но и источником воздействия [460, с. 24].

Пересечение ПД и **религиозного дискурса** проявляется в сфере мифологизации сознания, веры в магию слов, в признании божественной роли лидера, использовании приемов манипулятивного воздействия, фатичности и ритуализации общения. Целью религиозного дискурса является привлечение к вере в пределах определенной конфессии [186, с. 5–19].

ПД соотносится с **авторитарным типом дискурса** в коммуникативных ситуациях, где коммуниканты этого типа дискурса используют лингвистические и экстралингвистические средства выражения авторитарности и категоричности. ПД – это текстуальное выражение идеологии учитывая то, что он может быть реализацией подсознательных или целенаправленных интенций коммуниканта и является одной из характеристик этого типа дискурса [221].

ПД пересекается с **научным дискурсом**, главной целью которого является отстаивание своей точки зрения в процессе познания окружающего мира, а конститутивным признаком научных текстов является наличие элемента полемики [280]. Е.И. Шейгал акцентирует внимание на том факте, что результаты научных исследований ученых-политологов не имеют непосредственной связи с основной функцией ПД – борьбы за власть, однако на их основе «возможно составление рекомендаций политикам по планированию и коррекции их деятельности» [460, с. 25].

Зона пересечения ПД и **рекламного** особо отчетливо и ярко проявляется в рамках **политической рекламы**, обладающей всеми основными атрибутами рекламного дискурса: номинируется предмет рекламы,

указываются его выигрышные характеристики, планируется позитивная ответная реакция. Две основные функции рекламы – информативная и воздействующая – в политической рекламе представлены и реализуются в жанрах политической агитации (выступления на митингах, воззвания, листовки, транспаранты, плакаты) и пропаганды (дискуссии, доклады, плакаты, публичные выступления и обращения) [310; 460, с. 25].

ПД пересекается с **военным дискурсом**, поскольку война – продолжение политики другими средствами [115]. Такие жанры, обеспечивающие идеологию и ход военных действий с позиций воюющих сторон, как военная доктрина, ультиматум, военно-политическое соглашение, мирные переговоры, являются областью их взаимодействия.

Т.к. политика выступает в качестве одной из тем интеллектуального общения простых обывателей, это дает нам право говорить о пересечении двух дискурсов: политического и **бытового**. Е.И. Шейгал подчеркивает, что «хотя такие разговоры имеют весьма косвенное отношение к дискурсу борьбы за власть, тем не менее в них происходит формирование мнений, политических позиций, принимаются решения о том, за кого голосовать, поэтому их правомерно охарактеризовать как дискурс потенциальных участников политического процесса» [460, с. 29].

ПД пересекается с **художественным** (основной функцией которого является самовыражение, однако в зоне пересечения с ПД присутствует и социальный заказ) в таких литературных жанрах, как мемуары, документальная проза, ироническая и сатирическая поэзия, памфлет, в фольклорных жанрах, например, анекдот, частушки, в жанрах креолизованных текстов изобразительного и исполнительского искусства, таких как, карикатура, плакат, кинофильм, телепародия и т. п. Произведения подобного рода способствуют созданию или разоблачению социально-политических мифов, утверждению или разрушению стереотипов, критическому осмыслению прошлого и настоящего, могут выполняться функции сведения счетов с политическими противниками [280; 460, с. 30].

Момент агональности сближает ПД со **спортивно-игровым**. С наибольшей очевидностью состязательность ПД проявляется в таких его жанрах как, парламентские дебаты и предвыборные кампании. Основу ПД составляет «непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией ...» [460, с.31]. Доминирование метафор игры, спорта и боевых действий в ПД подтверждают этот факт [31; 445; 446]. В ПД отражаются все ключевые элементы спортивного и игрового состязания: борьба соперников, противостояние оппонентов, наличие противника, этика игры / поединка, правовые нормы, стратегия и тактика борьбы, победа / поражение, триумф победителя, приз / выигрыш.

Некоторые лингвисты сравнивает политологов с журналистами в том смысле, что и те, и другие, как бы реконструируют политическую реальность для своих аудиторий сообразно своему видению политических процессов [472; 474; 475; 489; 519], таким образом подчеркивая слияния трех дискурсов в определенной точке координат, согласно определенной тематике и цели высказывания: **политического, научного и дискурса масс-медиа**. Е. И. Шейгал акцентирует внимание на том факте, что в дискурсе масс-медиа «журналисты выступают в качестве посредников между политиками-профессионалами и массовой аудиторией непрофессионалов... журналисты – «рассказчики» о политике и политиках являются своеобразными «агентами влияния», способствующими формированию общественного мнения» [460, с. 25].

Таким образом, особенность политической жизни в XXI в. заключается в том, что политики намного реже общаются с населением напрямую (выступая в залах и на площадях) и все чаще делают это через СМИ и Интернет, что дает возможность рассматривать выступление политика в рамках политического и на пересечении его с иными видами дискурсов, в частности, дискурса СМИ, газетного (как разновидности дискурса СМИ) и Интернет дискурса.

Итак, в определении границ ПД исходим из широкого понимания и включаем в него как институциональные (научный, педагогический, юридический, рекламный, авторитарный, военный, религиозный, спортивно-игровой, дискурс СМИ), так и неинституциональные формы общения (художественной и бытовой), в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения. Особую роль в бытии ПД играет газетный дискурс, являющийся основным каналом осуществления ПК, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию ПД с газетным.

1.3.2 Политический дискурс vs газетный дискурс. Концепция ПД получила в современной лингвистике широкое и узкое толкование. Широкого понимания придерживаются авторы, относящие к ПК «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [460, с. 23]. Высказывается мнение, что особенностью ПД на современном этапе является его опосредованность средствами массовой информации, исключение которых из анализа значительно обеднило бы картину современного ПД.

Отнесение текстов СМИ – текстов-посредников между политиками и народом – к ПД не разделяют те исследователи, которые проводят грань между массово-информационным дискурсом на политические темы и профессиональным дискурсом политиков, выступая за узкий подход к определению данного типа коммуникации. При узком понимании ПД ограничивается институциональными формами общения в общественно-политической сфере, то есть публичной коммуникацией профессиональных политиков. Подобный подход можно определить, как институциональный; он характерен для понимания ПД такими исследователями, как А. Н. Баранов [27; 28; 32], Р. Водак [92, с. 25] и Т. А. ван Дейк [130, с. 153], А. К. Михальская [283] и др.

Для дискурса СМИ характерна актуальность, которая, впрочем, отнюдь не всегда соответствует реальной ценности и значимости события. В этом смысле медиадискурс «является семиотическим пространством, которое, в силу знаковой природы языка, членится в соответствии с общей семиотической теорией на семантику, синтатику и прагматику, отражая взаимодействие смысловых, композиционных и мотивационных факторов [17].

Анализ политического медиадискурса позволяет дать качественное объяснение тех идеологических и функциональных зависимостей, которые возникают в результате взаимодействия современных СМИ с другими политическими институтами. С возрастанием медиатизации (процесса влияния медиа-структур на политику) отражение в СМИ идеологических закономерностей в функционировании современных политических систем приобретает все большую актуальность [8; 32; 43; 50; 52; 53; 72; 104; 111; 122; 129; 136; 143; 160; 173].

Н. Фэрклоу [498] обобщает некоторые западноевропейские подходы к пониманию политического медиадискурса.

В рамках постмодернистского подхода политический медиадискурс воспринимается как способ означивания объектов социальной действительности в СМИ с точки зрения их отношения к сфере власти. Этот подход опирается на концепцию целеполагания ПД, ориентированного на борьбу за власть и ресурсы влияния.

Понимание политического медиадискурса в качестве нормативно-закрепленных процедур создания текста, используемых СМИ при описании политической действительности, воспроизводит критический подход, фокусирующийся на формальной природе дискурса.

В диссертации объектом исследования является институциональный ПД, под которым понимается языковое выражение общественной практики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное

использование языка, за которым стоит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей.

С учетом сформулированного в предыдущем параграфе определения понятия «дискурс» и вышеизложенных характеристик социального института, можно сделать вывод, что дискурс может быть институциональным, то есть относящимся к какому-либо социальному институту. Социальные институты регулируют общественно значимые сферы деятельности и опредмечивают определенный вид общественных отношений. В политологической литературе доминирует представление, согласно которому выделяются экономическая, социальная, политическая, духовная сферы общественных отношений (и, соответственно, типы социальных институтов).

В этой связи отметим, что разными исследователями выделяются разные типы институционального дискурса. Вышеуказанный тип дискурса может быть административным, дипломатическим, политическим, юридическим, военным, педагогическим, религиозным, медицинским, деловым, спортивным, массово-информационным, научным и т. д. Одним словом, институциональный дискурс возникает в тех средах, где реализуются функции любого социального института [94; 187; 457; 460].

Е. И. Шейгал обращает внимание на языковые особенности ПД и формулирует его определение как «особую сферу речевой деятельности, результатом которой являются специфические тексты, вербальные и невербальные знаки, типичные модели речевого поведения, находящие воплощение в конкретных жанрах политического дискурса» [460].

Важнейшее отличие политики от других сфер также заключается в том, что, по Е. И. Шейгал, политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. ПК не просто опосредована СМИ, но СМИ фактически являются основной средой ее существования [460]. Как отмечает Е. И. Шейгал, особую роль в бытии ПД

играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления ПК, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического общения с дискурсом масс-медиа [460].

В силу глобального характера коммуникации в современном мире, ее всеохватности и многоуровневости передачи информации дискурс становится массово-информационным или масс-медиаальным [160].

Анализ политического медиадискурса позволяет дать качественное объяснение тех идеологических и функциональных зависимостей, которые возникают в результате взаимодействия современных СМИ с другими политическими институтами. С возрастанием медиатизации (процесса влияния медиа-структур на политику) отражение в СМИ идеологических закономерностей в функционировании современных политических систем приобретает все большую актуальность [6; 7; 8; 32; 52; 122; 129; 136; 143; 144; 160; 173; 312; 314; 325; 394; 395; 396; 404; 405].

В рамках постмодернистского подхода политический медиадискурс воспринимается как способ определения объектов социальной действительности в СМИ с точки зрения их отношения к сфере власти. Этот подход опирается на концепцию целеполагания ПД, ориентированного на борьбу за власть и ресурсы влияния. Понимание политического медиадискурса в качестве нормативно-закрепленных процедур создания текста, используемых СМИ при описании политической действительности, воспроизводит критический подход, фокусирующийся на формальной природе дискурса. Радикальная модель дискурсивного подхода детерминирует сферу массовой коммуникации как пространство политических противоречий и конфликтов.

По мнению Т.М. Грушевой, ПД СМИ представляет собой некую «формально-семантическую структуру, определяющую и формирующую порождение и восприятие политического газетного текста» и понимается как «коммуникация между автором и адресатом на базе политического

информирования, имеющего целью привлечь внимание адресата, т. е. массовой аудитории к изложенным проблемам» [122].

Медиадискурс, таким образом, является разновидностью политического (институционального) дискурса, который обладает специфическими чертами, связанными с его массово-информационной природой.

Политический медиадискурс – это коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса.

Содержанием политического газетного текста является вербализированное знание относительно того или иного политического события. Онтологический аспект данного знания организуется вокруг двух важнейших составляющих континуума события – старого знания, полученного ранее и объективированного в уже существующих текстах об участниках представляемого события, и нового знания, получаемого из вновь созданного текста.

Таким образом, прецедентные тексты, а именно: речи известных политических, государственных и общественных деятелей; энциклопедическая и справочная литература; тексты разнообразных газетных изданий; материалы информационных агентств; цитаты, крылатые слова, выражения, пословицы и поговорки; воспоминания очевидцев и др. составляют старое знание, а текст о том или ином политическом событии будет представлять собой новое знание.

Сказанное позволяет утверждать, что политический газетный текст должен анализироваться как политический газетный дискурс, так как его текстовая ткань неразрывно связана с ментальными условиями создания текста, с системой определённых когнитивных и прагматических стратегий, характерных для политической газетной коммуникации, операционных установок автора (политического журналиста), взаимодействующего с

читательской аудиторией, с целым комплексом экстралингвистических факторов, надстраивающихся на языковые особенности.

Иными словами, политический газетный текст не является единственным элементом в сложнейшей системе политического коммуникативного процесса в сфере масс-медиа. Его сущность, а, следовательно, и сущность представленного в нём политического события, может быть объяснена только при учёте коммуникативного, социокультурного и когнитивного факторов, сплетённых с собственно лингвистическими факторами. Политический газетный текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности в сфере политической газетной коммуникации, он всегда соотнесён с определённой ситуацией (политический событием) и её антропоцентрами: автором и адресатом.

Успешная ориентация на психологию, когнитивные знания и социальный статус реципиента с целью достижения адекватного восприятия им замысла автора предполагает высокий уровень логической культуры и мастерства, который проявляется в убедительности и доказательности информационного материала, в какой бы форме он не был представлен. Логичному и доказательному рассуждению придаётся особое значение в процессе политического воспитания аудитории. В течение многовекового развития логика как наука о законах и формах человеческого мышления и теория аргументации, исследующая многообразные способы убеждения с помощью речевого воздействия, анализирующая и объясняющая скрытые механизмы воздействия с целью изменения позиции реципиента, накопили в обобщённом и систематизированном виде наиболее эффективные приёмы и способы рационального рассуждения и аргументации.

Т. В. Поздеева отмечает, что «аргументация – такой коммуникационный процесс, при котором цель аргументатора – склонить того, кому аргументация адресована, к принятию тезиса» [314]. Реципиент способен согласиться с основными положениями и выводами автора, если он

мысленно прослеживает всю цепочку его логических рассуждений, переходя от простых и очевидных суждений к новым, более сложным, ранее неизвестным для него. В этом случае конечная идея политического газетного текста воспринимается как логически обоснованная и не вызывающая сомнений мысль.

Таким образом, политический газетный текст, являясь одним из разновидностей акта политической коммуникации, характеризуется как целым рядом интегральных свойств, присущих коммуникации в целом, так и рядом специфических дифференциальных характеристик. Обязательными составляющими политического газетного дискурса, доминантой которого представляется политический газетный текст, являются: коммуникатор (журналист определённого газетного издания), реципиент, объект сообщения (политическое событие), прагматическая интенция, воздействие на реципиента. Специфической особенностью политического газетного дискурса является высокая информативная насыщенность и ярко выраженная прагматическая установка. Для механизма политического воздействия важными являются: глубоко продуманные мотивы, служащие основой соответствующей коммуникации, вербальный компонент, имплицитно или эксплицитно осуществляющий логико-эмоциональное воздействие на читательскую аудиторию и когнитивный компонент, ответственный за адекватное восприятие и декодирование политической информации.

Е. И. Шейгал считает, что выступление политика в печати, по радио или ТВ не следует рассматривать в качестве жанра дискурса масс-медиа, «поскольку средства массовой информации в данном случае выполняют лишь роль технического средства, обеспечивая канал связи с широкими массами разобщенной аудитории, а роль журналиста как участника дискурса практически нулевая» [460, с. 26].

Исходя из вышеизложенного подхода к определению границ ПД, любой материал в СМИ, в котором речь идет о политике и автором которого является

политик или, наоборот, адресованный политику, относим к сфере ПД.

В работе придерживаемся мнения Е. И. Шейгал, о соотношении ПД и газетного дискурса, рассматриваемого нами как разновидность дискурса масс-медиа, а именно, доминирует ПД в таких жанрах как интервью с политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике), проблемная аналитическая статья (написанная политиком), публичная речь политика, в жанрах памфлета и фельетона, проблемной аналитической статьи (написанной журналистом), колонке комментатора, передовой статьи, репортаже (со съезда, митинга и т. п.), информационной заметки доминирует газетный дискурс как разновидность дискурса масс-медиа.

«Чем менее опосредовано выражен в нем голос политического института или политика как представителя института и как личности, тем центральнее положение данного жанра в поле ПД» [460, с. 26].

1.3.3 Жанры политического дискурса: речь как один из основных жанров. Жанровые характеристики ПД являются объектом как дисциплинарных, так и междисциплинарных исследований, благодаря появлению политической лингвистики, дающей возможность изучить политические процессы, происходящие в мире, а также проследить динамику борьбы за властные ресурсы, увидеть подлинный смысл выступлений политических лидеров [447].

Определяя границы ПД в лингвистике, исследователи придают им разное содержательное наполнение. Так, Е. И. Шейгал трактует данный феномен широко, определяя ПД как «любые речевые образования, субъект, адресат, содержание которых относится к сфере политики» [460, с. 23]. А. Н. Баранов рассматривает ПД как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [33, с. 246]. Т. ван Дейк определяет ПД как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно – политикой» [493, с. 134].

Исходя из вышесказанного, ПД представляет собой жанровые виды, четко ограниченные социальной сферой – политикой. Политика как общественный феномен, реализуемый в коммуникации, имеет выражение в коммуникативных действиях. Ю. Хабермас определяет коммуникативное действие как интеракцию, в которой участники согласуют и координируют планы своих действий, при этом достигнутое согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость [430, с. 91].

Понятие жанра имеет особое значение для определения характеристик ПД. В большинстве отечественных и зарубежных концепций жанра основополагающим является определение, данное М. М. Бахтиным, согласно которому жанр представляет собой устойчивый тип высказывания, выработанный в определенной сфере использования языка [40, с. 263; 41, с. 250]. По М. М. Бахтину, высказывание следует считать основной единицей речевого общения. «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три компонента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [41, с. 159]. Высказывание, согласно М. М. Бахтину, отличается завершенностью, обусловленной сменой речевых субъектов. Кроме того, особенностью высказывания является завершенность (целостность), связанная с предметно-смысловой исчерпанностью; речевым замыслом или речевой волей говорящего; типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Каждое отдельное высказывание индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои

относительно устойчивые типы таких высказываний, которые называют речевыми жанрами.

По утверждению О. А. Крыловой, «высказывание в этом определении означает не предложение, а некую единицу общения, которой свойственна смысловая завершенность и которая отграничена от других подобных единиц сменой субъектов речи» [220, с. 226]. М. Я. Блох и Е. В. Великая считают справедливым предложение О. А. Крыловой заменить в определении М. М. Бахтина слово «высказывание» на слово «текст» [57, с. 16]. В результате под определение типа текста (или речевого жанра в определении М. М. Бахтина) подойдет и типовая разновидность текстов (рассказ, письмо, роман) и ситуативно-типовое высказывание (реплика, вопрос).

В представлении таких исследователей как В.В. Дементьева, Т. В. Матвеевой, Т. В. Шмелевой, Дж. П. Джи, Т. Люкманна, М. Халлидей и Р. Хассан речевой жанр представляет модель речевого общения в типичных ситуациях для решения повторяющихся коммуникативных задач [353, с. 356–358].

Другим значимым фактором формирования речевого жанра является контекст / ситуация (Дж. Свейлз, К. А. Долинин, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, К. Миллер, Ч. Базерман, Р. Бауман и др.). Понятие деятельности также является ключевым концептом в жанроведении. В. Е. Гольдин, К. Ф. Седов, В. Хэнкс, Дж. Гиббонс отмечают тесную связь ситуации, речевого и неречевого поведения, деятельности человека.

Исходя из определения текста как тематически выделенной речи, М. Я. Блох подчеркивает значимость жанра как целеполагающей характеристики текста [57]. Жанр как целеполагающая характеристика речи напрямую связан с деятельностным аспектом жизни человека. Любая человеческая деятельность имеет на своем высшем уровне мыслительной активности деятельность, выраженную языком. При этом ЯЛ является субъектом всей деятельности человека. Такое понимание жанра неразрывно связано с контекстом – ситуацией, в которой разворачиваются деятельность и

общение. Политическая деятельность может быть определена как вид социальной активности, состоящий в использовании политической власти и предназначенный для принятия руководящих решений [72].

В то время как понятие жанра имеет отношение к целевым установкам речи, понятие стиля соотносимо с выразительностью речи и отражает воздействие на адресата. М. Я. Блох определяет стиль как выразительную характеристику текста [57, с. 5]. При этом формирование выразительных характеристик речи отражено в понятии стилизации, являющемся одной из значимых функций диктемы. Исследователи ПК предлагают классификации жанров ПД, исходя из разных параметров и критериев.

При сопоставлении устной и письменной речи выделяют:

- жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и т. д.);
- жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру, историческая справка, медиа-кит и т. д.) [448, с. 54].

При сопоставлении монологической и диалогической речи выделяют:

- монологические жанры (радиообращение, статья в газете и др.);
- диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.) [448, с. 54].

По объему информации среди жанров политической коммуникации различают [448, с. 54]:

- малые жанры (лозунг, слоган, речевка);
- средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.);
- крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

Е. И. Шейгал исходит из широкого подхода к ПД, включая в него не только институциональное, но и личностно ориентированное общение. В качестве одного из параметров структурирования жанрового пространства ПД рассмотрена степень институциональности. Жанры ПД расположены при градуировании по оси институциональности / официальности от

максимальной неформальности общения до максимальной институциональности / официальности [460, с. 313–314].

Разграничивая жанры ПД по субъектно-адресатным отношениям, Е. И. Шейгал придерживается трехсторонней классификации, предложенной В. Дикманом: общественно-институциональная коммуникация (постановления правительства, декреты, законы, призывы, лозунги, плакаты, высказывания политических лидеров как представителей институтов), коммуникация между институтом и гражданином (петиции, обращения, листовки, указы избирателей, выступления на митингах) и коммуникация между агентами в институтах (служебная переписка, кулуарное обсуждение, закрытое заседание, переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии, круглый стол, послание президента конгрессу, выступление премьер-министра на заседании Думы, доклад на съезде, партийная программа, программная речь на съезде партии и др.) [460, с. 316-317].

В настоящем исследовании ПД также дифференцируется по событийной локализации. В этом случае жанр рассматривается как форма речи, являющаяся частью коммуникативного события. Один и тот же жанр может входить в разные события, при этом события политической жизни подразделяются на цикличные (ритуальные), календарные (текущие) и спонтанные. Основываясь на разделении первичных и вторичных жанров, предложенном М. М. Бахтиным, Е. И. Шейгал выделяет жанры институциональной коммуникации, составляющие первичный дискурс как основу политической деятельности (речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги) и вторичные жанры, «разговоры о политике» (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и др.) [460, с. 328].

ПД представляет мир политики, в который входят ораторские выступления, посвященные политике, официальные тексты на политическую тему, постановления, указы, законы, научные политологические статьи,

газетно-публицистические тексты. Каждая из этих разновидностей ПД имеет свои цели.

Специалисты разграничивают, прежде всего, институциональный ПД, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления, интервью политических лидеров и другие), и ПД СМИ, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета.

В зависимости от поставленных задач и имеющегося текстового материала специалисты выбирают тот или иной аспект изучения ПК.

Жанры ПЯ и ПК, согласно классификации Патцельта [177, с. 108–111]:

1) рабочая коммуникация подразумевает использование языка, принятого для общения политиков в парламентских комитетах и комиссиях, учреждениях, министерствах и ведомствах, на информационных переговорах, а также зачастую в парламентских фракциях и на пленарных дебатах; 2) представительская коммуникация нацелена на публичное воздействие. Язык телевизионного интервью для многомиллионной публики будет отличаться от статьи в специализированном сборнике; 3) коммуникация достижения целей используется для достижения инструментальных и тактических целей. Арсенал средств простирается от эвфемизмов до полемических преувеличений, от языкового камуфляжа до нарушения табу, от риторического фимиама до деградации.

В зависимости от характера субъекта политические тексты подразделяются на собственно политические (их автором является политик), медийные (их автором является журналист) и непрофессиональные (автором является представитель народа или избиратель).

Наиболее полная классификация продуктов ПК предложена А. П. Чудиновым [448, с. 53–59]: 1) по характеру субъекта (автора, говорящего): собственно ПК (автор – политик); медийная политическая коммуникация (автор – журналист); непрофессиональная ПК (автор человек

иной профессии, «избиратель», «представитель народа»); 2) при сопоставлении устной и письменной речи выделяют жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.); жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.); 3) при сопоставлении монологической и диалогической речи выделяют: монологические жанры (радиообращение, статья в газете и др.); диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.); 4) по функциям различают: ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.); ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения); агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речовка); информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ); 5) по объему информации среди жанров различают: малые жанры (лозунг, слоган, речовка); средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.); крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.); 6) по цели высказывания различают: информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры.

По аналогии со знаками и речевыми актами ПД его жанровое пространство структурируется относительно базовой семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность». По характеру ведущей интенции выделяются следующие жанры ПД: 1) ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, традиционное обращение, юбилейная речь), в которых доминирует фатика интеграции; 2) ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [460, с. 330].

Н. Фэрклаф объясняет трудности выделения жанров ПД его неоднородностью и широким пониманием политики как частично

институализированной сферы социальной жизни, в которой различные социальные группы действуют, преследуя свои интересы, потребности, стремления и ценности. Жанры ПД зачастую имеют гибридный характер, что связано с процессом социальных изменений, в котором задействованы как политика, так и другие сферы жизни. Сегментируя жанровое пространство ПД по сферам деятельности и функциям, к политическим жанрам он относит, во-первых, жанры, имеющие отношение к политической системе (например, политические дебаты, политические манифесты и программы, парламентские или партийные речи политических деятелей на конференциях, нормативные документы); во-вторых, медиатизированные политические жанры (например, политические новости, политические интервью, беседа или интервью с политическим деятелем, радиопередача о политике, политическая реклама в прессе или на щитах); в-третьих, жанры, относящиеся к политической публичной сфере (публичные встречи, материалы кампаний, политические форумы, фокус-группы) [500, с. 33].

А. П. Чудинов предлагает различать следующие жанры по цели высказывания: информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию). Информация, оценки и императив могут присутствовать в одном и том же тексте (например, в предвыборной листовке), также существуют тексты, в которых преобладает один из названных признаков [448, с. 54].

Жанровая принадлежность ПД в значительной степени определяет выбор языковых средств, которые позволяют реализовать цели и функции ПД. Собственную классификацию жанров ПД впервые предложила Е. И. Шейгал. По мнению ученого, характерологические жанры можно представить так:

- 1) по параметру институциональности / официальности (разговоры о политике в семье, законы, указы);
- 2) по субъектно-адресатным отношениям (лозунг, призыв, декрет, плакат, петиции, обращения, листовки, указы избирателей);

3) по вариантам политических социолектов (политический социолект – отклонение от норм литературного языка, исключающий оценочный компонент, закрепился за понятиями жаргон, арг, сленг; «совокупность некодифицированных языковых единиц, присущих социальной группе, обеспечивающей законодательное и исполнительное государственное управление (нефтянка, налоговый и др.)» [35, с. 83–89]);

4) по событийной локализации жанр, по цикличности (выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию), календарным (встреча депутата с избирателями, парламентские слушания, визит политического деятеля) или спонтанным (митинг, политический скандал, референдум);

5) по степени центральности или маргинальности (парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг и голосование; заявления, речи, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги; интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура);

б) по характеру ведущей интенции: ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное теле- и радиообращение); ориентационные жанры (представление партийной программы, конституции, послание президента о положении в стране, отчётный доклад, указ, соглашение и т. д.); агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [460, с. 67–69].

О. Н. Паршина утверждает, что ПД политической элиты составляет устное речевое поведение, зависящее от регистра общения, а именно частное, не влияющее на судьбу страны и недоступное для широкого круга общественности и публичное – от которого зависит успех или провал на выборах, а, следовательно, и в борьбе за власть. Поэтому, особое внимание уделяется именно речи и шире – речевому поведению политика, претендующего на власть, в работе специалистов имиджмейкеров. В

исследовании автор представляет жанровую характеристику устного ПД, разграничивая его на диалогические (теледебаты, общественно-политическое ток-шоу, «прямая линия» и монологические жанры (инаугурационная речь, программная речь) [303].

Таким образом, особенности жанра ПД проявляются в ситуации общения, при этом интересы субъектов политики в процессе политической деятельности являются определяющими для речевого взаимодействия.

1.3.4 Идеологичность политического дискурса. Язык представляет собой поле для социальных и политических инициатив, где происходит борьба за символический интеллектуальный и экономический капитал, битва харизматических лидеров современности [445]. По словам Дж. Томпсона, изучение идеологии часто приравнивается к исследованию языка, его функционирования в обществе [567].

Идеологизация рассматривалась многими лингвистами и политологами. Например, М.М. Бахтин понимал язык как «идеологическую материю», а за словом он видел «идеологический знак», «любое слово по своей сути – идеологическое, а каждое использование языка – неизбежно связано с идеологическими изменениями» [39, с. 297–325].

Проблема идеологии и дискурса изучалась Р. Ходжем и Г. Крессом [520]. В своих исследованиях авторы утверждают, что связь между языком и идеологией существует на разных языковых уровнях – лексическом, синтаксическом и тому подобное. Отношение между языком и идеологией зависит от категории дискурса. Значение любой изолированной грамматической формы как таковой является недетерминированным и не имеет идеологической коннотации. Это объясняется тем, что грамматические формы всегда появляются в тексте в систематическом виде, как знак системы значений, характеризующий определенный тип дискурса, которому присуще идеологическое значение. Идеология как сфера общественного сознания соотносится со стилем политики, причем эта связь имеет двусторонний характер: с одной стороны, идеология влияет на формирование ПД, на

развитие его языковых средств, с другой – ПД является эффективным инструментом воздействия на общественные процессы и на формирование определенной идеологии. В ПД реализуется идеологическая функция. Она не просто направлена на общественное сознание, а нацелена на ее ядро – мировоззрение, состоящее из системы принципов, идеалов, убеждений, которые определяют отношение к природе, обществу и человеку. Цель этой функции – укрепить в сознании общества определенные взгляды и представления. Поскольку система базовых понятий человека и общества, нравственных ценностей и идеалов не меняется внезапно, а эволюционирует под влиянием длительного целенаправленного действия, ПД выступает идеальным орудием манипулирования убеждениями, взглядами или действиями других людей с помощью символов – языковых знаков [330]. Идеология любого государства насаживается, прежде всего, с помощью ПД. Общественное назначение ПД состоит в том, чтобы вызвать у адресатов – граждан общества – необходимость «политически корректных» действий или оценок. Иначе говоря, цель ПД – не описать (то есть не референция), а убедить, пробуждая у адресата намерения предоставить почву для убеждения и побудить к действию [472, с. 104], проявляющаяся в особом подборе языковых единиц.

Итак, адресанты ПД представляют действительность с помощью сознательного институционального отбора языковых единиц, что приводит к оценочности ПД. Главная причина отбора именно таких языковых единиц – идеологическая.

1.3.5 Аксиологичность политического дискурса. Экстралингвистический компонент ПД, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, содержит ценности коммуниканта. В современной лингвистике понятие «ценности» относится к наиболее сложным и многозначным. Проблемы ценностей, оценки, оценочных значений привлекают внимание философов, логиков, лингвистов уже много лет. Об этом свидетельствует существование различных определений понятия ценностей. Во-первых, под ними

понимают – глубинные когнитивные конструкты, которые являются одним из путей категоризации мира на основе оценки [46, с. 39], исходя из которых человек подсознательно оценивает мир, и которые определяют поведение человека и его восприятие действительности [27, с. 41]. С другой стороны, многие лингвисты используют термин «аксиологический» как синоним понятия «оценочный». Мы согласны с мнением И. А. Розмарицы [341] о том, что количество ценностей является достаточно ограниченным, в то время как количество оценочных лексем значительно шире, особенно если учитывать тот факт, что даже нейтральные слова могут приобретать оценочные значения в определенных контекстах. Однако оценочные лексемы не могут существовать вне языковой картины мира, а поэтому они также основаны на общепринятой системе ценностей, которая сложилась в обществе. Коммуникация в ПД характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных структур, что можно объяснить особым типом ментальности, отражающим анализируемый тип дискурса.

«Ценность может быть определена как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, обусловлена не самими по себе свойствами, а их вовлечением в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» [51, с. 27].

В исследовании ПД обратим внимание на определение понятия оценки как понятийно-смысловой категории. Оценка связана с субъективным фактором в языке. С одной стороны, ценностные представления человека и общества отражаются в той или иной степени в языке, с другой, оценочно-прагматические смыслы является стимулом для развития в языке синтаксических форм на различных уровнях [280].

Своеобразие речевого общения коммуникантов ПД заключается в отборе и организации лексико-фразеологических единиц согласно с прагматическими установками, целями и условиями общения политического коммуниканта. В речи коммуникантов ПД получает языковое выражение

отношение к власти. Такие характеристики речи, как: подвижность семантической структуры слова, трудности отграничения коннотаций от прямых денотативных значений, вариативность денотативной и коннотативных значений одних и тех же языковых значений под влиянием социальных факторов как лексического, так и прагматического характера, модальность высказываний, оценочность семантики – активно используются коммуникантами ПД. Оценочный компонент – необходимый элемент ПД.

Вся оценочная лексика делится на эмоционально-оценочную и идеологически оценочную. Оценочный компонент эмоционально-оценочной лексики отражает эмоциональные и подобные характеристики, внутренне присущие человеку как индивидууму биологическому, социальному, которые зафиксированы в его сознании на основе деятельностного опыта. Оценочный компонент идеологически оценочной лексики отражает идеологические, мировоззренческие, нравственные, культурные отношения между людьми [116, с. 78].

Оценка в ПД представляет собой субститут анализа, инструмент для сдерживания критического мышления и образа суггестии. Тоталитарной культуре свойственна интровертность, погружение в себя, которая на самом деле очень рационализированна. Факт рационализма и существование идеологического института добавляет ПД дефицит эмоционального высказывания [390]. То есть для ПД характерны тавтология, синонимичные и антонимические оппозиции. Оценка в ПД подчиняется не чувственному восприятию действительности, она – спланированная, искусственная, подчинена логическому мышлению. Ценностная иерархия оценочности концептов позволяет реконструировать образ политического мира. ПД свойственна оппозиция «свой» – «чужой», которой, в свою очередь, присущий идеологически-оценочный компонент.

Актуализация оппозиции «свой» – «чужой» является характерной чертой кризиса исторической эпохи. Сторонники «своего» – объективно сильнее, успешнее, они вооружены истинной теорией, их возглавляет

харизматичный лидер мессианского типа, который ведет к победе. «Чужой» – исторически обречен. Негативная оценка «чужого» провоцирует беспокойство, страх адресатов ПД, провоцирует адресатов на поиск защиты, с другой стороны, положительная оценка «своего» формирует зависимость, страх попасть под влияние «чужого», то есть врага.

Отрицательную эмоцию у коммуникантов ПД вызывает агрессия к «своему» – агрессия по отношению к партии, вождю, государству, имплицитно отождествляются с народом. Такая агрессия становится знаком ухода от господствующей идеологии.

Оценочность ПД стигматизирующего (наклеивание ярлыков), полярная. Н. А. Купина отмечает, что идеологическая экспансия охватывает все уровни семантической структуры слова, проникает в коннотативную часть семантики, диктует прямолинейную аксиологическую поляризацию [240]. Оценочность способствует тому, что в ПД создается закрытый язык, с совокупностью средств, формирующих механизм идеологического контроля в тоталитарном обществе.

Язык оценки, лишен аналитики, не только не позволяет оценивать то или иное явление адекватно, а вообще лишает возможности критического осознания действительности, потому что любое высказывание будет привлечено к системе отношений «свой» – «чужой». Оценочность снимает денотативный, понятийный потенциал слова, и слово превращается в символ. Так, например, невозможно представить некоторых политических лидеров – адресантов ПД – в контексте тоталитарной культуры, их можно только оценивать. Такая символика и является механизмом сдерживания критического мышления. Это способствует основной цели ПД – созданию нормативной личности [1, с. 317–380]. Следовательно, оценка используется адресантом ПД как один из инструментов осуществления воздействия на адресата.

1.4 Адресантно-адресатные конфигурации в политическом дискурсе

Одной из важнейших проблем современной лингвистики является исследование коммуникативного взаимодействия индивидов, ориентированной на их диалогическое взаимопонимание в соотношении с параметрами языка, среды и культуры [352, с. 7].

Общение в ПД является межличностной коммуникацией, которая характеризуется соответствующими характеристиками. Под межличностным общением понимают «коммуникацию между двумя или более лицами, опирающаяся на их психологическую и когнитивную связь, основанную на личностно сформированных началах» [42, с. 27]. При этом следует учитывать, что обмен информацией предусматривает взаимодействие и влияние участников друг на друга [199, с. 22–29], обязательным условием которого является перцепция. Коммуникация содержит все процессы, в результате которых одно сознание вступает в связь с другим сознанием [571, с. 17].

В процессе коммуникативного взаимодействия обязательным является учет тона общения, всего вербального массива (в том числе несказанных слов), атмосферы, в которой мнения высказываются и воспринимаются слушателем. «Важно не только понимать «сообщение» в целом, но и уметь связать его с поведением, личностью, ситуацией и даже со структурой общепринятой и действующей культуры» [496, с. 36].

В теории коммуникации разработано немало моделей общения для понимания самой природы этого процесса [331; 384.; 470]. На базе типологии моделей общения в коммуникативном акте выделяют две модели деятельности – модель деятельности отправителя информации и модель деятельности реципиента информации [361, с. 18].

Анализируя речевое поведение человека, лингвисты в основном ориентируются на адресата как активного элемента коммуникативного процесса, который выступает доминантой в речи между партнерами по общению. Впоследствии лингвисты пришли к выводу, что за каждым

текстом или речевым актом стоит языковая личность не только его продуцента, но и реципиента [100, с. 11].

Интерес современных лингвистов к фактору адресата в значительной мере связан с теорией Г. В. Степанова, который предлагал выдвинуть адресата на первое место – глубже понять назначение языка как практического разума с одной стороны, и диалектику взаимодействия двух сознаний в речевой деятельности с другой: говорящий – слушатель, партнер, читатель [371, с. 107]. Учет фактора адресата в ПД является очень важным, поскольку его основная иллокутивная функция заключается в том, чтобы оказать влияние, убедить партнера по коммуникации.

Адресатом в ПД выступают граждане общества. Неоднородность и неопределенность (в силу своей массовости) аудитории – реципиента – определяет характер коммуникации, лишая адресанта возможности ориентироваться на определенный интеллектуальный уровень, общую и профессиональную подготовку, настроение в момент восприятия, возраст и т. д. [209, с. 162]. В человеческом обществе главным субъектом является государство. Поэтому только государству принадлежит особая роль в формировании концептуальной картины мира, в основе которой комплекс идеологических принципов, способствующих формированию языка тоталитарного типа. Специфика концептуальной картины мира в государстве – «единое мировосприятие – единственный язык – единственная картина мира» [338, с. 5].

Любое общение представляет собой диалог, но в ПД имеем дело с диалогом, в котором доминирует один из собеседников. Диалог происходит по схеме «вождь – толпа / толпа», причем вождь может быть и коллективным (например, газета, телеканал, радио). В таком диалоге эффективной оказывается апелляция к эмоциям. Это приводит к тому, что тексты ПД в значительной мере экспрессивные и образные, что находит свое выражение в возведении абстрактных понятий и логических построений к конкретным

ментальным «картинкам», призванным вызвать прогнозируемые «вожаком» эмоции [137, с. 33].

Благодаря эмоциональной аргументации также достигается воздействие на массового адресата, так как эмоции рассматриваются как ментальные состояния, которые влияют на процесс принятия решений и возникают специфическими посредниками между сознанием и подсознанием субъекта [181, с. 36].

Создавая сообщение для массового общения, автор принимает во внимание идеализированное представление о партнере по коммуникации, поэтому сообщение является абстрактным, лишенным индивидуального. Это диктует необходимость максимальной стереотипизации содержания высказывания. Стереотипный содержание требует стандартизированной формы. Стандартизация высказывания приводит к стандартизации дискурса, речевого поведения в целом. Формой такой стандартизации является ритуал, сводит все многообразие речевого поведения к ограниченному набору типовых ситуаций [137, с. 34]. Также это вызывает необходимость соблюдения социальной оценки при отборе языковых средств и предоставлении преимущества тем из них, которые выражают не индивидуальную, а социальную оценку фактов, явлений и событий. Создание текстов для массовой аудитории предусматривает использование общеоценочной лексики, социально значимых языковых средств, ориентацию на концепты, понятные для всех и каждого, кто может принять участие в процессе коммуникации [161, с. 116].

Таковыми концептами оказываются глубинные когнитивные и ценностные категории, количество которых ограничено из-за множественности адресата, потому что «в обществе, как правило, существует не более дюжины ценностей» [561, с. 187]. Стержневые ценностные понятия, на которые опираются авторы текстов ПД, это понятия, связанные с жизнедеятельностью человека: жизнь, благосостояние, счастье, свобода, любовь.

При анализе ПД коммуникативный механизм проявляется через сочетание стратегий и тактик, организует восприятие и интерпретацию текста адресатом.

Анализ коммуникативных ситуаций, где хотя бы один из коммуникантов проявляет авторитарность, дает возможность утверждать, что авторитарность является компонентом ПД. Термин «авторитарность» происходит от латинского слова «auctoritas», что означает «власть» и обозначает характеристику формы правления, когда государством управляют несколько человек, а остальное население не участвует в принятии решений, где ограничены права свободы человека; форму правления, где наибольшим авторитетом пользуется государство, которое подавляет индивидуальные права, в которой наблюдается централизация власти вокруг группы авторитарных лидеров [221, с. 5].

Авторитарность может воплощаться в многочисленных формах коммуникативного поведения. Эксплицитная авторитарная поведение может находить свое выражение через категоричность, насилие, физическое воздействие, грубость, инвективность, конфликтность, ироничность, эгоцентричность, эмоциональность. ИмPLICITно авторитарность может выражаться в формальной кооперативности, формальной вежливости [221, с. 26]. Определяющим фактором коммуникативного поведения в ПД является эффект авторитарной манипуляции.

Итак, адресантно-адресатная конфигурация коммуникации в ПД выглядит так: адресант (государственные организации) – адресат (граждане общества). При такой конфигурации адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации. ПД характеризуется полной институциональностью. Коммуникация в ПД, обусловлена субъектно-объектными отношениями, имеет монологический и односторонний характер, в котором игнорируются информационные потребности реципиента. Программирование ценностных ориентаций

адресантов в ПД достигается благодаря монополии власти на информацию, а также с помощью полного контроля над СМИ.

Выводы к главе 1

1. В рамках функциональной парадигмы дискурс рассматривается как когнитивный процесс, связанный с реальным созданием речевого произведения, то есть текста, представляемого в качестве конечного результата речевой деятельности, который возникает в определенной законченной и зафиксированной форме. Дискурс определяется как социолингвистическая структура, которая создается адресантом и адресатом в конкретных коммуникативных, социальных и прагматических ситуациях, речемыслительная деятельность выступает как совокупность процесса и результата, интерпретация лингвистического и экстралингвистического. В основе данного исследования лежит определение дискурса как устного / и письменного высказывания, языка в его постоянной динамике, который впитывает в себя всю многогранность исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей коммуниканта и коммуникативной ситуации, в рамках которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, общая, так и индивидуальная, конкретная.

2. Целесообразно считать основными критериями выделения типов дискурса те, которые связаны с категориями дискурса (адресатность, ситуативность, информативность, интенциональность, идеологичность, аксиологичность, его стратегии и тактики, когезия, когерентность, интертекстуальность и шире – интердискурсивность), и те, которые могут быть разграничены в терминах семиотической модели – формальные, функциональные, содержательные критерии. На этом основании выделяются следующие типы и подтипы дискурса: по критерию формы – устный и письменный типы дискурса; по виду речи – монологический или диалогический; на основе противопоставления общения, ориентированного

на индивида или на его статусную роль – институциональный и персональный типы дискурса. В институциональном дискурсе адресатом и / или адресантом выступают общественные институты, или человек, чья роль обусловлена его статусом представителя такого института; он же ограничивает и набор ситуаций общения. Институциональный дискурс – коммуникативные практики, имеющие место в общественных институтах (политике, религии, медицине, науке и т. д.), которые представляют собой определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в определенных ситуациях.

3. Дискурсообразующие концепты представляют собой сложные ментальные образования, которые упорядочивают и придают значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяют родственные понятия. Дискурсообразующие концепты приобретают те или иные значения не только благодаря историческим традициям политического дискурса, и не из-за множественных культурных противоречий, но, также, благодаря их нахождению в группе с другими политическими и национально-маркированными концептами, так как речевая деятельность личности или коллективного субъекта политики воспринимается как отражение существующей в сознании людей языковой картины политического мира.

4. Политический дискурс является формой социально-ориентированного и задающего общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений институционального дискурса, выступающего носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований, мощным властным ресурсом, средством саморепрезентации, легитимации и позиционирования в социокультурном и политическом. Характер современных исследований в области политической коммуникации характеризуется разнообразием подходов к изучению политического дискурса: 1) дескриптивного,

связанного с изучением речевого поведения политиков и характеристикой содержательной стороны политических текстов; 2) критического, направленного на критическое изучение содержательной стороны языковых способов представления социального неравенства, использование языка как инструмента власти и социального контроля, орудие борьбы идеологий; 3) когнитивного, характеризующегося моделированием сознания участников политической коммуникации; анализом ключевых концептов политического дискурса, политических метафор и их донорских концептуальных сфер, стереотипов речевого поведения, которые являются основой политических убеждений, предубеждений и мифологем; установления ментальных моделей, обусловленных идеологией власти и т. д. Характерные черты политического дискурса проявляются на основе социолингвистического подхода к типологизации дискурса. Противопоставление институционального дискурса персональному подчеркивает трафаретность институционального дискурса, то есть «коммуникацию в своеобразных масках» (В. И. Карасик). Человек как автор дискурса является агентом определенного социального института и использует в своей деятельности общие стратегии представления информации, когнитивные модели, стереотипные жанры, речевые обороты и др. Функциональная специфика политического дискурса по отношению к другим видам дискурса представлена в его главной функции – применения в виде инструмента политической власти, реализующейся в овладении властью, борьбе за нее, сохранении власти, осуществлении, стабилизации и перераспределении власти.

5. В определении границ политического дискурса исходим из его узкого понимания, включая только институциональные формы общения. Политический дискурс определяется как речемыслительная деятельность, которая имеет два плана выражения: лингвистический и лингвокогнитивный. Лингвистический план выражения политического дискурса отражается в использовании определенных языковых средств и проявляется в

совокупности порожденных текстов. Лингвокогнитивный план выражения связан с языковым сознанием и предопределяет выбор языковых средств, воздействуя на порождение и восприятие текстов, реализуемых в рамках коммуникации в политическом дискурсе. Политический дискурс характеризуется информативностью, идеологической направленностью, интертекстуальностью, мифологичностью. Сущность дискурсивного подхода к изучению коммуникации в политическом дискурсе заключается в его междисциплинарном характере, что требует при анализе языкового материала учета наряду с вербальными аспектами экстралингвистических факторов – антропологических, когнитивных, социальных (ролевые установки), психологических, культурных, прагматических (коммуникативная ситуация, коммуниканты). Способом осуществления речевой деятельности в политическом дискурсе выступает речевой стиль, который представляется определенным набором разноуровневых языковых средств: лексических, фразеологических, грамматических, стилистических, отобранных в соответствии с определенными коммуникативными целями, главной из которых является влияние, и выбор которых основывается на характеристике коммуникативной ситуации, определяется ролевой структурой участников общения. Основной формой организации и продуктом этой деятельности выступает политический текст как коммуникативное единство, обусловленное системно-структурной организацией.

6. АПД рассматривается как форма социального действия, определяемая конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических (временных) процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия АПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака (понимаемого как язык в действии) на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата

социальных процессов, мотивированных единством формы и значения. Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти. Важнейшей характеристикой АПД является его этнокультурная специфика, представляемая культурными смыслами – коммуникативным поведением и ценностным отношением «коллективной языковой личности» во фрагментах политической реальности. Экстралингвистический компонент АПД, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, включает ценности коммуниканта. Коммуникация в АПД характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных структур, объясняется особым типом ментальности, который отражает названный тип дискурса.

7. К центральным жанрам политического дискурса относится публичная речь президента, которая соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть. Следуя пониманию жанра как целеполагающей характеристики текста, определяемой деятельностью человека в ситуации соответствующего общения (Е. И. Шейгал), целесообразно выделить следующие группы жанров политического дискурса: 1) ритуальные жанры (инаугурационная речь, традиционное обращение, юбилейная речь, прощальная речь, речь-оправдание / покаяние); 2) ориентационные жанры (послание президента о положении дел в стране, послание президента о положении дел в мире, послание президента другим странам, выступление президента на конференциях различных уровней, отчетный доклад, программная речь, пресс-конференция); 3) агональные жанры (речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление), предвыборные дебаты, сообщение о созыве специальной сессии Конгресса, послание / обращение к Конгрессу, обращение к Генеральной Ассамблее ООН, обращение к Конгрессу с просьбой объявления войны).

8. В политическом дискурсе реализуется идеологическая функция, которая не просто направлена на общественное сознание, а нацелена на ее

ядро – мировоззрение, состоящее из системы принципов, идеалов, убеждений, которые определяют отношение к природе, обществу и человеку. Цель этой функции – укрепить в сознании общества определенные взгляды и представления. Поскольку система базовых понятий человека и общества, нравственных ценностей и идеалов не меняется внезапно, а развивается под влиянием длительного целенаправленного действия, политический дискурс выступает идеальным орудием манипулирования убеждениями, взглядами или действиями других людей с помощью символов – языковых знаков. Общественное назначение политического дискурса состоит в том, чтобы вызвать у адресатов – граждан общества – необходимость «политически корректных» действий или оценок. Таким образом, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробуждая у адресата намерения предоставить почву для убеждения и побудить к действию, проявляющаяся в особом подборе языковых единиц.

9. Исследование коммуникативного взаимодействия индивидов в политическом дискурсе основывается на изучении их диалогического взаимопонимания в соотношении с параметрами языка, среды и культуры. Адресантно-адресатная конфигурация коммуникации в политическом дискурсе выглядит так: адресант (представители государственных организаций) – адресат (граждане общества). При такой конфигурации адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации. В политическом дискурсе реализуется авторитарный тип языковой личности, который стремится к покорению, принуждению и демонстрирует доминирование.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [411; 413; 416; 417; 418].

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Глава посвящена описанию методики лингвистического исследования особенностей АПД XX – начала XXI веков на материале публичных выступлений американских президентов. Национальный ПД рассматривается как целенаправленная межличностная речевая деятельность в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов ее организации и динамики функционирования на разных исторических этапах. Разрабатывается новый комплексный подход к изучению данного вида дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с позиций лингвокогнитивного и коммуникативного подходов в контексте исторической эпохи как особой специфической идеологически и национально-исторически обусловленной ментальности, которая служит передаче знания от одного поколения к другому.

2.1 Комплексный подход к исследованию ПД

Создание современной актуальной методологии исследования АПД требует систематизации теоретических достижений предшественников, детализации методов и приемов исследования ПК.

В XXI в. в лингвистических исследованиях значительно усилился лингвофилософский компонент, обусловленный желанием пересмотреть общепринятые подходы и принципы исследования языка, определиться по отношению к его роли в жизни человека, социума и культуры; определить функциональную природу языка как семантической системы, а также упорядочить и создать соответствующий новому парадигмальному пространству инструментария его исследования.

Современная лингвистическая методология направлена на определение сущности языка в соотношении с сознанием его носителей, социумом,

культурой, действительностью, коммуникацией, процессами познания мироустройства, а также на формирование инструментария, научных положений, способов описания и анализа языка и его продуктов.

2.1.1 Коммуникативно-функциональная и лингвокогнитивная парадигмы как методологическая основа исследования. В нашем исследовании опираемся на две ведущие научные парадигмы: 1) прагматическую (коммуникативно-функциональную), основанную на анализе человеческого фактора в языке, деятельности и телеологического поведения языковой системы в коммуникативной среде (язык начал рассматриваться как орудие достижения человеком успеха, оптимизации интерактивных отношений говорящих в коммуникативной ситуации, разных типах дискурса).

Функциональная (прагматическая) научная парадигма характеризуется восприятием объекта в его взаимодействии с окружающей средой как деятельности функционирования системы. Поэтому эту парадигму иногда называют структурно-функциональной (А. Мартине) или функционально-системной; такой подход требует изучение функций языковых элементов в их взаимодействии с условиями и заданиями общения, т.е. предусматривает диалектику функции и системы. Системный и функциональный подходы дополняют друг друга и объединяются в подходы к языку как адаптивной системе [14, с. 7].

Философские корни функционализма просматриваются в работах И. Канта, В. Джемса, Ф. Шиллера, К. Поппера, Л. Выготского, С. Рубинштейна, М. М. Бахтина. Хотя еще Аристотель требовал изучать объект с двух сторон: структурной и функциональной, статистической и динамической. Зарождение функциональной парадигмы в лингвистике наблюдались и в положениях немецкого лингвиста и философа В. фон Гумбольдта, который главную цель науки о языке видел в переходе ее изучения от «эргона» к «энергии», т.е. от системных явлений к их функционированию в речи. У Ф. де Соссюра тоже наблюдалось стремление

размежевать лингвистику языка и речи, которое было поддержано и развито его учениками и последователями Ш. Балли, А. Мартине, которых можно считать пионерами функциональной лингвистики [246; 247].

Несомненно, функционализм в лингвистике обеспечивает исследование языка как деятельностного, целенаправленного, живого организма, представленного многочисленными речевыми продуктами в соответствующих актах коммуникации. Е. С. Кубрякова рассматривает функционализм как «такой подход в науке, когда его центральной проблемой становится исследование функций объекта изучения, вопросы о его предназначении, особенности его природы в ракурсе выполняемых им заданий, его способности к их выполнению». Общим постулатом функциональной лингвистики является положение о том, что язык является орудием, инструментом, способом и механизмом для реализации определенных целей и намерений – как в сфере познания действительности и ее описание, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия при помощи языка [226];

2) когнитивной (когнитивно-дискурсивной), направленной на разъяснение постоянных корреляций (взаимоотношений) и связей между языком, языковыми продуктами, с одной стороны, и структурами знаний, операциями мышления и сознания, с другой. Взаимодействие когнитивных и дискурсивных исследований Е. С. Кубрякова рассматривает таким образом: «Когнитивный подход должен быть дополнен дискурсивным анализом исследованием функционирования имеющихся форм и созданием новых.» [237, с. 18]. И наоборот, дискурсивные исследования дополняются когнитивным подходом к изучению психоментальной основы речевой деятельности, а именно, это исследование ментальных состояний, которые обуславливают намерения и интенции коммуникантов [495], когнитивных стратегических программ и их реализаций в дискурсе, установление когнитивного обеспечения коммуникативного сотрудничества и эффективности общения и т. д. Когнитивная научная парадигма в

лингвистике характеризуется направленностью на изучение языка как способа получения, сохранения, обработки, переработки и использования знаний, на исследование способов концептуализации и категоризации определенным языком мира действительности и внутреннего рефлексивного опыта. В языкознании проблематика когнитивной ориентации не является новой. Еще в античные времена философы трактовали язык как способ познания окружающего мира. Глубокие корни имеет и проблема соотношения языка и мышления, разработка которой то приближала лингвистику к когнитивному вектору развития (психологическая направленность в языкознании, начиная с В. фон Гумбольдта, лингвистическая психология, гештальтпсихология), то возвращала ее на позиции крайнего вербализма (например, младограмматизм, дескриптивизм, бихевиоризм) и лингвистического детерминизма (Э. Сепир, Б. Уорф и их последователи).

В отечественной лингвистике зарождение когнитивного подхода просматривается в концепции А. А. Потебни, который подчеркивал, что сама форма существования языка является деятельностью, которая накапливает и постоянно развивает мировоззрение и самосознание [326, с. 113–133].

Когнитивная лингвистика рассматривает язык как познавательное орудие кодирования и трансформации знаний, однако язык является не только внутренней способностью человека, а и дан человеку извне и создан независимо от конкретного индивида, навязывая ему при усвоении соответствующий способ категоризации и концептуализации мира и внутреннего рефлексивного опыта этноса.

Когнитивная парадигма базируется прежде всего на рационалистической и феноменологической методологиях, хотя актуальной в некоторых направлениях остается и методология позитивизма.

Главными векторами когнитивных исследований в языкознании стали:

- 1) анализ природы языковой компетенции человека, его онтогенеза;
- 2) установление специфики категоризации и концептуализации мира действительного и внутреннего рефлексивного опыта;

3) описание организации внутреннего лексикона, вербальной памяти человека в соответствии со структурами репрезентации знаний и механизмов памяти в общем;

4) пояснение когнитивной деятельности человека в процессах порождения восприятия и понимания речи, коммуникации;

5) исследование познавательных процессов и роли естественных языков в их осуществлении;

б) установление соотношения языковых структур с когнитивными.

Сегодня когнитивная парадигма представлена различными направлениями, течениями и научными школами. Когнитивная лингвистика ознаменовала начало новой постструктуралистской эпохи в языке. Основа притягательной силы новой научной парадигмы в ее гуманистическом характере: язык рассматривается не как объективно существующая система, а как часть духовного мира каждого говорящего, неразрывно связанная со всей ментальной деятельностью индивида и коллективным сознанием народа [353, с. 213-214; 354, с. 370].

Следует отметить, что в нашем исследовании опираемся на современное парадигмальное пространство лингвистики, представленное сосуществованием двух доминантных парадигм: прагматической и когнитивной, т. к. сегодня внимание исследователей прежде всего сосредоточено на языке как орудии коммуникации и влияния, с одной стороны, и когниции и концептуализации, с другой. Кроме того, процессы функционирования языка, коммуникации опосредованы когнитивными операциями сознания, которое создает основу для исследования их во взаимодействии. Е. С. Кубрякова подчеркивает: «трудно сказать, где заканчивается собственно лексикон и где начинается сфера существования оперативных механизмов речи, они неразрывно связаны между собой, только вместе обеспечивают нормальное протекание речевой деятельности – процесса, который постоянно черпает необходимые для этого данные из людской памяти» [237, с. 370].

Синтез обозначенных парадигм [227, с. 12; 434] дает возможность изучить не только способы представления знаний в языке, но и коммуникативную компетенцию говорящего и адресата, дискурсивные параметры выбора той или иной языковой формы манифестации знаний в тексте или коммуникативной ситуации.

Проблема синтеза состоит в том, что когнитивная и дискурсивная парадигмы, т. е. течения и школы, которые их представляют не интегрированы методологично, хотя исследователи приписывают им новую методологию, которую называют дискурсивной онтологией Л. Выготского, в которой дискурсивные явления получают социально-психологическую, деятельностную и антропоцентрическую интерпретацию [517, с. 30–33].

Однако исследования коммуникативной деятельности остаются методологически разноплановыми: в них представлены позитивистские, рационалистические, феноменологические и функционалистские положения. Поэтому одним из главных заданий лингвометодологии считается создание именно методологических основ их объединения.

Таким образом, характеристика главных научных парадигм дает возможность определить, вслед за Е. С. Кубряковой, современное состояние языкознания как полипарадигмальное [227; 228], которое свидетельствует о востребованности всех парадигмальных позиций, которые сложились на протяжении всего развития лингвистической науки.

2.1.2 Лингвокогнитивный анализ политического дискурса.

Относительно недавно в области анализа ПК лингвистами начал разрабатываться когнитивный подход, позволяющий перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников ПД. Методология структурирования когнитивной базы ПД включает в себя анализ когнитивных моделей и концептов ПД, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений [27; 28; 31; 482; 507; 490; 491].

В рамках когнитивного подхода исследуется также взаимосвязь языка и идеологии [489; 492; 493; 494]. Политическое общение всегда идеологизированное, поскольку коммуниканты выступают в нем не как личности, представляющие самих себя, а представители определенных социальных и политических институтов.

В основе когнитивного метода лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума. Лингвокогнитивный анализ ПД призван выяснить, как в лингвистических структурах проявляются структуры знаний человека о мире, политические представления, присущие человеку, социальной группе или обществу в целом.

Техника когнитивного анализа позволяет реконструировать представления человека о внешнем мире, его симпатиях и антипатиях, ценностных воззрениях, а также позволяет судить о политической ситуации, так как внутренние модели мира лидера оказываются частью объективной картины политической ситуации. Когнитивный подход осуществляется через анализ фреймов, т. е. структур данных для отображения стереотипной ситуации, концептов и метафорических моделей.

КА языка политики является одной из наиболее актуальных задач ПЛ. Вследствие того, что многие лингвисты рассматривают анализ концепта прежде всего, как этимологический, в рамках концептуального анализа также существует историко-этимологическое направление. В ходе подобного анализа рассматриваются способы употребления в политических текстах ключевых понятий социальных теорий и вкладываемые в них содержательные различия. При этом исследуется собственно изменение, эволюция понятия, рассматриваются контексты, в которых оно чаще всего употребляется, предполагается подробный анализ исторической среды, в

которой развивается понятие, а также детальное исследование его семантического поля.

Идея другого направления, также опирающегося на когнитивные методы, состоит в моделировании ситуации, в которой возможно подобная реализация соответствующего понятия в языке. Существует также популярный сейчас подход к анализу политических текстов на основе метафоры, когда основной единицей исследования является так называемая «политическая метафора», т.е. метафора, которая стандартно используется в политической речи для выражения общеизвестных явлений.

Исследования в русле КЛ имеют целью выявление базовых доминант ценностной иерархии языковой личности политика, реконструкцию его ЯКМ. Вербальный облик политика в рамках данного направления изучается с применением методик КА, анализа метафорических моделей и прецедентных феноменов. В ряде работ также встречаются методики анализа когнитивных сценариев и фреймовых структур.

КА речи политических субъектов представлен в работах таких исследователей, как П. С. Акинина, М. В. Гаврилова, С. В. Иванова, Е. К. Мохова и др. [2; 105; 173; 285]. Исследуя своеобразие интерпретации концептов в индивидуальном дискурсе личности, исследователи не только раскрывают их понятийные и ценностные составляющие, но и выделяют значения, образующие ядерные и периферийные смыслы в дискурсе политического деятеля. Кроме того, анализируется выражение концепта – способы его реализации в речи говорящего / пишущего. Для этого характеризуется контекстуальное употребление концепта, все языковые средства, служащие для иллюстрации и уточнения его содержания.

Большую группу исследований в рамках лингвокогнитивного направления составляют работы, в которых особенности речемыслительной деятельности политика рассматриваются сквозь призму построения метафорических моделей [29; 31; 32; 80; 163; 184; 285; 292; 344; 391; 394;

404; 405; 415; 420; 444; 445; 446; 447; 482; 486; 528; 529; 530; 531; 533; 534; 536; 536; 537; 538; 539; 547].

Теоретико-методологической базой этих исследований являются теория КМ (Дж. Лакофф, М. Джонсон), дескрипторная теория метафоры (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), когнитивное изучение метафоры в школе ПЛ [27; 29; 30; 31; 32; 34; 445; 446; 447; 448] и другие направления современной метафорологии, в основе которых лежит представление о метафоре как об особом механизме речемыслительной деятельности. Как отмечают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, такой подход позволяет «вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры» [445, с. 31].

В рамках лингвоперсонологического исследования принципиально важно отметить двунаправленный характер феномена КМ: она создает представление не только об объекте, но и воспроизводящей ее ЯЛ, раскрывая особенности стиля мышления последней.

Так, в исследовании А. М. Нехорошевой [447] метафора рассматривается как механизм осмысления когнитивной матрицы «свой – чужой» в дискурсе канцлера Германии А. Меркель. Исследователь анализирует специфику интерпретации периферийного концепта матрицы «свой – чужой» – концепта POLITIK с опорой на классическую типологию концептуальных метафор Дж. Лакоффа.

В работах И. С. Грабовенко, Е. А. Нахимовой, И. С. Поляковой и др. в качестве средств вербализации ценностных доминант ЯЛ политика рассматриваются прецедентные феномены. Методика анализа прецедентности в речи политического субъекта в целом соответствует описанному выше анализу КМ: прецедентные высказывания распределяются по сферам-источникам, подвергаются статистическому анализу и характеризуются с точки зрения прагматического потенциала [447].

В работах таких исследователей, как Е. Г. Беляевская, М. Б. Данилова, Е. В. Мурай и других, используется оригинальная методика анализа

когнитивных сценариев и фреймовых структур. Так, в статье Е. Г. Беляевской «Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе (к методике анализа)» рассматриваются принципы конструирования фрейма «Политик» как основы формирования образа политического деятеля в разных видах дискурса. В статье Е. В. Мурай «Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом и автобиографическом дискурсах» [447].

Данная методика апробируется на материале текстов биографий и автобиографий американских политиков разных эпох – супружеских пар Рузвельт и Клинтон, а также президента Дж. Кеннеди и госсекретаря М. Олбрайт. Автор предлагает рассматривать фрейм как объемную структуру, состоящую из центральных и фоновых модулей (выделяемых по аналогии со слотами), которые реализуются в условно выделенных временных планах – прошлого, настоящего и будущего. Анализируя языковые репрезентации выявленных модулей и блоков в дискурсе каждого из рассматриваемых политиков, автор делает выводы об особенностях гендерных сходств и различий в обобщенном образе американского политика [447].

КА, предполагает в качестве базового направления реконструкцию концептуальной структуры текста политического сообщения. Под концептуальной структурой текста мы понимаем набор взаимосвязанных концептов, актуализированных в тексте политического сообщения, обязательная взаимная соотнесенность которых делает возможным при анализе взять за основу один из концептов, рассматривая остальные в качестве значимого фона.

Концептуальная структура текста эксплицируется вербальными средствами на лексическом, лексико-фразеологическом и композиционно-стилистическом уровнях текст. Вербальные средства экспликации концептуальной структуры текстов политических сообщений могут поддерживаться» невербальными / паралингвистическими средствами, что объясняется спецификой данного типа текста, особой ролью визуального

компонента его структуры. КА текстов представляет собой комплексный метод, включающий, во-первых, приемы исследования концепта, традиционно используемые при анализе концептов в языке, во-вторых, специфические процедуры интерпретации концептов в тексте.

Поскольку в процессе исследования решается несколько задач, КА может осуществляться поэтапно, что позволяет говорить о методике КА. КА не носит характер жёстких предписаний, применение тех или иных приёмов определяется характером анализируемого материала и интуицией исследователя.

На первом этапе в корпусе текстов выделяются актуализированные ЛЕ. При их выделении используются в качестве критерия дифференциальные признаки так называемых ключевых слов текущего момента, под которыми понимают слова и обороты, актуальные для данного исторического периода развития общества, характерные для текстов ПД.

К собственно языковым особенностям ключевых слов текущего момента относятся резко возросшая частотность употребления ключевого слова, тяготение ключевого слова к позиции заголовка – сильной позиции в тексте, расширение сочетаемости ключевого слова, формирование новых синонимических и антонимических связей ключевого слова, использование ключевого слова в качестве имени собственного, тенденция включаться в высказывания типа дефиниций, тенденция быть объектом языковой игры [353, с. 263–264].

На втором этапе среди отобранных ключевых слов осуществляется выбор слова-имени концепта. Критериями могут служить следующие признаки: принадлежность к группе имен существительных, абстрактность имени, частотность. Полученный список сопоставляется с перечнем слов-концептов.

Третий этап исследования – собственно анализ, направленный на выявление вербальных лексических способов экспликации концептуальной структуры текстов. В ходе анализа особое внимание обращается на сильные позиции в композиционной структуре текста: слоган, заголовок, зачин,

заключение, эхо-фразу. На данном этапе анализируется лексический уровень текста, выявляются текстовые репрезентации концептов на основе формальных показателей: наличия в тексте ключевого слова – имени концепта и однокоренных слов, поскольку концепт заложен в корне слова и реализуется во всей словообразовательной парадигме. Как правило, на этом этапе в качестве вспомогательного приема используется дефиниционный анализ ключевого слова и однокоренных с ним слов. Необходимость применения этимологического анализа, выявляющего внутреннюю форму слова, подсказывает текстовый материал.

Анализ сочетаемости слов позволяет также выявить экспликацию концепта посредством КМ. В политическом пространстве существуют свои КМ, обладающие огромной силой воздействия и узнаваемостью.

В результате стилистического анализа текстов выявляются стилистические средства репрезентации и маркирования концепта: средства словесной образности, к которым относятся тропы (метафора, метонимия, синекдоха, образное сравнение, эпитет, гипербола, перифраза и др.), а также синтактико-поэтические фигуры [353, с. 263–264].

2.1.3 Дискурсивный анализ. Важнейший постулат современной ПЛ – дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это означает, что каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношения с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Представители дискурсивного анализа не ставят своей целью выдвижение гипотез с их последующим подтверждением или опровержением. Любой исследователь знает, что полученные данные можно представить, как подтверждающие, так и опровергающие любую гипотезу. Поэтому, основную

цель дискурсивного анализа формулируется как создание описания того, что может скрываться за каким-либо текстом или группой текстов.

Дискурсивный анализ произвел революцию в исследовательских практиках гуманитарных наук, соединив такие две сферы, как мир знакового содержания и мир социального действия, дав возможность существованию множеству направлений и концептуальных подходов в исследовании дискурса: от узко-лингвистических до культурологических в самом широком смысле этого слова.

В нашем исследовании исходим из того, что понятие «дискурс» фиксирует содержательное единство текста и социального контекста. Дискурс – это речь, произносимая здесь и сейчас, в данное время и в данном социальном контексте. Таким образом, применяя метод дискурсивного анализа, считаем объектом изучения не только текст, но и экстралингвистические факторы: знания о мире, мнения, установки, цели, социальный опыт, образ жизни коммуникантов. Именно эти факторы и обеспечивают понимание текста [129, с. 121–122].

Исследователь дискурса не просто «раскладывает» текст на составляющие, но пытается обнаружить, почему один текст бывает понят, а другой остается за пределами понимания, почему в одних случаях коммуниканты слушают и слышат друг друга, а в других – говорят будто бы на разных языках.

Как известно, знание о мире у каждого человека организовано в определенные концептуальные системы, получившие название фреймов. Фреймы представляют собой некие рамки, в которые в определенном порядке укладывается новая информация о мире. Примером такой рамки может служить тот или иной идеологический концепт, сквозь призму которого человек приватизирует новую информацию.

Изучение дискурса особенно важно в политике. Не будет преувеличением сказать, что речь в политике – один из главных инструментов. Иногда это обстоятельство абсолютизируется

исследователями. Как полагает немецкий политолог М. Хеттих, мы называем политикой то, что подразумевается под политикой самими людьми. Политика существует лишь в виде мышления, говорения, поведения. Разумеется, политику нельзя считать чисто вербальным продуктом, но и преуменьшать в ней роль языка также не стоит.

Заметим в этой связи, что дискурсивные исследования носят не только строго академический, но и практический характер. Они могут и, по-видимому, должны составлять основу для разработки эффективных социальных и политических технологий. При этом данные исследования не могут и не должны претендовать на создание универсальных исчерпывающих объяснений сложной политической реальности. Однако без дискурсивных исследований невозможно составить более или менее полное представление о политическом процессе.

2.1.4 Диахронический анализ в исследованиях дискурса.

Исследование истории метафорических систем – одно из интенсивно развивающихся направлений современной политической метафорологии. Специалисты стремятся проанализировать специфику проявления тенденций к исторической стабильности и обновлению, к национальной самобытности и взаимодействию с иными культурами на разных этапах развития систем политических метафор.

За последние десятилетия в Российской Федерации подготовлено множество исследований, посвященных разноаспектному описанию политической метафорики на различных синхронных срезах – досоветском (начиная с древнерусского), советском, постсоветском, современном [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 445; 446; 447; 448].

Подобные исследования позволяют воссоздать особенности мировидения определенной нации в минувшие эпохи, однако не представляют трансформацию исходной политической картины мира в современную, проследить эволюцию политической метафорической системы [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 445; 446; 447; 448].

В подобных исследованиях важно учитывать предложенный Э. В. Будаевым тезис о необходимости разграничивать собственно диахронический анализ и анализ ретроспективный, направленный на изучение явлений, характерных в определенный исторический период. Анализ материала минувших эпох в определенный временной период (ретроспекция) – это, по сути, «синхрония, опрокинутая в прошлое», поскольку синхронический и ретроспективный подходы основаны исключительно на изучении нетемпоральных закономерностей, первый – в современности, второй – в истории, в то время как противопоставленный им по своей сущности «диахронический анализ нацелен прежде всего на фиксацию темпоральных изменений или констатацию отсутствия таковых в изучаемых явлениях» [447].

Несомненно, что именно диахронический подход к анализу материала, основанный на сопоставлении данных разных эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, так как позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики и культуры.

Исследование диахронического развития политической метафоры, первоначально представляющее собой группу единичных разрозненных наблюдений, существенно отличающихся по целям и методике, на данном этапе постепенно превращается в одно из интенсивно развивающихся направлений науки, находящееся на пересечении сравнительно-исторического языкознания, когнитивистики и политологии.

Постепенно формируется понятийно-терминологический аппарат политической метафорологии. В публикациях А. П. Чудинова обосновано введение термина «доминантная метафорическая модель», дано его определение и сформулированы закономерности в истории политической метафоры [445; 446; 447; 448]. Здесь же охарактеризовано чередование

периодов интенсивного развития («метафорические бури») и периодов относительной стабильности («метафорические штили»).

В монографии Э. В. Будаева охарактеризован зарубежный опыт ретроспективных и диахронических исследований политической метафорики, охарактеризованы методики сопоставления метафорики различных дискурсов и предложены методики равномерной и фокусной фрагментации, а также фрагментации с комбинированным шагом [447].

Л. В. Балашова и О. Н. Кондратьева предложили фундаментальные описания эволюции социально-политической метафорики от древнерусского периода к современности, тем самым представив современную политическую метафору как закономерный этап в ее тысячелетней истории [447].

Современные диахронические исследования политической метафорики в наиболее общем виде направлены на рассмотрение взаимодействия тенденций к исторической стабильности и исторической динамике, к сохранению культурной самобытности и к взаимодействию с другими культурами. Многочисленные факты, свидетельствующие об архетипичности систем политических метафор, дополняются материалами, свидетельствующими о значительной вариативности политических метафор.

Взаимодействие тенденций к стабильности и вариативности национальных метафорических систем проявляется, в частности, в том, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются едва ли не во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность, на появление новых вариантов и углубление аллюзивного потенциала. В частности, М. Осборн, изучив десятки политических выступлений XIX–XX вв., обнаружил, что технический прогресс может уменьшать распространенность традиционных метафор. Например, в XX в. резко сократилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX в. речные и океанские метафоры были очень распространены [447]. Яркой чертой нашего времени стала экспансия компьютерной (по сфере-источнику) метафорики, которая, с

одной стороны, тесно связана с традиционной сферой-источником «Техника», а с другой — отличается принципиально новыми направлениями развития метафорических смыслов.

Когнитивная концепция стабильности и инноваций в политической метафорике получила оформленный характер в теории КМ, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром [533; 537].

Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем при критике теории КМ необходимо учитывать, что, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, КМ согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и объясняет причины диахронической вариативности политической метафорики.

Для когнитивной теории политической метафоры важны публикации Дж. Лакоффа, посвященные первой и второй войне в Персидском заливе [537; 540]. Здесь автор, с одной стороны, демонстрирует однотипность многих метафорических образов, а с другой — выделяет новые метафорические модели. Исследователь детально характеризует метафорические системы, служащие для оправдания участия США в военных действиях против Ирака и метафорические способы дискредитации президента Саддама Хусейна.

Для нашего исследования особую значимость имеет вопрос об исторической динамике американских политических метафор. В последние годы проблемы исторического развития политических метафор активно изучают представители Уральской лингвистической школы [447].

Авторами рассмотрены тенденции к стабильности и инновациям в истории российских политических метафор, сопоставлены отечественные и зарубежные методики изучения истории политических метафор,

охарактеризован вклад российских ученых в теорию и методику исследования политической метафорики, развитие теории и практики исторической метафорологии. Сделан вывод об арсенале современных российских политических метафор как сложной системе, ставшей итогом многовекового развития, как результате взаимодействия тенденций к стабильности и инновациям, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами.

Разделение периода времени на определенные сегменты при диахронических исследованиях политической коммуникации может быть равномерным и фокусным. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафорики.

Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании [447].

Также в работе Э. В. Будаева был сделан вывод, что диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в ПД (динамика метафоричности дискурса). Вторым связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики) [447].

В исследованиях О. Н. Кондратьевой была предложена методика диахронического анализа метафорики в отдельно взятой лингвокультуре, описаны основные факторы (экстралингвистические и лингвистические), влияющие на возникновение и эволюцию метафорических моделей, и

продемонстрирована зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса [447].

Интересные примеры соотношения стабильности метафорических моделей и постоянного обновления конкретных метафорических образов представлены в исследованиях Р. Д. Керимова. Анализ современных немецких политических метафор свидетельствует, с одной стороны, об активном использовании традиционной для Германии военной модели, а с другой – позволяет убедиться, что арсенал конкретных образов связан с различными эпохами [447]. Стабильность модели и вариативность конкретных образов – характерное свойство политической метафористики.

Энциклопедией истории русской метафористики стала обобщающая монография «Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.» [447]. Для нашего исследования особенно важна третья глава, где представлено авторское видение принципов диахронического исследования метафоры. В поисках истоков современной теории Л. В. Балашова обращается к созданным еще в конце XIX в. трудам Н. В. Крушевского, который сформулировал закон «соответствия мира слов миру мыслей» и доказал, что изменения значений слов во многом зависят от динамики «наших представлений о реальной действительности».

Важны для исторической метафорологии идеи М. М. Покровского, который на рубеже XIX и XX вв. неоднократно подчеркивал системный характер развития словесной семантики. Вместе с тем Л. В. Балашова справедливо отмечает взаимодействие «системных и асистемных тенденций как в синхронном состоянии языка, так и в его развитии» [447]. Исследователь подчеркивает «необходимость учитывать особенности культуры народа, реалии, сопровождающие носителей языка» [447].

Интерес исследователей вызывает не только эволюция метафорических моделей, репрезентирующих образ страны, но и моделей, репрезентирующих образ политика в разные эпохи. Например, при создании образа современного политика метафоры используются преимущественно для

описания его внешнего облика, манеры поведения, принятых политических решений, результатов его политических преобразований и т. д. [171; 172; 173; 174; 175; 447 и др.]), в то время как в древнерусских текстах прежде всего представлена метафорическая характеристика внутреннего мира политического персонажа, его души, сердца, ума и совести.

Аргументами в споре политических противников в борьбе за власть становятся не столько политические программы и идеология, сколько нравственный облик политика, его моральные качества, совершенство / несовершенство его внутреннего мира, его соответствие нравственно-религиозным нормам того времени. [447].

Изучение идиостиля политика, в том числе эволюции его метафорического инструментария имеет лингвоперсонологический характер, при этом акцент делается не просто на рассмотрении основных языковых особенностей (в том числе и метафорических) конкретного политического деятеля, но непосредственно на анализе его языковой эволюции, анализе метафор, доминирующих на каждом этапе его политической карьеры, выявлении причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля.

Подобный ракурс изучения позволяет установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый конкретный период, т. е. даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.

Приведенный анализ разнообразных аспектов диахронических исследований политической метафорики демонстрирует, что изучение динамики метафорических моделей является областью, требующей исследовательского внимания. Комплексное диахроническое исследование эволюции метафорических моделей в ПД станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать

выявлению особенностей миромоделирования американской нации на разных этапах ее развития.

В лингвистической традиции используется несколько параметров классификации метафорических моделей [445, с. 32–47]. При диахроническом анализе материала, на наш взгляд, наиболее продуктивна именно классификация моделей по сфере-источнику, поскольку выбор исходной сферы метафорической экспансии в каждом периоде сопряжен с политической ситуацией эпохи, с особенностями национального мировидения в данный период. Соответственно, увеличение или сокращение числа метафорических моделей, восходящих к определенной сфере-источнику, большая их структурированность или, напротив, упрощение их структуры позволят определить доминантные для изучаемого периода модели.

Доминантной следует считать модель, «потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей» [445, с. 178]. Подобные модели максимально отражают специфику соответствующего исторического этапа.

Лингвокультурологическая и лингвокогнитивная интерпретация полученных результатов как заключительный этап анализа представляет собой установление взаимосвязи происходящих изменений с политической ситуацией в стране, национально-культурной спецификой, индивидуально-авторской спецификой, определение когнитивных механизмов, задействованных в соответствующую эпоху для осмысления и описания политических процессов.

Использование указанных процедур позволит выполнить комплексное диахроническое описание метафорических моделей в ПК, даст возможность установить базовые метафорические модели, существовавшие на протяжении всего изучаемого периода, проследить их динамику, определить

дискурсивную и лингвокультурологическую обусловленность, а также отчасти установить основные особенности национального мировидения.

Подводя итоги, отметим, что изучение динамики метафорических моделей в политической коммуникации продолжает оставаться областью, требующей исследовательского внимания, в том числе с точки зрения методологии и методики исследования. Комплексное рассмотрение эволюции метафорических моделей (в ПД, в рамках определенных жанров, в речи отдельных политиков и др.) станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей национального миромоделирования на разных исторических этапах его развития.

В настоящее время теория и методология диахронической метафорологии стремительно развивается: уточняется ее понятийно-терминологический аппарат, предлагаются новые варианты методики исследования динамики исторических изменений, сопоставляются различные аспекты изучения исторической динамики метафор, обнаруживаются новые закономерности развития метафорических систем, в том числе выделяются доминантные для того или иного дискурса модели, отмечаются факты смыслового развития соответствующей метафорики.

2.2 Характеристика материала исследования

Поскольку объектом нашего исследования является АПД в XX – начале XXI веков, рассматриваемый в институциональном контексте, считаем необходимым выявить специфику политических речей президентов США на разных исторических этапах в сопоставлении со сложившимися правилами публичных выступлений главы государства США, формирующими АПД, в диахроническом и синхронном аспектах, а также в сравнении с речевой традицией американской политической риторики. Обращение к выступлениям американских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения в становлении и

функционировании АПД на стыке времен. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие ПД.

Материалом исследования служат тексты официальных стенограмм публичных выступлений президентов США, представленные на сайте – *Millercenter.org: Presidential speeches*.

Для рассмотрения были отобраны тексты публичных выступлений президентов: XX века (Приложение А) – Т. Рузвельта [(14.09.1901–04.03.1909): 23 выступления], У. Тафта [(04.03.1909–04.03.1913): 12 выступлений], В. Вильсона [(04.03.1913–04.03.1921): 33 выступления], У. Гардинга [(04.03.1921–02.08.1923): 16 выступлений], К. Кулиджа [(02.08.1923–04.03.1929): 12 выступлений], Г. Гувера [(04.03.1929–04.03.1933): 30 выступлений], Ф.Д. Рузвельта [(04.03.1933–12.04.1945): 50 выступлений], Г. Трумэна [(12.04.1945–20.01.1953): 19 выступлений], Д. Эйзенхауэра [(20.01.1953–20.01.1961): 6 выступлений], Дж. Кеннеди [(20.01.1961–22.11.1963): 44 выступления], Л. Джонсона [(22.11.1963–20.01.1969): 70 выступлений], Р. Никсона [(20.01.1969–09.08.1974): 28 выступлений], Дж. Форда [(09.08.1974–20.01.1977): 17 выступлений], Дж. Картера [(20.01.1977–20.01.1981): 22 выступления], Р. Рейгана [(20.01.1981–20.01.1989): 61 выступление], Дж. Г. У. Буша («Джордж Буш-старший») [(20.01.1989–20.01.1993): 27 выступлений], Б. Клинтона [(20.01.1993–20.01.2001): 39 выступлений] (Приложение Б, таблица 1); начало XXI века (Приложение А) – Дж. У. Буша («Джордж Буш-младший») [(20.01.2001–20.01.2009): 49 выступлений], Б. Обамы [(20.01.2009–20.01.2017): 56 выступлений], Д. Трампа [(20.01.2017–20.01.2021): 48 выступлений] (Приложение Б, таблица 2).

Следует отметить, что в XX веке президентами США были представлены 509 публичных выступлений, относящихся к *ритуальным* (66), *ориентационным* (360) и *агональным* (83) жанрам ПД, включая:

инаугурационное обращение президента (23), традиционное обращение (12), юбилейная речь (21), прощальная речь (7), 5) речь-оправдание / покаяние (3), послание президента о положении дел в стране (103), послание президента о положении дел в мире (131), послание президента другим странам (13), выступление президента на конференциях различных уровней (12), отчетный доклад (70), программная речь (11), пресс-конференция (30), речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление) (22), предвыборные дебаты (26), сообщение о созыве специальной сессии Конгресса (2), послание / обращение к Конгрессу (20), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (10), обращение к Конгрессу с просьбой об объявлении войны (3) (Приложение Б, таблица 1).

В эмпирический корпус также включены 153 текста АПД начала XXI века *ритуальных жанров* (14): 5 текстов инаугурационных обращений президента, 6 юбилейных речей, 2 прощальные речи и 1 текст, представляющий речь-оправдание / покаяние; *ориентационных жанров* (109): послание президента о положении дел в стране (48), послание президента о положении дел в мире (20), послание президента другим странам (11), выступление президента на конференциях различных уровней (3), отчетный доклад (17), программная речь (2), пресс-конференция (8), *агональных жанров* (30): речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление) (4), предвыборные дебаты (16), послание / обращение к Конгрессу (5), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (5) (Приложение Б, таблица 2).

Таким образом, проанализированы 662 публичных выступления, относящихся к *ритуальным* (80), *ориентационным* (469) и *агональным* (113) жанрам ПД (Приложение Б, таблица 3).

2.3 Методика лингвистического анализа политического дискурса

Для понимания и успешного описания механизмов ПК политическая лингвистика, сформировавшаяся на пересечении разных областей

гуманитарных наук, привлекает достижения когнитивной лингвистики, дискурсологии, функциональной риторики, стилистики, социолингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста. В данной сфере на сегодняшний момент отсутствует единая теоретическая база, терминология и методика исследования, что вызывает необходимость формирования терминологического и понятийного минимума, который может обеспечить систематическую передачу исследуемого материала и взаимопонимание между его исследователями.

В набор базисных понятий и терминов, которые охватывают главные проблемы ПЛ, можно включить следующие:

1) лингвоментальная или языковая картина политического мира, являющаяся сложным единением таких ментальных единиц, как ментальные поля (ментальные сферы), политические концепты, антиценности и ценности, стереотипы в ПД [295, с. 111];

2) ПК и связанные с ней ПД, тактики и стратегии в ПК, жанры политической речи, политическая фразеология и лексика, политическая сфера и ее уровни, политический текст, политическая речь и политический язык [447, с. 9].

Вслед за Т. ван Дейком в определении границ ПД исходим из его узкого понимания, включая только институциональные формы общения [490]. Таким образом, АПД – это речевой акт, сопровождающий политическое действие в политической обстановке.

Развивая идею сложной структурированности политической жанристики Б. С. Каримовой [195], вслед за Е. И. Шейгал, понимаем ПД как конгломерат определенных жанров. К центральным жанрам относим публичную речь президента, которая соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть [460].

Исходя из специфических черт АПД и особенностей его функционирования в XX – начале XXI веков, считаем целесообразным

применение комплексного анализа для его изучения, основанного на сочетании различных методов и подходов научного исследования.

В основе исследования лежат общенаучные принципы системного и исторического анализа, а также институционального и структурно-функционального подходов. Основным методом исследования является когнитивный дискурс-анализ. Методика, реализованная в данной работе, представляет собой синтез существующих методик анализа ПД, отобранных согласно цели и задачам исследования.

Являясь основным методом когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, дискурсивный анализ предполагает анализ обстоятельств осуществления речевого взаимодействия, поскольку контекстуальное окружение влияет на выбор лингвистических средств. Когнитивный подход [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 232; 233; 234; 235; 236; 237; 572; 573; 574] не только связывает форму речевого произведения с такими универсальными познавательными процессами, как порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора, но в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний. Эту особенность когнитивного подхода используют для выявления представлений политика о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о ценностной ориентации политика и т. п.

Другим преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил США, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также строить предсказывающие модели в политологии [302; 358].

Понимание риторики как науки об эффективности речевых коммуникаций общества, способах и правилах построения целесообразного общения стилиа жизни общества позволит выяснить приемы целесообразной и убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности американских политиков на срезе различных исторических эпох.

Связь когнитивного и риторического аспектов изучения ПД проявляется в том, что ясность и выразительность речи связана с коммуникативной функцией понимания. Риторические приемы являются не только средством украшения речи, но и способом выражения мысли.

Поскольку объектом нашего исследования является АПД в XX – начале XXI веков, рассматриваемый в институциональном контексте, считаем необходимым выявить специфику политических речей президентов США на разных исторических этапах в сопоставлении со сложившимися правилами публичных выступлений главы государства США, формирующими АПД, в диахроническом и синхронном аспектах, а также в сравнении с речевой традицией американской политической риторики.

Обращение к выступлениям американских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения в становлении и функционировании АПД на стыке времен. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие ПД.

Принимая во внимание тот факт, что АПД – это явление сложное и многомерное, применена комплексная методика его исследования. Привлечение релевантных признаков смежных наук позволило глубже исследовать и в полной мере раскрыть сущность, специфику и эволюцию АПД в XX – начала XXI веков.

Исследование функционирования АПД в XX – начале XXI веков проводится в четыре этапа:

Подготовительный этап предполагает систематизацию теоретических достижений предшественников, детализацию методов и приемов исследования ПК, выбор терминосистемы исследования эволюции АПД в XX – начале XXI веков. Неотъемлемым шагом данного этапа является выбор методики исследования.

Первый этап включает формирование корпуса языкового материала. Методика формирования эмпирического корпуса в данной работе предполагает отбор политических текстов публичных выступлений президентов США, принадлежащих к ритуальным, ориентационным и агональным жанрам ПД [195; 460]. Данный этап предусматривает использование метода контекстуального анализа и количественного анализа. Материалом исследования служат тексты официальных стенограмм публичных выступлений президентов США, представленные на сайте – *Millercenter.org: Presidential speeches*.

Второй этап. Считаем, что изучение АПД невозможно без осмысления концептосферы политического дискурса. Концепту отводится особое место в политическом сознании. Концепты ретранслируют ценности и идеи, к которым обращается президент в своих публичных выступлениях. Исследование концептов политической картины мира способствует пониманию сущности проводимой государством политики, результаты деятельности представителей которой во многом определяют статус, благосостояние и уровень жизни граждан.

Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса и составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса [460, с. 24].

В связи с многогранностью объекта исследования, представляющего собой ментальный образ политического пространства, сформированного когнитивным сознанием человека, эволюция которого связана с развитием и

изменениями в духовной и материальной культуре и вербализованным лексико-семантической парадигмой языковых единиц, изменяющейся под воздействием интралингвистических и экстралингвистических факторов, необходимо рассмотреть структуру дискурсообразующего и национально-маркированного концепта, представленную совокупностью конституирующих его дифференциальных и классификационных признаков, трансформирующихся в диахронии, т.е. происходящие изменения набора признаков и их значимости относительно друг друга, что отражается в языке и может быть прослежено на примере анализа семантики языковых репрезентантов концепта.

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения [25; 26; 236; 320; 321; 322; 323; 324; 190; 269; 270; 271; 272; 374; 51; 52; 54; 476]: под концептом понимаем сложную, динамическую, структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение.

Концепт рассматривается как явление динамическое в силу ряда факторов: социальных изменений, переоценки морально-этических ценностей и др. Динамичность концепта заключается в появлении новых значимых признаков, которые обогащают структуру концепта, либо исчезновение ранее существовавших признаков, что также ведет к изменениям в его структуре. Концепт обладает сложной структурой, что неоднократно отмечено в ряде работ лингвистов [54; 96; 97; 98; 190; 270; 271; 293; 294; 323, 375; 380]. Структура концепта обусловлена структурой действительного мира и отражает результат культурной жизни разных эпох.

Анализ ЛЕ в рамках когнитивной парадигмы понимается как выражение концепта, предполагает процедуру выделения концептуальных признаков, до некоторой степени схожую с процедурой компонентного анализа, при этом, конечной целью такого исследования становится описание процессов

концептуализации и категоризации окружающего мира действительности. Диахронический подход к языковым фактам заключается в их последовательном анализе на каждом выделяемом синхронном этапе.

Методологическую основу диссертации составляет функциональная парадигма, обосновывающая когнитивно-дискурсивный подход к изучению концепта как состояния ментальных и психических ресурсов сознания индивида в процессе речемыслительной деятельности на продуцирование / интерпретацию дискурса и интегрирующая отдельные достижения школ когнитивной лингвистики, в частности трактовка когнитивного анализа как логического продолжения семантического [235; 236], разграничение понятийной, образной и ценностной информации в структуре концепта [190; 368; 369], фреймовое представление структуры значения единицы языка / концепта [502; 503; 154; 155], а также теорию концептуальной метафоры [533; 535; 536; 537; 538; 539; 529; 530; 531 и др.].

Теоретико-методологическая база исследования обуславливает использование методов как традиционной функционально-семантической парадигмы (дефинитивного, компонентного анализа, методики лексической трансформации – для инвентаризации, структурно-семантической и идеографической классификации средств вербализации концептов; этимологического анализа – для установления этимонов имени концепта; контекстологического анализа – для выявления дискурсивных реализаций средств вербализации концепта; количественного анализа – для обоснования выбора имени концепта), так и когнитивно-дискурсивной парадигмы (методики фреймового моделирования – для построения фреймовой модели концепта; инструментария теории концептуальной метафоры – для установки коррелятов конвенциональных метафор, формирующих образно-ценностный компонент концепта; методики прагматически-когнитивной интерпретации значения – для выяснения оценочных коннотаций, составляющих основу ценностного содержания концепта).

Исследование публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются ключевые концепты американского политического дискурса на разных исторических этапах. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что основу (ядро) семантического пространства американского политического дискурса в XX – начале XXI веков составляют несколько концептов, среди которых базовыми дискурсообразующими являются концепты POLITICS (ПОЛИТИКА), STATE (ГОСУДАРСТВО), PEOPLE (НАРОД) и POWER (ВЛАСТЬ). Кроме того, выделяются национально-маркированные концепты: AMERICA, в значительной степени представленный концептуальными элементами ‘American promise’, ‘American spirit’, ‘American dream’, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, FREEDOM, DEMOCRACY, EQUALITY, NATIONALISM / PATRIOTISM, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM.

Анализируя дискурсообразующие и национально-маркированные концепты, сопоставляя их семантический объем и выявляя основные особенности их вербализации, присущие американцам США на разных исторических этапах, разрабатывается фреймовая модель для отображения их смысловой структуры и проводится описание их семантической структуры, определяются универсальные и специфические черты в характере структурирования концептуального пространства АПД и особенности вербализации данных концептов на разных исторических этапах.

Для описания способов вербализации дискурсообразующих и национально-маркированных концептов в АПД XX – начала XXI веков выявляются и анализируются значимые когнитивные дифференциальные и классификационные признаки концептов в диахронии на материале публичных выступлений президентов. Работа выполняется в рамках когнитивного подхода к исследованию семантики слов (семантико-когнитивный подход к языку), к интерпретации семантических компонентов

языковых единиц, объективирующих когнитивные дифференциальные и классификационные признаки дискурсообразующих и национально-маркированных концептов.

Диахронический подход к анализу языкового материала, основанный на сопоставлении данных разных эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т.к. позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику исторического этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, культуры и политики.

На третьем этапе проводится анализ интенциональной направленности АПД. Частое использование концептуальных метафор в речи президента страны дает основание утверждать, что концептуальная метафора является самым продуктивным прагматическим средством в исследуемом дискурсе. Выделяются наиболее типичные концептуальные метафоры, используемые адресантом с целью оказания влияния, проводится анализ основных факторов (экстралингвистических и лингвистических), влияющих на возникновение и эволюцию метафорических моделей, демонстрируется зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса. Изучение идиостиля президента, в том числе эволюции его метафорического инструментария, доминирующего на каждом этапе его политической карьеры, выявление причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля позволяет установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на аудиторию в каждый конкретный период, т.е. дает возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика. Применяются лингвостилистический и количественно-качественный методы анализа, на которых основывается изучение политического дискурса.

На четвертом этапе проводится анализ коммуникативных особенностей АПД в XX – начала XXI веков. Выбор в качестве источника анализа речевого жанра публичного выступления президента обусловлен тем, что именно эта жанровая разновидность ПД направлена на предоставление развернутой информации от адресанта, является той многогранной и подвижной формой, в которой в большей степени апробируются все те новые языковые явления, характерные для определенного времени. Следует отметить, что особое внимание в этом жанре уделяется такому изложению материала, который обладает значительной убеждающей силой.

Выделены и описаны пять основных моделей адресантно-адресатной конфигурации, которые определяют характер коммуникации в АПД и являются определяющим фактором при подборе форм и стратегий общения, а именно 1. адресант (президент) – адресат (граждане США); 2. адресант (президент) – адресат (мировое сообщество); 3. адресант (президент) – адресат (политические сторонники); 4. адресант (президент) – адресат (политические противники); 5. адресант (президент) – адресат (Конгресс).

В данных моделях адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации, реализуется тип языковой личности, стремящейся к убеждению, покорению, принуждению и демонстрирующий доминирование:

(2) *'In Hawaii our aim must be to develop the Territory **on the traditional American lines**. We do not wish a region of large estates tilled by cheap labor; we wish a **healthy American community** of men who themselves till the farms they own. All our legislation for the islands should be shaped with this end in view; the well-being of the average home-maker must afford the true test of the **healthy development of the islands**. The land policy should as nearly as possible be modeled on our homestead system.'* [703]

(3) *'.... **What America has done has given renewed hope and courage to all who have faith in government by the people. In the large view, we have reached a***

higher degree of comfort and security than ever existed before in the history of the world. Through liberation from widespread poverty we have reached a higher degree of individual freedom than ever before. The devotion to and concern for our institutions are deep and sincere. We are steadily building a new race--a new civilization great in its own attainments. The influence and high purposes of our Nation are respected among the peoples of the world. We aspire to distinction in the world, but to a distinction based upon confidence in our sense of justice as well as our accomplishments within our own borders and in our own lives. ... ' [662]

(4) *'Our combined military plans will be made known only as we execute them, but we believe that the very close working partnership among the three staffs attained at this Conference will result in shortening the war. Meetings of the three staffs will be continued in the future whenever the need arises. Nazi Germany is doomed. The German people will only make the cost of their defeat heavier to themselves by attempting to continue a hopeless resistance.'* [702]

(5) *'We were united by our conviction that America was the world's most exceptional country, blessed with the most incredible heroes, and that this was a land worth defending with our very last breath.'* [734]

(6) *'These men and women grew up with faith in an America where hard work and responsibility paid off. They believed in a country where everyone gets a fair shake and does their fair share -- where if you stepped up, did your job, and were loyal to your company, that loyalty would be rewarded with a decent salary and good benefits; maybe a raise once in a while. If you did the right thing, you could make it. Anybody could make it in America.'* [682]

Используется дискурсивный анализ, позволяющий осуществить концептуально-интерпретационный анализ текста для определения коммуникативных стратегий и тактик в АПД XX – начала XXI веков.

Описательный метод позволяет систематизировать разноуровневые языковые единицы реализации выделенных стратегий и тактик и дает возможность комплексного представления полученных результатов.

Контекстологический анализ применяется с целью определения синтаксической и лексической детерминированности употребленного набора языковых способов в анализируемых типах политических текстов.

Применение контекстуально-семантического анализа дает возможность для исследования семантико-содержательных характеристик лексических единиц, выделенных в политических выступлениях президентов США в XX – начале XXI веков.

Определено, что в формировании указанного типа дискурса главной коммуникативной интенцией выступает интенция оказания влияния. Исследуя коммуникативные ситуации, которые актуализируют названную интенцию, приходим к выводу, что для достижения определенной коммуникативной цели используются коммуникативные стратегии, которые выступают фактором создания АПД.

В ходе анализа было выявлено, что основными стратегиями в АПД является коммуникативное давление и коммуникативное манипулирование. Эти виды коммуникативных стратегий реализуются с помощью коммуникативных тактик коммуникантов указанного типа дискурса. На этом этапе выделяются и сопоставляются общие и отличительные черты стратегий и тактик в АПД XX – начала XXI веков, особенности их вербализации. Применяются сравнительно-сопоставительный и описательный методы, которые позволяют описать отличительные особенности публичных выступлений президентов США, определить лингвистические и социокультурные аспекты АПД в XX – начале XXI веков.

Выводы к главе 2

1. Теоретико-методологическая база исследования обуславливает использование методов как традиционной функционально-семантической парадигмы (компонентного анализа, методики лексической трансформации – для инвентаризации, структурно-семантической классификации средств вербализации концептов; контекстуального анализа – для выявления

дискурсивных реализаций средств вербализации концепта; количественного анализа – для установления основных тенденций развития концептуального пространства и коммуникативной организации АПД, так и когнитивно-дискурсивной парадигмы (методики фреймового моделирования – для построения фреймовой модели концепта; инструментария теории концептуальной метафоры – для установки коррелятов когнитивных метафор, формирующих образно-ценностный компонент концепта; методики прагматически-когнитивной интерпретации значения – для выяснения оценочных коннотаций, составляющих основу ценностного содержания концепта). Работа выполнена в рамках когнитивного подхода к исследованию семантики слов (семантико-когнитивный подход к языку), к интерпретации семантических компонентов языковых единиц, объективирующих когнитивные дифференциальные и классификационные признаки дискурсообразующих и национально-маркированных концептов.

Дискурсивный анализ ориентируется на исследование целостной системы лингвистических и экстралингвистических факторов: значение языковой единицы, причины ее выбора, успешности выполнения отправителем информации своего намерения, особенностей аудитории, которая воспринимает информацию (уровень образованности, принадлежность к конкретному народу, наделенного определенным менталитетом), оценки сопроводительного фона. Такой подход позволяет исследовать дискурс как целостное образование с учетом его различных характеристик. Диахронический подход к анализу языкового материала, основанный на сопоставлении данных разных периодов, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т. к. позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику исторического этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, культуры и политики.

2. Выбор в качестве источника анализа речевого жанра публичного выступления президента обусловлен тем, что именно эта жанровая

разновидность политического дискурса представляет наиболее полную информацию, отражающую менталитет и ценности национальной лингвокультуры, которые подвержены влиянию времени и господствующей идеологии. Поскольку объектом исследования является АПД XX – начала XXI веков, рассматриваемый в институциональном контексте, необходимо определить специфику политических речей президентов США на разных исторических этапах в сопоставлении со сложившимися правилами публичных выступлений главы государства США, формирующими АПД, в диахроническом и синхронном аспектах, а также в сравнении с речевой традицией американской политической риторики. Обращение к выступлениям американских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения в становлении и функционировании АПД на стыке времен. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие ПД.

3. Предлагаемая методика исследования развития АПД в XX – начале XXI веков включает ряд этапов. Первый этап предполагает формирование корпуса языкового материала, в который включены политические тексты публичных выступлений президентов США, принадлежащих к ритуальным, ориентационным и агональным жанрам ПД. Данный этап предусматривает использование метода контекстуального анализа и количественного анализа.

На втором этапе было проанализировано концептуальное пространство АПД на основе изучения концептосферы данного типа дискурса. Исследование концептов политической картины мира способствует пониманию сущности проводимой государством политики, результаты деятельности представителей которой во многом определяют статус, благосостояние и уровень жизни граждан.

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и

лингвокультурологической точек зрения. Под концептом понимается сложная, динамическая, структурно-смысловая, этнически и культурно обусловленная ментальная единица сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение. Концепт рассматривается как явление динамическое в силу таких факторов, как социальные изменения, переоценка морально-этических ценностей и ряда других. Динамичность концепта заключается в появлении новых значимых признаков либо в исчезновении ранее существовавших признаков, что ведет к изменениям в его структуре.

Концептуальный анализ предполагает процедуру выделения концептуальных признаков, анализируются разноуровневые средства вербализации концептов. Диахронический подход к языковым фактам заключается в их последовательном анализе на каждом выделяемом синхронном этапе. Исследование публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются дискурсообразующие и национально-маркированные концепты АПД на разных исторических этапах. Анализ дискурсообразующих и национально-маркированных концептов осуществлялся с помощью следующих методов лингвистического анализа: компонентного анализа, лексической трансформации, лингвостилистического анализа, контекстуального анализа, методики фреймового моделирования, инструментария теории концептуальной метафоры (далее КМ), прагматически-когнитивной интерпретации значения, количественного анализа.

На третьем этапе проводится анализ интенциональной направленности АПД. Частое использование КМ в речи президента страны дает основание утверждать, что КМ является самым продуктивным прагматическим средством в исследуемом дискурсе. Выделяются наиболее частотные КМ, используемые адресантом с целью оказания влияния, проводится анализ основных факторов (экстралингвистических и лингвистических), влияющих на возникновение и развитие метафорических моделей, демонстрируется

зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса. Методика базируется на использовании лингвостилистического анализа и количественно-качественного метода.

Четвертый этап предполагает анализ коммуникативных особенностей АПД в XX – начала XXI вв.: выделяются и сопоставляются общие и отличительные черты стратегий и тактик в АПД, особенности их вербализации. На этом этапе применялся дискурсивный анализ, описательный метод, контекстуальный анализ, контекстуально-семантический анализ, сопоставительный метод.

Основные положения данной главы изложены в публикациях [414].

ГЛАВА 3

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В главе рассмотрены особенности функционирования дискурсообразующих и национально-маркированных концептов как сложных динамичных структурно-смысловых, этнически и культурно маркированных единиц языкового сознания в АПД XX – начала XXI веков. Особое внимание уделено динамическим модификациям концепта в дискурсе как реакции на изменения социально-политической ситуации или ее отдельных обстоятельств, обусловленных исторической эпохой, национальным менталитетом и культурой.

3.1 Тематическая классификация политических речей американских президентов XX – начала XXI веков

Публичное выступление президента США как центральный жанр АПД характеризуется своими речевыми особенностями, зависящими от тематики выступления, следует заметить, что речь политика ориентируется на перлокутивный эффект (коммуникативный успех), что достигается благодаря определенным используемым способам риторического воздействия на адресата, а именно: композиционной структуре публичного выступления, использованию коммуникативных стратегий и тактик, и в особенности морфологических, лексических, грамматических и стилистических приемов, участвующих в манипулировании массовым сознанием для достижения главной цели АПД – борьбе за власть.

Следуя пониманию жанра как целеполагающей характеристики текста, определяемой деятельностью человека в ситуации

соответствующего общения, предлагаем выделять ритуальные, ориентационные и агональные жанры.

Приведенная градация, помимо принципа целеполагания, основана на признании деятельности существенным фактором коммуникации. В свою очередь, языковая деятельность определяет предметный тип содержания текста, что находит отражение в представленных группах жанров. Коммуникативная деятельность субъектов политики, среди прочего, включает в себя: информирование (сообщение), убеждение, призыв, оправдание (покаяние).

При этом пропаганда как распространение определенной политической идеологии, взглядов и убеждений может быть характеристикой всех жанров ПД.

Ключевой интенцией текста ритуального жанра является интенция информирования. К данной группе жанров относятся публичные выступления, в том числе, инаугурационные речи, традиционные обращения к народу, юбилейные речи, прощальные речи, речи-оправдания / покаяния.

Инаугурационная речь ритуально важный политический текст, который занимает высокое положение в системе ПД. Первое выступление новоизбранного президента формулирует идейную основу для объединения общества на новом этапе развития страны. В инаугурационной речи обсуждается коренной вопрос любой идеологии – вопрос о том, что значит быть гражданином своей страны.

Инаугурационная речь прославляет народ и систему власти, соединяет прошлое и будущее, относится к настоящему времени, использует возвышенный стиль, прибегая к усилению и преувеличению.

Данный текст представляет собой выражение политического кредо лидера, изложение принципов, которыми глава государства будет руководствоваться во внутренней и внешней политике. Для достижения определенных целей используются различные языковые средства для усиления смысла сказанного и получения большего отклика у аудитории [460].

Речь-оправдание / покаяние, как правило, является публичным выступлением, отмеченным интенцией признания своей вины / неправоты и объяснения ситуации. В содержательном плане прагматика оправдания и покаяния проявляется в речевых актах покаяния и сожаления, которые реализуются в соответствующих диктемах текста, преимущественно, в диктемах оценочного, фактуально-оценочного типов.

Речевой акт раскаяния может сопровождаться изложением программы на будущее, а также призывом к совместным усилиям, реализуемым в диктемах фактуального и установочного типов.

Ориентационные жанры включают большое разнообразие жанров, различающихся как градацией по шкале институциональности, так и степенью агональности, получают реализацию, главным образом, в диктемах фактуального типа (диктемах-сообщениях), зачастую сопровождается оценкой, актуализируемой посредством фактуально-оценочной и оценочной информации в диктемах соответствующего типа, проявляющейся в речевых актах, реализуемых в соответствующих диктемах.

Агональные жанры включают в себя публичные выступления на съездах, собраниях; предвыборные выступления; дебаты; публикации в СМИ и т. д. В интенциональном комплексе текста данного жанра определяющую роль играет намерение говорящего убедить слушающего в правильности избранной стратегии в данной ситуации, сопровождаемое стремлением информировать его о сложившейся политической ситуации, а также о своей позиции и призвать его встать на свою сторону.

Прагматика убеждения проявляется в диктемах-обвинениях, разоблачениях, вердиктах, осмеяниях (в диктемах оценочного, фактуально-оценочного типов), в которых реализуются соответствующие речевые акты.

Политический текст агонального жанра может содержать ряд фактуальных и фактуально-оценочных диктем – утверждений, в которых представлена аргументация говорящего, стремящегося сделать свой призыв

более убедительным. Призыв может сопровождаться речевыми актами агональности и аргументацией, призванной обосновать позицию говорящего.

Таким образом, мы предлагаем градацию жанров ПД в зависимости от предметного типа содержания политического текста, определяемого, в свою очередь целевым содержанием высказывания как фактором регуляции речевого общения (по М. Я. Блоху).

Предметный тип содержания текста и целевое содержание высказывания находятся в прямой взаимосвязи с типом политической деятельности, находящей выражение в коммуникации (в коммуникативных действиях).

Тематическая классификация политических речей каждого из американских президентов в XX – начале XXI веков представлена в Приложении В (см. табл. 1, табл. 2).

Как в XX, так и в начале XXI веков большое количество политических выступлений президентов США посвящены внутренней и внешней политике. Особого внимания заслуживают речи, посвященные военным действиям на территории других государств, в которых военные США принимают активное участие.

Наряду с вышеуказанными темами выступлений, в XXI веке на первый план также выдвигаются экономические и миграционные проблемы, вопросы реформирования и совершенствования сферы образования и медицины.

В центре внимания политиков оказываются проблемы государственной безопасности, различные виды терроризма и способы противодействия экстремистской деятельности, кибербезопасность, проблемы защиты окружающей среды. Корреляция тематики и жанров президентских выступлений в XX – начале XXI веков представлена в Приложении В, таблице 3.

3.2. Дискурсообразующие концепты американского политического дискурса

Понятия «концепт» и «дискурс» как ключевые понятия современной полипарадигмальной лингвистики находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. С одной стороны, конкретный тип дискурса предопределяет особенности языковой объективации концепта, полноту экспликации заключенных в нем знаний об объектах окружающего мира, их связях и отношениях, к тому же, само содержание концепта в различных видах дискурса структурируется по-разному [308, с. 55].

Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду, а отсюда – на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социальных, психологических и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, разговорный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики [264, с. 85].

Таким образом, изучение ПД невозможно без осмысления концептов политической жизни. Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса (вербальных и невербальных), составляют содержательно тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса [304].

Весь ПД представляет собой пространство значений и смыслов, несущих в себе закодированную информацию об истории развития и становления политического института страны. Политическое высказывание

служит средством выражения идеологических установок и идейно-политической позиции лидера [284].

По мнению Е. И. Шейгал, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности и отражается в языке в виде концептов, которые детерминированы особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает своё вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса, речетворчества, поэтому адекватный анализ составляющих эту систему концептов должен проводиться в рамках коммуникативного подхода [460, с. 24].

ПК, с одной стороны, помогают субъекту сориентироваться в политическом пространстве, выделить среди разнообразия партий и идеологий «свои», «близкие»; с другой стороны, сформировать устойчивое отношение к этим партиям и идеологиям. Реализуясь в речи, концепты носят характер индивидуального осмысления и переживания фрагмента действительности. Но под воздействием культурных стереотипов, доминирующих социальных установок и работы СМИ они могут приобретать интерсубъективный характер, могут быть модифицированы или полностью изменены [287].

АПД отражает образ мышления, присущий носителям англо-американской политической культуры. В США сложился национальный ПД, фиксирующий не только общие черты англо-американского образа мышления, но и особенности менталитета американцев, специфику их лингвокультурного сознания в сфере политики, таким образом, опорными элементами для изучения и осознания менталитета этноса могут быть концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека [375, с.41]

Современные лингвисты уделяют особое внимание историческому фактору в исследовании концептуальной системы, акцентируя внимание на том, что современная лингвистика, пройдя путь от изучения системы и структуры как формального выражения языка, обратилась к исследованию

его имманентного остова – концептуальной системе. Концептуальная система подвержена воздействию на нее внешних культурных и исторических факторов, постоянно меняется, из нее исчезают исходные представления о мироустройстве. Особенно это заметно при анализе признаков концептов.

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставлении – актуальная проблема современной когнитивной лингвистики. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

Языковая ментальность представляет всё разнообразие духовной – интеллектуальной и эмоциональной – жизни человека в языковых категориях. Языковое мышление связано с концептуальным делением мира, многоаспектность такого деления соотносится со способами его осмысления, учитывающими различные планы существования мира, уровни его представления, разного рода измерения, отношения между фрагментами мира или человеком и участком мира. Огромная роль в осмыслении мира принадлежит культуре народа, в которой нашли свое отражение историческое развитие нации, нравы, традиции, обычаи, мифология и религия народа.

Таким образом, ментальность как интеллектуальная деятельность обнаруживает связь с процессом познания, спецификой осмысления мира и его фрагментов, с одной стороны, с другой – с языком как выражением духовной культуры народа [16].

В ПД современные ученые выделяют различные типы концептов. Так, например, В.И. Карасик говорит о 3 разновидностях концептов: генеративные (центральные), деривативные и нейтральные [190]. Приблизительно в таких же категориях понимает концептосистему ПД Г. Г. Слышкин, который выделяет автохтонные (генеративные) и заимствованные (нейтральные) концепты [369].

Согласно концепции А. Н. Приходько, дискурсивно обусловленная типология концептов выступает в виде конфигурации (объединения) определенного числа в единое и четко расчлененное целое, в котором фигурируют метактоны (образующие имя дискурса: ПОЛИТИКА), автоктоны (регулярно реализующиеся в дискурсе: ВЛАСТЬ, ПОЛИТИК, ПАРТИЯ, ФРАКЦИЯ, ПАРЛАМЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО), аллоктоны (концептуальные переменные дискурса, заимствованные для выполнения определенных коммуникативных целей, слабо прогнозируемые, нерегулярно употребляемые: ЛОЯЛЬНОСТЬ, КРАСОТА, ЛЮБОВЬ, ЧУДО, ЗАВИСТЬ, КУРАЖ, ДЕНЬГИ, ЦЕННОСТЬ, ЗАБАВА) [333].

Исследование публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются ключевые концепты АПД на разных исторических этапах. Анализ языкового материала позволил сделать вывод, что основу (ядро) семантического пространства АПД в XX – начале XXI веков составляют несколько концептов, среди которых базовыми дискурсообразующими являются концепты POLITICS (ПОЛИТИКА), STATE (ГОСУДАРСТВО), PEOPLE (НАРОД) и POWER (ВЛАСТЬ).

Таким образом, исследование языка в коммуникативно-когнитивном ракурсе позволяет установить способы репрезентации, организации и сохранения информации о фактах и событиях общественно-политической жизни в АПД XX – начала XXI веков. Фрагменты знаний объективируются языковыми и речевыми способами, которые используются для репрезентации того или иного концепта в определенной конгломерации. В АПД концепты представлены корпусом номинативных единиц, которые называют их, описывают, или непосредственно выражают. Разнообразные способы репрезентации концептов единицами языка обуславливают их дифференциацию по лексико-семантическим, тактико-стратегическим и тропеическим аспектам.

3.3 Концепт POLITICS и его вербализация в XX – начале XXI веков

Концепт POLITICS является дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков: имеет древнее происхождение и занимает ведущее место в англо-американской ЯКМ, наглядно отражая общественные процессы, происходящие в стране, репрезентируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для американского понимания политики.

Современные ученые акцентируют внимание на многозначности термина «политика», имея в виду совокупность социальных практик и дискурсов, направленных на формирование, развитие, проектирование и исследование правовых и моральных норм, структуры государственно-административных институтов, форм государственного управления, отношений и институтов власти.

Историю политики рассматривают как «1) процесс вычленения ее из социальной жизни, ее автономизации, 2) выявление специфических ценностей, регулирующих политическое действие и отношения, 3) процесс институционализации политики, приведший к формированию надындивидуальных и сверхколлективных субъектов – правовых институций, репрезентируемых политической системой государства, 4) совокупность актов управления государством, регулируемых или этическими, или юридическими нормами, 5) становление и смена форм политической легитимации политики, когда религия, культура и философия предстают как пути обоснования и средства идентификации политических действий» [287, с. 21].

Решающей линией в трактовке политики как самостоятельной сферы общественной жизни в начале XX в. являются различные варианты определения специфики политики как системы властных отношений и институтов власти.

Власть оказывается тем феноменом, с помощью которого осмысливается вся область политики. Так, для М. Вебера политика «охватывает все виды

деятельности по самостоятельному руководству» [83], где главным средством выступает насилие, а целью – власть. Сам феномен власти получает различную трактовку – или как власти элит, или как власти господствующего класса, или как поля, пронизывающего все виды взаимодействия людей [287, с. 31–32].

Вместе с определением политики как власти происходит тотализация политики, ее распространение на все области человеческой жизни – от семьи до государства, когда все становится политическим. [287, с. 33]. Ведущий тренд в уяснении сути политики заключается в ее автономизации от разных сфер социальной жизни и поиск путей ее собственного определения [287, с. 35].

Анализ этимологических и толковых словарей позволяет реконструировать прежний смысл, утраченную «внутреннюю форму», а также выявить новейший наиболее активный слой концепта POLITICS [391, с. 7].

ЛЕ *politics* происходит от греческого слова “Polis”, которое означает город-государство. Согласно греческим философам, политика была предметом, который касался всей деятельности и дел города-государства. Их города-государства были известны как «полисы».

Город-государство был всеобъемлющим термином, поскольку древние греки различали понятия государства и правительства, с одной стороны, и государства, и общества – с другой. Они никогда не делали различий между личной жизнью и общественной жизнью. Следовательно, по их мнению, политика была всесторонним изучением человека, общества, государства, морали и так далее [12; 13; 83; 287; 312].

Понятийно-ценностное содержание концепта POLITICS раскрывается на основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа значения имени концепта, членов его синонимического ряда, их частеречных дериватов.

Таким образом, для описания семантики концепта POLITICS используем дефиниционный анализ его имени.

Обратившись к толковым словарям, изданным в XX в. [578; 579; 581; 584; 587; 589; 598; 600; 601; 602; 609; 613; 614; 615; 617; 618; 619; 620; 621; 623; 624], можно обнаружить, что пять признаков составляют семантическое пространство концепта POLITICS: (1) *‘the art of government’*; (2) *‘political affairs, life, or principles’*; (3) *‘civil government’*; (4) *‘the form or constitution of government’*; (5) *‘the science dealing with the nature, production, distribution, and consumption of wealth’*.

В АПД XXI в. мотивирующий признак прослеживается в первичном значении ЛЕ *politics* “*the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society*” [580; 582]. Cambridge Dictionary даёт следующее определение ЛЕ *politics*: “*the activities of the government, members of law-making organizations, or people who try to influence the way a country is governed*” [580]. Longman Dictionary of Contemporary English представляет ЛЕ *politics* – *ideas and activities relating to gaining and using power in a country, city, etc.* [588].

Таким образом, на основе результатов анализа дефиниций имени концепта по данным английских толковых словарей XXI в. [580; 582; 583; 585; 586; 588; 590; 591; 593; 595; 596; 599; 604; 606; 612; 622] приходим к выводу, что семантическое пространство имени концепта POLITICS в английском языке насчитывает шесть признаков: (1) “*the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society*”; (2) “*matters concerned with getting or using power within a particular group or organization*”; (3) “*a person’s political views or beliefs*”; (4) “*political science*”; (5) “*a system of political beliefs*”; (6) “*a state of political affairs*”.

Сопоставив данные дефиниционного анализа имени концепта POLITICS в толковых словарях XX и начала XXI веков, отмечаем, что структура концепта претерпевает определенные трансформации в диахронии, т.е. имеет место изменение содержания концепта, его понятийно-ценностного

компонента, что отражается в языке и может быть представлено на примере анализа семантики языковых репрезентантов концепта.

Таким образом, концепт POLITICS является динамичным феноменом, что находит свое выражение в перекомпоновке ядерно-периферийных элементов в структуре концепта и появления новых значимых признаков, таких как *“matters concerned with getting or using power within a particular group or organization”*; *“a person’s political views or beliefs”*; *“a system of political beliefs”*; *“a state of political affairs”*.

Анализируя семантический признак (1) *“the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society / the art of government”*, получаем такие контекстуальные эквиваленты: *politics, policy, polity, government policies / officials / ministers, a government department / agency / grant, government expenditure / intervention, government-controlled industries, coalition / communist / totalitarian government, Democratic government, central / federal government, corrupt / strong government, governmental agencies, governmental actions, governance, the governing party, realpolitik, politico, appeasement, political grandstanding, American policy*:

(7) *‘It is demanded on considerations of **broad national policy** as well as by our economic interest. ... both because of its importance from the broad standpoint of **international policy**’* [706];

(8) *‘We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach **the ‘ism’ of appeasement**’* [695];

(9) *‘This isn’t **political grandstanding**. This isn’t class warfare. This is simple math. This is simple math. These are real choices. These are real choices that we’ve got to make. And I’m pretty sure I know what most Americans would choose. It’s not even close. And it’s time for us to do what’s right for our future’* [682].

Признак (2) *“matters concerned with getting or using power within a particular group or organization”* совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов: *politics, affairs of state, public*

affairs, polity, parties, democracy, (political) machinations, manoeuvring, realpolitik, political ends, irresponsible power:

(10) *'The defenders of those murderous criminals who seek to excuse their criminality by asserting that it is exercised for **political ends**, inveigh against wealth and **irresponsible power**' [703];*

(11) *'I am asking both **parties** to come together to give us the safe, fast, reliable, and modern infrastructure our economy needs and our people deserve' [728]*

Признак (3) *“a person's political views or beliefs”* совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов, например *politics, policy, polity, political views / beliefs, democracy:*

(12) *'The exposition was peculiarly in harmony with the trend of our **public policy**, because it represented an effort to bring into closer touch **all the peoples of the Western Hemisphere**, and give them an increasing sense of unity. Such an effort has a genuine service to the **entire American public**' [703];*

(13) *'But the millions of Americans who are watching right now, they don't care about politics. They have real-life concerns. Many have spent months looking for work. Others are doing their best just to scrape by – giving up nights out with the family to save on gas or make the mortgage; postponing retirement to send a kid to college. **These men and women grew up with faith in an America where hard work and responsibility paid off. They believed in a country where everyone gets a fair shake and does their fair share – where if you stepped up, did your job, and were loyal to your company, that loyalty would be rewarded with a decent salary and good benefits; maybe a raise once in a while. If you did the right thing, you could make it. Anybody could make it in America**' [682].*

Анализируя семантический признак (4) *“political science”* получаем такие контекстуальные эквиваленты, как *political economy, political geography, political scientist, theory, government regulations, policies:*

(14) *'... to our laws, our **sustained and continuous policies**; above all to the high individual average of our citizenship' [705];*

(15) *‘Now, I realize that some of you **have a different theory on how to grow the economy**. Some of you sincerely believe that the only solution to our economic challenges is to simply cut most government spending and eliminate most **government regulations**. Well, I agree that we can’t afford wasteful spending, and I’ll work with you, with Congress, to root it out. And I agree that there are some rules and regulations that do put an unnecessary burden on businesses at a time when they can least afford it. That’s why I ordered a review of all **government regulations**’ [682].*

Признак (5) “*a system of political beliefs*” совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *politics, government, diplomacy, policy, politicization, governmental policies, public policy, parties*:

(16) *‘There may be honest differences of opinion as to many **governmental policies**: but surely there can be no such differences as to the need of unflinching preaseverance in the war against successful dishonesty. Such combinations are against **public policy** ...’ [703];*

(17) *‘I am asking both **parties to come together to give us the safe, fast, reliable, and modern infrastructure** our economy needs and our people deserve’ [728].*

Признак (6) “*a state of political affairs*” совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *politics, political and economic relations, civilized and orderly powers, diplomacy, international diplomacy, a diplomatic crisis, diplomatic means, diplomatic relations, power*:

(18) *‘More and more the increasing interdependence and complexity of **international political and economic relations** render it incumbent on all **civilized and orderly powers** to insist on the proper policing of the world’ [705];*

(19) *‘We have **the power to help**. The United States is committed to working with other nations to reduce suffering and to spare lives. And working together is the key’ [628].*

Анализ дискурсивных реализаций концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует, что ядро данного концепта состоит

из 4 лексем: *politics* (41% / 39%), *government* (43% / 42%), *affairs of state* (16% / 14%), *public affairs* (8% / 6%). Периферию концепта PEOPLE составляют еще 6 ЛЕ: *diplomacy* (5% / 11%), *policy* (9% / 8%), *power struggles* (5% / 9%), *machinations* (3% / 4%), *manoeuvring* (4% / 2%), *polity* (2% / 1,5%), *realpolitik* (0,5% / 0,3%).

В результате анализа 2000 примеров контекстуального употребления синонимов имени концепта установлено, что концепт POLITICS представлен рядом **субстантивных номинаций** (*politics, government, administration, management, leadership, organization, direction, control, rule, command, conduct, operation, running, coordination, governance, supervision, regulation, guidance, operation, executive, regime, authority, council, powers that be, cabinet, ministry, affairs of state, public affairs, diplomacy, policy, power, power struggles, directorate, term of office, machinations, manoeuvring, polity, realpolitik, politician, representative, minister, statesman, stateswoman, senator, congressman, congresswoman, politico, leader, ruler, chief, head, administrator, principal, director, chairman, chairwoman, chair, superintendent, commissioner, controller, managers, employers, directors, board, directorate, executive, administration, head, supervisor, principal, director, superintendent, foreman, forewoman, overseer, organizer, administrator, chief, governor* – 80 ЛЕ), **адъективными номинациями** (*political, governmental, government, constitutional, ministerial, parliamentary, diplomatic, legislative, administrative, politic, wise, prudent, sensible, judicious, expedient, advantageous, beneficial, profitable* – 18 ЛЕ), **глагольными номинациями** (*to politicize, to govern, to rule, to preside over, to control, to be in charge of, to command, to run, to lead, to dominate, to head, to manage, to oversee, to supervise, to determine, to decide, to constrain, to regulate, to direct, to dictate, to shape, to affect, to administer, to operate, to coordinate, to conduct, to handle, to organize, to steer, to dispense, to issue, to give out, to provide, to apply, to offer, to distribute, to deliver, to hand out, to deal out, to dole out, to restrain, to keep in check, to curb, to hold back, to suppress, to repress, to limit, to restrict, to curb, to cap* – 50 ЛЕ).

На основе номинаций концепта и членов его СР отдельно выделяются свободные словосочетания, которые также представляют содержание концепта: *American politics, crooked politics, political affiliation / activity, political terms / relations, long-continued governmental policies, public / world / radical policy, lousy politicians, a permanent political class.*

Анализ дискурсивных реализаций номинантов концепта POLITICS в XX в. свидетельствует о том, что доминантными ЛЕ являются *politics* (41%), *policy* (18%), *government* (6%), *administration* (5%), *organization* (3%), *management* (2,9%).

В начале XXI века наибольшую частотность актуализации находят такие вербализаторы концепта, как *politics* (42%), *government* (14%), *administration* (10%), *policy* (6%), *authority* (5%).

Некоторые номинации, которые выражают концепт POLITICS исчезают, например: *polity* (0,33%), *realpolitik* (0,32%) и появляются новые, такие как *campaign* (1,1%), *black power* (0,8%), *white power* (0,6%), *soft power* (0,3%).

В результате анализа контекстуального использования синонимов имени концепта POLITICS зафиксированы такие структурные модели:

– А + N (*politics*), где А – прилагательное, N (*politics*) – номинант концепта PEOPLE, например: *local / foreign / international politics, American politics / policy, office politics, internal politics, sexual politics, crooked politics, political beliefs, political ends, irresponsible power, a firm policy, US foreign / domestic policy, usual policy, severe policy, public policy, formal policy, evil / cruel policies, broad / national / international policy, governmental policies, free government, murderous anarchy;*

– А (*politics*) + N, где А (*politics*) – номинант концепта POLITICS, N – существительное, например: *political power, a political prisoner, a political debate / party / leader, political sympathies, a political animal, political reasons, political asylum, political correctness, political economy, political geography, political scientist, political being, a powerful aid, political opponents, political benefit, governmental honesty / efficiency;*

– A (politics) + N (politics), где A (politics) – номинант концепта POLITICS, выраженный прилагательным, N (politics) – номинант концепта POLITICS, выраженный существительным, например: *the Democratic Party, the Republican Party, political terms / relations, public / world policy, long-continued governmental policies, radical policy, forest-reserve policy, the political spectrum, political stalemate, political activity, political class, the constitutional power, the great civilized powers, political office, political conditions, national policy, economic policy, a liberal policy, international matters, political influence, political / military considerations, political / social pressure, political reasons, the civil government;*

– A (Superlative) + N (politics), где A (Superlative) – прилагательное в превосходной степени сравнения, например: *the greatest policy, the most compassionate policy, the best government;*

– N + предлог + N (politics), где N – существительное, N (politics) – номинант концепта POLITICS, например: *the history of politics, stronghold of politics, a course of policy;*

– N (politics) + предлог + N, где N (politics) – номинант концепта POLITICS, N – существительное, например: *a policy of destruction, the accumulation and distribution of wealth, the power of acting, the power of the States, the power of supervision and regulation;*

– N (politics) + предлог + N (politics), где N (politics) – номинант концепта POLITICS, например: *the policy of Administration / the Government, the system of public rights, the power of governing, the inauguration of the policy;*

– N (politics) + V, где N (politics) – номинант концепта POLITICS, V – глагол, например: *politics is made up, a policy would come..., the policy set forth, policies focus on;*

– N (politics') + N (politics), где N (politics) – номинант концепта POLITICS, например: *the country's steady policy, America's policy.*

Сравнительная характеристика частотности употребления структурных моделей контекстуального использования синонимов имени концепта POLITICS представлена в таблице 3.1.

**Частотность употребления структурных моделей концепта
POLITICS в АПД в XX – начале XXI веков**

Структурная модель	XX век	начало XXI века
A (politics) + N	21%	22%
A + N (politics)	19%	19,5%
A (politics) + N (politics)	12%	13%
N (politics') + N (politics)	11%	11,5%
N (politics) + V	10%	9 %
N + предлог + N (politics)	8,4%	7,5%
N (politics) + предлог + N	7,1%	7%
N (politics) + предлог + N (politics)	6%	6,5%
A (Superlative) + N (politics)	5,5%	4%
ВСЕГО:	100%	100%

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта в виде модели, состоящей из четырех сегментов POWER IN PUBLIC LIFE, INFLUENCE, POLITICAL VIEWS / BELIEFS, A STATE OF POLITICAL AFFAIRS.

Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте POLITICS. Публичные выступления президентов США свидетельствуют о том, что значение данного концепта в АПД как XX, так и в начале XXI веков формируют четыре концептуальных уровня, которые образуются при помощи иерархически взаимозависимых и взаимообусловленных признаков.

Первый уровень структуры концепта репрезентируется девятью сегментами, которые далее подразделяются на микросегменты.

Актуализация сегмента POWER IN PUBLIC LIFE происходит при помощи объективации признаков: *(political) control, regime, a power struggle, (rival) party, authority, country, the body politic, public policy*:

(20) *'The exposition was peculiarly in harmony with the trend of **our public policy**, because it represented an effort to bring into closer touch all the peoples of the Western Hemisphere, and give them an increasing sense of unity. Such an effort has a genuine service to **the entire American public**'* [703];

(21) *'But **our policy cannot change**, and it will not change. America and the world will not be blackmailed by this **ruthless policy**'* [625];

Сегмент INFLUENCE представлен признаками **influence, power over men or things, effect on the mind, representative government**:

(22) *'... if he is an American, he breathes the clarified atmosphere with a strange mingling of regret and new hope. We have seen a world passion spend its fury, but we contemplate our Republic unshaken, and hold our civilization secure. Liberty – liberty within the law – and civilization are inseparable, and though both were threatened we find them now secure; and there comes to Americans the profound assurance that our **representative government is the highest expression and surest guaranty of both**'* [659];

(23) *'... there's a crisis for folks who have power and influence and can hire lobbyists, but for the nurse, the teacher, the police officer, who, frankly, at the end of each month, they've got a little financial crisis going on'* [653].

Актуализация сегментов POLITICAL VIEWS / BELIEFS происходит при помощи объективации признаков **conservatism, liberalism, the party of liberty, equality, justice, republicanism, populism, separatism, socialism, monarchism, nationalism, individualism, collectivism, racial / religious / sex segregation, segregation by age and sex**:

(24) *'Martin Luther King was born in 1929 in an America where, because of the color of their skin, nearly 1 in 10 lived lives that were **separate and unequal**. Most black Americans were taught in **segregated** schools. Across the country, too many could find only poor jobs, toiling for low wages. They were refused entry into hotels and restaurants, made to use separate facilities. In a nation that proclaimed **liberty and justice** for all, too many black Americans were living with neither'* [690];

(25) *'Republicans are **the party of liberty, equality, and justice** for all. We*

are the party of Abraham Lincoln, and we are the party of law and order. Think of what we've done' [733].

Сегмент A STATE OF POLITICAL AFFAIRS представляют микросегменты **political / social / economic / military policy, body politic, anarchy, regime:**

(26) '*... the general body politic and social murderous anarchy ....*' [703];

(27) '*They want to demolish our heritage so they can impose their new oppressive **regime** in its place*' [733].

Следует заметить, что результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер.

Как свидетельствует анализ эмпирического материала наибольшее количество контекстов, которые вербализуют концепт POLITICS в XX в., актуализируют сегменты POLITICAL VIEWS / BELIEFS (35%) и A STATE OF POLITICAL AFFAIRS (25%).

В начале XXI в. на первый план выдвигается сегмент POWER IN PUBLIC LIFE (36%) и INFLUENCE (24%), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта POLITICS с дискурсообразующими концептами POWER и STATE, а также национально-маркированными DEMOCRACY, LIBERTY, AMERICA.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в английском языке контекстуальное семантическое пространство представлено большим количеством признаков, чем семантическое пространство концепта, смоделированное на основании словарных дефиниций.

Семантические отношения первого уровня структуры концепта могут быть описаны при помощи фреймов разных типов.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: POLITICS есть ЧТО-ТО (POWER IN

PUBLIC LIFE), (INFLUENCE), (POLITICAL VIEWS / BELIEFS), (A STATE OF POLITICAL AFFAIRS).

На втором уровне (II) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций таксономического и посессивного фреймов: 1. НЕЧТО (POWER IN PUBLIC LIFE) есть НЕЧТО (CONTROL), (SUPERVISION), (AUTHORITY); НЕЧТО (INFLUENCE) есть НЕЧТО (EFFECT), (POWER); НЕЧТО (POLITICAL VIEWS / BELIEFS) есть НЕЧТО (OPINION), (WAY OF UNDERSTANDING), (IDEOLOGY); (POLITICAL / SOCIAL ORGANIZATION), (KNOWLEDGE), (OFFICIAL POSITION), (EXPERT), НЕЧТО (A STATE OF POLITICAL AFFAIRS) есть НЕЧТО (GOVERNMENT), (POLICY), (REGIME). 2. Посессивный фрейм демонстрирует связь НЕЧТО владелец имеет НЕЧТО часть. Отношения в этом типе фрейма определяется как ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ: НЕЧТО (POLITICAL AND SOCIAL ORGANIZATION) есть НЕЧТО (BODIES OF POWER), (FUNCTIONS), (IDEOLOGY), (SYMBOLS).

На третьем уровне (III) фреймовая модель также структурируется пропозициями предметного и таксономического фреймов: 1. НЕЧТО (CONTROL) есть ТАКОЕ (POLITICAL), НЕЧТО (AUTHORITY) есть ТАКОЕ (LIMITING), (MANAGING), 2. НЕЧТО (BODIES OF POLITICS) есть НЕЧТО (SUBJECTS OF POLITICS).

На четвертом уровне (IV) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций акционального, посессивного, таксономического и предметного фреймов: 1. В акциональном фрейме несколько предметов, которые являются участниками события, наделяются аргументными ролями.

Отношения между предметами, наделенными аргументными ролями, определяются действием агенса / каузатора и представлены глаголами действует или делает.

1. Слот предметного фрейма КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) есть ТАКОЙ (MOTIVATED BY AN EGOCENTRICALLY OR

SOCIO-CENTRICALLY DIRECTED URGENT NEED TO EXERCISE POWER) представляет МОТИВЫ (MOTIVES) осуществление властного влияния субъектом политики и прогнозирует ЦЕЛЬ / РЕЗУЛЬТАТ (GOAL / RESULT) его действия и семантические роли объекта политики, представленные слотами акционального фрейма:

2. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) действует ради ЦЕЛИ / РЕЗУЛЬТАТА (GOAL / RESULT) общественного блага или удовлетворения собственной актуальной потребности властного влияния (AUTHORITY, CONTROL, SUBORDINATION, SUPREMACY, REGIME);

3. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) действует на ОБЪЕКТА ВЛАСТИ (THE OBJECT OF POLITICS): пациенса или бенефицианта (PATIENT OR BENEFICIARY).

Слот предметного фрейма 4. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) есть / действует ТАМ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА) (POLITICAL, FINANCIAL AND ECONOMIC, LEGAL, ADMINISTRATIVE, RELIGIOUS, MILITARY, SPIRITUAL, ADVANCED TECHNOLOGIES) представляет сферы действия субъекта власти, определяющие институциональные проявления власти, и прогнозирует РЕСУРСЫ и СПОСОБЫ (RESOURCES and METHODS) осуществления власти, представленные слотами акционального фрейма:

5. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) действует с помощью ИНСТРУМЕНТА (INSTRUMENT): институциональных ресурсов (POWERS, SOVEREIGNTY, LEGAL RIGHTS, PRIVILEGES, ADVANTAGES) или неинституциональных ресурсов (AUTHORITY, PROFESSIONALISM, CHARISMA, SEXUALITY, POPULARITY);

6. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POLITICS) действует ТАК, используя СРЕДСТВА (MEANS) осуществления власти: институциональные (CONTROL, SUPREMACY, RULE, INFLUENCE, SUBMISSION) и неинституциональные (PERSONAL PROPERTY OF INDIVIDUALS).

На пятом уровне (V) иерархической структуры фреймовая модель

расширяется и структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма, который представляет аргументные роли субъектов и объектов власти:

7. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT / OBJECT OF POLITICS) есть КТО-ТО (ROLE): институциональная (A POLITICIAN) или неинституциональная (THE GENERAL PUBLIC / AN AVERAGE INDIVIDUAL / MAN IN THE STREET).

Образно-ценностный компонент концепта отражается в его чувственном восприятии и в совокупности оценок, имеющих у индивидов [375, с. 47].

Образно-ценностный компонент концепта POLITICS реализуется в АПД при помощи различных разноуровневых языковых средств.

Среди основных языковых средств реализации концепта доминируют лексические средства (82%), включающие метафору, фразеологизмы, термины, терминологизмы, метонимию, эпитеты, сравнения, эвфемизмы. Синтаксические средства составляют (18%), ведущими являются сложноподчиненные предложения, семантический повтор, синтаксический параллелизм, отрицательные предложения, антитеза, анафора.

Количественная характеристика с вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS представлена в табл. 3.2.

Таблица 3.2

Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Лексические</i>				
1. Фразеологизм	40	8,6	48	9
2. Метонимия	37	7,25	36	6,8
3. Эпитет	36	7,26	42	7,9
4. Идеологема	15	3,02	17	3,2
5. Мифологема	14	2,82	12	2,24

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
6. Термин	12	2,42	14	2,62
7. Терминологизм	10	2,02	10	1,87
8. Сравнение	8	1,61	6	1,12
9. Эвфемизм	5	1,1	8	1,49
<i>Синтаксические</i>				
10. Сложноподчиненные предложения	23	4,64	18	3,36
11. Семантический повтор	15	3,2	12	2,24
12. Синтаксический параллелизм	12	2,42	16	2,84
13. Отрицательные предложения	9	1,81	11	2,06
14. Анафора	6	1,21	13	2,43
15. Антитеза	4	0,81	8	1,49
<i>Другие</i>				
13. Концептуальная метафора	250	50,4	264	49,34
ВСЕГО:	496	100	535	100

Следует заметить, что образная интерпретация концепта POLITICS осуществляется с помощью привлечения механизма метафоры. Анализ текстовых фрагментов АПД показал, что метафорическая интерпретация концепта POLITICS реализуется благодаря концептуальным метафорам (см. таблица 3.3).

В основе метафоризации, согласно теории КМ, лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain).

В результате однонаправленности метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-цель, которая сформировалась как следствие опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень, что и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

**Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей
универсальный дискурсообразующий концепт POLITICS в АПД
XX – начала XXI веков**

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
<i>Структурные метафоры</i>			
1.	POLITICS IS POWER	14%	16%
2.	POLITICS IS WAR	12%	14%
3.	POLITICS IS THEATER	7%	5,5%
4.	POLITICS IS BUSINESS	5%	7,5%
5.	POLITICS IS SPORT	4,5%	5%
6.	POLITICS IS HUNT	4,2%	5%
7.	POLITICS IS PROFESSION	3,5%	3 %
8.	POLITICS IS GOOD / EVIL	3,5%	1,2%
9.	POLITICS IS GAMBLING	3%	1,8%
10.	POLITICS IS SCIENCE	2,7%	2,5%
11.	POLITICS IS RELIGION	2,5%	1,5%
12.	POLITICS IS JOURNEY	2%	4,5%
13.	POLITICS IS CRIME	1,2%	2,7%
<i>Онтологические метафоры</i>			
14.	POLITICS IS NATURAL PHENOMENON	8,8%	7%
15.	POLITICS IS PLANT	8,5 %	4,5%
16.	POLITICS IS BEAST	3,6%	3,8%
<i>Ориентационные метафоры</i>			
17.	POLITICS IS UP	8,5%	9%
18.	POLITICS IS DOWN	5,5%	4,5%
ВСЕГО:		100%	100%

Основным источником знаний, составляющих концептуальные домены, становится опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов» (image schemas) [533, с. 73–79].

Человек, согласно когнитивной методологии, склонен реагировать не на реальность как таковую, а на собственные когнитивные репрезентации

реальности. Поэтому и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой ментальных репрезентаций человека, и выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий [241; 242; 244; 482].

На данном этапе исследования выявлено, что феномен «политика» концептуализируется в АПД XX – начала XXI веков преимущественно с помощью онтологических метафор, которые возникают как «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. д., как материальные сущности и вещи» [533, с. 25], структурных, которые «дают возможность использовать одно сложно структурированное и четко вычлененное понятие для структурирования другого» [533, с. 61] и ориентационных, «в основе которых лежит опыт пространственной ориентации человека в мире» [533, с. 61] (см. таблицу 3.3).

Политики, имеющие целью внушить какую-либо точку зрения адресату, прибегают к образам природы, человека, войны и мира, духовного мира, света и тьмы, профессионального круга, науки, культуры и спорта, научно-технического прогресса, что непосредственно находит выражение в доминирующих метафорических моделях XX – начала XXI веков, представленных в таблице 3.3.

В АПД XX в. политика часто представляется как профессия. Неоднозначная трактовка данной метафорической модели представлена в речи Р. Рейгана, где акцентируется продажность, беспринципность, отсутствие моральных устоев в политической сфере:

(28) *'Politics is supposed be the second **oldest profession**. I have come to realize that it bears a very close resemblance to the first'* [716].

В АПД начала XXI в. данная модель не теряет своей актуальности, что наглядно демонстрируется в речи Б. Обамы с помощью лексем *a hatchet, a scalpel*:

(29) *'You cannot take **a hatchet** to the budget when what you need is*

a scalpel' [675].

В АПД начала XXI в. на первый план выходит военная метафора, представленная моделью POLITICS IS WAR:

(30) '*I was proud to **help lead the fight** in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate*' [675].

В данном выступлении политические действия рассматриваются как война. Б. Обама подчеркивает свое деятельностное участие в Конгрессе, а именно лоббирование интересов тех или иных групп в правительстве.

Представляя себя как участника «военных действий» за справедливость, демократию и благополучие страны, будущий президент создает себе имидж ответственного и серьезного политика, способного предпринимать решительные действия в критической ситуации. Тем самым, внушается аудитории мысль о том, что, если другие политики не «ведут войну», то они не только недооценивают степень угрозы сложившихся обстоятельств, а, на самом деле, являются безответственными политическими деятелями.

Таким образом, в АПД начала XXI в. доминирует милитарная метафора, которая указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди политических деятелей, но и в обществе в целом.

Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается в терминах войны со всеми и против всех, что может быть объяснено сущностью самого ПД – борьбой за власть.

Для актуализации концепта POLITICS широко применяются ФЕ, пословицы и поговорки как в АПД XX, так и начала XXI в., например:

(31) '*Speak softly and **carry a big stick**, and you will go far*' [716].

Данный афоризм вошел в историю как *Big Stick Policy* (Политика большой дубинки), предполагающей намерение США урегулировать возможные конфликты с Латинской Америкой за счет использования собственной военной мощи.

Следует заметить, что позднее Т. Рузвельт провозгласил новую политическую доктрину в отношении вышеупомянутых стран *Good Neighbor*

Policy (Политика доброго соседа), сменив метафоричность своих высказываний на более толерантную.

Оппозиция «свой-чужой» в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует об отсутствии друзей в политических кругах и имеющихся врагов, которых легко нажать, что наглядно представлено в президентской риторике с помощью коммуникативных фразеологизмов:

(32) '*If all that Americans want is security they can go to prison*' [716];

(33) '*The White House is the finest prison in the world*' [716].

Данные примеры демонстрируют сложившуюся социально-политическую обстановку в США: первый представляет тюрьму как единственное место, где законопослушные граждане могут чувствовать себя защищенными; второй имплицитно репрезентирует высшие политические круги США посредством оксюморонного сочетания, отражая негативную семантику, реализуемую метафорической номинацией *prison*.

Изучение взаимодействия идеологии и языка, а также рассмотрение вопросов о статусе идеологизированного компонента в семантической структуре политических слов является на данный момент особо актуальным [447].

В настоящем исследовании под идеологемой понимается любое отражение в лексико-семантических единицах языка, употребляемых в определенном контексте, взглядов какой-либо социальной группы носителей языка, проявляющихся в наличии в плане содержания словесных знаков семантических компонентов, определяемых не объективной внеязыковой или языковой действительностью, а особенностями той или иной идеологии [447].

АПД XX – начала XXI веков характеризуется широким употреблением идеологем: (34) '*We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach the 'ism' of appeasement*' [695].

В АПД XX в. доминируют такие идеологемы как *tax revolt / tax resistance / tax avoidance / tax evasion* (движение за снижение налогового бремени – общественное движение, цель которого является остановить стремительно

растущие налоги на собственность и вернуть их на прежний уровень).

В США подобные «налоговые восстания» разворачиваются в процесс всеобщего недовольства, в попытку вызвать ответную реакцию и создать новый налоговый режим посредством всеобщего референдума.

Поскольку США позиционируют себя как самое демократическое общество в мире, в истории этого государства известно несколько подобных кампаний (The Boston Tea Party, California's passage of Proposition 13 in 1978; the Alternative Minimum Tax in the Nixon Years).

Фантомность политического сознания, фидеистическое отношение к слову, магическая функция ПД – все это обусловило важную роль мифа в ПК [460].

Мифологема, как одна из форм выражения идеологии, персуазивный и манипуляционный потенциал которой использует адресант в ПД [172, с. 54], является одним из наиболее частотных средств представления концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков:

(35) *'Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along, and even nearly 225 years, we have a long a way yet to travel'* [627].

Терминологизм – языковая единица, которая функционирует в естественном языке в качестве термина, но при употреблении в нетерминологическом контексте и под влиянием определенных факторов у данной единицы развивается переносное значение, она становится фразеологизмом и начинает функционировать в языке как ФЕ [294, с. 7].

Данные единицы продолжают оставаться терминами, но реализуют свои значения – первые, буквальные, но осложненные, и вторые, метафорические, в зависимости от контекста – терминологического или фразеологического, например: *nuclear option* (процесс разоружения, возможность применения ядерного оружия, крайняя мера); *front runner* (лидер забега, лидер предвыборной «гонки», кандидат, который имеет больше шансов быть

выдвинутым на партийном съезде и способен победить на выборах).

Вместе с метафорами, ФЕ, терминологизмами и терминами, эвфемизмы выступают как один из продуктивных источников вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS. Данное стилистическое средство представляет собой перенос значения, перефразирование или замену одного нежелательного или недозволительного слова / словосочетания на другое с целью смягчения и «завуалирования» действительности.

В американском сообществе эвфемизмы выступают своеобразным маркером принадлежности к определенной политической партии и методом убеждения адресата, напр.: *collateral damage, enhanced interrogation techniques, detainees, detention camp, overseas contingency operations*.

Следует отметить, что эвфемизмы в АПД XX – начала XXI веков скрывают и маскируют слова, которые могут вызвать отрицательную реакцию у адресата, поскольку политика, власть и государство в речи адресанта представляется как демократическое, гуманное, стремящееся к миру и благоденствию, в котором нет войн, коррупции, терроризма и конфликтов.

Таким образом, эвфемизмы в АПД XX – начала XXI веков используются для исключения каких-либо видов дискриминации (расовой, возрастной, социальной, религиозной, этнической), напр.: *a career change, early retirement opportunity, career / employee transition, a surplus reduction in personnel, workforce imbalance correction*.

Для актуализации концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков на синтаксическом уровне широко используются семантический повтор и синтаксический параллелизм, например:

(36) *'This isn't political grandstanding. This isn't class warfare. This is simple math. This is simple math. These are real choices. These are real choices that we've got to make'* [677].

Таким образом, концепт POLITICS является ведущим дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как

POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT.

Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концепта POLITICS и его ключевых слов в АПД, в частности выявлены важнейшие тенденции в реализации концепта в XX веке, а именно актуализация таких характеристик как функции политики, структура государственного управления и виды, в то время как в начале XXI века на первый план выходит власть / сила и мощь государства как залог доминирования в мировой политике, политическая система и идеология как основа государственной политики.

3.4 Особенности актуализации концепта STATE

Концепт STATE относится к сфере социально-политической жизни и является наиболее важным для существования и развития любой нации, поэтому отношение граждан к государству зависит от исторических и политических традиций, сложившихся в цивилизованном обществе.

Согласно этимологическому словарю Д. Харпера слово-имя концепта STATE вошло в среднеанглийский период (1200-1300 гг.) и имело 2 пути заимствования: через стандартную лексему *estat* («состояние», «статус», «позиция») и прямого заимствования из лексического языка *status* («место», «позиция», «порядок», «организация», «состояние») [603].

Кроме прямого значения в латинском языке ЛЕ *status* имела переносное значение *public order, community organization, standing, rank* («общественный порядок, организация общества, ранг, положение»). «Политическое» значение латинского слова *status* было перенято другими германскими языками – *staat*. В свою очередь, появление ЛЕ *state* в латинском языке можно проследить от праиндоевропейского корня *-sta* «стоять, делать твердым».

Таким образом, ЛЕ *state*, существующая в среднеанглийском языке с XIII в., приобретает в конце XIV в. под влиянием латинского выражения *status rei public (condition of the republic)* новое значение: «политическое

устройство страны, неограниченная власть, правительство». В 1630-х годах Британские колонии в Северной Америке стали называть *states*, на основании чего в 1777 г. было основано новое государство – The United States of America. Появляется новое значение имени-концепта: *state – a semi-independent political entity under a federal authority; one of the bodies politic which together make up a federal republic* (штат – полунезависимая политическая единица, находящаяся в ведении федеральной власти; одно из политических образований, которые вместе составляют федеративную республику) [603; 605].

Этимологический анализ позволил выявить мотивирующие признаки, послужившие основой формирования концепта. Изначально ЛЕ *state* в английском языке несла положительную смысловую нагрузку, подразумевая, что территориальное единство и иерархическое устройство общества обеспечивают порядок, стабильность, организованность, целостность. Хотя очевидно, что уже первые использования ЛЕ в значении «государство» включали в себя понятие неравенства и абсолютизации власти [605].

Три фактора имеют влияние на семантическую эволюцию: когнитивный, лингвистический и социокультурный. Результат когнитивных процессов – изменение лексического состава, семантической структуры языка и семантические сдвиги значений [24; 30; 69; 70; 75; 246; 247; 248]. Материалом для данных процессов служит язык. В нем новые категории закрепляются и распространяются. Изменения значений не происходят в вакууме, они всегда имеют социокультурный контекст, а факторы, воздействующие на моделирование реальности посредством языка, имеют экстралингвистический характер [249; 250].

Исследование концепта STATE на предмет мотивирующих признаков и понимание факторов, оказавших влияние на развитие концепта в историческом и культурном контекстах, позволяет проникнуть в суть первоначального строения бытия и миропонимания.

Для периода, когда концепт STATE появился в английской КС,

характерно развитие политической терминологии, что вызвало большой приток в английский язык латинских слов и выражений. Это было время становления английского литературного языка и реформирования системы государственного управления. В Англии XIII в. уже закрепился механизм централизованного бюрократического управления через должностных лиц административных округов, подотчетных королю. Парламент возникает в средневековой Англии в XIII в. в качестве сословно-представительского собрания при монархе (Parliament of England). Одно из первых собраний Парламента в традиционном смысле состоялось в 1265 г. [603].

ЛЕ *state*, происходящая от латинского *status* («положение, ранг»), подразумевает, что каждый гражданин живет сообразно своему положению в иерархической пирамиде, своему статусу в обществе, совершает действия согласно установленному порядку вещей.

Концепт STATE включает мотивирующие признаки иерархии, власти, наличие правящей верхушки и облагаемого налогами и повинностями народа, установленный порядок престолонаследия (передачи власти), налогообложения, подотчетность аппарата чиновников главе государства [309].

Понятийно-ценностный компонент концепта STATE раскрывается на основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа значения имени концепта, членов его CP, их частиречных дериватов. Таким образом, для описания семантики концепта STATE используем компонентный и дефиниционный анализ его имени.

Для исчерпывающего описания КKM американского лингвокультурного сообщества необходимо провести анализ отдельных фрагментов ЯKM, одним из которых является вербальное представление концепта STATE, представленное целостной структурой, сформированной взаимодействием субстантивного, атрибутивного, адвербиального и глагольного CP, гиперонимом которых выступает ЛЕ *state*.

Семантика таких единиц рассматривается как результат категоризации мышлением говорящих соответствующего явления и фиксация указанного

ментального в виде дискурсообразующего концепта STATE. Семантический анализ лексем, которые представляют концепт STATE, показал, что общее для всех возможных вербализаторов концепта понятие в наиболее «чистом» виде представлено в архилексеме *state*. Она является наиболее частотной в АПД XX – начала XXI веков, поскольку понятие, которое она зафиксировала, в той или иной мере представлено в дефинициях всех членов CP и их лексико-семантических вариантах.

Основными вербализаторами концепта STATE в современном английском языке служат ЛЕ *state* и *country*. На основе анализа словарных дефиниций имени концепта STATE, которые представлены в английских толковых словарях [578; 579; 580; 584], можно констатировать, что в XX в. под государством понимали политически организованное сообщество, государственное устройство, обладающее определенными полномочиями в социально-политической, экономической и культурной сферах: (1) *politically organized communiy*, (2) *civil powers of such*.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English XXI в. определяет государство как: 1) *'the mental, emotional or physical condition that a person or thing is in'* (ментальное, эмоциональное или физическое состояние в котором пребывает человек); 2) *'a country considered as an organized political community controlled by one government'*, (страна как политически организованное сообщество, контролируемое правительством); 3) *'an organized political community forming part of a country'* (политическое сообщество, проживающее на определенной территории страны); 4) *'the government of a country'* (государственное правительство); 5) *the US (the States) the United State of America'* (США, Штаты, Соединенные Штаты Америки) [604, с. 1318].

Таким образом, в XXI в. понятие государственности не переосмысливается, а уточняется и предстает в более эксплицитной форме, ряд дополнительных понятийных признаков выдвигаются на первый план, таких как *'political community'* (политическое сообщество), *'political party'*

(политическая партия), ‘*governmental control*’ (государственный контроль), ‘*government*’ (правительство), ‘*country*’ (страна).

Соответствующая синонимическая единица *country* определяется как (1) ‘*an area of land that has or used to have its own government and laws*’, 2) ‘*an area of land, especially with particular physical features, suitable for a particular purpose or connected with a particular person or people*’, 3) ‘**(the country)** *the people of a country; the nation as a whole*’; 4) ‘**(the country)** *an area outside towns and cities with fields, woods, farms, etc.*; 5) *Country-And-Western: pop, folk and country*’ [604, с. 301]. Итак, ЛЕ *country* имеет 7 семантических признаков ‘*a region*’, ‘*a district*’, ‘*a tract of land*’, ‘*the territory of a nation*’; ‘*the nation itself*’, ‘*land of birth*’, ‘*residence*’ (регион, район, полоса земли, территория, местожительство) [604, с. 301]. В определении ЛЕ *state* и *country* присутствуют компоненты *community*, *territory*, которые являются видовыми компонентами значения друг друга. Дифференциальными в этой эквиолентной оппозиции являются *political*, *government*, *controlled*.

ЛЕ *nation* также может выступать в качестве вербализатора концепта STATE. В толковых словарях предлагается следующее определение *nation* – 1) *a country considered as a group of people with the same language, culture and history, who live in a particular area under one government* (страна как группа людей, которые имеют один язык, культуру и историю); 2) *all the people in a country* (все люди в стране) [604, с. 882].

В эквиолентной оппозиции объединяет семемы *state*, *country* и *nation* семантический компонент *community*, который указывает на основу любой государственности – народ. Дифференциальными в этой оппозиции являются *politics*, *government*, *controlled*. Приняв во внимание отсутствие таких признаков при анализе ЛЕ *country* и *nation*, можем утверждать, что доминантной ЛЕ, которая представляет концепт STATE является ЛЕ *state*, т. к. наиболее полно передает значение имени концепта как целостного феномена в совокупности всех его проявлений и аспектов.

Компонентный анализ позволяет констатировать, что ЛЕ *state* содержит такие семы:

- 1) организация (*organization*);
- 2) страна (*country*);
- 3) территория (*area, territory*);
- 4) общество (*community*);
- 5) политика (*politics, political*);
- 6) правительство (*government, governmental*);
- 7) власть (*power*);
- 8) контроль (*control*);
- 9) независимость (*sovereign*);
- 10) официальный (*official*);
- 11) сфера (*sphere*);
- 12) деятельность (*activity*).

Критерием отнесения к дискурсообразующим концептам периода XX – начала XXI веков послужила частотность функционирования концепта в анализируемых фрагментах АПД (наличие вербализованных реализаций концепта не менее чем в 42% случаев от общего количества примеров по сравнению с членами его СР), а также его лингвистическая детализация (через синонимы, включение в метафорические и оппозиционные схемы и т. д.). Таким образом, лексические средства реализации концепта – ментальной репрезентации культурнозначимого феномена в массовом сознании – анализировались с учетом: 1) смысловой структуры имени концепта в толковых и энциклопедических словарях, 2) его синонимических связей, сочетаемости, образных переосмыслений в контексте политической коммуникации.

Как результат, соответствующая синонимично ЛЕ *state* определяется как: *state is 1) official government activities; 2) a country with its own government; 3) a sovereign political power; 4) the sphere of highest governmental authority* [588, с. 56–57]. Итак, в определении ЛЕ *state* присутствуют семы *official, government, power, highest, authority*, которые одновременно являются

видовыми компонентами значения друг друга.

Полифункциональность ЛЕ *state* в АПД XX – начала XXI веков доказывают адекватность выбора номинации *state* как имени концепта STATE, поскольку эта ЛЕ позволяет передать содержание исследуемого концепта как целостного феномена в совокупности всех его проявлений и аспектов.

В семантике анализируемой ЛЕ выделяем два родовых (категориальных) и восемь видовых компонентов значения, которые дают возможность выявить содержательные признаки концепта STATE в современном АПД.

Родовые семы *organization* (организация, структура) и *power* (власть) указывают на денотат – фрагмент действительности, обозначенный ЛЕ *state*. Восемь видовых компонентов конкретизируют значение ЛЕ *state* и фиксируют такие содержательные признаки рассматриваемого концепта:

- 1) форма государственного устройства (*Federation*);
  - 2) форма государственного управления (*Monarchy, Republic*);
  - 3) политический режим (*democratic, totalitarian*);
  - 4) суверенитет (*independent, sovereign*);
  - 5) качественная характеристика (*recognized, independent, strong, great, own, whole, free, unrecognized*);
  - 6) субъект (*civilians, people, population, person, residents, voters, electors*);
  - 7) объект (*property*);
  - 8) государственная деятельность (*affairs / matters of state*) / управление / финансирование / обеспечение (*rule, govern, preside over, control, lead, dominate, run, head, administer, be in power / fund, pay for, back, capitaize, endow, subsidize, invest in, sponsor / provide, supply, give, furnish, equip, offer, present, afford*);
  - 9) сфера действия (*political / non-political / diplomatic / revolutionary / official / foreign*);
  - 10) масштабы (*huge / powerful / large / medium / small / insignificant*);
  - 11) временная мотивация (*new state, old state, modern state*).
- ЛЕ *state* (adj.) – *of or relating to the central civil government or authority*;

made, maintained, or chartered by or under the authority of one of the Commonwealth that make up a federal union; to state (v.) – to declare definitely or specifically; statesman (n.) – a skilled, experienced, and respected political leader or figure [604, с.1318] демонстрируют тот же самый набор содержательных признаков, поскольку выступают видовыми компонентами значения ЛЕ *state*.

Каждый член СР – это, прежде всего, актуализация определенного фрагмента концепта, новый ракурс его описания. Исследование СР позволяет выделить дополнительные признаки концепта. Анализ дефиниций синонимических единиц показал, что лишь немногие из них эксплицируют дополнительные признаки, а именно «качественная характеристика государства», «сфера действия государства», «масштабы государства», «временная мотивация государства».

Таким образом, словарные дефиниции в современных толковых словарях [580; 582; 583; 585; 586; 588; 591; 593; 595; 596; 597; 599; 604; 606; 609; 610; 616; 622] позволяют выявить следующие понятийные признаки, входящие в структуру концепта: 1) *a nation or territory considered as an organized political community under one government: country, nation, land, sovereign state, nation state, kingdom, empire, republic, confederation, federation, body politic, commonwealth, power, world power, superpower, polity, domain, territory*; 2) *an organized political community or area forming part of a federal republic: province, federal state, region, territory, canton, department, county, area, district, sector, zone*; 3) *the government of a country: parliament, the administration, the regime, the authorities, the council, the Establishment, Congress, the Senate, the House of Representatives*; 4) *the formal ceremonies connected with high levels of governments: a specific religion, an official, government-endorsed religion, the Commonwealth (Kentucky, Massachusetts, Pennsylvania and Virginia), legislative / executive / judicial branch, state symbols*; 5) *The US: the States, the United States of America, a permanent population*.

Следовательно, указанные родовые и дифференциальные семы,

присущие ЛЕ *state*, включая оценочные компоненты, является прототипом для осмысления феномена «государство». Поэтому, данная ЛЕ представляет центральный член концептуально-семантической структуры концепта STATE, и, соответственно, является гиперонимом CP, который группирует лексические средства представления соответствующего концепта в современном английском языке. Значения единиц языка, которые вербализируют концепт в дискурсе, выступают как личностная интерпретация социокультурного знания об отображаемом концептом феномене в коллективном сознании лингвокультурного социума, навязывается субъекту этим социумом и усваивается в процессе социализации [268, с. 71].

Понятийная информация эксплицитно актуализируется в дискурсе именем концепта и целой серией номинаций, которые представляют разнообразные аспекты феномена государства: субъекты / объекты государства, их деятельность, мотивы и цели, результаты деятельности, территория, население, суверенитет, гражданство, государственные символы, формы государственного управления, форму государственного устройства, функции государства и др.

Анализируя семантический признак (2) '*a country considered as an organized political community controlled by one government*', получаем такие контекстуальные эквиваленты, как *territory, lines, republic, community, society, nation, government, self-government, civilization, liberty, self-definition*:

(37) '*Ours was the first **society** openly to define itself in terms of both spirituality and of human **liberty**. It is that **unique self-definition** which has given us an exceptional appeal, but it also imposes on us a special obligation, to take on those moral duties which, when assumed, seem invariably to be in our own best interests*' [637].

Признак (3) '*an organized political community forming part of a country*' совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *union, family, free men, nation, heirs, the authorized party*:

(38) *'How complete the **union** has become and how dear to all of us, how unquestioned, how benign and majestic, as **State** after **State** has been added to this our great **family of free men!** How handsome the vigor, the maturity, the might of the great **Nation** we love with undivided hearts; how full of large and confident promise that a life will be wrought out that will crown its strength with gracious justice and with a happy welfare that will touch all alike with deep contentment! We are debtors to those fifty crowded years; they have made us **heirs to a mighty heritage**' [736].*

Анализируя семантический признак (4) *'the government of a country'* получаем такие контекстуальные эквиваленты, как *the great organization, the State authorities, the Federal government, a great government, nation, presidents:*

(39) *'The blow was aimed not **at this President**, but **at all Presidents; at every symbol of government**. President McKinley was as emphatically the embodiment of **the popular will of the Nation** expressed through the forms of law as a New England town meeting is in similar fashion the embodiment of the law-abiding purpose and practice of the people of the town'* [703];

(40) *'We remain the **most prosperous, powerful nation** on Earth'* [679].

Признак (5) *'the US (the States) the United State of America'* совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *America, the States, the US, family, heroes:*

(41) *'To the **family members** of Flight 93, today, every heartbeat in **America** is wedded to yours. Your pain and anguish is the shared grief of our **whole nation**. The memory of your **treasured loved ones** will inspire **America** for all time to come. The heroes of Flight 93 are an everlasting reminder that no matter the danger, no matter the threat, no matter the odds, **America** will always rise up, stand tall, and fight back.' ... We were united by our conviction that **America** was the world's most **exceptional country**, blessed with **the most incredible heroes**, and that this was a **land worth defending with our very last breath**' [734].*

Анализ языковой реализации концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков позволил выявить такие закономерности.

В результате анализа 750 примеров контекстуального употребления синонимов имени концепта определено, что концепт STATE представлен рядом субстантивных *state, country, nation, land, kingdom, realm, power, republic, province, region, territory, canton, department, county, district, government, parliament, administration, regime, authorities, republic* (21), атрибутивных *stately, dignified, majestic, ceremonious, courtly, imposing, solemn, regal, grand, national* (10), глагольных *state, express, voice, utter, put into words, declare, announce, make known, put across / over, communicate, air* (11) номинаций, свободных словосочетаний, напр.: *the arid States, the individual States, single States, the Western States, Nation State, Police State, Welfare State, the states of Victoria and Western Australia, the northern States of the US, the southern States of the US, matters / affairs of state, a state-owned company, the power of the State*, (57), словосочетаний с частеречными дериватами и членами синонимического ряда, которые также представляют содержание концепта (520), напр.: *a healthy community, a whole nation, the critical thirteen states, all the West and South, a democratic expression of organized self-help, federal and municipal government, the insurer of security, the ultimate rulers of democracy, the voters of this country, the early settlers of the Northwest, an alien power, forward-looking representatives*.

В результате анализа контекстуального использования синонимов имени концепта STATE зафиксированы такие структурные разновидности словосочетаний:

– A + N (state), де A – прилагательное, N (state) – номинант концепта STATE, напр.: *American state, the Atlantic States, great state, barbarous / semi-barbarous state, free / independent state, the great / entire country, open country, superb country, the principal countries, foreign countries, our own country, progressive States, European countries, leading industrial countries, an independent nation, a great nation, the African nations, strong / weak nation, the entire country / nation, fertile / arid land, flat / undulating / hilly land, agricultural / arable / industrial land, native land, foreign lands, the promised land, an allied /*

enemy power, newly independent republics, a great continental republic, tropical / desert regions, enemy / disputed / foreign territory, occupied territories, a large territory, US territories, the State Department, the southern counties, congressional districts, coalition / communist / totalitarian government, Democratic government, the State governments, central / federal / municipal government, corrupt / strong / popular government, a free government, the civil government, representative / provisional government, the Federal government, an honest / intelligent administration, successive administrations, the wise administration, a fascist / totalitarian / military regime, an oppressive / brutal regime, isolated communities, the individual / single / progressive / several / various States, the cotton-growing States, the great organization, civilized society, democratic civilization;

– A (Superlative) + N (state), где A (Superlative) – прилагательное в превосходной степени сравнения, напр.: *the most progressive States, the weakest country, the strongest country, the greatest / most successful republic, the best government, the wealthiest people;*

– N (state) + N, где N (state) – номинант концепта STATE, N – существительное, напр.: *Party members, State newspaper, State Jail, State Custody, State Religion, State laws, the State authorities, Government publications, Government reports, Government force;*

– N (state) + V, где N (state) – номинант концепта STATE, V – глагол, напр.: *the government forming / belonging to ..., the government is preparing, the Government was founded, the Government has recognized, the Government bestows, the Government discriminate, the government organizes, the Party seeks, the country has, the country is passing, the powers provide, the US feels;*

– N + предлог + N (state), напр.: *the shock, the grief of the country, the duty to the Party, ideology of the Party, cruelty of power, the mechanics of government, the symbol of government, supervision / control of government, the board of government, employees of the Government, the power of Government, expenses of Government, the people of the Territory, the men and women of the country, parts*

of the country, the currency of the country, the welfare / well-being of the country, every portion of our country, the interest of the country, the role of government, the Western half of the United States;

– N (state) + предлог + N , где N (state) – номинант концепта STATE, напр.: *a Government for our tomorrows, generation of self-seekers;*

– N (state) + предлог + N (state), где N (state) – номинант концепта STATE, напр.: *the governments of the two Americas, the Governments of the United States;*

– N (state's) + N, где N (state's) – номинант концепта STATE, N – существительное, напр.: *the country's needs, country's leading economists, country's problems, country's interest / concern, the country's policy, the nation's work, America's homeland / independence / ideals / cause / curse, a nation's security, State's rights.*

Сравнительная характеристика частотности употребления структурных моделей контекстуального использования синонимов имени концепта STATE представлена в таблице 3.4

Таблица 3.4

**Частотность употребления структурных моделей концепта STATE
в АПД в XX – начала XXI вв.**

Структурная модель	XX век	XXI век
A + N (state)	32%	32,5%
A (Superlative) + N (state)	14%	16%
N + предлог + N (state)	14%	13%
N (state's) + N	11,5%	12%
N (state) + V	10%	10,5%
N (state) + N	8%	7%
N (state) + предлог + N	6,5%	6%
N (state) + предлог + N (state)	4%	3%
ВСЕГО:	100%	100%

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и его частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта STATE в виде модели, состоящей из

четырёх сегментов COUNTRY, GOVERNMENT, OFFICIAL CEREMONY, THE US, которые в свою очередь, подразделяются на микросегменты, такие как, **territory, political and social organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, religion, people.**

Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте STATE. Как показывает анализ языкового материала, данный концепт в АПД XX – начала XXI веков имеет многоуровневую структуру, т.е. состоит из нескольких когнитивных уровней, которые отличаются степенью абстракции, которую они отражают [379, с. 60].

В структуре концепта выделяются четыре концептуальных уровня, образованных иерархично подчиненными признаками, которые были выделены на основе архисем и дифференциальных сем [463, с. 20], которые формируют значение концепта STATE.

Выделенные сегменты концептуальных признаков соответствуют основным сферам-источникам, которые служат базой для концептуализации. Эти сегменты и далее подразделяются на микросегменты – нижние уровни структурирования фреймовой структуры.

Сегмент COUNTRY представлен микросегментом **territory**. Имя концепта STATE представляет отдельную географическую область, которая понимается как отдельное земельное пространство, территория:

(42): *‘It is searching the world for grains, grasses, fruits, and vegetables specially fitted for introduction into localities in the several States and Territories where they may add materially to our resources.’* [703].

Актуализация микросегмента **territory** осуществляется путем объективации таких семантических признаков:

1) **limited:**

(43) *‘There is no one within its borders, there is no power among the nations of the earth, to make it afraid. But has it yet squared itself with its own great standards set up at its birth, when it made that first noble, naive appeal to the moral judgment of mankind to take notice that a government had now at last been*

established which was to serve men, not masters?’ [736];

2) **isolated:**

(44) *‘I have landed force to protect the lives and property of American citizens here against threats of Colombian soldiery. I am protecting water front with ship. I cannot possibly send to Panama until affairs are settled at Colon’ [707];*

(45) *‘The American continents are henceforth not to be considered as subjects for future colonization by any European power.’ In other words, the Monroe Doctrine is a declaration that there must be **no territorial aggrandizement by any non-American power at the expense of any American power on American soil. It is in no wise intended as hostile to any nation in the Old World. ...**’ [703];*

3) **open:**

(46) *‘When you are satisfied that **a de facto government, republican in form, and without substantial opposition from its own people, has been established in the State of Panama, you will enter into relations with it as the responsible government of the territory and look to it for all due action to protect the persons and property of citizens of the United States and to keep open the isthmian transit in accordance with the obligations of existing treaties governing the relation of the United States to that territory. Communicate above to Malmros, who will be governed by these instructions in entering into relations with the local authorities. ... we have entered into relations with the new Republic. It is fitting that we should do so now, as we did nearly a century ago when the Latin peoples of America proclaimed the right of popular government, and it is equally fitting that the United States should, now as then, be the first to stretch out the hand of fellowship and to observe toward the new-born State the rules of equal intercourse that regulate the relations of sovereignties toward one another. I feel that I express the wish of my countrymen in assuring you, and through you the people of the Republic of Panama, of our earnest hope and desire that stability and prosperity shall attend the new State, and that, in harmony with the United States, it may be the providential instrument of untold benefit to the civilized***

world through the opening of a highway of universal commerce across its exceptionally favored territory’ [707].

Сегмент GOVERNMENT представлен микросегментом **political and social organizaton**, который концептуализирует политические, экономические и культурные реалии американского общества: **bodies of power, functions, ideology**. Микросегмент **bodies of power** имеет еще один уровень иерархической структуры и расширяется на третьем уровне с помощью микросегмента **the subject of power** (субъект власти).

Актуализация этого микросегмента осуществляется путем объективации таких семантических признаков:

1) *take care of people*:

(47) *‘In selecting for its first representative at Washington a veteran servant and champion of the Panama Canal, my Government has evidently sought to show that it considers a loyal and earnest devotion to the success of that most heroic conception of human genius as both a solemn duty and the essential purpose of its existence. ... In extending her generous hand so spontaneously to her latest born, the Mother of the American Nations is prosecuting her noble mission as the liberator and the educator of the peoples. In spreading her protecting wings over the territory of our Republic the American Eagle has sanctified it. It has rescued it from the barbarism of unnecessary and wasteful civil wars to consecrate it to the destiny assigned to it by Providence, the service of humanity and the progress of civilization*’ [707];

2) *control all spheres of life*:

(48) *‘Our covenant with ourselves did not stop there. Instinctively we recognized a deeper need – the need to find through government the instrument of our united purpose to solve for the individual the ever-rising problems of a complex civilization. Repeated attempts at their solution without the aid of government had left us baffled and bewildered. For, without that aid, we had been unable to create those moral controls over the services of science which are necessary to make science a useful servant instead of a ruthless master of*

mankind. To do this we knew that we must find practical controls over blind economic forces and blindly selfish men' [693];

3) *guarantee racial / social / sexual equality, equality of opportunity, equality before the law:*

(49) *'The American people stand firm in the faith which has inspired this Nation from the beginning. We believe that all men have a right to **equal justice** under law and **equal opportunity** to share in the common good. We believe that all men have **a right to freedom of thought and expression**. We believe that all men are created **equal** because they are created in the image of God. From this faith we will not be moved. The American people desire, and are determined to work for, a world in which all nations and **all peoples are free to govern themselves as they see fit, and to achieve a decent and satisfying life**. Above all else, our people desire, and are determined to work for, peace on earth – a just and lasting peace – based **on genuine agreement freely arrived at by equals**'* [722];

(50) *'As everybody here knows, last year, upon a long period of reflection, I concluded that **we cannot discriminate against same-sex couples** when it comes to marriage; **that the basic principle that America is founded on – the idea that we're all created equal -- applies to everybody, regardless of sexual orientation, as well as race or gender or religion or ethnicity**'* [684];

4) *militarize social life:*

(51) *'We have made every effort to secure agreement on effective international control of **our most powerful weapon, and we have worked steadily for the limitation and control of all armaments**'* [722];

(52) *'Every man, woman and child lives under a nuclear sword of Damocles, hanging by the slenderest of threads, capable of being cut at any moment by accident or miscalculation or by madness. The weapons of war must be abolished before they abolish us. Men no longer debate whether **armaments** are a symptom or a cause of tension. The mere **existence of modern weapons – ten million times more powerful than any that the world has ever seen, and only minutes away from any target on earth – is a source of horror, and discord and***

distrust. Men no longer maintain that **disarmament** must await the settlement of all disputes – for **disarmament must be a part of any permanent settlement**. And men may no longer pretend that the **quest for disarmament** is a sign of weakness – for in a spiraling arms race, **a nation's security** may well be shrinking even as its arms increase' [670];

5) **popularize the achievements of power bodies:**

(53) '**Our own country is leading the world in the general readjustment to the results of the great conflict. ... Already we have sufficiently rearranged our domestic affairs so that confidence has returned, business has revived, and we appear to be entering an era of prosperity which is gradually reaching into every part of the Nation. Realizing that we cannot live unto ourselves alone, we have contributed of our resources and our counsel to the relief of the suffering and the settlement of the disputes among the European nations. Because of what America is and what America has done, a firmer courage, a higher hope, inspires the heart of all humanity**' [646];

6) **suppress differently minded people:**

(54) '**In the pursuit of these aims, the United States and other like-minded nations find themselves directly opposed by a regime with contrary aims and a totally different concept of life. That regime adheres to a false philosophy which purports to offer freedom, security, and greater opportunity to mankind. Misled by that philosophy, many peoples have sacrificed their liberties only to learn to their sorrow that deceit and mockery, poverty and tyranny, are their reward. That false philosophy is communism. ... These differences between communism and democracy do not concern the United States alone. People everywhere are coming to realize that what is involved is material well-being, human dignity, and the right to believe in and worship God. I state these differences, not to draw issues of belief as such, but because the actions resulting from the Communist philosophy are a threat to the efforts of free nations to bring about world recovery and lasting peace. Since the end of hostilities, the United States has invested its substance and its energy in a great constructive effort to restore peace, stability, and freedom to**

the world' [722];

7) *owners of all property:*

(55) '*Our harvests are bountiful, our factories flourish, our homes are safe, our defenses are secure*' [664];

8) *have unlimited power:*

(56) '*The Republic of Panama grants to the United States all the rights, power, and authority within the zone mentioned and described in Article II of this agreement and within the limits of all auxiliary lands and waters mentioned and described in said Article II which the United States would possess and exercise if it were the sovereign of the territory within which said lands and waters are located to the entire exclusion of the exercise by the Republic of Panama of any sovereign rights, power, or authority*' [708];

(57) '*We are a wealthy and powerful nation; Cuba is a young republic, still weak, who owes to us her birth, whose whole future, whose very life, must depend on our attitude toward her. I ask that we help her as she struggles upward along the painful and difficult road of self-governing independence. I ask this aid for her, because she is weak, because she needs it, because we have already aided her. ... We gave her liberty*' [706];

(58) '*It is because what government does affects profoundly the daily lives and plans of every person in the country*' [649].

9) *make progress:*

(59) '*Government is competent when all who compose it work as trustees for the whole people. It can make constant progress when it keeps abreast of all the facts. It can obtain justified support and legitimate criticism when the people receive true information of all that government does*' [649];

(60) '*And the plain truth is that the great progress we have made at home and abroad was in spite of the majority who run the Congress of the United States*' [657];

10) *have sympathy:*

(61) '*The death of Queen Victoria caused the people of the United States deep*

*and heartfelt sorrow, to which the government gave full expression. When President McKinley died our Nation in turn received from every quarter of the British Empire expressions of **grief and sympathy** no less sincere. ...* [703];

Сегмент GOVERNMENT также представлен микросегментом **functions**, который в свою очередь имеет еще один уровень иерархической структуры и расширяется на третьем уровне с помощью двух микросегментов **internal functions, external functions**. Актуализация микросегмента **internal functions** осуществляется путем объективации таких семантических признаков:

1) *education*:

(62) *'I know America's youth. I believe in them. We can be proud that **they are better educated, more committed, more passionately driven by conscience** than any generation in our history'* [671];

(63) *'We will return **control of our children's education** to parents and local school authorities'* [657];

2) *mass media*:

(64) *'But you know, with regard to the economy, I wonder if our political adversaries haven't once again proved that they're our best allies. They spent the last 16 months or so placing all the responsibility for the state of the economy on our shoulders. And with some help from the media, it's been a pretty **impressive campaign. They've created quite an image** – we're responsible for the economy'* [689];

(65) *'When George Washington first took the oath I have just sworn to uphold, **news traveled slowly across the land** by horseback and across the ocean by boat. Now, the sights and sounds of this ceremony **are broadcast instantaneously to billions around the world. Communications and commerce are global. Investment is mobile. Technology is almost magical. And ambition for a better life is now universal**'* [642];

3) *science*:

(66) *'We have made **enormous strides in science and industry and agriculture. We have shared our wealth more broadly than ever**'* [671];

(67) *'Along the way, Americans produced a great middle class and security in old age, **built unrivaled centers of learning and opened public schools to all, split the atom and explored the heavens, invented the computer and the microchip, and deepened the well-spring of justice by making a revolution in civil rights for African Americans and all minorities and extending the circle of citizenship, opportunity, and dignity to women**'* [643];

4) **economy:**

(68) *'We have learned at last **to manage a modern economy** to assure its continued growth'* [671];

(69) *'Raised in unrivaled prosperity, we **inherit an economy** that is still the **world's strongest** but is weakened by business failures, stagnant wages, increasing inequality, and deep divisions among our own people'* [642];

5) **medicine:**

(70) *'We will ensure the integrity of the social security system and **improve Medicare** so that our older citizens can enjoy the health and the happiness that they have earned. There is no reason they should have to go broke just to get well'* [657];

6) **security:**

(71) *'The first and prime concern is and will **remain the security of our country. Security is based on our national will, and security is based on the strength of our armed forces. We have the will, and militarily we are very strong**'* [657]

Микросегмент **external functions** находит свое выражение через семантические признаки:

1) **promoting democracy:**

(72) *'I am proposing that all nations henceforth avoid entangling alliances which would **draw them into competitions of power**, catch them in a net of intrigue and selfish rivalry, and disturb their own affairs with influences intruded from without. There is no entangling alliance **in a concert of power**. When all unite to act in the same sense and with the same purpose all act in the common interest and are **free to live their own lives under a common protection**'* [742];

(73) *'This ceremony is held in the depth of winter, but by the words we speak*

*and the faces we show the world, we force the spring, a spring reborn **in the world's oldest democracy that brings forth the vision and courage to reinvent America.** When our Founders boldly declared America's independence to the world and our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change; not change for change's sake but change to preserve America's ideals: life, liberty, the pursuit of happiness. Though we marched to the music of our time, **our mission is timeless.** ... Our hopes, our hearts, our hands are with those **on every continent who are building democracy and freedom. Their cause is America's cause**' [642];*

(74) 'Growing connections of commerce and culture give us a chance to lift the fortunes and spirits of people the world over. And for the very first time in all of history, more people on this planet live under democracy than dictatorship' [643];

(75) '**We affirm the promise of our democracy**' [683];

2) **war activities:**

(76) 'When we met here four years ago, America was bleak in spirit, **depressed by the prospect of seemingly endless war abroad and of destructive conflict at home.** ... As America's longest and most difficult war comes to an end, let us again learn to debate our differences with civility and decency. And let each of us reach out for that one precious quality government cannot provide – a new level of respect for the rights and feelings of one another, a new level of respect for the individual human dignity which is the cherished birthright of every American' [674];

(77) 'Today, we turn to **the urgent duty of protecting other lives, without illusion and without fear.** We've accomplished much in the last year – in Afghanistan and beyond. We have much yet to do – in Afghanistan and beyond. **Many nations represented here have joined in the fight against global terror, and the people of the United States are grateful**' [630];

Сегмент **GOVERNMENT** представлен микросегментом **ideology:**

(78) 'So it is proper that we assure our friends once again that, in the discharge of this responsibility, **we Americans know and we observe the difference between world leadership and imperialism; between firmness and truculence; between a thoughtfully calculated goal and spasmodic reaction to the stimulus of**

emergencies’ [648];

(79) ‘*Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along.*’ [627]

Сегмент OFFICIAL CEREMONY представлен микросегментами **symbols** и **religion**:

(80) ‘*The blow was aimed not at **this President**, but at **all Presidents**; at every symbol of government*’ [703];

(81) ‘*Those Americans who believed that we could live under the illusion of isolationism wanted **the American eagle** to imitate the tactics of the ostrich. Now, many of those same people, afraid that we may be sticking our necks out, want **our national bird** to be turned into a turtle. But we prefer to **retain the eagle as it is – flying high and striking hard***’ [697];

(82) ‘*For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe – the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but **from the hand of God***’ [669];

(83) ‘*Throughout our history, **men and women have come to America to escape religious persecution elsewhere and secure religious freedom here**; ... people coming together across the lines of faith and political convection and race to protect the religious liberties we all cherish*’ [716];

Сегмент The US представлен микросегментом **a permanent population**:

(84) ‘*What **America has done has given renewed hope and courage to all who have faith in government by the people**. In the large view, we have reached a higher degree of comfort and security than ever existed before in the history of the world. Through liberation from widespread poverty we have reached a higher degree of individual freedom than ever before. **The devotion to and concern for our institutions are deep and sincere. We are steadily building a new race--a new civilization great in its own attainments. The influence and high purposes of our***

Nation are respected among the peoples of the world. We aspire to distinction in the world, but to a distinction based upon confidence in our sense of justice as well as our accomplishments within our own borders and in our own lives' [662]

Проведенный анализ свидетельствует о том, что контекстная модель семантического пространства концепта STATE в английском языке является более распространенной, чем прототипическая модель семантического пространства исследованного концепта. Семантические отношения первого уровня (I) структуры концепта могут быть описаны при помощи фреймов разных типов.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта STATE структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: 1. Таксономический фрейм представляет отношения категоризации: НЕЧТО-индивид есть НЕЧТО-вид/роль: STATE есть НЕЧТО (*COUNTRY*), (*GOVERNMENT*), (*OFFICIAL CEREMONY*), (*THE US*).

На втором уровне (II) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций таксономического и посессивного фреймов: 1. НЕЧТО (*COUNTRY*) есть НЕЧТО (*TERRITORY*), НЕЧТО (*GOVERNMENT*) есть НЕЧТО (*POLITICAL AND SOCIAL ORGANIZATIONS*), НЕЧТО (*OFFICIAL CEREMONY*) есть НЕЧТО (*RELIGION*), (*NATIONAL SYMBOLS*), НЕЧТО (*THE US*) есть НЕЧТО (*A PERMANENT POPULATION*); 2. Посессивный фрейм демонстрирует связь НЕЧТО владелец имеет НЕЧТО часть. Отношения в этом типе фрейма определяется как ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ: НЕЧТО (*POLITICAL AND SOCIAL ORGANIZATION*) есть НЕЧТО (*BODIES OF POWER*), (*FUNCTIONS*), (*IDEOLOGY*).

На третьем уровне (III) фреймовая модель также структурируется пропозициями предметного и таксономического фреймов: 1. НЕЧТО (*TERRITORY*) есть ТАКОЕ (*LIMITED*), (*ISOLATED*), (*OPEN*), НЕЧТО (*FUNCTIONS*) есть ТАКОЕ (*INTERNAL*), (*EXTERNAL*), 2. НЕЧТО (*BODIES OF POWER*) есть НЕЧТО (*SUBJECTS OF POWER*).

На четвертом уровне (IV) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций акционального, посессивного, таксономического и предметного фреймов: 1. В акциональном фрейме несколько предметов, которые являются участниками события, наделяются аргументными ролями.

Отношения между предметами, наделенными аргументными ролями, определяются действием агенса / каузатора и представлены глаголами *действует* или *делает*: КТО-ТО (*SUBJECTS OF POWER*) действует ТАК (*TAKE CARE OF PEOPLE*), (*CONTROL ALL SPHERES OF LIFE*), (*GUARANTEE RACIAL / SOCIAL / SEXUAL EQUALITY, EQUALITY OF OPPORTUNITY, EQUALITY BEFORE THE LAW*), (*MILITARIZE SOCIAL LIFE*), (*POPULARIZE THE ACHIEVEMENTS OF POWER BODIES*), (*SUPRESS DIFFERENTLY MINDED PEOPLE*), (*MAKE PROGRESS*); 2. НЕЧТО (*SUBJECTS OF POWER*) имеет НЕЧТО (*UNLIMITED POWER*), (*SYMPATHY*); 3. НЕЧТО (*SUBJECTS OF POWER*) есть НЕЧТО (*OWNERS OF ALL PROPERTY*), 4. НЕЧТО (*INTERNAL FUNCTIONS*) есть ТАМ (*EDUCATION*), (*MASS MEDIA*), (*SCIENCE*), (*ECONOMY*), (*MEDICINE*), (*SECURITY*); НЕЧТО (*EXTERNAL FUNCTIONS*) есть ТАКОЕ (*PROMOTING DEMOCRACY*), (*WAR ACTIVITIES*).

Сопоставительный анализ прототипической и контекстной моделей семантического пространства концепта STATE свидетельствует о том, что семантическое пространство концепта, представленное на основе анализа дискурсивных реализаций концепта, является наиболее расширенным и разветленным по сравнению с семантическим пространством концепта, который основывается на анализе семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов.

В структуре концепта выделяем четыре концептуальных уровня, которые, соответственно, представляют большее количество семантических признаков, которые определяют концепт STATE.

Результаты исследования 2000 контекстов АПД, в которых

актуализируются признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта STATE имеет неоднородный характер.

Как свидетельствует анализ эмпирического материала, наибольшее количество контекстов (49% / 52%), которые вербализируют указанный концепт, актуализируют сегмент GOVERNMENT в АПД XX – начала XXI веков.

Эту закономерность можно объяснить тем, что структура государства США регулируется правительством, которое налаживает все его внутренние механизмы и внешние отношения с другими государствами и субъектами власти, согласно целесообразности взаимоотношений личности и общества.

Самым разветвленным по семантике является сегмент POLITICAL and SOCIAL ORGANIZATION, который насчитывает 17 признаков исследованного концепта, что составляет 45% от общего количества признаков концепта.

В результате проведенного исследования зафиксированно, что наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент **bodies of power** (9%), который насчитывает 10 признаков. Это объясняется тем, что в роли контролирующего органа выступает не государство в целом, а власть, которая является стержнем, вокруг которого строится само государство.

Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент **internal functions** (8% / 6%), в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки *science* (6% / 9%), *education* (3% / 3,5%).

Научная деятельность и сфера образования полностью контролируются государством, в то время как большая часть научного сектора направлена на милитаризацию общества, акцентируется внимание на огромной роли образования в жизни граждан страны, которое также принадлежит к системе ценностей, представляя государственную систему США как лучшую в мире.

Наиболее представленным в количественном плане, и одним из

важнейших по семантике и значимости в представленных контекстах является микросегмент **external functions** (12% / 14%).

Семантический признак, который объективирует этот сегмент свидетельствует о том, что государство США представляет собой власть, стремящуюся к мировому господству, которая навязывает свою идеологию и принципы существования в мире, культивирует агрессию по отношению к чужим и инакомыслящим, постоянно втянуто в бесконечные войны с противниками, которые, к тому же, постоянно меняются. Периферийным является сегмент **OFFICIAL CEREMONY** (3%), представленный микросегментами *national symbols u religion*.

Образно-ценностный компонент концепта STATE реализуется в АПД XX – начала XXI веков при помощи разнообразных разноуровневых языковых средств.

Среди основных языковых средств реализации концепта STATE доминируют лексические средства (86%). Синтаксические средства составляют (14%). Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта STATE представлена в табл. 3.5.

Как свидетельствуют данные табл. 3.5, образная интерпретация концепта STATE интенсивно осуществляется при помощи задействования механизма метафоры (49,4% / 55%).

Образно-ценностный компонент концепта STATE высвечивает символические смыслы, как всего государства, так и его отдельных элементов.

Концепт STATE выступает символом единства людей, поэтому возможно метафорическое осмысление объединения людей, связанных друг с другом как граждан в составе государства, так, и понимание государства как пространства духовно близких людей.

Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>Лексические</i>				
1. Эпитет	54	9,3%	49	9,04%
2. Имена собственные	39	6,7%	24	4,42%
3. Метонимия	36	6,23%	32	5,9%
4. Фразеологизм	26	4,5%	28	5,16%
5. Идеологема	8	1,38%	6	1,1%
6. Мифологема	6	1,4%	6	1,1%
7. Термин	6	1,4%	8	1,47%
8. Сравнение	4	1,16%	4	0,73%
<i>Синтаксические</i>				
9. Семантический повтор	28	4,85%	18	3,32%
10. Синтаксический параллелизм	26	4,5%	16	2,95%
11. Сложноподчиненные предложения	24	4,15%	21	3,8%
12. Отрицательные предложения	21	3,6%	18	3,3%
13. Анафора	14	2,42%	12	2,21%
<i>Другие</i>				
14. Концептуальная метафора	285	49,4%	300	55%
ВСЕГО:	577	100%	542	100%

На этом этапе исследования выявлено, что государство концептуализируется в АПД XX – начала XXI веков преимущественно при помощи онтологических метафор, которые категоризируют абстрактные вещи, путем очерчивания границ в пространстве.

Спектр КМ включает следующие типы: **STATE is A HUMAN BEING**, **STATE is MECHANISM**, **STATE is ARCHITECTURE**, **STATE is A PLANT**, **STATE is ANIMAL WORLD** (см. табл. 3.6)

**Количественная характеристика основных типов онтологической КМ,
представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE
в АПД XX – начала XXI веков**

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	STATE is A HUMAN BEING	49%	60%
2.	STATE is MECHANISM	18%	11%
3.	STATE is ARCHITECTURE	16%	10%
4.	STATE is A PLANT	11%	11%
5.	STATE is ANIMAL WORLD	6%	8%
	ВСЕГО:	100%	100%

Онтологическая метафора со сферой-источником A HUMAN BEING представляет государство, как человека со всеми присущими ему потребностями и требованиями, выдвигаемыми к нему, которым он должен непосредственно соответствовать, например:

(85) *‘Our state, like a person, has a body – a body that must be fed and clothed and housed, invigorated and rested, in a manner that measures up to the standards of our time’* [696].

В данном примере государство уподобляется человеку, который нуждается в помощи и участии людей, акцентируется внимание на необходимости сотрудничества, понимания и взаимопомощи в трудные для государства времена.

В следующем примере президент с помощью метафорического высказывания *“a mind that must be kept informed and alert, just like state”*, позиционирует идею о сохранении мира в стране – чтобы сохранить покой и порядок в своём государстве, нужно в первую очередь, находится в дружественных отношениях с соседними странами.

В своих границах государство должно быть предельно аккуратно и внимательно, ведь именно разногласия с близлежащими странами могут привести к крупнейшему разладу внутри страны:

(86) '*A person has a mind that must be kept informed and alert, just like state, that must know itself, that understands the hopes and the needs of its neighbors – all the other Nations that live within the narrowing circle of the world*' [645].

Доля процентного соотношения метафорической модели со сферой-источником A HUMAN BEING в дискурсе XX в. составляет 49%, в отличие от показателя начала XXI в. – 60%, что говорит о выходе на первый план антропоморфной метафоры, позволяющей более точно описать государственную деятельность.

Следует отметить высокую частотность употребления артефактной метафоры при реализации концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков. Ведущими метафорическими моделями являются **STATE is MECHANISM**, **STATE is ARCHITECTURE**:

(87) '*This country had been gearing itself up to a high level of production of munitions...*' [715];

(88) '*... the ruin of the entire country – a ruin which would bear heaviest upon the weakest, upon those least able to shift for themselves*' [714];

Метафоры со сферой-источником ANIMAL WORLD используются для сравнения государства с кровожадными животными:

(89) '*After all, sometimes it may happen that the pictures of terrible savagery and crimes against any idea of humanity will be revealed to our state*' [641].

Так, используя данную метафорическую модель в АПД XX в., Джимми Картер акцентирует внимание на жестокости, присущей диким животным.

В начале XXI века Дж. Буш употребляет аналогичное метафорическое выражение:

(90) '*As we may have noticed, the state can be the most bloodthirsty animal*' [629].

Президент открыто сравнивает государство с кровожадным животным. Такую параллель можно провести с военными действиями, которые государства устраивают с целью уничтожения своего противника, используя при этом все возможные способы.

В XX в. президенты часто используют метафорическую модель STATE is A PLANT для сравнения государства с растением, которое из черенка, набирает силы для благополучного роста и развития, например:

(91) *'They are an extraordinary breed we call Americans. So, if there's any salute deserved tonight, it's to the heroes everywhere in this land who make up the doers, the dreamers, and the lifebuilders without which our glorious experiment in democracy would have failed. ... The economy bloomed like a plant that had been cut back and could now grow quicker and stronger. .... You see, there's no sweeter day than each new one, because here in our country it means something wonderful can happen to you. And something wonderful happened to me'* [692].

В начале XXI века метафорическая модель со сферой-источником «Мир растений», продолжает занимать лидирующую позицию в АПД, так, например, Барак Обама в своем высказывании приводит яркий пример образа государства, которое находится в полной гармонии с природой и человеком:

(92) *'If all citizens serve the common good, then the state will certainly begin to flourish'* [716].

Анализ концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в АПД XX – начала XXI веков показал, что типичными для исследуемого дискурса, продуктивными и структурированными являются структурные метафорические модели.

Среди структурных метафор нами были выделены следующие модели: STATE is CONTROL, STATE is SECURITY, STATE is DEMOCRACY, STATE is SOLUTION, STATE is EQUALITY, STATE is ART, STATE is PROTECTION (см. табл. 3.7).

**Количественная характеристика основных типов структурной КМ,
представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE
в АПД XX – начала XXI веков**

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	STATE – CONTROL	28%	12%
2.	STATE – SECURITY	24%	20%
3.	STATE – DEMOCRACY	12%	29%
4.	STATE – SOLUTION	–	2%
5.	STATE – EQUALITY	22%	24%
6.	STATE – ART	4%	3%
7.	STATE - PROTECTION	10%	10%
ВСЕГО:		100%	100%

Метафорическая модель **STATE is CONTROL** является наиболее часто употребляемой в АПД XX в., о чем свидетельствует количественный анализ, например:

(93) *'...for in the long run, under the mere pressure of material distress, the people as a whole would probably go back to the reign of an unrestricted individualism rather than submit to a control by the State'* [642].

Данная КМ мотивирована тем, что государство может, как и поддерживать, так и ограничивать действия человека. Упоминание о государственном контроле отмечается в речах таких президентов как В. Вильсон, Дж. Кеннеди, Б. Клинтон, Дж. Картер:

(94) *'The machinery of the elections is administered entirely by the Porto Rican people themselves, the governor and council keeping only such supervision as is necessary in order to insure an orderly election'* [735].

Данную метафорическую модель президенты не используют с целью запугать жителей своего государства, а применяют для того, чтобы показать, что у страны есть уполномоченный орган власти, который упорядочивает властную структуру.

Метафорическая модель **STATE is SECURITY** представляет государство, как особый орган, обеспечивающий безопасность для своих граждан:

(95) *'They urged the state to create a **secure and stable environment**'* [641].

Обязанность государства соблюдать, поощрять, защищать и осуществлять права является первостепенной, что неоднократно подчеркивается в речах президентов как в XX, так и в XXI в.

КМ **STATE is DEMOCRACY** непосредственно ассоциирует государство с политическим строем, при котором верховная власть принадлежит народу:

(96) *'Our state understood it well and gave us **a democracy strong enough to endure for centuries, flexible enough to face our common challenges and advance our common dreams in each new day**'* [627];

(97) *... we celebrate the **mystery of American renewal**. This ceremony is held in the depth of winter, but by the words we speak and the faces we show the world, we force the spring, **a spring reborn in the world's oldest democracy that brings forth the vision and courage to reinvent America**. When our Founders boldly declared America's independence to the world and our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change; not change for change's sake but change to preserve America's ideals: life, liberty, the pursuit of happiness. Though we marched to the music of our time, our mission is timeless. Each generation of Americans must define what it means to be an American* [642].

Метафорическая модель **STATE is SOLUTION** приобретает особую популярность в начале XXI века. В соответствии с высказыванием президента только граждане США могут принять правильное с их точки зрения решение. От голоса каждого жителя Америки зависит будущее государства:

(98) *'Government is not the problem, and Government is not the solution. **We – the state – we are the solution**'* [683].

КМ, представленная моделью **STATE is EQUALITY** подчёркивает, что в США, как и в любом другом цивилизованном обществе, целесообразно преобладание социальной справедливости и равенства, так как, с точки зрения гуманистов, все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, независимо от того, в каком государстве они рождаются:

(99) *'America has become a state, standing on a full equality, and her future is assured by her great natural resources'* [645].

Метафорическая модель **STATE is PROTECTION** подчеркивает функцию государства как гаранта, который предоставляет все виды социальной и юридической защиты:

(100) *"Not only should he recognize this obligation in the way he leads his daily life and in the way he earns and spends his money, but it should also be recognized by the way in which he pays for the protection the State gives him"* [627].

В результате проведенного анализа функционирования структурных метафор в АПД XX – начале XXI веков можно сделать следующий вывод: метафорическая модель **STATE is CONTROL** является характерной для XX в., так как действия государства направлены как на расширения возможностей и полномочий гражданского общества, так и на их сдерживание и контроль.

Правительство является главным политическим объектом, которое контролирует государство. В начале XXI века на первый план выходит метафора **STATE is DEMOCRACY**, т. к. именно данная форма правления является главным приоритетом США относительно возможностей и свободного будущего страны.

Ориентационными метафорами называют те метафоры, которые связаны с пространственной ориентацией, где метафорические модели имеют такие виды как: «вверх – вниз», «внутри – снаружи», «впереди – позади», «глубокий – мелкий» и «центральный – периферийный», а также часто

ориентационные метафоры имеют такие модели как «счастье (вверх) – грусть (вниз)», «жизнь – смерть», «подъем – падение», и другие [533].

Среди вербализаторов концепта STATE, можно выделить такие модели ориентационной метафоры, как **STATE is UP**, **STATE is DOWN**, **STATE is INSIDE**, **STATE is OUTSIDE** (см. табл. 3.8).

Таблица 3.8

Количественная характеристика основных типов онтологической КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД начала XXI в.
1.	STATE is UP	42%	38%
2.	STATE is DOWN	18%	19%
3.	STATE is INSIDE	36%	36%
4.	STATE is OUTSIDE	4%	7%
	ВСЕГО:	100%	100%

Метафорические модели **STATE is UP** и **STATE is DOWN** представлены в следующих примерах, где показатель роста демонстрирует прилагательное в сравнительной степени “*more*”:

(101) *‘The more enlightened the States are, the more they communicate ideas to each other and the more the power and activity of the universal mind increase’* [735].

(102) *‘The greater the fall of the state, the more laws it has’* [642].

В данном примере метафора “*falling*”, указывает на крушение политического строя государства, его несостоятельность, неспособность удержаться на должной высоте.

Аналогичная ситуация наблюдается и в метафорической актуализации концепта STATE в АПД начала XXI века:

(103) *‘When the nobility gets poorer, and every rabble begins to enrich itself, this is a sign of the destruction of the state...’* [716].

Данная метафора “*the destruction of the state*” указывает на разрушительный процесс, которому подвержено государство.

Метафорическая модель **STATE is INSIDE** представлена в следующем примере:

(104) ‘*The foundation of this State rest on justice*’ [655], где конструкция “*the foundation of this State*” является главным образом ключевой. Именно фундамент данного государства, его основание, построен на полной справедливости.

Анализируя метафорическое выражение в АПД начала XXI века:

(105) ‘*It is customary, both here and around the world, to regard life in our state as easy*’ [629], понимаем, что речь идёт о государстве, фрейм STATE is INSIDE, представлен контекстуально.

Ярким примером метафорической модели **STATE is OUTSIDE** является выражение (106) ‘*A big state, like a big pie, is most easily eaten from the edges*’ [627]. В данном случае выделяем существительное “*edge*” как ключевое слово для вербализации данной метафорической модели.

Образно-ценностный компонент концепта STATE, который представлен ориентационными метафорами, представляет государство как живое существо или механизм, постоянно находящийся в движении и развитии.

Еще одним продуктивным способом вербализации образно-ценностного компонента концепта STATE является **метафора**. Так, например, *axis of evil* («ось зла») был использован президентом США Дж. Бушем в ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 года для описания режимов, спонсирующих, по мнению США, терроризм или разрабатывающих оружие массового поражения и способных передать его террористам:

(107) ‘*States like these and their terrorist allies constitute an axis of evil, arming to threaten the peace of the world*’ [631].

Функции **эпитета**, который вербализирует концепт STATE, реализуются благодаря использованию прилагательных, в большинстве случаев в

превосходной степени сравнения, что дает возможность говорить о гиперболизированных эпитетах, например:

(108) ‘... ***the greatest and most successful republic in history***’ [703];

(109) ‘*We remain the **most prosperous, powerful nation on Earth***’ [679].

Концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков чаще всего вербализуется **именами собственными**: (110) ‘*Because of what **America** is and what **America** has done, a firmer courage, a higher hope, inspires the heart of all humanity*’ [646];

метонимиями: (111) ‘***Our harvests are bountiful, our factories flourish, our homes are safe, our defenses are secure***’ [664];

идеологемами: (112) ‘*Each side sees only **hard and soft nations, hard and soft policies, hard and soft me***’ [716];

мифологемами: (113) ‘*Today the eyes of all people are truly upon us – and our governments, in every branch, at every level, national, state and local, must be as **a city upon a hill** – constructed and inhabited by men aware of their great trust and their great responsibilities*’ [716];

семантическими повторами, синтаксическим параллелизмом, анафорой: (114) ‘***Your voice, your hopes, and your dreams, will define our American destiny. And your courage and goodness and love will forever guide us along the way. Together, We Will Make America Strong Again. We Will Make America Wealthy Again. We Will Make America Proud Again. We Will Make America Safe Again. And, Yes, Together, We Will Make America Great Again. Thank you, God Bless You, And God Bless America***’ [724].

Среди синтаксических способов представления концепта STATE следует отметить **сложноподчиненные предложения**, которые дают возможность наиболее точно охарактеризовать субъекты и объекты государства, его функции и предназначение, а также качественные и количественные характеристики:

(115) ‘***The United States is the only one of the greatest nations in which the forest work of the Government is not concentrated under one department ...***’ [709].

Особую роль играют **отрицательные предложения** в АПД XX – начала XXI веков, подчеркивая исключительность государства в мировой истории и его влияние на мировую политику и экономику:

(116) *'No country has ever occupied a higher plane of material well-being than ours at the present moment'* [705].

Количественный анализ позволяет сделать вывод, что среди языковых средств выражения концепта STATE наиболее продуктивными является концептуальная метафора (49,4% / 55%), эпитеты (9,3% / 9,04), имена собственные (6,7% / 4,42%).

Наименее представленными по количественным показателям, но не менее важными по семантике – сравнение (1,16% / 0,73%), анафора (2,42% / 2,21%). Приблизительно равное количественное соотношение характерно для таких языковых способов, как метонимия (6,23% / 5,9%), фразеологизм (4,5% / 5,16%), семантический повтор (4,85% / 3,32%), синтаксический параллелизм (4,5% / 2,95%), сложноподчиненные предложения (4,15 / 3,8%).

Таким образом, в АПД XX – начала XXI веков актуализируется дискурсообразующий концепт STATE: государство определяют как ведущий институт власти, основной элемент политической системы общества, организующий, направляющий и контролирующей общественную деятельность. В качестве обязательных признаков американского государства как в XX, так и в начале XXI века выступают определения *'country'*, *'government'*, *'politics'*, *'power'*, *'community'*.

В начале XXI века имеет место пересмотр роли государства в мировой политике, и соответствующий феномен рассматривается как единственная сверхдержава, противостоящая другим государствам в сфере политики и безопасности, экономическим вопросам, государство, как единственная цивилизация, которая имеет возможность влиять на мировую политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций или регионов.

Анализ вербализаторов концепта STATE позволяет констатировать его тесную связь как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, PEOPLE, так и с национально-маркированными DEMOCRACY и NATION.

Таким образом, концепт STATE в АПД XX-XXI ст. представляет собой абстрактное явление, отличающееся динамикой когнитивных признаков и разнообразием лингвистической детализации и интерпретации.

3.5 Лингвальное воплощение концепта PEOPLE

Анализ публичных выступлений президентов США позволяет определить особенности вербализации концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков. В XX веке политическая философия анализирует концепт PEOPLE в различных проявлениях. Акцентируется внимание на том факте, что значение данного концепта усиливается при революционных и военных действиях, в то время как при государственном благополучии его значение почти рассеивается. С ходом времени философ М. Фуко даже говорит о распаде концепта PEOPLE под действием государства и его метаморфозе в отдельных индивидов [427, с. 200].

Обращаясь к основополагающему понятию данного концепта, можно обнаружить следующие толкования: «народ» – это нация, народность, национальность; люди или группа людей; население государства, жители страны; основная трудовая масса населения страны [467].

Следовательно, концепт PEOPLE употребим в двух случаях: в качестве противопоставления власти гражданам или в качестве противопоставления личности массе, толпе. Таким образом, концепт PEOPLE используется в политической философии наряду с концептами POLITICS, POWER, STATE [460, с. 340].

Анализ дискурсивных реализаций концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует, что ядро данного концепта состоит из 11 лексем: *people* (43% / 42%), *nation* (16% / 14%), *(fellow)-citizens* (8% /

6%), *men, women and children* (5% / 11%), *population* (9% / 8%), *(fellow)-countrymen, folk* (5% / 9%), *society* (3% / 4%), *individuals* (4% / 2%).

Периферию концепта PEOPLE составляют еще 76 ЛЕ: *generation, ladies and gentlemen, mankind, race, ethnicity, ethnic group, fellow Americans, civilization, humanity, human beings, persons, humans, friends, mortals, living souls, personages, subjects, electors, voters, taxpayers, residents, inhabitants, public, citizenry, the common people, masses, the class, workers, soldiers, employees, employers, pioneers, servants, crowd, the proletariat, the rank and file, the plebs, family, parents, mothers and fathers, sons and daughters, husbands and wives, relatives, relations, kinsfolk, flesh and blood, nearest and dearest, race, tribe, clan, guests, ancestors, forefathers* и др.

Далее необходимо отметить, что доминантой данного концепта выступает существительное *people*. Однако, *people* является заимствованным для английского языка словом, оно восходит к латинскому слову “*pōpulus*” – люди, народ, нация, общество, раса. Здесь важно уточнить, что впервые данное слово встречается в 1275 году, представляя собой французскую словоформу *people*, что объясняется оказанием большего влияния на английский язык французского, чем латыни [548, с. 23].

В период раннего среднеанглийского языка также встречается и английское слово *folk*, существующее в значении ‘народ’, оно берет начало еще в древнеанглийском языке в форме *folc*, которая служила для обозначения понятий ‘племя, народ, люди, множество’.

Со временем данное слово станет реже употребляться, будучи вытесненным доминантой *people*, оно приобретет новые значения, такие как: ‘простые люди’, ‘родственники, родня’. После XIX в. ЛЕ *people* приобрела новые дефиниции: ‘простые люди, массы’, а также в активное употребление вошло выражение “*the people vs.*” (в значении ‘народ против’) [548, с. 90].

Изучение публичных выступлений президентов США позволяет определить особенности вербализации концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков.

Понятийно-ценностное содержание концепта PEOPLE раскрывается на основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа значения имени концепта, членов его синонимического ряда, их частеречных дериватов. Таким образом, для описания семантики концепта PEOPLE используем дефиниционный анализ его имени.

Обратившись к толковым словарям, изданным в XX в. [578; 581; 584; 587; 588; 598; 600; 601; 602; 605; 609; 613; 617; 621; 623; 624], можно обнаружить, что четыре признака составляют семантическое пространство концепта PEOPLE: (1) *“persons generally: the men, women, and children of a country or a nation”*; (2) *“the mass of persons (the populace) as distinct from the rulers”*; (3) *“an indefinite number, inhabitants”*; (4) *“peoples, races, tribes”*.

На основе результатов анализа дефиниций имени концепта по данным английского толкового словаря XXI в. [604] приходим к выводу, что семантическое пространство имени концепта PEOPLE в английском языке насчитывает девять признаков: (1) *“persons / individuals / men, women, children”*; (2) *“persons in general / everyone”*; (3) *“all the persons who live in a particular place, or belong to a particular country, race”*; (4) *“the ordinary men and women of a country rather than those who govern or have a special position in society”*; (5) *“men and women who work in a particular type of job or are involved in a particular area or activity”*; (6) *“the men, women and children that a person leads”*; (7) *“the men and women who work for you or support you”*; (8) *“guests or friends”*; (9) *“the men, women and children that you are closely related to (family)”*.

Сопоставив данные дефиниционного анализа имени концепта PEOPLE в толковых словарях XX и начала XXI веков, отмечаем, что структура концепта претерпевает определенные трансформации в диахронии, т. е. имеет место изменение содержания концепта, его понятийно-ценностного компонента, что отражается в языке и может быть представлено на примере анализа семантики языковых репрезентантов концепта.

Таким образом, концепт PEOPLE является динамичным феноменом, что находит свое выражение в появлении пяти новых значимых признаков (5) *“men and women who work in a particular type of job or are involved in a particular area or activity”*; (6) *“the men, women and children that a person leads”*; (7) *“the men and women who work for you or support you”*; (8) *“guests or friends”*; (9) *“the men, women and children that you are closely related to (family)”*.

План выражения концепта представлен целым рядом языковых реализаций, которые образуют соответствующую лексико-семантическую парадигму, а план содержания включает общие для всех его языковых реализаций семантические признаки, которые скрепляют лексико-семантическую парадигму [381, с. 64].

Анализируя семантический признак (1) *“persons / individuals / men, women, children”*, получаем такие контекстуальные эквиваленты: *persons, pioneers, individuals, men, women and children, humans, human beings, mortals, living souls, personages, folk, gentlemen, ladies*:

(117) *‘It is composed of men the descendants of pioneers, or, in a sense, pioneers themselves; of men winnowed out from among the nations of the Old World by the energy, boldness, and love of adventure found in their own eager hearts’* [703];

(118) *‘Men and women of the world move toward free markets through the door to prosperity. The people of the world agitate for free expression and free thought through the door to the moral and intellectual satisfactions that only liberty allows’* [627].

Признак (2) *“persons in general / everyone”* совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов: *citizens, citizenry, subjects, electors, electorate, voters, taxpayers, residents, inhabitants, general public, nation, population, populace, delegates, humanity, generations, civilization*: (119) *‘As civilization grows warfare becomes less and less the normal condition of foreign relations’* [703];

(120) ‘*But have we changed as a **nation** even in our time?*’ [627].

Признак (3) “*all the persons who live in a particular place, or belong to a particular country, race*” совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов, например: *the people of the USA, the peoples of the world, race, ethnic group, ethnicity, ethnic minority, tribe, clan, the natives, residents, inhabitants, American citizens, nation, black people (also Black), black culture, African American, the Indians, white people, the whites, northern / southern people, a northerner, a southerner, the nations of the earth, peoples of the world, tropic people, people of the tropics, the nations of mankind*:

(121) ‘*In dealing with **the Indians** our aim should be **their ultimate absorption into the body of our people**. ... In portions of **the Indian Territory** the mixture of blood has gone on at the same time with progress in wealth and education, so that **there are plenty of men with varying degrees of purity of Indian blood who are absolutely indistinguishable in point of social, political, and economic ability from their white associates**. There are other **tribes** which have as yet made no perceptible advance toward such equality. To try to force such **tribes** too fast is to prevent their going forward at all*’ [703];

(122) ‘*Today, America speaks anew to **the peoples of the world** ....*’ [627].

Анализируя семантический признак (4) “*the ordinary men and women of a country rather than those who govern or have a special position in society*” получаем такие контекстуальные эквиваленты: *the common people, the plain people, the proletariat, the masses, the populace, the commonalty, a commoner, a crowd, the uncivilized regions, the poor, the homeless, the lost, the roaming, a man in the street, beggar, tramp*:

(123) ‘***The plain people** are better off than they have ever been before*’ [703];

(124) ‘*There are **the homeless, lost and roaming***’ [627].

Следует заметить, что несмотря на тот факт, что нижеуказанные семантические признаки (5)-(9) не зафиксированы в толковых словарях XX в., они находят свое выражение в АПД соответствующего периода.

Признак (5) “*men and women who work in a particular type of job or are involved in a particular area or activity*” совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *Army and Navy officials, enlisted men, the naval constructors, the Federal soldiers, American / Government troops, commander-in-chief, general in command, the Secretary of War, officers, specialists, postmasters, servants, employer, employees, wage-workers, Conservatives, Republicans, Democrats, abolitionists, confederates, the founders*:

(125) ‘*Every employer, every wage-worker, must be guaranteed his liberty and his right to do as he likes with his property or his labor so long as he does not infringe upon the rights of others*’ [703];

(126) ‘*For younger workers, the Social Security system has serious problems that will grow worse with time. Social Security was created decades ago, for a very different era. In those days people didn't live as long, benefits were much lower than they are today, and a half century ago, about 16 workers paid into the system for each person drawing benefits. Our society has changed in ways the founders of Social Security could not have foreseen*’ [633].

Признак (6) “*the men, women and children that a person leads*” совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *the leaders and the led, one's fellow-citizens / fellow-beings / fellow-countrymen, democratic reformers, gentlemen, class*:

(127) ‘*I have been chosen the leader of the Nation. ... Whom do I command? The ghostly hosts who fought upon these battlefields long ago and are gone? These gallant gentlemen stricken in years whose fighting days, are over, their glory won? ... That host is the people themselves, the great and the small, without class or difference of kind or race or origin; and undivided in interest, if we have but the vision to guide and direct them and order their lives aright in what we do*’ [736];

(128) ‘*Democratic reformers facing repression, prison, or exile can know: America sees you for who you are: the future leaders of your free country... By making every citizen an agent of his or her own destiny, we will give our fellow*

Americans greater freedom from want and fear, and make our society more prosperous and just and equal’ [634].

Семантический признак (7) **“the men and women who work for you or support you”** соотносится с признаками контекстуальных эквивалентов *sister republics, our Southern sister Republics, a friendly nation* и находит свое выражение в АПД обоих столетий:

(129) *‘This was done last summer with most satisfactory results in the case of a claim at issue between us and our sister Republic’* [703];

(130) *‘... know that America is a friend of each nation and every man, woman, and child who seeks a future of peace and dignity, and that we are ready to lead once more’* [679]

Семантический признак (8) **“guests or friends”**, представлен такими контекстуальными эквивалентами, как *new and friendly members, a friendly visitor, Democratic friends, their comrades, brothers and comrades in arms, generous friends*:

(131) *‘We have found one another again as brothers and comrades in arms, enemies no longer, generous friends rather, our battles long past, the quarrel forgotten’* [736];

(132) *‘My friends, we are not the sum of our possessions. ... To my friends, and, yes, I do mean friends – in the loyal opposition and, yes, I mean loyal – I put out my hand. ... We must hope to give them a sense of what it means to be a loyal friend; a loving parent; a citizen who leaves his home, his neighborhood ....’* [627].

Признак (9) **“the men, women and children that you are closely related to (family)”** совпадает с набором семантических признаков контекстуальных элементов *the Mother of the American Nations, the family of Nations, the weakest and the last born of the Republics of the New World, ancestors, forefathers, forbear, forbearers, parents, relatives, folk(s), kinsmen, kin, kinsfolk, flesh and blood, nearest and dearest, the sons of the men, a home builder*:

(133) *'We have found one another again as **brothers and comrades in arms, enemies no longer, generous friends** rather, our battles long past, the quarrel forgotten?except that we shall not forget the splendid valor, the manly devotion of the men then arrayed against one another, now grasping hands and smiling into each other's eyes. How complete the union has become and how dear to all of us, how unquestioned, how benign and majestic, as **State after State has been added to this our great family of free men!** How handsome the vigor, the maturity, the might of **the great Nation we love with undivided hearts**; how full of large and confident promise that a life will be wrought out that will crown its strength with gracious justice and with a happy welfare that will touch all alike with deep contentment! **We are debtors to those fifty crowded years; they have made us heirs to a mighty heritage**' [736];*

(134) *'I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our **ancestors**. ... **We the People** have remained faithful to the ideals of **our forbearers**, and true to our founding documents' [679].*

Анализ деривационного потенциала номинантов концепта PEOPLE свидетельствует о том, что основными вербализаторами данного концепта являются полнозначные части речи, а именно: существительные и глаголы (*people, men, persons, individuals, human beings, humanity, population, citizens, electors, voters, folk, to people, to populate, to colonize, to inhabit the area, to constitute the population, to compose the Army, to live in, to occupy, to settle, to man*), а также прилагательными (*individual, personal, characteristic, human, national, common, universal, civil, civilian*).

Далее был проведен количественный анализ номинантов концепта PEOPLE, имплицитно представленных в публичных выступлениях президентов США в XX – начале XXI веков (см. табл. 3.9).

Номинанты концепта PEOPLE в АПД в XX – начала XXI веков

№	Президент	Слова-номинанты концепта PEOPLE		
		Субстантивная номинация	Адъективная номинация	Глагольная номинация
		Количество единиц (%)	Количество единиц (%)	Количество единиц (%)
1	2	3	4	5
1.	Теодор Рузвельт (14.09.1901-04.03.1909)	<i>people, freemen, mankind, wage-workers, nation, fellow-citizens, citizen, believers, tribes, race, civilization, generation, public, taxpayers, mortals, ancestors, forefathers, inhabitants, natives, pioneers, men, infantrymen, cavalrymen, riflemen, soldiers, seamen, officers, the plain people, masses, clan, individuals, homemaker, homesteader, officials, the commonalty, the working class, populace, servants, employees, employers, subjects, electors, mortals, personages</i>	<i>individual, personal, human, national, common, civil, civilian, distinctive, humane</i>	<i>to settle (in), to crowd, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		41 (71%)	9 (16%)	7 (13%)
2.	Уильям Тафт (04.03.1909-04.03.1913)	<i>people, race, electorate, electors, citizens, men, wage-earners, the public, population, employees, employers, nation, officers, the class, fellow citizens, women, children, humanity, nationals</i>	<i>human, national, common, civ(v)y</i>	<i>to colonize, to inhabit, to live, to occupy, to crowd, to settle, to civilize</i>
		20 (65%)	4 (12%)	7 (23%)

Продолжение табл. 3.9

1	2	3	4	5
3.	Вудро Вильсон (04.03.1913-04.03.1921)	<i>men, nation, people, women, individuals, children, ladies and gentlemen, fellow citizens, fellow-countrymen, the public, humanity, persons, generation, the workingmen, laborers, the working class, servant, the led</i>	<i>personal, civil, human, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civilian, civilized, civ(v)y</i>	<i>to people, to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		19 (44%)	14 (33%)	10 (23%)
4.	Уоррен Гардинг (04.03.1921-02.08.1923)	<i>countrymen, people(s), men, civilization, the individuals, citizens, mankind, nation(s), soldier, fellow human beings, pioneers, kinsfolk, gentlemen, sons and daughters, wage earners, taxpayers, delegates, women, ladies and gentlemen, humanity, creature, ethnicity, the common people</i>	<i>public, civil, human, humane, civilized, civilian, civ(v)y</i>	<i>to people, to populate, to settle (in), to crowd, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		25 (62%)	7 (17%)	9 (22%)
5.	Калвин Кулидж (02.08.1923-04.03.1929)	<i>countrymen, generations, people(s), citizens, mankind, nations, men, humanity, civilization</i>	<i>human, public, civil, civilized, civilian, civ(v)y</i>	<i>to live (in), to occupy, to civilize</i>
		9 (50%)	6 (33%)	3 (17%)
6.	Герберт Гувер (04.03.1929-04.03.1933)	<i>countrymen, civilization, men, associates, citizen(s), people(s), population, sons, nation(s), country-men and women, employers, nations, individual(s), men and women, fellow-citizens, friends, individual</i>	<i>personal, human, national</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		19 (61%)	3 (10%)	9 (29%)

Продолжение табл. 3.9

1	2	3	4	5
7.	Франклин Рузвельт (04.03.1933-12.04.1945)	<i>people, citizens, person(s), nation, the public, men and women, children, the employer and the employed, employees, civilization, fellow citizens, fellow men, population, pioneer, men, races, working people, mankind, the individual, comrades, friends, folks, soldiers, living or human beings, wives, mothers and fathers, ladies and gentlemen, fellow Americans, voters</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to civilize, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		36 (57%)	19 (30%)	8 (13%)
8.	Гарри Трумэн (12.04.1945-20.01.1953)	<i>fellow-citizens, fellow countrymen, people(s), nation(s), race, servant(s), generation(s), civilization, humanity, men, citizens, workers, ladies and gentlemen, sons and daughters, individuals</i>	<i>personal, human, national, common, ordinary, distinctive, unique, live, private, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to settle (in), to crowd, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		19 (49%)	13 (34%)	7 (17%)
9.	Дуайт Эйзенхауэр (20.01.1953-20.01.1961)	<i>people(s), friends, fellow citizens, men, mankind, humans, nation(s), comrades, ladies and gentlemen, the public</i>	<i>public, individual, civil, civilian, civilized</i>	<i>to settle (in), to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		11 (48%)	5 (22%)	7 (30%)
10.	Джон Кеннеди (20.01.1961-22.11.1963)	<i>people(s), fellow citizens, nation, ladies and gentlemen, servants, mankind, men, women, children, generation, fellow inhabitants, friends, citizens, officials, humanity, creature, husbands and wives, brothers and sisters, freemen, forefathers</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to people, to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		32 (52%)	18 (30%)	11 (18%)

Продолжение табл. 3.9

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
11.	Линдон Джонсон (22.11.1963-20.01.1969)	<i>people, fellow countrymen, nation, citizens, generation, men, friends and fellow citizens, fellow Americans, humanity, civilization, friends, the common people, residents, general public</i>	<i>individual, personal, human, national, common, ordinary, distinctive, private, civil</i>	<i>to settle (in), to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		14 (48%)	9 (31%)	6 (21%)
12.	Ричард Никсон (20.01.1969-09.08.1974)	<i>people, fellow Americans, fellow citizens, nation, race, men, civilization, generation(s), mankind, humanity, countrymen, brothers, neighbors, children, persons</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, ordinary, distinctive, unique, actual, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		18 (44%)	14 (34%)	9 (22%)
13.	Джеральд Форд (09.08.1974-20.01.1977)	<i>people, friends, fellow Americans, fellow citizens, fellow countrymen, men, guests, forefathers, men and women, children, father and mother, husbands and wives, parents, grandchildren, generation, the individuals, founders, ancestors, forefathers</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, unique, actual, live, private, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		21(47%)	15 (33%)	9 (20%)
14.	Джимми Картер (20.01.1977-20.01.1981)	<i>people, nation, delegates, citizens, generation, heirs, men, women, individuals, children, grandchildren, human being, ladies and gentlemen</i>	<i>personal, human, national, common, ordinary, private, civil, civilian, civilized, individual</i>	<i>to settle (in), to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		12 (44%)	10 (37%)	5 (19%)

Продолжение табл. 3.9

1	2	3	4	5
15.	Рональд Рейган (20.01.1981-20.01.1989)	<i>people, ladies and gentlemen, friends, nation, countrymen, children, men, fellow citizens, fellow Americans, race, generations, humanity, men and women, sons and daughters, brothers and sisters, boys and girls, men, women and children, guests</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to civilize</i>
		18 (41%)	17 (39%)	9 (20%)
16.	Джордж Герберт Уокер Буш («Джордж Буш-старший») (20.01.1989-20.01.1993)	<i>people, fellow citizens, fellow Americans, neighbors, friends, nation, children, parent, citizen, men and women, servicemen and women, workers, crowd, generations, fathers, mothers, sons and daughters, individuals, guests</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		22 (43%)	19 (37%)	10 (20%)
17.	Билл Клинтон (20.01.1993-20.01.2001)	<i>people, fellow citizens, fellow Americans, men and women, citizens, ladies and gentlemen, class, parents and children, kids, mothers, fathers, grandparents, employees, the class, the working man, individuals, servants, soldiers, civilians, folks, guests, friends, heirs, ancestors, forebears, generation, workers, persons, husband, wife, neighbors, race, tribe, ethnicity, humanity, pioneers, human beings, voters, civilization</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		46 (62%)	18 (24%)	10 (14%)

Окончание табл. 3.9

1	2	3	4	5
18.	Джордж Уокер Буш («Джордж Буш-младший») (20.01.2001-20.01.2009)	<i>people(s), person(s), citizens, folks, kids, youngsters, children, fellow citizens, citizenry, generation, ancestors, working people, class, working men and women, workers, men, husband, wife, son, daughter</i>	<i>human, individual, personal, national, actual, civilized, civil, civilian, characteristic, common, universal, ordinary, distinctive, unique, live, private, intimate, humane, civilian</i>	<i>to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize, to settle (in), to populate</i>
		21 (45%)	19 (40%)	7 (15%)
19.	Барак Обама (20.01.2009-20.01.2017)	<i>people, folks, workers, class, ancestors, nation, forbeareres, generation, men and women, humanity, guests, citizens, fellow citizens, fellow Americans, heirs, human beings, folks, voters, sons, daughters, women, neighbors, friends, parents, grandparents, civilians, persons, individuals, children and grandchildren, grandparents, civilization, individuals, race, ethnicity</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		45 (62%)	18 (24%)	10 (14%)
20.	Дональд Трамп (20.01.2017-20.01.2021)	<i>people, friends, supporters, folks, nation, men and women, brothers and sisters, persons, neighbors, folks, citizens, guy, public, mothers, children, workers, class, nation, families, workers, fellow Americans, fellow citizens, ladies and gentlemen, ancestors, pioneers, generations, sons, daughters, human being, civilization</i>	<i>individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian, civilized</i>	<i>to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize</i>
		33 (53%)	19 (31%)	10 (16%)
ВСЕГО XX век		382 (49%)	254 (32%)	147 (19%)
ВСЕГО XXI век		99 (54%)	56 (31%)	27 (15%)

В результате анализа 965 примеров контекстуального употребления синонимов имени концепта установлено, что концепт PEOPLE представлен рядом субстантивных номинаций (*people, men, women, children, kids, freemen, ladies, gentlemen, mankind, humans, humanity, person, generation, individuals, believers, creature, the class, employees, employers, the employed, nation, nationals, natives, pioneer, population, masses, crowd, mortals, personages, folk(s), kinsfolk, citizens, countrymen, sujets, electors, voters, electorate, taxpayers, residents, inhabitants, citizenry, the public, populace, delegates, race, tribe, ethnicity, clan, the commonalty, civilians, the class, wage-workers, wage-earners, laborers, workers, officials, officers, servants, soldiers, cavalryman, infantrymen, riflemen, seamen, the led, fellow-citizens, fellow-countrymen, fellow human beings, fellow men, fellow Americans, fellow inhabitants, civilization, associates, subordinates, servants, ancestors, forefathers, forbears, forebearers, founders, heirs, homemaker, homesteader, sons and daughters, husbands and wives, mothers and fathers, parents, brothers and sisters, boys and girls, grandchildren, guests and friends, comrades, living or human beings, neighbors – 100 единиц*), адъективными номинациями (*individual, personal, human, national, characteristic, common, universal, commonplace, ordinary, distinctive, unique, actual, live, private, intimate, humane, civil, civilian, civilized, civ(v)y – 20 единиц*), глагольными номинациями (*to people, to populate, to settle (in), to crowd, to swarm, to colonize, to inhabit, to live (in), to occupy, to man, to civilize – 11 единиц*).

На основе номинаций концепта и членов его синонимического ряда отдельно выделяются свободные словосочетания, которые также представляют содержание концепта: *a popular and spontaneous movement of the people, a majority of the people, sober-minded men, the rights of humanity, the conduct of the individual or aggregate of individual, the hearts of the citizens, the Southern white citizens, the man in the street.*

Анализ дискурсивных реализаций номинантов концепта PEOPLE в XX веке свидетельствует о том, что доминантными лексическими

единицами являются *people* (41%), *nation* (18%), *fellow citizens* (6%), *men, women and children* (5%), *individuals* (3%), *citizens* (2,9%), *generation* (2%).

В начале XXI века наибольшую частотность актуализации находят такие вербализаторы концепта как *people* (42%), *men, women and children* (14%), *citizens* (10%), *nation* (6%), *generation* (5%), *friends* (4,4%).

Данные, полученные в результате количественного анализа актуализации номинантов концепта PEOPLE в начале XX века свидетельствуют о том, что наиболее общими употребительными номинантами концепта PEOPLE являются *people* (41%), *men, women and children* (6%), *ladies and gentlemen* (2%), *nation* (18%), *citizens* (2,9%), *fellow citizens* (7%), *individuals* (3%), *civilization* (2,59%), *soldiers* (1,7%), *workers* (2,1%).

Некоторые номинации, которые выражают концепт PEOPLE исчезают, например: *the commonalty* (0,33%), *the led* (0,32%), *populace* (0,34%), *forbear* (0,55%), *nationals* (0,46%), *natives* (0,42%), *laborers* (0,36%), *crowd* (0,21%) и появляются новые, такие как *guests and friends* (1,1%), *husbands and wives* (0,8%), *mothers and fathers* (0,6%), *sons and daughters* (0,3%).

В начале XXI века наиболее частотными номинантами, репрезентирующими концепт PEOPLE являются *people(s)* (42%), *men, women and children* (14%), *citizens* (10%), *folks* (6%), *fellow citizens* (4,5%), *fellow Americans* (4,2%). К наименее употребительным репрезентантам концепта PEOPLE относятся *believers* (0,09%), *subjects* (0,05%), *associates* (0,03%) *subordinate* (0,02%).

В результате анализа контекстуального использования синонимов имени концепта PEOPLE зафиксированы такие структурные модели:

– А + N (*people*), где А – прилагательное, N (*people*) – номинант концепта PEOPLE, например: *American people, mighty people, plain people, resolute peoples, barbarous / semi-barbarous people, the coloured men, patriotic citizens, loyal Americans, democratic leaders*;

– А (Superlative) + N (*people*), где А (Superlative) – прилагательное в превосходной степени сравнения, например: *the best citizens, the best men, the*

most valuable rifleman, the best soldier, the best infantryman, the most civilized nations, the most widely-loved man;

– A (people) + N, где A (people) – номинант концепта PEOPLE, N – существительное, например: *personal sacrifice / characteristics / interests, individual freedom, public affairs / will, public domain, public housing, human error, a national election, national convention;*

– A (people) + N (people), где A (people) – номинант концепта PEOPLE, выраженный прилагательным, N (people) – номинант концепта PEOPLE, выраженный существительным, например: *national general, civil servants / authorities, civilian leaders, general public, patriotic citizens, the Federal soldiers, an individual member, public defender;*

– N + предлог + N (people), где N – существительное, N (people) – номинант концепта PEOPLE, например: *justice and generosity in a nation,, minds of men, a majority of the people, control of the men, the conduct of the individual, a matter of humanity, great duty to humanity;*

– N (people) + предлог + N, где N (people) – номинант концепта PEOPLE, N – существительное, например: *brothres and comrades in arms, the deadly foe of liberty, the man in the street, young men of the country, every lover of his country, a personal pride in the beauty;*

– N (people) + предлог + N (people), где N (people) – номинант концепта PEOPLE, например: *a member of the committee, men of our race, great family of free men, the family of Nations, a new member of this community, class of our citizens, small group of selfish men;*

– N (people's) + N, где N (people's) – номинант концепта PEOPLE, N – существительное, например: *a man's blood, the nation's aid, a dictator's peace international generosity, nation's hands, nation's life, a free expression of the people's will.*

– N (people) + V, где N (people) – номинант концепта PEOPLE, V – глагол, например: *those gentlemen did not attach their names ..., a citizen*

cannot ... divest himself ..., no citizen visits ..., the little children crowding in ..., mighty people can thrive ..., our forefathers faced ...,

– V + N (people), где V – глагол, N (people) – номинант концепта PEOPLE, например: *interested in protecting our citizenship, to threaten the civilization of the world, to change a whole nation, to hurt German people, to create a strong, independent and prosperous nation.*

Сравнительная характеристика частотности употребления структурных моделей контекстуального использования синонимов имени концепта PEOPLE представлена в таблице 3.10.

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта в виде модели, состоящей из девяти сегментов INDIVIDUALS, GENERAL PUBLIC, CITIZENS, RACE, COMMONERS, SOCIAL CLASS, POLITICAL SUBJECT / OBJECT, RELATIONS, FAMILY.

Таблица 3.10

**Частотность употребления структурных моделей концепта PEOPLE
в АПД в XX – начала XXI веков**

Структурная модель	XX век	XXI век
A + N (people)	18%	20%
N (people) + V	18%	14%
A (people) + N (people)	14%	12%
N (people) + предлог + N	11%	12%
V + N (people)	11%	12%
A (Superlative) + N (people)	7%	10%
A (people) + N	7%	9%
N + предлог + N (people)	6%	5%
N (people) + предлог + N (people)	4%	4%
N (people's) + N	4%	2%
ВСЕГО:	100%	100%

Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте PEOPLE. Публичные выступления президентов США свидетельствуют о том, что значение данного концепта в АПД как XX,

так и начала XXI в. формируют пять концептуальных уровней, которые образуются при помощи иерархически взаимозависимых и взаимообусловленных признаков.

Первый уровень структуры концепта репрезентируется девятью сегментами, которые далее подразделяются на микросегменты.

Актуализация сегмента INDIVIDUALS происходит при помощи объективации признаков: *gender, age, character / personality, feelings and emotions, physical characteristics, surroundings, personal space*:

(135) *'These gallant men in blue and gray sit all about us here. .... These venerable men crowding here to this famous field have set us a great example of devotion and their sacrifice. They were willing to die that the people might live. ... Lift your eyes to the great tracts of life yet to be conquered in the interests of righteous peace, of that prosperity which lies in a people's hearts and outlasts all wars and errors of men'* [735];

(136) *'A man who has made conquest of his fellow-men for his own gain may display such genius in war, such uncommon qualities of organization and leadership that we may call him "great", but there is a word which we reserve for men of another kind and about which we are very careful; that is the word "noble". We never call a man "noble" who serves only himself; and if you will look through all the nations of the world upon the statues that men have erected - ... to keep alive the memory of the citizens whom they desire most to honor - ... the statue to those who had a splendid surplus of energy and devotion to spend upon their fellow-men. Nobility exists in America without patent ...'* [739].

Сегмент GENERAL PUBLIC представлен признаками *residents, subjects, multitudes, patriots*:

(137) *'The task to which we have constantly to readdress ourselves is the task of proving that we are worthy of the men who drew this great declaration and know what they would have done in our circumstances. Patriotism consists in some very practical things – practical in that they belong to the life of every day ..., that they are connected with commonplace duty. The way to be patriotic in*

America is not only to love America but to love the duty that lies nearest to our hand and know that in performing it we are serving our country ' [735];

(138) *'It is the American story – a story of **flawed and fallible people, united across the generations by grand and enduring ideals**. The grandest of these ideals is an **unfolding American promise that everyone belongs, that everyone deserves a chance, that no insignificant person was ever born*** ' [627].

Актуализация сегментов **CITIZENS** и **RACE** происходит при помощи объективации признаков *union, residence, multitude, patriotism, nation*:

(139) *'I have in my mind another host, whom these set free of civil strife in order that they might work out in days of peace and settled order **the life of a great Nation**. That host is the **people themselves, the great and the small, without class or difference of kind or race or origin; and undivided in interest**, if we have but the vision to guide and direct them and order their lights aright in what we do* ' [736];

(140) *'We are made by these tragic, epic things to know **what it costs to make a nation? The blood and sacrifice of multitudes of unknown men** lifted to a great stature in the view of **all generations** by knowing no limit to **their manly willingness to serve**. In armies thus marshalled from the **ranks of free men** you will see, as it were, **a nation embattled, the leaders and the led**, and may know, if you will, how little except it form its action differs in days of peace from its days of war. ... **Does our union mean sympathy, ...*** ' [736];

(141) *'While **many of our citizens prosper, others doubt the promise, even the justice, of our own country**. The ambitions of **some Americans** are limited by failing schools and hidden prejudice and the circumstances of their birth. And sometimes our differences run so deep, it seems **we share a continent, but not a country**. We do not accept this, and we will not allow it. **Our unity, our union, is the serious work of leaders and citizens in every generation**. And this is my solemn pledge: **I will work to build a single nation of justice and opportunity*** ' [627].

Сегмент **COMMONERS** представляют микросегменты *masses, the led*:

(142) *'I will not help any man buy a power which he ought not to exercise over his fellow beings. ... The recruits are the little children crowding in'* [735];

(143) *'Third, I will promote a national effort to help schools that follow the lead of the Chicago system in ending social promotion but helping students with summer school and other programs to give them the tools they need to get ahead'* [644]

В сегменте **SOCIAL CLASS** выделяем микросегменты, представляющие такие семантические признаки как *background, job, profession, occupation, social activity*:

(144) *'A gallant soldier in the great war for the Union, he also shone as an example to all our people because of his conduct in the most sacred and intimate of home relations'* [703];

(145) *'Hillary and I worked very hard 15 years ago now to have very strict class sizes at home in the early grades, ... Our balanced budget will help to hire 100,000 teachers who must pass State competency tests but who will be able to reduce class size in the first, second, and third grades to an average of 18 nationwide'* [644]

Сегмент **POLITICAL SUBJECT / OBJECT** представляют признаки *democracy, government officials, members / supporters of the party, patriots*:

(146) *'The Members of the House and Senate who stay in hot Washington to maintain a quorum of the Houses and transact the all-important business of the Nation are doing an act of patriotism. I honor them for it, and I am glad to stay there and stick by them until the work is done'* [738];

(147) *'I've thought a lot about what it means to be the president. I also understand that an administration is not one person, but an administration is dedicated citizens who are called by the president to serve the country, to serve a cause greater than self, and so I've thought about an administration of people who represent all America, but people who understand my compassionate and conservative philosophy'* [626].

Актуализация сегмента **RELATIONS** происходит через объективацию признаков *home / diplomatic / international / foreign / industrial / business / public / race / sexual relations*:

(148) *'We have found one another again as **brothers and comrades in arms, enemies no longer, generous friends rather, our battles long past, the quarrel forgotten?** Except that we shall not forget the splendid valor, the manly devotion of the men then arrayed against one another, now grasping hands and smiling into each other's eyes'* [738];

(149) *'**Peace in the Middle East is in our nation's interests. Having a hemisphere that is free for trade and peaceful is in our nation's interests. Strong relations in Europe is in our nation's interest'*** [626].

В сегменте **FAMILY** выделяем два семантических признака *kin* и *ancestors*:

(150) *'How complete the union has become and how dear to all of us, how unquestioned, how benign and majestic, as **State after State has been added to this our great family of free men!** ... **We are debtors to those fifty crowded years; they have made us heirs to a mighty heritage'*** [738];

(151) *'And I thank Rand and Debra Bass for giving us a living, breathing example of the **best of America – parents who are working hard to do their jobs, but also determined to do their most important job very well with their children'*** [644].

Следует заметить, что результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер. Как свидетельствует анализ эмпирического материала наибольшее количество контекстов, которые вербализируют концепт PEOPLE в XX ст., актуализируют сегменты INDIVIDUALS (35%) и FAMILY (25%).

Согласно существующей доктрине США, простые люди, семья, в качестве традиционной ценности, рассматриваются в президентской

риторике как источник политической власти, правление большинства. Принципы социального равенства и уважения к каждой отдельной личности провозглашаются президентами на протяжении всего века.

В начале XXI века на первый план выдвигается сегмент POLITICAL SUBJECT / OBJECT (38%) и RELATIONS (24%), что обусловлено рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеет мировоззрение людей рассматриваемой эпохи, изменения в укладе жизни и пересмотр традиционных ценностей, а также противопоставление власти и народа, личности и массы (толпы), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта PEOPLE с концептами POLITICS, POWER и STATE.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в английском языке контекстуальное семантическое пространство представлено большим количеством признаков, чем семантическое пространство концепта, смоделированное на основании словарных дефиниций. Семантические отношения первого уровня структуры концепта могут быть описаны при помощи фреймов разных типов.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: PEOPLE есть ЧТО-ТО (INDIVIDUALS), (GENERAL PUBLIC), (CITIZENS), (RACE), (COMMONERS), (SOCIAL CLASS), (POLITICAL SUBJECT / OBJECT), (RELATIONS), (FAMILY).

На втором уровне иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций посессивного, таксономического и предметного фреймов: 1. КТО-ТО (INDIVIDUALS) имеют ЧТО-ТО (GENDER), (AGE), (NATIONALITY), (CHARACTER AND PERSONALITY), (FEELINGS AND EMOTIONS), (PERSONAL SPACE); КТО-ТО (GENERAL PUBLIC) есть КТО-ТО (RESIDENTS), (SUBJECTS), (MULTITUDE), (PATRIOTS), КТО-ТО (CITIZENS) есть ЧТО-ТО (UNION); ЧТО-ТО (RACE) есть ЧТО-ТО (MULTITUDE), (PATRIOTS), КТО-ТО (COMMONERS) есть КТО-ТО (MASSES), (THE LED); ЧТО-ТО (SOCIAL

CLASS) есть КТО-ТО (PROFESSIONALS); КТО-ТО (POLITICAL SUBJECT / OBJECT) есть ЧТО-ТО (GOVERNMENT OFFICIAL), (DEMOCRACY), (MEMBER OF THE PARTY), (SUPPORTER OF THE PARTY); ЧТО-ТО (RELATIONS) есть ТАКИЕ (HOME), (DIPLOMATIC); (FOREIGN / INTERNATIONAL); (INDUSTRIAL), (BUSINESS), (SEXUAL); ЧТО-ТО (FAMILY) есть КТО-ТО (KIN). 2. КТО-ТО (PEOPLE) имеют ЧТО-ТО (FEATURES), (POLITICAL BELIEFS), (POLITICAL VIEWS), (RELATIONS); ЧТО-ТО (FAMILY) имеет ЧТО-ТО (SURROUNDINGS), (RELATIONS), (ANCESTORS).

На третьем уровне фреймовая модель структурируется такими пропозициями: 1. КТО-ТО (INDIVIDUALS) имеют ЧТО-ТО (SURROUNDINGS), (PERSONAL SPACE); ЧТО-ТО (SOCIAL CLASS) имеет ЧТО-ТО (NATIONALITY), (GENDER), (AGE), (SOCIAL ROLE); ЧТО-ТО (POLITICAL SUBJECT / OBJECT) имеет ЧТО-ТО (NATIONALITY), (GENDER), (AGE), (SOCIAL ROLE), (POLITICAL BELIEFS), (POLITICAL VIEWS), (POLITICAL ROLE), 2. ЧТО-ТО (FEATURES) есть ТАКИЕ (PHYSICAL CHARACTERISTICS), (PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS), 3. ЧТО-ТО (SURROUNDINGS) есть ЧТО-ТО (RESIDENCE), (ARTICLES OF CONSUMPTION), (SPACE), (BELONGINGS).

На четвертом уровне фреймовая модель структурируется на основе пропозиций предметного и таксономического фреймов: 1. ЧТО-ТО (PHYSICAL CHARACTERISTICS) есть ТАКИЕ (PHYSICAL CONDITION), (MORAL CONDITION), ЧТО-ТО (PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS) есть ТАКИЕ (PSYCHOLOGICAL CONDITION), (FEELINGS AND EMOTIONS), ЧТО-ТО (TRAITS OF CHARACTER) есть ТАКИЕ (VIRTUOUS), (EVIL). 2. ЧТО-ТО (SPACE) есть ЧТО-ТО (PLACE OF WORK), (PUBLIC PLACES), (NATURE).

На пятом уровне фреймовая модель структурируется на основе пропозиций тааксономического фрейма: ЧТО-ТО (FEELINGS AND EMOTIONS) есть ЧТО-ТО (PRIDE), (FEAR), (HATRED), (ANXIETY).

Сопоставительный анализ прототипической и контекстной моделей семантического пространства концепта PEOPLE свидетельствует о том, что семантическое пространство концепта PEOPLE, представленное на основе дискурсивных реализаций является более широким и детальным, чем семантическое пространство концепта, которое основывается на анализе семантических признаков имени концепта, поскольку в структуре концепта выделяются пять концептуальных уровней, которые содержат большее количество семантических признаков концепта PEOPLE.

Концепт PEOPLE как ключевой концепт англо-американской культуры является важнейшей составляющей АПД XX – начала XXI веков, что обосновывается неразрывной связью данного феномена как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, STATE, так и национально-маркированными AMERICA, NATION и DEMOCRACY, по отношению к которым он выступает архиконцептом, прототипом.

В начале XX века значение и частотность актуализации концепта PEOPLE в АПД усиливается при революционных и военных действиях, в которых участвуют граждане США на территории других государств, актуализируются такие семантические признаки концепта как *union patriotism, nation*.

В начале XXI века основное содержание концепта представляют признаки *democracy, supporters of the party, patriots*, что обусловлено сложившейся социально-политической обстановкой как в стране, так и в мире. Универсальные черты концептуализации понятия *people* связаны с концептами личности, населения, нации, политического и социального субъекта, что зафиксировано в ядерной части семантического пространства концепта PEOPLE.

Инвариативная модель расширяется за счет признака семьи (*family*) и отношений (*relationship*) как внутри семьи, так и в определенном сообществе, государстве и шире – между государствами, что свидетельствует о

значимости определенных понятий в концептуальном пространстве АПД XX – начала XXI веков.

Сложный характер семантической организации концепта определяется его структурой, которая имеет пять потенциальных уровней, созданных иерархически взаимозависимыми признаками.

Сегментная структура обусловлена тем, что народ в АПД XX – начала XXI веков понимается одновременно как социально-политический субъект и объект, который имеет национальную принадлежность и характеризуется как определенное сообщество, объединенное характерными признаками, среди которых актуализируются физические и психо-физиологические характеристики.

Психофизические характеристики в АПД реализуются путем объективации признака чувства и эмоции, доминирующими среди которых являются чувства патриотизма, сплоченности, гордости, морально-этического долга в XX в. и эмоций страха и тревожности в XXI в., что может быть обусловлено ходом исторических событий, объективной реальностью, техническим прогрессом, вызовами XXI века, изменениями в укладе повседневной и общественно-политической жизни.

Семантические признаки многодетная семья, традиционная семья, семья – общечеловеческая ценность, государственное достояние, опора, ведущие в XX в., начинают утрачивать свою лидирующую позицию в начале XXI века. Следует заметить, что также в XXI в. на первый план выходят признаки места работы, личного пространства, сексуальной ориентации.

Среди признаков эмоций важную роль начинает играть ненависть и тревожность. Объективация признака ненависть как в XX в., так и в начале XXI в. обуславливается стремлением адресанта (президента) оказать влияние на адресата (гражданское / мирное сообщество), т.е. воздействовать с целью формирования эмоционального отношения к врагам общества и государства, что коррелирует с тактикой создания образа врага на фоне оппозиции «Свой-чужой», характерной для АПД XX – начала XXI веков.

Образно-ценностный компонент концепта отражается в его чувственном восприятии и в совокупности оценок, имеющих у индивидов [374, с. 47]. Образно-ценностный компонент концепта PEOPLE реализуется в АПД при помощи различных разноуровневых языковых средств.

Среди основных языковых средств реализации концепта доминируют лексические средства (76%), включающие метафору, фразеологизмы, имена собственные, метонимию, эпитеты, сравнения, эвфемизмы.

Синтаксические средства составляют (24%), ведущими являются сложноподчиненные предложения, семантический повтор, синтаксический параллелизм, отрицательные предложения, антитеза, анафора.

Количественная характеристика с вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE представлена в таблице 3.11.

Таблица 3.11

Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Лексические</i>				
1. Фразеологизм	86	12,2%	79	10,3%
2. Имя собственное	75	10,7%	82	10,7%
3. Метонимия	62	8,8%	59	7,7%
4. Эпитет	54	7,7%	68	8,9%
5. Сравнение	34	4,9%	32	4,2%
6. Мифологема	12	1,75%	10	1,3%
7. Эвфемизм	6	0,9%	8	1,04%
<i>Синтаксические</i>				
8. Семантический повтор	55	7,8%	52	6,8%
9. Синтаксический параллелизм	42	6%	48	6,3%
10. Анафора	28	4%	26	3,4%
11. Сложноподчиненные предложения	26	3,7%	18	2,4%

Окончание табл. 3.11

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
12. Отрицательные предложения	24	3,4%	21	2,8%
13. Антитеза	12	1,7%	10	1,3%
<i>Другие</i>				
14. Концептуальная метафора	185	26%	250	33%
ВСЕГО:	701	100%	763	100%

Следует заметить, что образная интерпретация концепта PEOPLE осуществляется с помощью привлечения механизма метафоры. Анализ текстовых фрагментов АПД показал, что метафорическая интерпретация концепта PEOPLE реализуется благодаря КМ.

На данном этапе исследования выявлено, что феномен «народ» концептуализируется в АПД преимущественно с помощью онтологических, структурных и ориентационных метафор [533, с. 61]. Спектр КМ включает такие модели: **PEOPLE are UNITY, PEOPLE are FEELINGS AND EMOTIONS, PEOPLE are ANIMAL WORLD, PEOPLE are NATURAL PHENOMENON, PEOPLE are PLANTS, PEOPLE are RELIGION, PEOPLE are DEMOCRACY, PEOPLE are FORCE, PEOPLE are IN, PEOPLE are OUT, PEOPLE are UP, PEOPLE are DOWN** (см. табл. 3.12).

Таблица 3.12

Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт PEOPLE

в АПД XX- начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1.	PEOPLE – UNITY	28%	32%
2.	PEOPLE – FEELINGS AND EMOTIONS	12%	12,5%
3.	PEOPLE – DEMOCRACY	12%	11%
4.	PEOPLE – FORCE	8,5%	7%
5.	PEOPLE – ANIMAL WORLD	8%	10%
6.	PEOPLE – UP	7,5%	5,5%
7.	PEOPLE – IN	6,5%	4,5%
8.	PEOPLE – NATURAL PHENOMENON	6%	5,5%

1	2	3	4
9.	PEOPLE – PLANTS	4,5%	3%
10.	PEOPLE – DOWN	3,5%	3,8%
11.	PEOPLE – RELIGION	3%	4,5%
12.	PEOPLE – OUT	0,5%	0,7%
ВСЕГО:		100%	100%

КМ **PEOPLE – UNITY** представляет американский народ как единство, объединенное любовью к стране и нации, сплоченное, несмотря на цвет кожи, разницу в происхождении и вероисповедании, философии и отношении к жизни, наиболее ярко демонстрируется в публичных выступлениях президентов в начале XX века, и с годами не утрачивает своей актуальности в президентской риторике:

(152) *‘Moreover, they not only left us **a united Nation**, but they left us also as a heritage the memory of the mighty deeds by which **the Nation was kept united**. We are now indeed **one Nation, one in fact as well as in name; we are united in our devotion to the flag which is the symbol of national greatness and unity; and the very completeness of our union enables us all, in every part of the country, to glory in the valor shown alike by the sons of the North and the sons of the South in the times that tried men's.**’* [703];

(153) *‘We are ready to **associate ourselves with the nations of the world, great and small**, for conference, for counsel; to seek the expressed views of world opinion; to recommend a way to approximate disarmament and relieve the crushing burdens of military and naval establishments. ... It is not suspicion of others, it is patriotic adherence to the things which made us what we are’* [646];

(154) *‘**With the united effort** we can and will turn the tide towards the restoration of business, of employment, and of agriculture. It does call for the utmost devotion and the utmost wisdom. Every reserve of American courage and vision must be called upon to sustain us and to plan wisely for the future. Through it all our first duty is to preserve unfettered **that dominant American spirit which has produced our enterprise and our individual character**’* [661];

(155) *'With great humility I call upon all Americans to help me **keep our nation united** in defense of those ideals which have been so eloquently proclaimed by Franklin Roosevelt. ... To build a foundation of enduring peace we must not only work in harmony with our friends abroad, but we must have the united support of our own people. Even the most experienced pilot cannot bring a ship safely into harbor, unless he has the full cooperation of the crew. For the benefit of all, every individual must do his duty'* [720];

(156) *'We know, beyond this, that we are linked to all free peoples not merely by a noble idea but by a simple need. No free people can for long cling to any privilege or enjoy any safety in economic solitude. ... So we are persuaded by necessity and by belief that the strength of all free peoples lies in unity; their danger, in discord. ... To produce this unity, to meet the challenge of our time, destiny has laid upon our country the responsibility of the free world's leadership'* [648];

(157) *'Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us'* [669];

(158) *'We are one nation and one people. Our fate as a nation and our future as a people rest not upon one citizen but upon all citizens. ... They came here – the exile and the stranger, brave but frightened—to find a place where a man could be his own man. They made a covenant with this land. Conceived in justice, written in liberty, **bound in union**, it was meant one day to inspire the hopes of all mankind. And it binds us still. ... **By working shoulder to shoulder together we can increase the bounty of all.** We have discovered that every child who learns, and every man who finds work, and every sick body that is made whole – like a candle added to an altar—brightens the hope of all the faithful. ... Let us now join reason to faith and action to experience, to transform our unity of interest into a unity of purpose. For the hour and the day and the time are here to achieve progress without strife, to achieve change without hatred; not without difference of opinion but without the deep and abiding divisions which scar the union for generations'* [663];

(159) *'We are united Americans – North, East, West, and South, both parties—in our desire for peace, peace with honor, the kind of a peace that will last, and we are moving swiftly toward that great goal, not just in Vietnam, but a new era of peace in which the old relationships between the two super powers, the Soviet Union and the United States, and between the world's most populous nation, the People's Republic of China, and the United States, are changed so that we are on the eve of what could be the greatest generation of peace, true peace for the whole world, that man has ever known'* [673];

(160) *'We are bound together by the most powerful of all ties, our fervent love for freedom and independence, which knows no homeland but the human heart'* [656];

(161) *'This sense of unity cannot be expressed in programs or in legislation or in dollars. It's an achievement that belongs to every individual American. This unity ties together, and it towers over all our efforts here in Washington, and it serves as an inspiring beacon for all of us who are elected to serve'* [640];

(162) *'No common mystique of blood or soil unites us. What draws us together, perhaps more than anything else, is a belief in human freedom'* [638].

В начале XXI века функциональность метафорической модели **PEOPLE – UNITY** продолжает удерживать приоритетное место в речах президентов США:

(163) *'It is the American story – a story of flawed and fallible people, united across the generations by grand and enduring ideals. The grandest of these ideals is an unfolding American promise that everyone belongs, that everyone deserves a chance, that no insignificant person was ever born. ... Our unity, our union, is the serious work of leaders and citizens in every generation. ... America has never been united by blood or birth or soil. We are bound by ideals that move us beyond our backgrounds, lift us above our interests and teach us what it means to be citizens'* [627];

(164) *'We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus and non-believers. We are shaped by every language and culture, drawn from every*

*end of this Earth; and because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter **stronger and more united**, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass; that the lines of tribe shall soon dissolve; that as the world grows smaller, our common humanity shall reveal itself; and that America must play its role in ushering in a new era of peace'* [679];

(165) '*We, **the citizens of America, are now joined** in a great national effort to rebuild our country and to restore its promise for all of our people. Together, we will determine the course of America and the world for years to come. We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done'* [722].

Языковые выражения, репрезентирующие чувства и эмоции, неоднократно представляют концепт PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков. Обращение президентов мотивировано стремлением воссоздать целостный образ народа со всеми присущими ему качествами.

Эмоциональная сфера человека наиболее ярко представлена с помощью метафорической репрезентации в основе которой лежит модель **PEOPLE – FEELINGS AND EMOTIONS:**

(166) '*The American people are slow **to wrath**, but when **their wrath** is once kindled it burns like a consuming flame'* [703];

(167) '*Standing in this presence, mindful of the solemnity of this occasion, feeling the emotions which no one may know until he senses the great weight of responsibility for himself, I must utter my belief in the divine inspiration of the founding fathers. ... Mankind needs a world-wide benediction of understanding. It is needed among individuals, among peoples, among governments, and it will inaugurate **an era of good feeling to make the birth of a new order**. ... **Envy and jealousy** would have no soil for their menacing development, and revolution would be without the passion which engenders it'* [646];

(168) '***Fear and hates** held armament to double those before the great conflict. ... Unexpected, unforeseen, violent shocks with every month brought new dangers and new emergencies to our country. **Fear and apprehension** gripped the*

heart of our people in every village and city. ... Our measures have repelled these attacks of fear and panic’ [661];

(169) *‘Persistent crosscurrents of distrust and fear with raids back and forth across national boundaries have brought about a high degree of instability in much of the Mid East*’ [650];

(170) *‘Down the long lane of the history yet to be written America knows that this world of ours, ever growing smaller, must avoid becoming a community of dreadful fear and hate, and be, instead, a proud confederation of mutual trust and respect*’ [650];

(171) *‘My good friends and my fellow Americans: In these last seven sorrowful weeks, we have learned anew that nothing is so enduring as **faith**, and nothing is so degrading as **hate**. John Kennedy was a **victim of hate**, but he was also a **great builder of faith** – faith in our fellow Americans, whatever their creed or their color or their station in life; faith in the future of man, whatever his divisions and differences. This faith was echoed in all parts of the world. On every continent and in every land to which Mrs. Johnson and I traveled, we found faith and hope and love toward this land of America and toward our people*’ [665];

(172) *‘I have come to know the leaders of the world, and the great forces, **the hatreds, the fears that divide the world***’ [671];

(173) *‘Today, we affirm a new commitment to live out our nation's promise through civility, courage, **compassion and character**... Yet **compassion** is the work of a nation, not just a government. When we see that wounded traveler on the road to Jericho, we will not pass to the other side*’ [627].

Следует отметить, что при описании политических проблем, напряженных международных и внутригосударственных отношений, мировых войн, на фоне базовой оппозиции для ПД «свой-чужой», американские президенты часто прибегают к использованию метафорических моделей с концептуальными векторами агрессивности и ярко выраженным негативным потенциалом, сравнивая людей с хищными животными, птицами или насекомыми:

(174) *‘But we have learned that we can never dig a hole so deep that it would be safe against **predatory animals**. We have also learned that if we do not pull the fangs of the predatory animals of this world, they will multiply and grow its strength – and they will be our throats again once more in a short generation’* [698];

(175) *‘The world has been close to war before – but now man, who has survived all previous threats to his existence, has taken into his mortal hands the power to exterminate the entire species some seven times over’* [668];

(176) *‘We must especially beware of **that small group of selfish men** who would clip the wings of the American eagle in order to feather their own nests’* [695];

(177) *‘I do not believe that the Great Society is the ordered, changeless, and sterile **battalion of the ants**’* [663].

Особую актуальность приобретает метафорическая модель **PEOPLE – ANIMAL WORLD** в XXI в. Так, например, Д. Трамп использует природоморфную метафору со сферой-источником «Мир животных» при описании иммигрантов в США, пытаясь создать прочную ассоциацию в умах своих избирателей, отождествляя иммигрантов с животными:

(178) *‘Nearly 180,000 illegal immigrants with criminal records, ordered deported from our country, are tonight **roaming free to threaten peaceful citizens**. The number of new illegal immigrant families who have crossed the border so far this year already exceeds the entire total from 2015. They are **being released by the tens of thousands into our communities with no regard for the impact on public safety or resources**’* [723].

В данном примере метафорическая модель **PEOPLE – ANIMAL WORLD** представляет иммигрантов в виде животных, разрушающих все на своем пути. Высказывание президента вызывает страх и недоверие у мирных граждан США ко всем иммигрантам, которые представляются им опасными, дикими и неконтролируемыми.

Тема иммиграции является сложной и актуальной для жителей Соединенных Штатов. Представление иммигрантов как катастрофы, которая угрожает государству, побуждает людей не только опасаться контактов с беженцами, но и способствует формированию враждебного настроения по отношению к последним:

(179) *'My opponent has called for a radical 550% increase in Syrian refugees on top of existing **massive refugee flows** coming into our country under President Obama'* [723].

Президент, используя природоморфную метафору **PEOPLE – NATURAL PHENOMENON** («массовые потоки беженцев»), сравнивает беженцев с наводнением, которое является опасным и неконтролируемым, акцентируя внимание на том факте, что иммиграция, как и природная катастрофа обширна и неконтролируема.

Метафорическая модель **PEOPLE – NATURAL PHENOMENON** является распространенной в АПД XX – начала XXI веков, имеет широкий диапазон применения. Анализ языкового материала показывает, что в сферу действия этой метафоры попадают как рядовые граждане страны, так и разнонаправленные политические силы, государственные институты и общественная деятельность:

(180) *'Our work here is a beginning, not only in coping with the new challenges of technology and modern life but of developing a worldwide "sense of community" that will ease tension, reduce suspicion, and thereby promote the process of peace. **That process can only flourish in a climate of mutual respect**'* [672]

В целом, использование зооморфных и природоморфных метафор о «чужих», «иммигрантах», «оппонентах», «врагах» упрощает понимание сложных проблем адресатом, усиливает у него страх и тревожность, вызывает неприязнь по отношению к описываемым действующим «чужим» лицам и неблагоприятным для страны событиям и последствиям. Таким образом, президент изображает внешнее пространство опасным и

наполненным «монстрами», а внутренне пространство (США) изображается как безопасное убежище. Президент представляет себя защитником, способным предотвратить последствия страшных событий.

Растительная сфера является одной из первых наиболее хорошо известных человеку, потому что начиная с античности «человек чувствовал себя частью этого мира, искал в нем образцы осмысления общественной жизни и своего отношения к социуму» [447, с. 132].

Анализ метафорической модели **PEOPLE – PLANTS** показывает, что употребление фитоморфной метафоры в президентских выступлениях наиболее характерно для XX века, где Гарант Конституции США сравнивает свой народ с процветающим растением, произрастающим на благодатной почве:

(181) *'The sooner that is done the sooner we shall escape from suffering from the facts and the sooner our men of business **will be free to thrive** by the law of nature (the nature of free business) instead of by the law of legislation and artificial arrangement'* [742];

(182) *'If we keep its terms **we shall flourish**'* [663];

(183) *'A **great people flower** not from wealth and power, but from a society which spurs them to the fullness of their genius'* [665];

(184) *'As **a man whose roots go deeply into Southern soil**, I know how agonizing racial feelings are'* [666];

(185) *'**We can thrive in a world of change if we remain true to our values and actively engaged in promoting world peace**'* [640];

(186) *'A society bursting with opportunities, reaching for its future with confidence, sustained by faith, fair play, and a conviction that **good and courageous people will flourish when they're free** – these are the secrets of a strong and prosperous America at peace with itself and the world'* [691].

Несмотря на то, что фитоморфные образы, обычно, не отличаются агрессивностью, стоит заметить, что данная метафора актуализирует признаки роста и развития. В XXI в. метафорическая модель **PEOPLE –**

PLANTS в большинстве случаев приобретает негативную коннотацию, используется для описания «чужих», «врагов», «террористов», «оппонентов». Так, например, в рамках данной модели, террористы рассматриваются как сорное растение, легко приживающееся на благодатной почве, метафорически сопоставляемой с экономически неразвитыми регионами Востока. Граждане развитых стран Запада рассматриваются как садоводы, стремящиеся очистить сад от сорняков, вырывая их с корнями:

(187) *'And this has been true for those of us who looked on the rubble and ashes of 9/11, and made a solemn pledge that such **an atrocity would never again happen on United States soil**; that we would do whatever it took to **hunt down those responsible**, and use every tool at our disposal diplomatic, economic, and military to **root out both the agents of terrorism and the conditions that helped breed it**' [677];*

(188) *'If you start seeing more and more failed states, **more and more displaced persons, more and more refugees**, all of that becomes a **breeding ground for terrorist activity, it becomes a breeding ground for disease, and it creates refugees that put pressure on our own borders**' [716].*

В отличие от «чужих», о «своих», гражданах США, президенты говорят как о народе, которого благословил Бог. Так, например, Рональд Рейган в своей первой инаугурационной речи, обращаясь к гражданам США, воздает хвалу государственным деятелям и солдатам, погибшим за свободу своего народа, и призывает американцев возродить свой национальный дух, глядя на пример великих предков. В обращении президента ярко выражено религиозное начало:

(189) *'I'm told that tens of thousands of prayer meetings are being held on this day, and for that I'm deeply grateful. We are **a nation under God**, and I believe **God intended for us to be free**. It would be fitting and good, I think, if on each Inaugural Day in future years it should be declared a day of prayer' [687].*

При образовании номинаций концепта PEOPLE или его отдельных характеристик используется метафорическая модель **PEOPLE – RELIGION**.

Обращение к сфере-источнику РЕЛИГИЯ и использование культовой метафоры при описании концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков может быть объяснено тем, что религия рассматривается не только как вера, особая форма осознания мира, не требующая обоснования и доказательств, но и как сложное социальное и духовное явление, корни которого уходят в глубины общественной истории.

Социальная природа и черты религии указывают на ее связь с развитием общества – определенной самовоспроизводящейся системы, где один элемент связан с другим. Слово «религия» происходит от лат. *religio* и означает связь. Процессы прогрессивных изменений или упадка духовных ценностей в целом всего общества непременно отражаются и на исторической эволюции религиозных учений, содержание которых составляет основу религиозных верований.

Несмотря на малочисленность наименований источниковой сферы РЕЛИГИЯ, метафорическая модель **PEOPLE – RELIGION** отличается сильным эмотивным потенциалом и специфическими коннотациями в АПД XX – начала XXI веков:

(190) *'And if we act in that knowledge and in that spirit, together, as the Bible says, we can move mountains'* [640].

В данном отрывке президент подчеркивает единство американского народа с помощью ЛЕ *'we'* и *'together'*. Помимо этого, Дж. Картер акцентирует внимание на том, что американскому обществу все по плечу, если оно едино, для этого президент вводит метафору *'move mountain'* – «горы свернуть». Здесь же важно обратить внимание на задействование библейских сюжетов, которые играют важную роль в христианском обществе и находят отображение в американской культуре и дают возможность считать данную метафору религиозной.

Особое место занимает метафорическая модель **PEOPLE – RELIGION** в выступлениях Б. Обамы, где президент утверждает, что считает американский народ, рожденным от одного Бога, прибегает к христианской

метафорике, вспоминает проповедника М. Л. Кинга, Библию и миф о «явном предназначении» Америки и «Божьем благословении» американцев:

(191) *'My – my passion probably flows from the fact that **I believe in God. And I believe we're all children of the same God**'* [675];

(192) *'We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal; that they **are endowed by their Creator with certain unalienable rights; that among these are life, liberty, and the pursuit of happiness**'* [683].

Концепт PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков неразрывно связан с таким культурным понятием, находящимся во главе угла американского социума, как демократия. Для американского народа понятие «демократия» является одним из наиболее важных значимых социальных феноменов, которое используется для формирования официальной идеологии США.

Исходя из анализа словарных дефиниций, следует, что «демократия» есть правительство, социальное или политическое единение, простые люди как источник политической власти, правление большинства, принципы социального равенства и уважения к каждой отдельной личности.

Столь разнообразные интерпретации понятия «демократия» говорят, прежде всего, не только о его многозначности, но и неустойчивости понятийных границ, что часто может привести к разночтению в АПД и появлению метафорической модели **PEOPLE – DEMOCRACY**:

(193) *'Because **we cherish ideals of justice and peace**, because we appraise international comity and helpful relationship no less highly than any people of the world, we aspire to a high place in the moral leadership of civilization, and we hold a maintained America, the proven Republic, **the unshaken temple of representative democracy**, to be not only an inspiration and example, but the highest agency of strengthening good will and promoting accord on both continents. ... Amid it all we have riveted **the gaze of all civilization to the unselfishness and the righteousness of representative democracy**, where our freedom never has made offensive warfare, never has sought territorial*

aggrandizement through force, never has turned to the arbitrament of arms until reason has been exhausted' [646];

(194) *'But the government is that of the whole people; the party is the instrument through which policies are determined and men chosen to bring them into being*' [662];

(195) *'With these courses we shall emerge from this great national strain with our American system of life and government strengthened. Our people will be free to reassert their energy and their enterprise in a society eager to reward in full measure those whose industry serves its well-being. Our youth will find the doors of equal opportunity still open. ... Herein is the fundamental issue. A representative democracy, progressive and unafraid to meet its problems, but meeting them upon the foundations of experience and not upon the wave of emotion or the insensate demands of a radicalism which grasps at every opportunity to exploit the sufferings of a people. With these courses we shall emerge from this great national strain with our American system of life and government strengthened. Our people will be free to reassert their energy and their enterprise in a society eager to reward in full measure those whose industry serves its well-being. Our youth will find the doors of equal opportunity still open*' [661];

(196) *'Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along*' [627];

(197) *'This is the meaning of our liberty and our creed – why men and women and children of every race and every faith can join in celebration across this magnificent mall, and why a man whose father less than sixty years ago might not have been served at a local restaurant can now stand before you to take a most sacred oath*' [679].

В демократическом обществе народ позиционируют как могущественную силу во всех сферах социально-политической жизни. В АПД XX – начала XXI веков народ в некоторых случаях представляют как

власть, но следует заметить, что для АПД наиболее характерно представление народа как поданного, обладающего определенными полномочиями согласно своему социальному статусу и роду деятельности, что находит свое отражение в метафорической модели **PEOPLE – FORCE**:

(198) ‘... *Are the **forces** that fight for the Nation dispersed, disbanded, gone to their hopes forgetful of the common cause?*’ [736];

(199) ‘*Never before in time of peace has our country maintained so large and effective a military force. as it now has. The Army, Navy, Marine Corps, National Guard, and Organized Reserves represent a strength of about 558,400 men. **These forces are well trained, well equipped, and high in morale***’ [647];

(200) ‘*Gradually, the shackles of slavery are being broken by **the forces of freedom***’ [720];

(201) ‘*We know now that the basic proposition of the worth and dignity of man is not a sentimental aspiration or a vain hope or a piece of rhetoric. **It is the strongest, most creative force now present in this world. Now let us use that force and all our resources and all our skills in the great cause of a just and lasting peace!***’ [720];

(202) ‘*To all of us there comes first a sense of gratitude to Almighty God who sustained us and our Allies in the dark days of grave danger, who made us to grow from weakness into the **strongest fighting force in history, and who has now seen us overcome the forces of tyranny that sought to destroy His civilization***’ [720];

(203) ‘*They had him turn up at their Republican Convention, to remind everybody that he was still **a power** in the Republican Party*’ [721];

(204) ‘*We sense with all our faculties that **forces of good and evil** are massed and armed and opposed as rarely before in history. ... And so each citizen plays an indispensable role. The productivity of our heads, our hands and our hearts is the source of all **the strength** we can command, for both the enrichment of our lives and the winning of the peace*’ [648];

(205) ‘*I know this is in our reach because **we are guided by a power larger than ourselves who creates us equal in His image***’ [627].

Ориентационная метафора **PEOPLE – IN, PEOPLE – OUT, PEOPLE – UP, PEOPLE – DOWN** наиболее ярко представлена в выступлении Б. Клинтона:

(206) *‘Powerful people maneuver for position and worry endlessly about **who is in and who is out, who is up and who is down**, forgetting those people whose toil and sweat sends us here and pays our way’* [642].

Американские президенты довольно часто используют не только метафоры, но и **фразеологизмы** в своих выступлениях. Следовательно, на первый взгляд их словарный запас характеризуется политическими, юридическими, экономическими терминами, однако, в то же время он отличается выразительностью и экспрессивностью.

Так как большинство политических выступлений нацелено на широкую аудиторию, художественные средства помогают предать речи эмоциональность и красноречивость, что в большей степени влияет на мнение публики, в чем достигается основная цель ПД – манипулирование, убеждение, завоевание адресата.

Президенты США свободно используют все типы фразеологизмов для объективации концепта **PEOPLE**, которые были предложены в классификации А. В. Кунина [239]:

1) номинативные (*the man in the street, a man of action, a self-made man, arm in arm, armed to teeth, as hard as steel, as one man to another, the better half, born and bred, born under a lucky star, the bravest of the brave, a chip of the old block, God’s chosen people, the chosen few, class distinctions, cold hands and a warm heart, common decency, the cost of living, the doubting Thomas, family pride, a father figure, flesh and blood, a good Samaritan, in cold blood, rich and poor, the right / best people, a straight man, a white slave*);

2) номинативно-коммуникативные (*not to be borne yesterday, bear / stand close examination, blame the other fellow, harden one’s heart, have the brains, have a clear conscience, to kill two birds with one stone, to stew in its own juice*);

3) коммуникативные (*all men are created equal, people who live in glass houses should not throw stones, the best man wins, forewarned is forearmed, old soldiers never die*).

В дополнение, можно отметить, что в АПД постоянно появлялись и появляются новые или видоизмененные фразеологизмы. Наиболее активным и наряду с этим продуктивным источником для новых фразеологических единиц являются политические реалии. Среди обширного количества таких лексических средств в АПД можно выделить следующие фразеологизмы, относящиеся к коммуникативному типу:

(207) '*America is not anything if it consists of each of us. It is something only if it consists of all of us*' [740];

(208) '*The ear of the leader must ring with the voices of the people*' [740];

(209) '*It's time to have a leader that doesn't put off tomorrow what we should do today*' [652];

(210) '*Where there is suffering, there is duty. Americans in need are not strangers, they are citizens, not problems, but priorities*' [627];

(211) '*One voice can change the world. ... Change will not come if we wait for some other person, or if we wait for some other time*' [676].

Имена собственные выдающихся политических деятелей прошлого и настоящего служат не только для объективации концепта PEOPLE, но и несут символическую нагрузку. Е. И. Шейгал замечает, что политик выступает как носитель определенной политической функции, а распространенным приемом обозначения политической роли-функции является использование антропонима [460, с. 106].

В большинстве случаев имена собственные политических деятелей прошлого и настоящего, неординарных личностей, которых помнит народ благодаря их поступкам и действиям в общественно-политической сфере приобретают фоновую коннотацию. При упоминании такого имени адресантом в сознании адресата возникают стойкие ассоциации и

соответствующие эмоции, таким образом, имя собственное способно выполнять регулятивно-воздействующую функцию.

Так, например, для американских президентов характерно употребление имен своих предшественников для того, чтобы выразить дань уважения, оценить успехи, достижения, вдохновить граждан высоким примером народных героев, либо, наоборот, подвергнуть критике действия политика:

(212) *'We are the party of **Roosevelt**. We are the party of **Kennedy**. So, don't tell me that Democrats won't defend this country'* [676].

В данном примере Барак Обама использует имена Франклина Делано Рузвельта и Джона Фитцджеральда Кеннеди, отождествляя себя с выдающимися лидерами, что дает возможность адресату положительно оценить возможности новоизбранного президента на основании того, что он принадлежит к одной и той же политической партии.

В АПД тема оппонентов является ключевой. Они не только рассматриваются как «другие», то есть с другим мировоззрением и ценностями, но и как угроза с точки зрения их политических оппонентов. Очень часто президент приписывает конкретную ошибку конкретному политику, в то же время, ссылаясь на собственную политическую деятельность как на попытку исправить ошибки, допущенные предыдущими политиками:

(213) *'But **Hillary Clinton**'s legacy does not have to be America's legacy. ... Tonight, I will share with you my plan of action for America. The most important difference between our plan and that of our opponents, is that our plan will put America First. Americanism, not globalism, will be our credo. As long as we are led by politicians who will not put America First, then we can be assured that other nations will not treat America with respect'* [723].

В приведенных выше примерах, Д. Трамп принижает заслуги и достоинства оппонентов или даже полностью стирает их. В то же время он гиперболизирует собственные достоинства и преподносит свои действия как единственное возможное решение, как единственно возможный выход из сложившейся ситуации.

Еще одним языковым средством, которое представляет образно-ценностный компонент концепта PEOPLE является метонимия. На концептуальном уровне базой для такого тропа является активация абстрактных концептов типа ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА-РЕЗУЛЬТАТ, служащие моделированию фундаментальных перцептивных инвариантов когниции и выступающие теми топологическими константами, которые организуют взаимодействие человека с окружающей средой [184, с.186]:

(214) *'I would fain believe that I am speaking for the silent mass of mankind everywhere who have as yet had no place or opportunity to speak their **real hearts** out concerning the death and ruin they see to have come already upon the persons and the homes they hold most dear'* [741];

(215) *'I believe that I speak for them when I say two things: first, that this intolerable thing of which the masters of Germany have shown us **the ugly face**, this menace of combined intrigue and force which we now see so clearly as the German power ....'* [743];

(216) *'**America** demands peace, formal as well as actual ....'* [660];

(217) *'**Washington** may think that saying anything about the other side no matter how false, no matter how malicious, is just part of the game'* [680];

(218) *'But through it all, we have seen **the beauty of America's soul**, and the **steel in America's spine**'* [728].

Функцию эпитета, который вербализирует образно-ценностный компонент концепта PEOPLE, выполняют прилагательные. Данный троп придает речи окрашенность и делает ее выразительной.

С помощью эпитетов президент может преподнести описываемый объект в выгодном ему свете. Анализ материала исследования показывает, что в АПД XX – начала XXI веков американский народ представлен как храбрая, миролюбивая, благородная, непобедимая, процветающая и самая могущественная нация на Земле:

(219) *'These **gallant men in blue and gray** sit all about us here'* [739];

(220) ‘*It is **an unquenchable spirit**.... **this great citizen** of the world ... with these **unconquerable men** ...*’ [699];

(221) ‘*We wish them to have a normal chance to develop, in peace, as **useful and respectable members of the European family**. But we most certainly emphasize that word "**respectable**" -- for we intend to rid them once and for all of Nazism and Prussian militarism and the **fantastic and disastrous notion that they constitute the "Master Race"***’ [699];

(222) ‘*Americans are **generous and strong and decent**, not because we believe in ourselves, but because we hold beliefs beyond ourselves*’ [627];

(223) ‘*We are a **peaceful people** – yet we are not a **fragile people**, and we will not be intimidated by things and killers*’ [632];

(224) ‘*We remain the **most prosperous, powerful nation** on Earth*’ [679].

Одним из средств экспликации образной структуры концепта PEOPLE является **антитеза**. Так, например, Б. Обама, прибегая к использованию данной стилистической фигуры, выделяет те ключевые ценности американского народа, которыми он гордится и хочет, чтобы гордились и сами американцы:

(225) ‘***Our challenges may be new. The instruments with which we meet them may be new. But those values upon which our success depends – hard work and honesty, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism – these things are old***’ [679].

Антитезу, метонимию, анафору и синтаксический параллелизм, наряду с **семантическими повторами** использует Д. Трамп, подчеркивая, насколько велика разобщенность между властными структурами и народом:

(226) ‘***Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed. ... The establishment protected itself, but not the citizens of our country. ... Their victories have not been your victories. Their triumphs have not been your triumphs. And while they celebrated in our nation’s capital, there was little to celebrate ... all across our land***’ [724].

Еще одним средством образной интерпретации концепта PEOPLE является **эвфемизм**. Данный троп – изобразительное средство, которое в естественной речи служит для более точного называния предмета или явления и, наконец, расширяет и обогащает лексическую систему языка:

(227) *‘Those men are now rapidly **passing away**’* [719];

(228) *Our nation is at war against a **far-reaching network of violence and hatred*** [679].

Феномен политической корректности является неотъемлемым компонентом идеологии современного американского общества и политической культуры. Эвфемизмы как универсальное языковое явление, обычно обуславливаются социально-историческими и морально-этическими нормами, национальными и языковыми традициями лингвистического сообщества.

Специфическая особенность политических эвфемизмов – проявление ими так называемой магической функции: при изменении имени происходит изменение и свойств самого денотата – благодаря этому как бы меняется его сущность. В действительности меняется не суть явления, а способ его донесения до потенциального реципиента [190; 460].

Эвфемия является одним из наиболее эффективных средств для создания политически корректной лексики. Политические эвфемизмы вошли в сферу интересов лингвистов со времен войны во Вьетнаме.

АПД XX века наиболее приспособлен для приукрашивания действительности и для использования сокрытия реального положения дел, поэтому тенденция к эвфемизации является одной из прагматических закономерностей функционирования политического языка.

В АПД XXI в. прослеживается устойчивая тенденция к появлению эвфемизмов вследствие возникновения новых сфер в социально-политической жизни общества, подлежащих завуалированию. Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов приукрашивания

действительности, а также манипулирования сознанием адресанта с целью создания выгодной для адресата картины происходящих событий.

Так, например, период жизни от 65 лет и далее стали называть *third age*, чернокожий (*black*) заменяется эвфемизмами *African American*, *member of the African diaspora* (представитель африканской диаспоры); индеец (*Indian*) – словосочетанием *indigenous person* (местный житель), бедные (*the poor*) – *low-income people* (малообеспеченные), *the unprivileged* (непривилегированные), *the socially disadvantaged* (социально незащищенные).

Следует заметить, что, стремясь к социальной гармонии, эвфемизации также подвергаются слова с положительной коннотацией, так, например, лексема богатые (*the rich*) заменяется эвфемизмами *the high-income people* (люди с высоким доходом), *the privileged* (привилегированные), *the socially advantaged* (социально обеспеченные), что может быть объяснено тем фактом, что в стране, где существует бедность, стыдно быть богатым.

Когнитивный процесс аналогового осмысления человеческим индивидуумом фрагментов внешнего и внутреннего мира наиболее заметно проявляется в тропеической природе сравнения, в котором наиболее ярко и полно обозначена сущность переноса значения [16]:

(229) ‘*There are people who burrow – burrow through the nation like unseeing moles, and attempt to spread the suspicion that if other nations are encouraged to raise their standards of living, our own American standard of living must of necessity be depressed*’ [700].

Концепт PEOPLE в АПД тесно связан с концептом DEMOCRACY. Концепт вовлекается в образование сравнения, если в роли его объекта выступает человек с некоторым общеизвестным набором черт характера и мировоззрения, поддерживающего демократические устои и политическую доктрину государства США:

(230) ‘*The grandest of these ideals is an unfolding American promise that everyone belongs, that everyone deserves a chance, that no insignificant person was ever born. Americans are called to enact this promise in our lives and in our*

*laws. And though our nation has sometimes halted, and sometimes delayed, we must follow no other course. Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations. **Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even after nearly 225 years, we have a long way yet to travel**' [627].*

Для актуализации концепта PEOPLE на синтаксическом уровне используется **семантический повтор**. Функция, которая реализуется благодаря повтору – это функция нарастания, усиления, повышения эмоционального фона высказывания. Повтор слов способствует увеличению напряженности высказывания, что, в свою очередь, отображает динамику нарастания эмоций:

(231) *'We are the heirs of the ages, and yet we have had to pay few of the penalties which in old countries are exacted by the dead hand of a bygone civilization. We have not been obliged to fight for our existence against any alien race; and yet our life has called for the vigor and effort without which the manlier and hardier virtues wither away. Under such conditions it would be **our** own fault if we failed; and the **success which we** have had in the past, the **success which we** confidently believe the future will bring, should cause in us no feeling of vainglory, but rather a deep and abiding realization of all which life has offered **us**; a full acknowledgment of the **responsibility** which is **ours**; and a fixed determination to show that under a free government a mighty **people** can thrive best, alike as regards the things of the body and the things of the soul. **Much** has been given **us**, and **much** will rightfully be expected from **us**. We have **duties** to **others** and **duties** to **ourselves**; and we can shirk neither. We have become a great **nation**, forced by the fact of its **greatness** into relations with the **other nations** of the earth, and we must behave as be seems **a people** with such **responsibilities**' [710];*

(232) *'If we have the brain power to invent these machines, we have the brain power to make certain that they are a boon and not a bane to humanity [665];*

(233) *So, let us begin tonight by recognizing that the state of our Union is strong because our people are strong' [728].*

Разновидностью семантического повтора является **параллелизм**. Параллельные конструкции представляют собой один из стилистических приемов композиции высказывания, в котором отдельные части предложения или ряд предложений в целом построены однотипно:

(234) *'If we fail, if we fritter and fumble away our opportunity in needless, senseless quarrels between Democrats and Republicans, or between the House and the Senate, or between the South and North, or between the Congress and the administration, then history will rightfully judge us harshly. But if we succeed, if we can achieve these goals by forging in this country a greater sense of union, then, and only then, can we take full satisfaction in the state of the Union' [665];*

(235) *'If there is a mountain, we climb it. If there is a frontier, we cross it. If there is a challenge, we tame it. If there is an opportunity, we seize it' [728].*

Анафора – распространенная стилистическая фигура, состоящая в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи, продуктивное средство для вербализации концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков:

(236) *'It is the American people themselves who are in the driver's seat. It is the American people themselves who want the furrow plowed. It is the American people themselves who expect the third horse to pull in unison with the other two' [696];*

(237) *'We have learned that we cannot live alone, at peace; that our own well-being is dependent on the well-being of other Nations, far away. We have learned that we must live as men and not as ostriches, nor as dogs in the manger. We have learned to be citizens of the world, members of the human community. We have learned the simple truth, as Emerson said, that, "The only way to have a friend is to*

be one." **We can gain** no lasting peace if we approach it with suspicion and mistrust or with fear. **We can gain** it only if we proceed with the understanding and the confidence and the courage which flow from conviction' [701];

(238) '**We remain on the offensive** against terror networks. **We have killed or captured many of their leaders – and for the others, their day will come. We remain on the offensive** in Afghanistan, where a fine President and a National Assembly are fighting terror while building the institutions of a new democracy. **We're on the offensive in Iraq with a clear plan for victory**' [635];

(239) '**We want** our children to live in an America that isn't burdened by debt; that isn't weakened by inequality; that isn't threatened by the destructive power of a warming planet. **We want** to pass on a country that's safe and respected and admired around the world; a nation that is defended by the strongest military on Earth and the best troops ....' [677].

В АПД при актуализации концепта PEOPLE можно наблюдать **сложноподчиненные предложения** с атрибутивными придаточными, которые уточняют, дополняют и характеризуют компоненты концепта:

(240) '**The men who are idle or credulous, the men who seek gains not by genuine work with head or hand but by gambling in any form, are always a source of menace not only to themselves but to others**' [703];

(241) '**Those, who would give up essential liberty to purchase a little temporary safety, deserve neither liberty, nor safety**' [695].

Концепт PEOPLE также представлен **отрицательными предложениями**, которые создают определенный фон коммуникации, указывая на исключительность американского народа:

(242) '**No man can see these young, vigorous men energetically doing their duty without a thrill of pride in them as Americans. They represent on the average a high class**' [712];

(243) '**No man can boast that he understands America. No man can boast that he has lived the life of America, as almost every man who sat in this hall in**

those days could boast. No man can pretend that except by common counsel he can gather into his consciousness what the varied life of this people is' [737];

(244) No one can deny the success of freedom, but some men rage and fight against it [635].

Анализ количественных подсчетов позволяет сделать вывод, что наиболее многочисленным средством представления концепта PEOPLE является концептуальная метафора (26% / 33%), фразеологизм (12,2% / 10,3%), имена собственные (10,7% / 10,7%), метонимия (8,8% / 7,7%).

Приблизительно равное количественное соотношение характерно для таких языковых способов на лексическом уровне, как эпитет (7,7% / 8,9%), сравнение (4,9% / 4,2%), на синтаксическом уровне – семантический повтор (7,8% / 6,8%), синтаксический параллелизм (6% / 6,3%).

Периферийным языковым способом на лексическом уровне является мифологема (1,75% / 1,3%) эвфемизм – (0,9% / 1,04%), на синтаксическом уровне – антитеза (1,7% / 1,3%) (см. табл. 3.8).

Таким образом, АПД отражает важнейшие элементы политического сознания нации, в числе которых значительная роль отводится дискурсообразующему концепту PEOPLE, получающему этнически-релевантное наполнение, и приобретающему определенную национальную специфику.

Концепт PEOPLE содержит понятийно-ценностный и образно-ценностный компоненты, актуализированные разноуровневыми языковыми единицами. Особенность вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE наблюдается в подборе и частотности употребления языковых средств данного концепта, доминирующими среди которых являются фразеологизмы, имена собственные и такие стилистические фигуры, как метонимия, эпитет, сравнение, эвфемизм, антитеза, анафора.

Наиболее продуктивным средством объективации концепта PEOPLE в американском ПД XX – начала XXI веков является концептуальная метафора, которая демонстрирует различные модели, среди которых

доминируют природоморфные, зооморфные и социоморфные. Появление новых или видоизменение устоявшихся метафорических моделей обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как научно-технический прогресс, идеология и пропаганда, смена власти, международные отношения, изменения в укладе жизни лингвокультурного сообщества, влияние СМИ и общественных движений.

3.6 Вербализация концепта POWER

Концептосферу АПД XX – начала XXI веков невозможно представить без дискурсообразующего концепта POWER, поскольку весь политический процесс строится вокруг борьбы за власть и обладания властью. Вопрос о соотношении языка и власти традиционно рассматривается в лингвистике в единстве двух аспектов: с позиции концептуализации власти языком и в плане того, как власть проявляется через язык.

Алгоритм рассмотрения вопроса реализации власти через язык сформулирован Е. И. Шейгал, указав на необходимость обращения к лексикографической интерпретации имени концепта, его синонимическим связям, образным переосмыслениям, ассоциативным реакциям, сочетаемости, паремиологии [460, с. 93–94].

Для всесторонне полного рассмотрения особенностей функционирования концепта POWER в АПД XX – начала XXI веков представляется целесообразным рассмотреть его лингвистические и экстралингвистические составляющие.

Власть проявляется в различных сферах жизнедеятельности и представляется многогранным феноменом, выделяют не только основные ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную, но и власть родительскую, власть церкви, власть организаций, власть военную и политическую [206, с. 78].

Таким образом, можно говорить о том, что власть, является многоаспектным феноменом, в различных формах присутствует во всех

сферах человеческой деятельности, может являться как политической, так и неполитической, имеет свои постоянные элементы.

По своей сути власть не является статичным феноменом. Данное явление всегда завязано на адресантно-адресатных отношениях в ПД, на определенного рода взаимодействии и воздействии между участниками данного процесса. В политике устойчивая власть основывается на идеологическо-моральных принципах и осуществляется посредством применения различного рода сил.

Целью политической власти является противодействие деструктивным феноменам различного рода: кризисам, конфликтам, напряженной обстановке, посредством прямого или опосредованного воздействия на индивидуальное или коллективное сознание [206, с. 83–84].

При изучении и исследовании дискурсообразующих концептов особое значение следует уделять не только экстралингвистическим составляющим, но и анализировать этимологическую природу концепта.

Online Etymology Dictionary дает следующую этимологию данного понятия: в. 1300, *power*, «способность; способность действовать или делать; сила, энергия, мощь», особенно в бою; «эффективность; контроль, господство, способность или право командовать или контролировать; юридическая власть или авторитет; разрешение; военная сила, армия», от англо-французского *powair*, старофранцузский – *pouvoir*, существительное от инфинитива «мочь», ранее *podir* (IX в.), От вульгарной латыни *potere* (источник также испанского *poder*, итальянский *potere*), от латинского *potis* «мощный» (от корня Proto-Indo-European **poti** – «могущественный; господин») [603].

Рассмотрим основные дефиниции, данные в толковых словарях английского языка. Значение «тот, кто имеет власть, лицо, наделенное властью или обладающее большим влиянием в обществе», относится к концу XIV в. Значение «особая способность или способность» восходит к началу XV в. В механике «то, с чем можно совершать работу», к 1727 г.

Понятие «собственность неодушевленной вещи или способность изменять другие вещи» относится к 1590-м годам. Значение «государство или нация в отношении международного авторитета или влияния» относится к 1726 году. Значение «энергия, доступная для работы» относится к 1727 году. Значение «электроснабжение» относится к 1896 году [603; 605].

Компонентный анализ применяем для инвентаризации, структурно-семантической классификации способов вербализации концепта POWER.

Так как материалом исследования является АПД XX – начала XXI веков, рассмотрим для начала основные значения слова POWER в словарях XX-го века.

Исходя из данных представленных в толковых словарях, изданных в начале и середине XX в., можно констатировать, что двадцать три признака составляют семантическое пространство концепта POWER: (1) *that in a person or a thing which enables them to act on other persons or things* [581]; (2) *strength* [581], (3) *force* [600], (4) *vigour* [584]; (5) *energy* [581; 600]; (6) *instrument for applying energy to mechanical purposes* [584]; (7) *mechanical energy as opp. to hand-labour; capacity of exerting mechanical force* [584]; (8) *faculty of the mind; ability* [581; 584]; *particular faculty of body or mind* [584]; (9) *a ruler* [581]; *one who has authority* [600]; *influential person, body or thing* [581]; (10) *constituted authorities; authority* [600]; (11) *influence* [581]; (12) *state having international influence* [601]; (13) *government* [584]; (14) *moving force of anything* [581]; (15) *active property* [584]; (16) *the degree to which a telescope or a microscope magnifies an object* [584]; (17) *right to command* [584]; *authorization; delegated authority* [581]; (18) *rule* [584]; (19) *personal / political ascendancy* [584]; (20) *capacity of suffering* [584]; (21) *a divinity* [584]; *deity; sixth order of angels* [581]; (22) *large number or amount* [581]; *a great many* [584]; (23) *product obtained by multiplying number into itself* [584]; *the result of the continued multiplication of a quantity by itself any given number of times* [581].

На основе результатов анализа дефиниций имени концепта POWER по данным английских толковых словарей XXI в. [580; 582; 583; 586; 588; 589; 591; 593; 595; 596; 597; 598; 599; 604; 616; 622] приходим к выводу, что семантическое пространство имени концепта POWER в английском языке насчитывает двадцать три признака: (1) *the ability or right to control people or things* [579; 604]; *ability to control people and events* [567; 580]; (2) *the ability to influence or control what people do or think* [595]; (3) *possession of control, authority, or influence over others* [597]; (4) *political control of a country or area* □; *political control of a country or government* [579]; (5) *the amount of political control a person or group has in a country* [580]; (6) *political control or influence* [597]; (7) *the influence of a particular thing or group within society* [604]; (8) *a person or organization that has a lot of control and influence over other people or organizations / a country that has a lot of influence and military strength* [596]; *a person, organization, or country that has control over others, often because of wealth, importance, or great military strength* [579]; (9) *the influence of a particular thing or group within society / a country with a lot of influence in world affairs, or with great military strength* [604]; *a country that is able to influence other countries because of its economic or military strength* [595]; (10) *strength or influence in a particular area of activity* [604]; (11) *a controlling group* [597]; (12) *a particular ability of the body or mind* [604]; (13) *all the abilities of a person's body or mind* [604]; (14) *physical force or strength* [579; 580; 595]; *physical strength used in action; physical strength that somebody possesses and might use* [604]; (15) *physical might* [599]; (16) *the ability or opportunity to do something* [604; 579]; *a natural skill or an ability to do something* [580]; *a natural or unusual ability for doing something* [596]; (17) *ability to act or produce an effect* [597]; (18) *the right to do something: legal or official authority to do something legal or official authority, capacity, or right* [579; 604; 580; 595]; (19) *energy that can be collected and used to operate machines / the electricity that people use* [579; 604]; *electricity, especially when considering its use or production* [580]; *energy obtained from oil, coal, the sun etc,*

used for operating equipment and machines / the supply of electricity to your home, office, community etc. [595; 596]; a source or means of supplying energy [509]; (20) the quality of having great power or force, or of being very effective [604]; (21) the number of times that a number is to be multiplied by itself; a number that results from multiplying a number by itself [579; 604; 580]; used in mathematics for saying how many times you multiply a number by itself [595]; the number of times as indicated by an exponent that a number occurs as a factor in a product [599]; (22) the ability of an optical device (such as a telescope) to make objects look bigger [579]; the amount by which a lens can make objects appear larger [604]; (23) a good or evil spirit that controls the lives of others [604].

Таким образом, проанализировав данные толковых словарей, изданных в XX – начале XXI веков, можно утверждать, что среди всех значений слова POWER, представленных в словарях XX в., многие сохранились. Среди них основные, обозначающие физическую силу, способности тела и разума, власть (в том числе политическая), человека у власти, право на власть, способность влиять на других.

Сохранились значение слова как электроэнергии, машинной энергии, оптическое значение увеличения, а также математическое значение. Из тех значений, которые в современных словарях уже не появляются: божество, божественность, а также значение большого количества чего-либо, среди новых зафиксированных в начале XXI в. признаков выделяются признаки страны с большим влиянием в мировых делах и/или с большой военной мощью, а также доброго или злого духа, контролирующего жизни людей.

Рассмотрев все основные значения слова-имени концепта POWER, представленные в толковых словарях XX – начала XXI веков, подведем итог и сформулируем общую дефиницию данного понятия, далее проведем верификацию в АПД XX – начала XXI веков.

Принимая во внимание абстрактность денотата анализируемого концепта, определение семантики ЛЕ *power* как базовой доминанты власти требует представление значения данной леммы в более эксплицитной форме.

Поэтому во время анализа лексикографических дефиниций применяется прием и процедуры семантического развертывания. Прием унификации дефиниции состоит в представлении одного общего значения ЛЕ.

Т. е. за одним и тем же признаком закрепляется только одна его форма употребления. Такой подход позволяет получить более объемный список содержательных признаков концепта. Правомерность перифрастических преобразований значений, которые представлены в нескольких словарях, обуславливается формальным, а не содержательным характером различий между определениями одного и того же значения [89, с. 9]. Основой процедуры семантического развертывания является подстановка сем видовых компонентов в определение дефиниции. Это обеспечивает сведение толкования значения до конфигурации с более простой связью [89, с. 7].

Использование вышеуказанных приемов и анализ лексикографических источников позволяет сформулировать такое определение лексемы *power*: *a person, organization or state exercising control or political control over other people, organizations or states on the basis of physical strength, capability, ability, potential or legal right /official authority; the right / ability / opportunity / authority / potential / power itself / a country with a lot of influence in world affairs, or with great military strength.*

Обратившись к материалу исследования после сравнения всех значений слова POWER в толковых словарях XX – начала XXI веков и выведения общей дефиниции, приходим к выводу, что в АПД слово-имя концепта POWER реализуется во всех основных значениях, кроме следующих: способность устройства к увеличению, число, полученное в результате умножения числа на само себя, божество, добрый или злой дух.

Среди методов, которые значительно обогащают анализ состава семантических признаков концепта при построении лексико-семантического поля его ключевого слова, выделяются определения гиперонима и согипонимов [353, с. 209]. Исследования гиперо-гипонимических отношений внутри семантического поля приводит к выявлению базовых категорий

человеческого мышления, таких как высшие категориальные члены каждого эндоцентрического ряда. Выявление этих базовых категорий важно для определения места концепта, который вербализирует лексические единицы в ЯКМ и, следовательно, ККМ.

В. Г. Гак отмечает, что по отношению родовых понятий к видовым имплицитно представлены предварительная структурация и дифференциация данных человеческого опыта. Они получают названия «надсем» или «архисем» – общих сем родового значения. «Представляя собой узловые пункты классификаций, «архисемы» выполняют организующую функцию в высказывании» [108, с. 371]. Итак, учитывая то, что архилексемой выступает абстрактная ЛЕ *power*, указывающая на денотативную принадлежность анализируемых слов [108; 109], констатируем выполнение лексемой *power*, роли гиперонима в отношении всех других синонимичных ей, и друг другу номинаций феномена «власти».

В семантике ЛЕ выделяем родовой (категориальный) и видовые компоненты значения, которые дают возможность выделить содержательные признаки концепта в концептосфере. Родовые семы *control / ability* указывают на денотат – фрагмент действительности, который обозначает слово.

Видовые компоненты *ability / capacity / capability / potential / faculty / control / authority / right / authorization / influence / dominance / domination / dominion / sway / leverage / privilege / right / force / command / influence / strength / state / country / nation / strength / might / force / vigour / energy / forcefulness / powerfulness / strength / force / cogency / persuasiveness / driving force / horsepower / acceleration / torque / energy / electricity* конкретизируют значение лексемы и фиксируют такие содержательные признаки анализируемого концепта: 1) способность использовать физические и умственные возможности, потенциал; 2) физическая и умственная сила; 3) право на использование силы и власти; 4) возможность использования силы и власти; 5) источники власти; 6) структура власти; 7) субъект власти; 8) объект власти; 9) политика; 10) виды власти; 11) функции власти;

12) формы правления, политические режимы и системы; 13) народ как источник власти; 14) правительство как источник власти; 15) государство как источник власти; 16) энергия; 17) электричество; 18) электрические приборы.

Лексические единицы *power base* – *the area or the people that provide the main support for a politician or a political party*; *power broker* – *a person who has strong influence on who has political power in the area*; *powerful* – *being able to control and influence people and events; using or threatening to use its military or economic power against another country*; *power-sharing* – *a policy or system in which different groups or political parties share responsibility for making decisions, taking political action, etc.* демонстрируют такой же набор содержательных признаков, поскольку выступают видовыми компонентами значения единицы *power*.

Семантический анализ лексем, которые представляют концепт POWER, доказывает, что понятие зафиксированное ЛЕ *power* в той или иной мере представлено в дефинициях всех манифестантов рассматриваемого концепта.

Поскольку ЛЕ *powerful*, *powerless*, *powerlessness*, *empower*, *overpower* наиболее объективно, стилистически и эмоционально нейтрально выражают смысл, единый общий для всех членов основных субстантивного, атрибутивного, адвербиального и глагольного СР, и входят в качестве эксплицитного и имплицитного компонента значения в семантической структуре большинства членов каждого СР, то они являются гиперонимами, объединяя соответственно 305 существительных, 111 прилагательных, 9 наречий, 147 глаголов. Каждый член СР – это прежде всего актуализация определенного фрагмента концепта, новый ракурс его описания [293, с. 120]. Исследование СР позволяет выделить дополнительные признаки концепта [108; 109; 110; 89; 246; 247; 248; 249; 250].

Анализ дефиниций синонимических единиц показал, что только некоторые из них выражают дополнительные признаки, а именно политического контроля (*control*, *authority*, *influence*, *command*, *sovereignty*, *sway*, *dominance*, *domination*, *supremacy*, *mastery*, *dominion*, *ascendancy*, *mana*

(*New Zealand*), *bottom*), полномочия (*authority, right, licence, privilege, warrant, prerogative, authorization*), физической силы (*strength, might, energy, weight, muscle, vigour, potency, welly (slang), brawn.*).

В семантике ЛЕ номинативного пространства концепта, кроме денотативных признаков, выделяются семы оценочного характера, что свидетельствует о наличии коннотативного аспекта значения. Коннотация в форме позитивной оценки, фиксируется дифференциальными семами *authority, mastery, competence, capability*, негативная оценка выражается номинациями, которые характеризуют объект власти (его действия, состояние, атрибуты), реализуя оценку неэффективно *inferiority, inferior, subordinate, controllable, subjugated, lacking authority, without power / authority / struggle / resource*.

Негативная оценка субъектов власти, принадлежащих «чужим», «оппозиционным» режимам, связана в АПД как XX, так и XXI в. с квалификацией поведенческих характеристик, а не социальной значимости, и подводится под категорию этических, которые квалифицируют поведение в терминах недопустимо в соответствии с прописанными правилами и сложившимися традициями, напр. *domineering, authoritarian*.

Следовательно, именно лексема *power* возглавляет основной СР, сформированный на основе стилистически нейтральных именных ЛЕ (общее количество – 305 единиц).

Внутри основного СР выделяются ряды синонимов во главе с вторичными СД, такими как *control, ability, authority, strength, forcefulness*. Далее проанализируем группы синонимов, антонимов и дериватов лексемы *power*: 1) СД **control**: *control, authority, influence, command, sovereignty, sway, dominance, domination, supremacy, mastery, dominion, ascendancy, mana (New Zealand), bottom*; 2) СД **ability**: *ability, capacity, faculty, property, potential, capability, competence, competency*; 3) СД **authority**: *authority, right, licence, privilege, warrant, prerogative, authorization*; 4) СД **strength**: *strength, might, energy, weight, muscle, vigour, potency, welly (slang), brawn*; 5) СД **forcefulness**:

forcefulness, force, strength, punch (informal), intensity, potency, eloquence, persuasiveness, cogency; 6) антонимический ряд с СД **inability**: *inability, incompetence, incapacity, incapability*; 7) антонимический ряд с СД **weakness**: *weakness, impotence, feebleness, listlessness, enervation*. [608, с. 333].

Анализ вторичных доминант констатирует ряд дистинктивных признаков, которые уточняют компоненты основного СР и таким образом выявляют различия между другими подгруппами.

Значительное количество синонимических единиц шести СР подчеркивает тот факт, что власть является гиперкогнитивным феноменом с детально разработанной когнитивной структурой: в американской ККМ и ЯКМ концепт POWER выступает архиконцептом (прототипом) по отношению к таким его базовым составляющим как концепты CONTROL (КОНТРОЛЬ), AUTHORITY (ПОЛНОМОЧИЯ), POLITICS (ПОЛИТИКА), MIGHT (МОГУЩЕСТВО), STATE (ГОСУДАРСТВО), PEOPLE (НАРОД). Концепт POWER, во всем многообразии присущих ему признаков и особенностей функционирования, наиболее полно находит свою реализацию в АПД XX – начала XXI веков.

Семантическая общность и различие единиц выше указанных СР позволяет рассмотреть дериваты слова-имени концепта POWER:

- *empower* – уполномочивать, давать возможность, разрешать;
- *empowerment* – предоставление полномочий;
- *overpower* – подавлять, пересиливать, побеждать, брать верх;
- *overpowering* – обладающий чрезвычайной силой, полномочиями;
- *overpoweringly* – чрезвычайно сильно, влиятельно;
- *powerful* – мощный, сильный, могущественный, могучий, влиятельный, яркий, значительный;
- *powerfully* – обоснованно, влиятельно, в значительной степени;
- *powerless* – бессильный, беспомощный;
- *powerlessness* – беспомощность, бессилие;
- *powered* – механизированный, самоходный, ведущий.

Проанализируем частотность употребления лексемы POWER и членов ее CP в АПД XX ст.: *power* – 44%, *authority* – 15%, *privilege* – 11%, *right* – 10%, *force* – 8%, *control* – 6%, *command* – 5%, *influence* – 4%, *strength* – 2,3%, *government* – 2,1%, *ability* – 1,8%. В XXI ст. доминируют *power* – 42%, *influence* – 21%, *authority* – 16%, *control* – 6%, *reign* – 3%, *command* – 2,76%, *rule* – 2,65%, *privilege* – 1,2%, *supremacy* – 0,91%, *sovereignty* – 0,71%, *superiority* – 0,5%, *sway* – 0,4%, *jurisdiction* – 0,35%, *dominion* – 0,3%, *mastery* – 0,24%.

Таким образом, обосновывается выбор ЛЕ *power* в качестве имени концепта POWER и констатируется перекомпоновка элементов в ядерной зоне концепта, если в АПД XX в. доминировали семантические признаки контроля, полномочий, правил использования силы и власти, авторитета государства, то в XXI в. доминируют семантические признаки политического влияния, превосходства, обладание контролем, властью или влиянием на других, страны, которая обладает большим влиянием и военной мощью.

В результате анализа контекстуального использования синонимов имени концепта POWER зафиксированы такие структурные разновидности словосочетаний:

– А + N (*power*), де А – прилагательное, N (*power*) – номинант концепта POWER, напр.: *mental / physical / moral powers, economic / political power, administrative powers, international police power, buying power, financial power, staying power, world powers, an allied / enemy power, military / economic / civilized power, air / sea power, irresponsible power, the necessary powers, purchasing / earning power, proved power, foreign power, blockading powers, a neutral power, far-reaching power, Asiatic powers, the regulative power, constitutional powers, national control, a de facto government, the responsible government, a great power, full powers, the contending powers, productive power, a wholesome effective power;*

– A (Superlative) + N (power), где A (Superlative) – прилагательное в превосходной степени сравнения, напр.: *the most / the least power / authority, the keenest national concern, the largest measure of self-government*;

– N (power) + N, где N (power) – номинант концепта POWER, N – существительное, напр.: *a power struggle, a power failure, power transition*;

– N (power) + N (power), где N (power) – номинант концепта POWER, напр.: *Government force, police power*;

– N (power) + V, где N (power) – номинант концепта POWER, V – глагол, напр.: *the power to approve, power deludes / seduces / wins / concedes, power to naturalize, power dwelling on the Pacific, power vested in ..., powers to negotiate, the power to charter, the power to prevent or stop, the power to deal, the power exists ..., power scattered, power gives up*;

– N + предлог + N (power), напр.: *the height of powers, rule of wealth, transfer of power, the use of power, handover of power, campaign for power, grip / grasp on power, seizure of power, access to power, retention of power, the mechanics of power, reins of power / government, corridors / halls of power, an exile from power, a road to power, balance of power, division of authority, heaps of power, compromises of power, mantle of power, the exercise of power, increase of power, elements of power*;

– N (power) + предлог + N, где N (power) – номинант концепта POWER, напр.: *power of speech, powers of concentration / persuasion, the powers of the police, the power of veto, the power of television / media, power of command, power of supervision, power of mankind, power of persistence / hope / freedom / democracy / ideals / military, the power of moral, the powers of darkness*;

– N (power) + предлог + N (power), где N (power) – номинант концепта POWER, напр.: *power for the ruling class, the power of the Congress, supervision and control of National Government, the Governemnt of the United States of America, the forces of order, power of a nation, the power of the Commision, power of control, power for the ruling class*;

–V + N (power), где V – глагол, N (power) – номинант концепта POWER, напр.: *to deserve power, to have / lose power, to give / cede power, to hand power, to give up power, to inherit power, to renew / restore power, to grant jurisdiction, to transfer power, to desire / to want power, to gain / seize / keep / take / win / retain / renew power, to test / question / challenge one's authority, to take away one's authority, to use / abuse / wield power, to wield / use one's authority, to exercise jurisdiction / dominion / sovereignty, abdicating the power, secure one's power,*

– V + предлог + N (power), где V – глагол, N (power) – номинант концепта POWER, напр.: *to be in power, to stay in power, to remain in power, to be in authority, to be within jurisdiction, to put smb. in(to)/ out of power, to keep smb. in power, to sweep smb. into power, to revel in power, to come / return to power, to centre all power on, to limit / cut / curb / reduce / maximize / weaken / slash / increase / control power;*

Сравнительная характеристика частотности употребления структурных моделей контекстуального использования синонимов имени концепта POWER представлена в таблице 3.13

Таблица 3.13

**Частотность употребления структурных моделей концепта POWER
в АПД в XX- начала XXI веков**

Структурная модель	XX век	XXI век
A + N (power)	26%	28%
V + N (power)	24%	26%
V + предлог + N (power)	14%	15%
N + предлог + N (power)	12%	8,5%
N (power) + предлог + N	8%	6,5%
N (power) + предлог + N (power)	6%	6%
N (power) + V	5,5%	4%
N (power) + N	2%	2,5%
N (power) + N (power)	1,5%	1,8%
A (Superlative) + N (power)	1%	1,7%
ВСЕГО:	100%	100%

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и его частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта POWER в виде модели, состоящей из четырех сегментов CONTROL, ABILITY, AUTHORITY, COUNTRY, INFLUENCE которые в свою очередь, подразделяются на микросегменты, такие как, **political / non-political leadership, limiting / managing factors, political and social parties / organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, subordination, control, supremacy, rule, sovereignty, legal rights, privileges, advantages, institutional / non-institutional spheres.**

Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте POWER. Как показывает анализ языкового материала, данный концепт в АПД XX – начала XXI веков имеет многоуровневую структуру, т. е. состоит из нескольких когнитивных уровней, которые отличаются степенью абстракции, которую они отражают [377, с. 60]:

(245) ‘... *the Mother of the American Nations is prosecuting her noble mission as the liberator and the educator of the peoples. In spreading her protecting wings over the territory of our Republic the American eagle has sanctified it. It has rescued it from the barbarism of unnecessary and wasteful civil wars to consecrate it to the destiny assigned to it by Providence, the service of humanity and the progress of civilization*’ [713];

(246) ‘... *the only power over them possessed by the insular government being that of removing corrupt or incompetent municipal officials. This power has never been exercised save on the clearest proof of corruption or of incompetence. ... It is not a power with which it would be safe ....*’ [711];

(247) ‘*It is the story of a new world that became a friend and liberator of the old, a story of a slave-holding society that became a servant of freedom, the story of a power that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer*’ [627];

(248) ‘*No evil force on Earth can match the noble power and righteous glory*

of the American warrior. I have no doubt that the young men and women before me today will add your names to this eternal chronicle of American heroes. You will go forth from this place adored by your countrymen, dreaded by your enemies, and respected by all throughout the world. Someday, generations of future West Point cadets will study your legacy. They will know your deeds, they will celebrate your triumphs, and they will proudly follow your example' [732].

В структуре концепта выделяются пять концептуальных уровней, образованных иерархично подчиненными признаками, которые были выделены на основе архисем и дифференциальных сем [463, с. 20], которые формируют значение концепта POWER. Выделенные сегменты концептуальных признаков соответствуют основным сферам-источникам, которые служат базой для концептуализации. Эти сегменты и далее подразделяются на микросегменты – нижние уровни структурирования фреймовой структуры.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что контекстная модель семантического пространства концепта POWER в английском языке является более распространенной, чем прототипическая модель семантического пространства исследованного концепта.

Семантические отношения первого уровня (I) структуры концепта могут быть описаны при помощи фреймов разных типов.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта POWER структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: 1. Таксономический фрейм представляет отношения категоризации: НЕЧТО-индивид есть НЕЧТО-вид/роль: POWER есть НЕЧТО (*CONTROL*), (*ABILITY*), (*AUTHORITY*), (*COUNTRY*), (*INFLUENCE*).

На втором уровне (II) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций таксономического и посессивного фреймов: 1. НЕЧТО (*CONTROL*) есть НЕЧТО (*SUPERVISION*), НЕЧТО (*ABILITY*) есть НЕЧТО (*A LEVEL OF SKILL OR INTELLIGENCE*), НЕЧТО (*AUTHORITY*) есть НЕЧТО (*OFFICIAL PERMISSION*),

(POLITICAL / SOCIAL ORGANIZATION), (KNOWLEDGE), (OFFICIAL POSITION), (EXPERT), НЕЧТО (COUNTRY) есть НЕЧТО (GOVERNMENT), (LAWS), НЕЧТО (INFLUENCE) есть НЕЧТО (EFFECT); 2. Посессивный фрейм демонстрирует связь НЕЧТО владелец имеет НЕЧТО часть. Отношения в этом типе фрейма определяется как ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ: НЕЧТО (*POLITICAL AND SOCIAL ORGANIZATION*) есть НЕЧТО (*BODIES OF POWER*), (*FUNCTIONS*), (*IDEOLOGY*), (*SYMBOLS*).

На третьем уровне (III) фреймовая модель также структурируется пропозициями предметного и таксономического фреймов: 1. НЕЧТО (CONTROL) есть ТАКОЕ (*POLITICAL*), (*NON-POLITICAL*), НЕЧТО (*AUTHORITY*) есть ТАКОЕ (*LIMITING*), (*MANAGING*), 2. НЕЧТО (*BODIES OF POWER*) есть НЕЧТО (*SUBJECTS OF POWER*).

На четвертом уровне (IV) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций акционального, посессивного, таксономического и предметного фреймов: 1. В акциональном фрейме несколько предметов, которые являются участниками события, наделяются аргументными ролями. Отношения между предметами, наделенными аргументными ролями, определяются действием агенса / каузатора и представлены глаголами *действует* или *делает*.

1. Слот предметного фрейма КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) есть ТАКОЙ (MOTIVATED BY AN EGOCENTRICALLY OR SOCIO-CENTRICALLY DIRECTED URGENT NEED TO EXERCISE POWER) представляет МОТИВЫ (MOTIVES) осуществление властного влияния субъектом власти и прогнозирует ЦЕЛЬ / РЕЗУЛЬТАТ (GOAL / RESULT) его действия и семантические роли объекта власти, представленные слотами акционального фрейма:

2. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) действует ради ЦЕЛИ / РЕЗУЛЬТАТА (GOAL / RESULT) общественного блага или удовлетворения собственной актуальной потребности властного влияния (SUBORDINATION, CONTROL, SUPREMACY, RULE);

3. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) действует на ОБЪЕКТА ВЛАСТИ (THE OBJECT OF POWER): пациента или бенефицианта (PATIENT OR BENEFICIARY).

Слот предметного фрейма 4. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) есть / действует ТАМ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА) (POLITICAL, FINANCIAL AND ECONOMIC, LEGAL, ADMINISTRATIVE, RELIGIOUS, MILITARY, SPIRITUAL, ADVANCED TECHNOLOGIES) или (НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА) (INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF INDIVIDUALS) представляет сферы действия субъекта власти, определяющие институциональные / неинституциональные проявления власти, и прогнозирует РЕСУРСЫ и СПОСОБЫ (RESOURCES and METHODS) осуществления власти, представленные слотами акционального фрейма:

5. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) действует с помощью ИНСТРУМЕНТА (INSTRUMENT): институциональных ресурсов (POWERS, SOVEREIGNTY, LEGAL RIGHTS, PRIVILEGES, ADVANTAGES) или неинституциональных ресурсов (AUTHORITY, PROFESSIONALISM, CHARISMA, SEXUALITY, POPULARITY);

6. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT OF POWER) действует ТАК, используя СРЕДСТВА (MEANS) осуществления власти: институциональные (INFLUENCE, SUBMISSION, CONTROL, SUPREMACY, RULE) и неинституциональные (PERSONAL PROPERTY OF INDIVIDUALS).

На пятом уровне (V) иерархической структуры фреймовая модель расширяется и структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма, который представляет аргументные роли субъектов и объектов власти:

7. КТО-ТО (AGENT), (THE SUBJECT / OBJECT OF POWER) есть КТО-ТО (ROLE): институциональная (A POLITICIAN, A BUSINESSMAN, AN OFFICIAL, A SCIENTIST, AN ADMINISTRATOR, AN AVERAGE INDIVIDUAL) или неинституциональная (AN AVERAGE INDIVIDUAL /

MAN IN THE STREET).

Результаты исследования 2000 контекстов АПД, в которых актуализируются признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POWER имеет неоднородный характер. Сегменты CONTROL (49%) и AUTHORITY (32%) находят свою реализацию в большем количестве контекстов АПД XX в., в то время как в начале XXI в. на первый план выходят вербализаторы сегментов COUNTRY (51%) INFLUENCE (38%), что может быть объяснено изменением роли государства на мировой арене, новыми вызовами, диктуемыми законами времени, развитием средств массовой коммуникации, появлением числа спорных вопросов и областей, где интересы мировых держав могут столкнуться:

Самым разветвленным по семантике является сегмент AUTHORITY, который насчитывает 12 признаков исследованного концепта, что составляет 39% от общего количества признаков концепта. В результате проведенного исследования зафиксированно, что наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент **political / non-political leadership** (9%), который насчитывает 8 признаков.

Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент **political and social organizations** (7% / 10%), в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки *functions* (6% / 9%), *ideology* (4% / 5%), *limiting / managing factors* (3% / 4%). Власть как в абстрактном смысле, так и в значении «конкретные представители власти» нередко выступает в качестве объекта осмысления, интерпретации и критики в АПД XX – начала XXI веков.

Наиболее представленным в количественном плане, и одним из важнейших по семантике и значимости в представленных контекстах является микросегмент **supremacy** (12% / 14%). Семантический признак, который объективирует этот сегмент свидетельствует о том, что для АПД XX – начала XXI веков наиболее важными представляются семантические

признаки «власть как господство, полномочия», «власть как сила / мощь», «власть как могущественная держава».

Сегмент ABILITY (2,5%), представленный микросегментами *skill, capacity, competence*, несмотря на меньшую количественную характеристику вербализаторов, оказывается весьма значимым для АПД XX – начала XXI веков, т. к. власть является способностью и возможностью осуществлять свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки сопротивлению, что находит свое выражение на уровне языковых значений, актуализирующих данный концепт.

Образно-ценностный компонент концепта POWER реализуется в АПД XX – начала XXI в. при помощи разнообразных разноуровневых языковых средств. Среди основных языковых средств реализации концепта STATE доминируют лексические средства (82%). Синтаксические средства составляют (18%). Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POWER представлена в табл. 3.14.

Как свидетельствуют данные табл. 3.14, образная интерпретация концепта POWER интенсивно осуществляется при помощи задействования механизма метафоры (43% / 43,5%). Образно-ценностный компонент концепта POWER высвечивает символические смыслы, как непосредственно самого феномена власти, так и его отдельных элементов.

Метафорическая актуализация дискурсообразующего концепта POWER представляет власть как способность, право и возможность, решающим образом влиять на деятельность и поведение людей посредством воли, авторитета, права, насилия; народ как единственный источник государственной власти; президента как символа и гаранта единства народа и государственной власти, объединяя концепты POWER, STATE, POLITICS и PEOPLE в единое целое.

Структурные метафоры, которые дают «возможность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [244, 61], доминируют при актуализации концепта POWER в АПД XX –

начала XXI веков. В АПД метафоры такого типа употребляются для выражения эмоционально-оценочной и прагматической функции (см. таблица 3.15).

Таблица 3.14

**Количественная характеристика средств вербализации
образно-ценностного компонента концепта POWER
в АПД XX – начала XXI веков**

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. КОЛ-ВО	%	абс. КОЛ-ВО	%
<i>Лексические</i>				
1. Метонимия	68	11%	57	10%
2. Фразеологизм	42	7%	48	8,3%
3. Эпитет	39	6%	34	6%
4. Сравнение	21	3%	19	3,3%
5. Термин	15	2,4%	17	3%
6. Эвфемизм	7	1%	8	1,4%
<i>Синтаксические</i>				
7. Семантический повтор	59	9,3%	52	9%
8. Синтаксический параллелизм	48	7,5%	43	7,5%
9. Сложноподчиненные предложения	34	5,3%	29	5%
10. Отрицательные предложения	29	4,6%	18	3%
<i>Другие</i>				
13. Концептуальная метафора	275	43%	250	43,5%
ВСЕГО:	637	100%	575	100%

Принимая во внимание данные, приведенные в таблице 3.15, следует заметить, что метафорическая модель POWER is POLITICS является актуальной в АПД XX – начала XXI веков, наиболее ярко представлена в речах Дж. Ф. Кеннеди, Р. Рейгана, Д. Трампа.

**Количественная характеристика основных типов структурной КМ,
представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER
в АПД XX – начала XXI веков**

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX ст.	Частотность употребления в АПД XXI ст.
1.	POWER is POLITICS	38%	40%
1.	POWER is DEMOCRACY	23%	24%
2.	POWER is ACTION	12%	8 %
3.	POWER is PATRIOTISM	10,5%	9,5%
4.	POWER is FREEDOM	7,5%	5,5%
5.	POWER is STRUGGLE	–	3,5%
6.	POWER is HUNT	3%	2%
7.	POWER is SCIENCE	2,5%	1,5%
8.	POWER is GAMBLING	1,5%	4,4%
9.	POWER is CRIME	1,8%	1,5%
10.	POWER is DIGNITY	0,2%	0,1%
	ВСЕГО:	100%	100%

Историческая роль США, по мнению 35-го президента, Дж. Ф. Кеннеди, состоит в защите демократии, человеческих прав, мира, свободы и порядка, что не мешает адресанту использовать милитарную метафору на фоне традиционной оппозиции для АПД «Свой-Чужой» для реализации метафорической актуализации **POWER is POLITICS**:

(249) *'The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe – the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God. We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans – born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage – and unwilling to witness or*

permit the slow undoing of those human rights to which this nation has always been committed, and to which we are committed today at home and around the world' [699]

Холодная война (Cold War) между СССР и США, не признанная в международно-правовом смысле, представляла собой глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние с 1946 г. до конца 1980-х гг. Одной из главных составляющих конфронтации была идеологическая борьба между двумя сильнейшими державами СССР и США за доминирующее положение в мировом общественном мнении и политической сфере.

Внешняя политика Р. Рейгана (англ. Reagan Doctrine) поддерживала движения, выступающие за свержение просоветских и прокоммунистических режимов в странах третьего мира – в Азии, Африке, Центральной Америке. В результате проводимой политики в Афганистане, Анголе, Никарагуа шли гражданские войны, которые могут рассматриваться как опосредованные войны в рамках холодной войны.

Таким образом, большинство речей Р. Рейгана, правление которого приходится на 80-е годы XX в. (20.01.1981–20.01.1989) содержат милитарную метафору как средство достижения интенции, а именно убеждение аудитории в правоте и необходимости проводимой страной международной политики, идущей на конфронтацию с противниками:

(250) *'When we met in Detroit in that summer of 1980, it was a summer of discontent for America around the world. Our national defense had been so weakened, the Soviet Union had begun to engage in reckless aggression, including the invasion and occupation of Afghanistan. The U.S. response to that was to forbid our athletes to participate in the 1980 Olympics and to try to pull the rug out from under our farmers with a grain and soybean embargo. And in those years, on any given day, we had military aircraft that couldn't fly for lack of spare parts and ships that couldn't leave port for the same reason or for lack of a crew'* [692].

Д. Трамп в большинстве своих выступлений, принадлежащих к разным жанрам АПД подчеркивает важность применения власти / государственной силы / полномочий как проводимой внешней и внутренней политики государства:

(251) *'Each day since, we have gone forward with a clear vision and a righteous mission—to make America great again for all Americans. Over the last year, we have made incredible progress and achieved extraordinary success. We have faced challenges we expected, and others we could never have imagined. We have shared in the heights of victory and the pains of hardship. We endured floods and fires and storms. But through it all, we have seen the beauty of America's soul, and the steel in America's spine. Each test has forged new American heroes to remind us who we are, and show us what we can be'* [728]

Метафорическая модель **POWER is DEMOCRACY** является наиболее продуктивной в АПД как XX, так и XXI в., в наибольшем количестве примеров выражается такими ЛЕ как *people, judgement, government, govern, control, success, the head, the country, arsenal*, что подчеркивает стремление американского народа к демократии и свободе:

(252) *'I am sometimes very much interested when I see gentlemen supposing that popularity is the way to success in America. The way to success in this great country, with its fair judgments, is to show that you are not afraid of anybody except God and his final verdict. If I did not believe that, I would not believe in democracy. If I did not believe that, I would not believe that people can govern themselves. If I did not believe that the moral judgment would be the last judgment, the final judgment, in the minds of men as well as the tribunal of God, I could not believe in popular government. But I do believe these things, and, therefore, I earnestly believe in the democracy not only of America but of every awakened people that wishes and intends to govern and control its own affairs'* [739];

(253) *'We must be the great arsenal of democracy'* [716];

(254) '*I was the **head of a major country***' [732].

Структурная метафора **POWER is ACTION** акцентирует внимание на факте существования и функционирования сильного государства, умеющего нанести удары оппонентам и врагам, будь то в военном, экономическом или социальном плане:

(255) '*... and that **America will come into the full light of the day when all shall know that she puts human rights above all other rights and that her flag is the flag not only of America but of humanity***' [716];

(256) '*The Transpacific-Partnership would be **the deathblow for American manufacturing**. ... Not only will the TPP undermine our economy, **but it will undermine our independence***' [716]

ЛЕ *the deathblow* (смертельный удар), может быть отнесена к вербализаторам концепта WAR. Соответственно, в данном случае мы имеем дело с социоморфной моделью политической метафоры.

Использование данной метафоры обуславливается намерением говорящего в красках описать опасность данного партнёрства для экономики США. ЛЕ *undermine* (подорвёт) указывает на криминальную, либо милитарную метафору. Президент использует её, чтобы как можно ярче проиллюстрировать тот факт, что последствия Транстихоокеанского партнёрства могут стать разрушительными для экономики и независимости государства:

(257) '*We will **drain the swamp in Washington D.C.***' [716].

В данном примере президент прибегает к использованию натуроморфной метафоры, в центре которой находится ЛЕ *swamp* (болото), чтобы охарактеризовать политическую ситуацию, сложившуюся в Вашингтоне. «Болото» предстает как символ стагнации, распада и гибели. Ассоциируемое с болотом физическое разложение становится олицетворением разложения духовного.

Болото, как переходная зона между сушей и водой, является одним из пограничных объектов и рассматривается как место обитания нечистой силы. В целом, в связи с символикой стихий, болото предстает как элемент

ландшафта, в котором ощущается недостаток двух активных (воздуха и огня) и избыток двух пассивных начал (воды и земли). Президент обещает «осушить» это болото, т.е. подразумевает, что при его власти вся сложившаяся ситуация будет под контролем и политические проблемы начнут незамедлительно улаживаться.

Еще одна метафорическая модель **POWER is PATRIOTISM** является основополагающей в АПД как XX, так и XXI в., т.к. согласно ведущей идеологии государства США, чувство гордости и патриотизма присутствует в каждом гражданине, проживающем как на территории страны, так и зарубежом, если он родился американцем в Соединенных Штатах. В XX в. данная модель находит свое выражение с помощью таких ЛЕ, как *patriotic, patriotism, party, frontier*, а в XXI в. – *support, deal with, conquer, party, patriot, freedom, homeland, America, Americans*:

(258) *'It is **the dictate of patriotism** to sacrifice yourself if you think that it is path of honor and of duty ... by not selling your soul'* [736];

(259) *'**Patriotism is about supporting your country, not the president or other officials**'* [716];

(260) *'We are **the Party** – We are **the Party of the New Freedom, the New Deal, and the New Frontier**'* [716];

(261) *'The most urgent threat that he'll have **to deal with**, and other Presidents after him will have **to deal with**, is an attack on our **homeland**. You know, I wish I could report that's not the case, but there's still an enemy out there that would like to inflict damage **on America – Americans**. And that will be the major threat'* [716].

Структурная метафора **POWER is FREEDOM** ярко представлена в АПД XX – начала XXI веков и подчеркивает силу духа американского народа и долгую борьбу американского народа за независимость.

В дискурсе США эта модель ставит знак равенства между понятиями свобода и единство, т.к. государство не может существовать и быть независимым без единства и сплоченности его граждан.

Данная метафора представлена в XX в. такими ЛЕ, как *free, the right, come under attack, act*, а в начале XXI в. – *power, strength, new ideas, stand down, unite*:

(262) *'Freedom and the dignity of the individual have been more available and assured here than in any other place on earth'* [687];

(263) *'Our very freedom came under attack in a series of deliberate and deadly terrorist acts'* [716];

(264) *'America has stood down enemies before, and we will do so this time'* [716];

(265) *'But our greatest strength is the power of our ideas, which are still new in many lands'* [716].

Метафорическая модель **POWER is STRUGGLE** демонстрирует пример того, что получение независимости в США понимается как борьба со злом на всех уровнях государственности. Данная модель обнаруживается только в АПД начала XXI в., так как речь идёт в первую очередь об угрозе террористических актов, которые рассматриваются как разрушительная сила, несущая прямую угрозу государственности США:

(266) *'These acts of mass murder were intended to frighten our nation into chaos and retreat. But they have failed. Our country is strong. ...Today, our nation saw evil – the very worst of human nature – and we responded with the best of America'* [716].

Структурная метафора **POWER is DIGNITY** часто встречается в АПД XX – начала XXI в. среди женщин политиков, которые борются за свои права. Особенно остро эта тема поднимается в отношении прав и достоинств афроамериканского населения:

(267) *'Every woman deserves the chance to realize her own God-given potential. But we must recognize that women will never gain full dignity until their human rights are respected and protected'* [716].

Онтологические метафоры образуются через обращение человека с материальными объектами, включая способы восприятия событий, эмоции,

идеи и т. п. Данный вид метафоры имеет ограниченный список целей, к которым относят «отсылку к номинации», «количественную оценку», «определение причин», «определение целей и мотивация действий [242]. Следует заметить, что метафоричность большинства таких метафор не осознается.

В АПД XX – начала XXI веков выделяем следующие модели онтологических метафор (см. табл. 3.16).

Таблица 3.16

Количественная характеристика основных типов онтологической КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX-начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	POWER is WISH	23%	25%
1.	POWER is TROPHY	18%	17,5%
2.	POWER is ARTIFACT	15,5%	16,5%
3.	POWER is A HUMAN BEING	14,5%	16%
4.	POWER is CONTAINER	7%	5,5%
5.	POWER is GOOD/EVIL	6,5%	3,5%
6.	POWER is DESTINATION	5%	6%
7.	POWER is NATURAL PHENOMENON	4,5%	5%
8.	POWER is PLANT	2,8%	1,8%
9.	POWER is BEAST	1,2%	1,5%
10.	POWER is TREASURE	1,8%	2,2%
11.	POWER is ENERGY	0,2%	0,5%
	ВСЕГО:	100%	100%

Метафорическая модель **POWER IS A HUMAN BEING** является одной из наиболее продуктивных онтологических моделей. В АПД XX в. власть страны показана в образе ребёнка, о котором нужно заботиться, которого нужно любить и помогать, в инаугурационной речи Б. Клинтона, а в выступлении Дж. Ф. Кеннеди образ страны и власти показан через образ молодых политиков, которые, дословно «красуются демократическими

мышцами» на международной арене. Представленная модель выражена следующими ЛЕ: *nation, family, diplomats, economy, to flex muscles*:

(268) '*We must provide for our Nation the way a family provides for its children*' [642];

(269) '*Such developments reflect, too, a generational change in America's highly professional foreign service: older diplomats are giving way to younger ones, who feel that the world's ninth-largest economy should be less shy of flexing its democratic muscles*' [716].

Ориентационные метафоры связаны в большинстве случаев с ориентацией в пространстве, что обусловлено постоянным взаимодействием человека с окружающим миром. Актуальные метафорические модели ориентационной метафоры в АПД XX – начала XXI в. представлены в таблице 3.17.

Таблица 3.17

Количественная характеристика основных типов ориентационной КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX – начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	POWER is UP	48%	52%
1.	POWER is DOWN	12%	18%
2.	POWER is INSIDE	36%	22%
3.	POWER is OUTSIDE	4%	8%
	ВСЕГО:	100%	100%

Метафорическая модель **POWER IS UP** подчеркивает факт того, что сильные, умные люди находятся во главе государства и являются источником государственной власти и мощи. Следует заметить, что эта модель также описывает внутренние экономические процессы страны, которые развиваются более чем стремительно:

(270) *'The forces that tend for evil are great and terrible, but the forces of truth and love and courage and honesty and generosity and sympathy **are also stronger than ever before**'* [716];

(271) *'We have the Senate, we have the White House, and we have a phenomenal nominee, respected by all **top, top academic** – good in every way, good in every way. ... We have **the military all set up** – logistically, they're all set up'* [716].

Особое внимание в этой фразе привлекает ЛЕ *top* (верх, вершина, максимальный, первый), которая в данном случае употребляется для описания кандидата в президенты и показывает его как «лучшего из лучших, наисильнейшего». Интересным представляется употребление фразового глагола *to set up* и его метафорическое переосмысление в цитируемой фразе, в которой описывается военная мощь государства и показано её могущество:

(272) *'Our economy's **going up fast**'* [716].

В данном примере употребления фразового глагола *to go up* подчеркивает рост экономики страны, что, конечно же, благоприятно сказывается на имидже действующего президента.

Метафорическая модель **POWER is INSIDE** антонимична идее движения вверх и рассматривается в АПД XX – начала XXI веков в таких примерах как *under a free government, under wise policy, under our system, under Republic, under the Constitution, under the will of law, under the rule of just God, under my constitutional duty*.

Таким образом, выражается позиция подчинения, однако с помощью таких оборотов президенты располагают к себе народ и добиваются положительного эффекта в народных массах, общность их целей и интересов:

(273) *'Now we're **standing inside this symbol of our democracy**, and we see and hear again the echoes of our past'* [716];

(274) *'Under democratic methods of government national wealth can be translated into a spreading volume of human comforts hitherto unknown,*

and the lowest standard of living can be raised far above the level of mere subsistence' [716];

(275) *'I am prepared **under my constitutional duty** to recommend the measures that a stricken nation in the midst of a stricken world may require*' [642].

Рассмотрев особенности метафорической актуализации образно-ценностного компонента концепта POWER, констатируем, что наиболее многочисленную группу конвенциональных метафор в АПД как XX, так и XXI в. представляют онтологические метафоры с такими сферами источниками как неспецифицированный объект (предмет желания, трофей), материальный объект / феномен / артефакт (механизм, транспорт, здание, инструмент), контейнер, пункт назначения, живое существо.

Второе место по количеству употреблений в АПД XX – начала XXI веков занимают структурные метафоры, причем если в XX в. доминирующей является метафорическая модель POWER is DEMOCRACY, то в XXI в. появляется новая модель, не характерная для XX в., POWER is STRUGGLE, а наиболее актуальной является метафорическая модель POWER is POLITICS, что может быть объяснено всеобщей политизацией современного общества, а также тем фактом, что данная метафора отражает важнейший элемент политического сознания нации, обладает большой генеративной силой, в том плане, что вокруг данной модели концентрируется обширная смысловая область, связанная с пониманием власти и политики в современном англо-американском сообществе.

Анализ сфер источников метафорической экспансии показал, что наименее типичными и частотными для АПД XX – начала XXI в. являются ориентационные метафоры для актуализации образно-ценностного компонента концепта POWER, что может быть объяснено содержанием и характером данного вида метафоры, представляющей пространственную ориентацию человека в окружающем мире, с типичными оппозиционными противопоставлениями типа «верх-вниз», «вперед – назад» и т. п.

Следующим наиболее употребительным языковым средством, представляющим образно-ценностный компонент концепта POWER, является **метонимия** – совмещение понятий в слове, когда выражение понятия осознается как вторичная ономаσιологическая функция слова, уже «занятого» другим понятием [301, с. 160].

На концептуальном уровне базой для такого тропа, как метонимия, является совместная активация абстрактных концептов типа ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА-РЕЗУЛЬТАТ, служащие моделированию фундаментальных перцептивных инвариантов когниции и выступающие теми топологическими константами, которые организуют взаимодействие человека с окружающей средой [184, с. 186].

Метонимия в АПД XX – начала XXI веков концептуализирует власть через такие артефакты-символы, как руль, трон, корона, а также такие части тела, как рука, большой палец руки, пята, репрезентирующие ресурсы субъекта власти, и уши, колени, ноги, волосы, представляющие атрибуты объекта власти, напр. *to snatch the wheel, to mount / to ascend / to accede / to succeed to the throne, to seize / to wear the crown, hidden hand, hand that rocks the cradle, the hand that holds the money, to get the power into one's hands, to have / to give / to get / to hold the whip hand, to have / to take / to keep hand in, to capture in the palm of one's hand, to have eating out of one's hand, to keep somebody under one's thumb; to bring to heel, to have the ear of / to have somebody's ear bent, to have one by the short hair, to bring to one's knees*, например:

(276) *'It is the story of a new world that became a friend and liberator of the old, a story of a slave-holding society that became a servant of freedom, **the story of a power** that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer'* [627].

Благодаря использованию **фразеологизмов** и **эпитетов** в АПД XX – начала XXI веков повышается выразительность изложения информации, ее образность. Наиболее частотными являются такие ФЕ, относящиеся к

номинативно-коммуникативному типу, как *to usurp power, be in power, to come to power, to seize power, to stay in power*, номинативные, напр. *road to power* (путь к власти), *the power behind the throne, a power in the land, the powers that be, elusiveness of power, source of power, hunger for power* и коммуникативные: *all power corrupts, (and absolute power corrupts absolutely)*:

(277) '*No evil force on Earth can match **the noble power and righteous glory** of the American warrior*' [732].

Характерным признаком АПД на обозначение концепта POWER является употребление **терминов**, слов, которыми обозначают новые понятия, возникающие в результате развития науки, техники, искусства.

Термины, как правило, лишены эмоционального значения, хотя в отдельных случаях могут приобретать конкретную экспрессивную окраску, напр.: *soft power* обозначает власть, которая влияет на такие сферы жизни, как культура, определенные ценности, идеология и тому подобное, однако представляет это завуалировано.

Еще одним примером служит ЛЕ *hyper-power*, обозначающая супердержаву. Однако отметим, что данный термин – это «обновленная» версия ЛЕ *superpower*, появившейся в 1944 году в одноимённой книге У. Фокса применительно к странам «Большой тройки» [467]. Понятие получило широкое распространение после того, как в 1964 году китайский лидер Мао Цзэдун употребил его во время беседы с делегацией Социалистической партии Японии применительно к своей теории «Трёх миров». Он обвинил СССР в том, что тот «вступил в сговор с США за мировое господство», назвав обе страны сверхдержавами, которые обладают такой военной и экономической мощью, как все остальные страны мира, вместе взятые, и проявляющие «невиданные в мировой истории агрессивные устремления». Маоистское понятие о сверхдержаве нашло понимание в работах Г. Киссинджера, С. Козна и З. Бжезинского. По мнению последнего, существует 4 фактора, которые необходимы для признания

государства сверхдержавой: военный, экономический, научно-технический и культурный [467].

Среди наиболее продуктивных средств вербализации концепта POWER следует также отметить семантический повтор, например:

(278) '*... the only **power** over them possessed by the insular government being that of removing corrupt or incompetent municipal officials. This **power** has never been exercised save on the clearest proof of corruption or of incompetence. ... It is not a **power** with which it would be safe ....*' [711].

Анализ количественных подсчетов позволяет сделать вывод, что наиболее многочисленным средством представления концепта POWER является КМ (43% / 43,5%), метонимия (11% / 10%), фразеологизмы (7% / 8,3%), эпитеты (6% / 6%). Приблизительно равное количественное соотношение характерно для таких языковых способов на лексическом уровне, как сравнение (3% / 3,3%), термин (2,4% / 3%), на синтаксическом уровне – семантический повтор (9,3% / 9%), синтаксический параллелизм (7,5% / 7,5%). Периферийным языковым способом на лексическом уровне является эвфемизм – (1% / 1,4%), на синтаксическом уровне – отрицательные предложения (4,6% / 4,3%) (см. табл. 3.9).

Проведенный анализ особенностей реализации понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов концепта POWER свидетельствует о том, что границы данного концепта существенно расширяются в АПД XXI в. Также этот концепт приобретает новые значения в силу актуальности на современном этапе развития американского общества, где властью наделяется не только правительство, но и народ, а военная мощь и традиционные ценности нации являются главными условиями эффективной власти.

3.7 Национально-маркированные концепты американского политического дискурса и их языковая репрезентация в XX – начале XXI веков

Опорными элементами для изучения и осознания менталитета этноса могут быть концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека [375, с. 41]

С точки зрения когнитивных позиций определяем политику как микроконцептосферу (далее МК) – когнитивный конструкт, образованный на почве взаимодействия концептов, который соотносится с соответствующим участком языковой семантики как части концептосферы, реализованной с помощью языковых знаков. Представления, понятия о политической деятельности формируются под воздействием разнообразных факторов, среди которых важную роль играет лингвальное воплощение концептов, в частности их лексическое выражение [393].

МК POLITICS как фрагмент ККМ американцев, ее репрезентация в ЯКМ выступает как когнитивно-дискурсивное образование, которое рождается в процессе продуцирования смыслов в дискурсивном пространстве и вмещает, с одной стороны, индивидуальный опыт человека, основанный на собственной теории и практике, а с другой – коллективное знание, ценности, нормы и правила, регулирующие его поведение как члена социума, а также как члена социальной группы (отдельной ячейки общества) [393]. МК POLITICS – иерархически организованная открытая группировка концептов, которая воспроизводит политическую и социальную сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Анализируемая МК, ее структурные единицы – домены выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, которые стоят за физическим телом языковых знаков, используемых в коммуникации [393].

Концепт POLITICS, под которым понимаем сложную, динамическую структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную

единицу человеческого сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение, является дискурсообразующим концептом МК POLITICS, вокруг которого группируются другие концепты, представляющие разнообразные виды и направления деятельности, связанной с политикой во всех ее проявлениях и представлениях и, в свою очередь, формирующие свои собственные МК.

Одним из ключевых концептов в АПД XX – начала XXI веков является концепт POWER, который может рассматриваться как универсальный дискурсообразующий концепт, так и национально-маркированный концепт, поскольку борьба за власть составляет сущность политической деятельности, присущей тому или иному государству, согласно правил, сложившихся в определенном лингвокультурном сообществе, а также концепты субъектов политики, такие как POLITICIAN, PRESIDENT, SENATOR, CONGRESSMAN, NATIONALITY, FREEDOM, LIBERTY, SOCIETY, PARLIAMENT, CONGRESS, SENATE, CONSTITUTION.

Сам феномен власти получает различную трактовку: или как власти свободного народа, или как власти господствующего класса, или как власти элит, или как поля, пронизывающего все виды взаимодействия людей. Начиная с середины 30-х годов XX века политика в США все более и более отождествляется с феноменами власти и мирового господства. Ориентация на это, а также на изучение воли к власти, мотивации любых форм деятельности структурой властных отношений выражает собой те изменения, которые произошли в социально-политической и экономической реальности в XX в. Именно в XX в. наблюдается проникновение политики, отождествляемой с властью, во все сферы жизни. Вместе с определением и отождествлением политики и власти происходит ее тотализация, т. е. распространение на все области человеческой жизни – от семьи до государства, когда все становится политическим.

Выделяются концепты политических систем и форм государственности, а именно, GOVERNMENT, EMPIRE, COUNTRY, STATE, ISLAND, несущие

основные понятия и представления о видах, способах и особенностях государственного устройства, общенационального желания и стремления построить государство на демократических основах.

Государственную идеологию представляют концепты политической ориентации DEMOCRACY, SOCIALISM, LIBERALISM, COMMUNISM, RADICALISM, EXTREMISM, лежащие в основе социокультурной дифференциации ПД.

К политической аксиологии относят концепты политических ценностей, среди которых доминирующую роль в АПД играют такие, как DEMOCRACY, EQUALITY, FAIRNESS, FREEDOM, LIBERTY, PATRIOTISM, NATIONALISM, INTERNATIONALISM.

Актуализация представленных выше концептов, действительно, проходит достаточно полно в АПД XX – начала XXI веков.

Как национально-маркированные (национально-специфичные или национально-специфические) принято определять концепты, которые не имеют эквивалентов в других лингвокультурах. Для обозначения данной категории единиц лингвисты наряду с общепринятым термином предлагают различные варианты: «этноспецифические» [191, с. 32], «лакунарные» [251, с. 117], «этноцентрические» [272, с. 69–70].

О.А. Леонтович предлагает развернутое определение данных ментальных единиц: «Будучи национально-специфичными, они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освещения действительности и ее моральной оценки» [251, с. 117]

Исходя из когнитивно-дискурсивного понимания концепта как ментального состояния индивида в процессе продуцирования/интерпретации дискурса, лингвокультурные, национально-маркированные концепты определяем, как единицы ментальных ресурсов индивидуального сознания, которые представляют личностную интерпретацию усвоенного и приобретенного в процессе социализации социокультурного опыта,

связанного с трактованием феномена политики, социализации и культуры в англо-американском лингвокультурном социуме.

Следует отметить, что национально-маркированные концепты, образующие основу общественно-политических институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область и являются основными ментальными единицами, формирующими языковую и концептуальную картины политического мира англо-американского сообщества.

Исследование текстов англоязычного политического дискурса США XX – начала XXI веков, позволило выделить и проследить частотность и динамику актуализации национально-маркированных концептов (см. табл. 3.18):

Таблица 3.18

**Актуализация национально-маркированных концептов
в АПД XX – начала XXI вв.**

Периоды Концепты	Начало XX в. (1900–1940)	Середина XX в. (1940–1970)	Конец XX в. (1970–2000)	Начало XXI в. (2000–2019)
America	+	+	+	+
American Promise	–	+	+	+
American Spirit	+	+	+	+
American Dream	+	+	+	+
Revolution	+	–	–	+
the Great Depression	+	+	–	–
Freedom	+	+	+	+
Democracy	+	+	+	+
Equality	+	+	+	+
Nationalism / Patriotism	+	+	+	+
War	+	+	+	+
Cold War	–	+	+	–
Crisis	–	+	+	+
President	+	+	+	+
the First Lady	–	+	+	–
Prosperity	+	+	+	+
Feminism	–	+	+	+
Security	+	+	+	+
Terrorism	–	–	+	+

АПД XX – начала XXI веков является контекстом вербализации КС американцев, а именно граждан США, которая может быть представлена как многоуровневый конструкт со сложной структурой, содержащий понятия, представления и ассоциации этноса о мире разного уровня категоризации, в том числе универсальные дискурсообразующие и национально-маркированные концепты. Последние отражают особенности этнического мировоззрения и создают различные лакуны. Некоторые универсальные концепты, например, FREEDOM, DEMOCRACY, EQUALITY, PROSPERITY могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая, таким образом, национальную специфику.

Национально-маркированные концепты в АПД XX – начал XXI веков могут быть представлены в виде конгломерации концептов, создающих свою собственную МК как часть политической КС, так, например, МК AMERICA включает такие концепты как AMERICANS, WE, US, STATES, UNITY, POWER, NATION, PEOPLE, INDIVIDUALISM, DOMINANCE, MESSIANISM, которые на вербальном уровне могут быть представлены в виде ЛСП, в которых ядро представляют ЛЕ *Americans, we, us, States, unity, power, nation, people, individualism, dominance, messianism, etc.*

Данная МК реализуется в языке благодаря универсальным бинарным оппозициям, которые представлены лексемами: “*we-they*” (свой-чужой), “*war-peace*” (война-мир), “*death-life*” (смерть-жизнь), “*evil-good*” (добро-зло).

АПД, как сложное социокультурное явление, формировался в условиях сложных исторических преобразований. С самого начала его определяли стремление к равным возможностям, мечты об идеалистической жизни в Новом свете, а также вера в исключительность американского народа. Все это нашло отражение в так называемой американской мечте, а также тесной связи дискурса с религией.

Концепт AMERICAN DREAM доминирует в президентских публичных выступлениях и олицетворяет схожие понятия и, даже если и не явно, но

присутствует в речи в виде смелого упоминания *'Founding promise'* равенства и возможностей:

(280) *'I believe we can keep **the promise** of our founding - the idea that if you're willing to work hard, it does not matter who you are, or where you come from, or what you look like, or where you love – it does not matter whether you're black or white, or Hispanic or Asian, or Native American, or young or old, or rich or poor, abled, disabled, gay or straight – you can make it here in America if you're willing to try'* [716].

Особое значение в формировании КС этноса играют ценности. Важными факторами, которые повлияли на формирование американской ценностной системы и создали ее оригинальность – это географическое положение, история колониальных войн, первая и вторая мировые войны, «космическая гонка» и «гонка вооружений», контркультурная революция, осуществление целого ряда социальных программ, проблема расовой дискриминации и борьбы с ней, феминизм и движение за защиту окружающей среды.

ЛЕ, которые обозначают ценностные концепты, свидетельствуют о том, что изменения в системе ценностей этноса в XX – начала XXI веков были вызваны политическими, экономическими и социокультурными факторами, среди последних огромную роль сыграли отношения между мужчиной и женщиной (гендерные проблемы), моральные устои, отношение к религии и религиозным конфессиям, общественные движения и шоу-бизнес, экспансия США в мире.

Исследование текстов АПД XX – начала XXI веков свидетельствуют о том, что доминирующими в американском обществе являются ценности, отображенные лексемами PROSPERITY, NATIONALISM, PATRIOTISM, MESSIANISM, DEMOCRACY, LIBERTY, OPPORTUNITY, HOPE.

Так, например, в конце XX в., во многом из-за влияния внешней политики, а также проблем во внутренней политике США, концепт DEMOCRACY использовался президентами не только для обозначения превосходства данной системы, а также для определения демократического

пути развития как единственного возможного для выстраивания сильного и крепкого государства будущего.

Ярким примером может служить инаугурационная речь Б. Клинтона:

(281) *'Our democracy must be not only the envy of the world but the engine of our own renewal. To renew America, we must revitalize our democracy'* [642].

В данной речи президент видит демократию как единственное спасение и одновременно главную цель, к которой нужно стремиться для того, чтобы создать мощное и стойкое государство. Использование онтологической метафоры *'revitalize our democracy'* подчеркивает тот факт, что демократия – это живой организм, который нуждается в развитии и поддержке.

Дж. Буш-мл., следуя все еще существующему влиянию политической конъюнктуры, которая воздействовала и на его предшественника, обозначает концепт DEMOCRACY как «правильный путь», по которому США следует на протяжении всей своей истории, а также помогает стать на этот путь другим государствам:

(282) *'Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations. Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along'* [627].

Для усиления эффекта, а также чтобы подчеркнуть важность демократии, президент использует структурную метафору *'democracy was a rock in a raging sea'*.

На вербальное оформление концептов влияли различные факторы, среди которых самыми влиятельными были политическое развитие общества, экономики, мировые и колониальные войны, гонка вооружений, космическая наука, выход человека в космос, расширение сфер деятельности и источников дохода.

В современном английском языке данные национально-маркированные концепты представлены массивным корпусом единиц разных лексико-

грамматических классов, которые непосредственно называют или описывают эти концепты. Численность корпуса ЛЕ на обозначение этих концептов определяется той психофизической и социокультурной значимостью, которой отмечены сами феномены политики, власти, личности у власти (политика / президента, роль первой леди в социально-политической жизни страны), национального духа и единства, истории войн и мира, проблемы терроризма / государственной безопасности / глобализации / миграции в жизнедеятельности социума соответственно.

Национальная КС, представляющая собой совокупность МК социокультурных, политических, онтологических и аксиологических концептов, сохраняется, осваивается и обогащается каждым последующим поколением, благодаря чему ее объем и содержание непрерывно изменяются.

Мир социально-политической и культурной информации существует в объективной реальности и хранится в социальной памяти народа. На каждом историческом этапе жизни этноса различные концепты, представленные в тот или иной отрезок времени в национальной КС, имеют не одинаковую степень актуальности и рече-ментальной активности (см. таблицу 3.18).

Каждый этап истории развития общества в жизнедеятельности различных социальных групп характеризуется изменениями политической и социокультурной ситуации, и как следствие, обновлениями национальной ЯКМ и ККМ, что и является фактором детерминирования набора универсальных дискурсообразующих и национально-маркированных концептов этнического сообщества.

Выводы к главе 3

1. В XX и в начале XXI веков большое количество политических выступлений президентов США посвящены внутренней и внешней политике. Особого внимания заслуживают речи, посвященные военным действиям на территории других государств, в которых военные США принимают активное участие. Наряду с вышеуказанными темами выступлений,

в XXI веке на первый план также выдвигаются экономические и миграционные проблемы, вопросы реформирования и совершенствования сферы образования и медицины. В центре внимания политиков оказываются проблемы государственной безопасности, различные виды терроризма и способы противодействия экстремистской деятельности, кибербезопасность, проблемы защиты окружающей среды.

2. Основу концептуального пространства АПД в XX – начале XXI вв. составляют такие универсальные дискурсообразующие концепты, как POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER и национально-маркированные концепты AMERICA, FREEDOM, NATIONALISM / PATRIOTISM, DEMOCRACY, EQUALITY, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM, которые могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определенную национальную специфику. Дискурсообразующие концепты POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER являются наиболее значимыми в концептосфере АПД XX – начала XXI веков. Эти концепты являются сложными ментальными образованиями, возникающими в сознании представителей разных языковых сообществ, и характеризуются наличием понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов, актуализируемых разноуровневыми языковыми единицами.

3. Главными признаками, закрепленными в семантике номинаций концепта POLITICS в изучаемом языке и формирующим его инвариантную модель, являются признаки POWER IN PUBLIC LIFE, INFLUENCE, POLITICAL VIEWS / BELIEFS, A STATE OF POLITICAL AFFAIRS. Структура концепта претерпевает определенные трансформации в диахронии, т.е. имеет место изменение содержания концепта, его понятийно-ценностного компонента, что отражается в семантике языковых репрезентантов концепта. Концепт POLITICS является динамичным феноменом, что находит свое выражение в модификации ядерно-

периферийных элементов в структуре концепта и появлении новых значимых признаков, таких как *matters concerned with getting or using power within a particular group or organization, a person's political views or beliefs, a system of political beliefs, a state of political affairs*. Контекстуальный анализ дискурсивных реализаций концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков позволил установить тенденцию к расширению его семантического пространства. Анализ дискурсивных реализаций номинантов слова-имени концепта POLITICS в XX в. свидетельствует о том, что наиболее частотными лексическими единицами являются *politics, policy, government, administration, organization, management*. В XXI веке наибольшей частотностью характеризуются такие вербализаторы концепта, как *politics, government, administration, policy, authority*. Некоторые номинации, которые выражают концепт POLITICS, исчезают (*polity, realpolitik*) и появляются новые (*campaign, black power, white power, soft power*). Результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер. Наибольшее количество контекстов, в которых вербализуется концепт POLITICS в XX веке, актуализируют сегменты POLITICAL VIEWS / BELIEFS и A STATE OF POLITICAL AFFAIRS. В XXI веке на первый план выдвигается сегмент POWER IN PUBLIC LIFE и INFLUENCE, что находит свое непосредственное отражение в тесной связи концепта POLITICS с дискурсообразующими концептами POWER и STATE, а также национально-маркированными концептами DEMOCRACY, FREEDOM, AMERICA. Концепт POLITICS в АПД XX – начала XXI вв. вербализуется разноуровневыми языковыми единицами, среди которых наиболее продуктивными оказались фразеологизмы, терминологизмы, мифологемы, идеологемы, эвфемизмы, семантический повтор, синтаксический параллелизм. Особенности применения определенных средств связаны с прагматичной целью оказания влияния на партнера по коммуникации, подавления его воли. Наиболее

продуктивным языковым способом вербализации данного концепта как в АПД XX, так и начала XXI-го в. является концептуальная метафора, причем вербализируются в основном структурные метафоры с такими сферами источниками как POWER, WAR, THEATER, BUSINESS, PROFESSION и SPORT. Следует отметить доминирование военной метафоры на протяжении двух веков: POLITICS IS WAR, которая указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди политических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается в терминах войны со всеми и против всех, что может быть объяснено сущностью самого ПД – борьбой за власть. Концепт POLITICS является универсальным дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT.

Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концепта POLITICS и его ключевых слов в АПД, в частности выявлены важнейшие тенденции в реализации концепта в XX в., а именно актуализация таких характеристик как функции политики, структура государственного управления и виды, в то время как в XXI в. на первый план выходит власть / сила и мощь государства как залог доминирования в мировой политике, политическая система и идеология как основа государственной политики.

4. Построение концептуальной модели понятия STATE позволило определить особенности его формирования в сознании участников АПД XX – начала XXI веков. Главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта STATE в английском языке и формируют его инвариантную модель, являются country, government, official ceremony, the US. Инвариантная модель семантического пространства понятийно-ценностного компонента концепта STATE расширяется в АПД XX – начала XXI вв. с помощью признаков territory, political and social organizations, bodies

of power, functions, ideology, symbols, religion и permanent population. Наибольшее количество контекстов, которые вербализуют указанный концепт, актуализируют сегмент GOVERNMENT в АПД XX – начала XXI веков. Самым разветвленным по семантике является сегмент POLITICAL and SOCIAL ORGANIZATION. В результате проведенного исследования зафиксировано, что наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент bodies of power. Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент internal functions, в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки science, education. Наиболее представленным в количественном плане и одним из важнейших по семантике и значимости в представленных контекстах является микросегмент external functions. Периферийным является сегмент OFFICIAL CEREMONY, представленный микросегментами national symbols и religion. Концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков чаще всего вербализуется, именами собственными, метонимиями метафорами, идеологемами, мифологемами, семантическими повторами, синтаксическим параллелизмом, анафоро. Наиболее продуктивным языковым средством вербализации концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков является структурная когнитивная метафора с такими продуктивными метафорическими моделями, как STATE is CONTROL, STATE is SECURITY, STATE is DEMOCRACY. Второе место по количеству употреблений в дискурсе принадлежит онтологической метафоре со сферами источниками «Человек» и «Механизм». Анализ вербализаторов концепта STATE позволяет констатировать его тесную связь как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, PEOPLE, так и с национально-маркированными DEMOCRACY и NATION. Таким образом, концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков представляет собой абстрактное явление,

отличающееся динамикой когнитивных признаков и разнообразием лингвистической детализации и интерпретации.

5. Главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта PEOPLE и формируют его инвариантную модель в английском языке, являются признаки INDIVIDUALS, GENERAL PUBLIC, CITIZENS, RACE, COMMONERS, SOCIAL CLASS, POLITICAL SUBJECT / OBJECT, RELATIONS, FAMILY. Расширение инвариантной модели происходит за счет актуализации признаков general public, political subject / object, family, что свидетельствует о значимости вышеуказанного понятия в концептосфере АПД XX – начала XXI веков. Сложный характер семантической организации концепта PEOPLE в английском языке обусловлен его структурой, которая включает пять концептуальных уровней, созданных иерархически взаимозависимыми признаками. Сегментная структура обусловлена тем, что народ в АПД XX – начала XXI веков понимается одновременно как социальнополитический субъект и объект, который имеет национальную принадлежность и характеризуется как определенное сообщество, объединенное характерными признаками, среди которых актуализируются физические и психофизиологические характеристики. Психофизические характеристики в АПД реализуются путем объективации чувств и эмоций, доминирующими среди которых являются чувства патриотизма, сплоченности, гордости, моральноэтического долга в XX веке, и эмоций страха и тревожности в XXI веке, что может быть обусловлено ходом исторических событий, объективной реальностью, техническим прогрессом, вызовами XXI века, изменениями в укладе повседневной и общественно-политической жизни. Доминирующие в XX веке семантические признаки large family, traditional family, extended family становятся нерелевантными в XXI веке. Также в XXI веке на первый план выходят признаки prestigious profession / occupation / jobs, residence, sexual orientation. Среди признаков эмоций важную роль начинает играть hatred и anxiety. Объективация признака hatred как в XX, так и в XXI веке обуславливается стремлением

адресанта (президента) оказать влияние на адресата (гражданское / мирное сообщество), т. е. воздействовать с целью формирования эмоционального отношения к врагам общества и государства, что коррелирует с тактикой создания образа врага на фоне оппозиции «Свой-чужой», характерной для АПД XX – начала XXI веков. Наибольшее количество контекстов, которые вербализуют концепт PEOPLE в XX в., актуализируют сегменты INDIVIDUALS и FAMILY. В XXI веке на первый план выдвигается сегмент POLITICAL SUBJECT / OBJECT и RELATIONS, что обусловлено рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеет мировоззрение людей рассматриваемой эпохи, изменения в укладе жизни и пересмотр традиционных ценностей, а также противопоставление власти и народа, личности и массы (толпы), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта PEOPLE с концептами POLITICS, POWER и STATE. Особенности вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE наблюдаются в выборе и частотности употребления языковых способов и средств актуализации этого концепта. Продуктивным является такой набор языковых средств – фразеологизмы, пословицы, поговорки, имена собственные, метонимия, эпитеты, эвфемизмы, сочетание анафоры, семантического повтора и синтаксического параллелизма, с помощью которых в АПД XX – начала XXI веков формируются адресантно-адресатные отношения и образ гражданина в социально-политической системе страны. Наиболее продуктивным способом реализации универсального дискурсообразующего концепта PEOPLE и демонстрирующего большое разнообразие типов, принадлежит КМ, причем доминируют социальные, натуроморфные и зооморфные метафоры. Важную роль, несмотря на невысокий процент частотности использования в дискурсе играют ориентационные метафоры, что подтверждает тот факт, что исследование человеком его естественных, социальных и политических условий существования осуществляется только при условии его извечной антропологизации. Продуктивными метафорическими моделями являются

PEOPLE are UNITY, PEOPLE are FEELINGS and EMOTIONS, PEOPLE are DEMOCRACY, PEOPLE are FORCE, PEOPLE are IN, PEOPLE are OUT.

Появление новых или видоизменение устоявшихся метафорических моделей обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как научно-технический прогресс, идеология и пропаганда, смена власти, международные отношения, изменения в укладе жизни лингвокультурного сообщества, влияние СМИ и общественных движений.

6. В АПД XX – начала XXI веков главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта POWER в английском языке и формируют его инвариантную модель, являются признаки control, ability, authority, country, influence. В структуре концепта определяются пять концептуальных уровней, образованных иерархически обусловленными взаимозависимыми признаками, что свидетельствует о сложно структурированной семантической организации концепта в изучаемом языке. Сегментная структура концепта POWER имеет неоднородный характер. Сегменты CONTROL и AUTHORITY находят свою реализацию в большем количестве контекстов АПД XX века, в то время как в XXI веке на первый план выходят вербализаторы сегментов COUNTRY и INFLUENCE, что может быть объяснено изменением роли государства на мировой арене, новыми вызовами, диктуемыми законами времени, развитием средств массовой коммуникации, появлением числа спорных вопросов и областей, где интересы мировых держав могут столкнуться. Самым разветвленным по семантике является сегмент AUTHORITY. Наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент political / non-political leadership, который насчитывает 8 признаков. Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент political and social organizations, в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки functions, ideology, limiting / managing factors. Наиболее представленным в количественном плане и одним из важнейших

по семантике и значимости в анализируемых контекстах является микросегмент *supremacy*. Семантический признак, который объективирует этот сегмент, свидетельствует о том, что для АПД XX – начала XXI веков наиболее важными представляются семантические признаки *control*, *authority*, *influence*. Сегмент *ABILITY*, представленный микросегментами *skill*, *capacity*, *competence*, несмотря на меньшую количественную характеристику вербализаторов, оказывается весьма значимым для АПД XX – начала XXI веков, так как власть дает возможность осуществлять свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки сопротивлению, что находит свое выражение на уровне языковых значений, актуализирующих этот концепт. Наиболее продуктивными средствами вербализации концепта *POWER* в АПД являются метонимия, фразеологизмы, эпитеты. Наиболее многочисленную группу концептуальных метафор в АПД как XX, так и начала XXI веков представляют онтологические метафоры с такими сферами источниками, как неспецифицированный объект (предмет желания, трофей), материальный объект / феномен / артефакт (механизм, транспорт, здание, инструмент), контейнер, пункт назначения, живое существо. Второе место по количеству употреблений в АПД XX – начала XXI веков занимают структурные метафоры, причем, если в XX веке доминирующей является метафорическая модель *POWER is DEMOCRACY*, что может быть объяснено всеобщей политизацией современного общества, а также тем фактом, что данная метафора отражает важнейший элемент политического сознания нации, обладает большой генеративной силой, в том плане, что вокруг данной модели концентрируется обширная смысловая область, связанная с пониманием власти и политики в современном американском сообществе. Проведенный анализ особенностей реализации понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов концепта *POWER* свидетельствует о том, что границы данного концепта существенно расширяются в АПД XXI веке.

7. Важная роль универсальных дискурсообразующих и национально-маркированных концептов заключается в формировании и объяснении окружающей действительности, моделирование которой происходит с помощью выражений, используемых главами государств во время своих выступлений. АПД XX – начала XXI веков представляет концептосферу, которая может быть представлена как многоуровневый конструкт со сложной структурой, содержащий понятия, представления и ассоциации этноса об окружающем мире разного уровня категоризации, в том числе универсальные и национально-маркированные. Последние отражают особенности этнического мировоззрения и создают различные лакуны. Некоторые универсальные концепты, например, FREEDOM, DEMOCRACY, AMERICA могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определенную национальную специфику. Национально-маркированные концепты в АПД XX – начала XXI веков могут быть представлены в виде конгломерации концептов, создающих свою собственную микроконцептосферу как часть политической концептосферы. В публичных выступлениях президентов США наиболее частотным является концепт AMERICA и его производные, так как президентская речь характеризуется высокой степенью влияния, убеждения, и нередко носит дружественный и многообещающий характер. В ней президент обращается к наиболее понятным и традиционным ценностям лингвокультурного сообщества. Национально-маркированные концепты играют важную роль в политическом дискурсе США, поскольку упрощают мыслительную субъективную оценку деятельности органов власти со стороны электората, и, с другой стороны, позволяют облегчить влияние политиков на свою целевую аудиторию.

8. АПД XX – начала XXI веков. представляет собой вербализацию КС американцев, которая может быть представлена как многоуровневая сложная структура. Основополагающими концептами являются такие универсальные дискурсообразующие концепты, как POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER и

национально-маркированные концепты, как AMERICA, FREEDOM, NATIONALISM / PATRIOTISM, DEMOCRACY, EQUALITY, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM, которые могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определенную национальную специфику.

Следовательно, можно сказать, что различные лингвистические концепты играют важную роль в политической жизни США, поскольку упрощают мыслительную субъективную оценку деятельности властных органов со стороны электората, и с другой стороны позволяют облегчить влияние на свою целевую аудиторию со стороны политиков и иных заинтересованных в этом лиц.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [395; 396; 398; 399; 400; 401; 402; 404; 406; 409; 410; 420; 421].

ГЛАВА 4

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Глава посвящена анализу АПД XX – начала XXI веков как когнитивно-коммуникативной системы, определяемой единством трех аспектов: аспекта языкового использования, передачи идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и ситуациях.

Социально-прагматический аспект реализуется благодаря сочетанию стратегий и тактик, организующих восприятие и интерпретацию текста адресатом, и направлен на достижение целей коммуникантов, что непосредственно связано с интенциональностью речи.

Особое внимание уделено анализу функционирования метафоры как способа реализации интенции в АПД XX – начала XXI веков. Выделяются наиболее типичные концептуальные метафоры, используемые адресантом (президентом) с целью оказания влияния на адресата (граждане США, мировое сообщество). Проводится анализ основных факторов (экстралингвистических и лингвистических), влияющих на возникновение и формирование метафорических моделей, демонстрируется зависимость последних от эпохи, типа культуры и вида дискурса.

4.1. Языковая личность в англоязычном политическом дискурсе

Внимание к феномену «языковой личности» дает возможность исследователям осознать не только важность проблемы описания самой языковой структуры, но и значимость заданий всестороннего изучения этого феномена, чем, и обусловлена актуальность данной работы.

В связи с интенсивным развитием политических технологий, возрастающей ролью СМИ, тенденцией театрализации политической

деятельности внимание общества к теории и практике политической коммуникации возрастают [52, с. 12].

Современные лингвистические исследования приобретают многоаспектный характер, ориентируясь не столько на человека, сколько на весь комплекс гуманитарных знаний, которые позволяют пояснить и описать собственно лингвистический феномен. Таким образом, создаются единые принципы и механизмы анализа в самой лингвистике и культурологии, политологии и психологии, социологии и других смежных науках (Н. Д. Арутюнова, О. Л. Бессонова, В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, П. Серио, Р. Барт, Т. Ван Дейк и др.).

ЯЛ выступает интегральным объектом изучения разнообразных направлений науки о языке, таких как КЛ, социо- и психолингвистика, прагма- и этнолингвистика, ПЛ (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов, А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Т. Ю. Ма, В. А. Маслова, Р. И. Павиленис, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Почепцов, Е. А. Селиванова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, И. С. Шевченко, П. Серио, Дж. Лакофф, М. Джонсон).

Социальная значимость такой сферы человеческой деятельности как политика, делает ее объектом исследования многочисленных лингвистических студий. ПД и ПЯ изучаются на материале различных языков и с разных позиций, в русле различных направлений (Р. М. Блакар, Д. Болинджер, Т. Ван Дейк, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, А. А. Романов, Е. И. Шейгал, К. L. Nacker и др.).

В исследованиях, посвященных изучению ПД и ПК, приоритетное место отводится непосредственно человеку, наделенному властью, личности в политике. Одним из первых к изучению ЯЛ обратился Й. Вайсберг, который утверждал, что существует очевидная взаимосвязь и взаимозависимость всей человеческой жизни и родного языка, а также взаимосвязь родного языка и духовного формирования человека. Сам по себе язык является

неотъемлимым компонентом сознания, его инструментом и посредником между человеком и картиной мира, отображаемой в языковых формах.

Эта связь человека с картиной мира, которая содержится в языке, на котором он говорит, с представлениями, образами и понятиями, зашифрованными в языке. Каждый человек обязан изучать способ понимания языка и мира в представлениях, в понимании сущности вещей, как духовных, так и материальных. Язык конкретного человека не существует сам по себе, он формируется под влиянием других людей, которые принадлежат одному языковому сообществу, имеют общую языковую и концептуальную картины мира [183, с. 311–318].

Ю. М. Караулов под термином «ЯЛ» понимает «совокупность свойств и характеристик человека, которые обуславливают создание им речевых произведений (текстов)», которые различаются по степени структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отображения действительности, определенной языковой направленностью [193].

Введение ЯЛ в центр коммуникативных исследований послужило прогрессивным шагом на пути изучения деятельности человека, что обусловило ее широкую популярность (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, А. Д. Белова, В. В. Богданов, Г. И. Богин, Й. Брокмайер, Р. Харре, Х. Вайнрих, Т. Г. Винокур, О. П. Воробьева, Д. Гордон, Дж. Лакофф, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов, В. З. Демьянков, О. Л. Каменская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Г. С. Каспарова, Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон, М. С. Козырева, А. А. Леонтьев, М. Л. Макаров, Г. Г. Матвеева, В. В. Наумов, Е. А. Нечипорович, Е. В. Осетрова, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, А. А. Пушкин, А. А. Романов, Е. А. Селиванова, Е. В. Сидоров, И. П. Сусов, С. А. Сухих, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Тимофеев, Е. В. Харченко, А. Adler, D. Hartmann, H. J. Heringeri др.).

Эту тенденцию можно объяснить тем, что в глобальной коммуникации и свободном доступе к информации возможности человека резко расширились, очевидность эволюционного роста личности вызвала перемены в ее

значимости как объекта исследования в разных научных дисциплинах. Как приоритетный объект понятие «личность» изучается в психологии, философии, культурологии, языкознании, литературе и др. науках.

В свою очередь, личность, которая говорит, становится ключом исследования всех аспектов языка, его внутренней структуры, условий его существования.

Язык принадлежит, прежде всего, личности, которая понимает себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и речевом общении, свое отношение к принципам и конвенциям ведения дискурса, творчески использует их в своих предметных и речевых действиях, как замечает И. П. Сусов. Автор также подчеркивает, что в личности диалектично взаимообусловлены социальное и индивидуальное, врожденное и приобретенное, объективное и субъективное [382].

В современной науке наблюдается поворот к детальному изучению аспектов проявления человеческой личности в речевой деятельности индивидов. В этом контексте возникает новый ракурс в изучении взаимодействия адресата и адресанта, а именно – столкновение их личностных интересов при общении и влияние их личностей на процесс общения. Призыв изучать человека в языке и язык в человеке поддерживается общей тенденцией гуманизации научного знания «очеловечивания» науки [193, с. 19].

Вызывают интерес попытки глобального, собственно, междисциплинарного подхода к интерпретации сущности языка как специфического человеческого феномена, с помощью которого можно понять природу личности, ее место в социуме и этносе, ее интеллектуальный и творческий потенциал, то есть осмыслить для себя, что такое человек [193, с. 108].

Социальная сущность языка состоит в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно, носителем культуры в языке является языковой коллектив и

индивидуум. Коллектив как этнос, индивидуум являются отправными точками на условной шкале языкового сознания [190].

Непосредственным носителем языкового сознания является ЯЛ, то есть человек, который существует в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Это определение допускает двойную интерпретацию: статистическую и динамическую.

В первом случае имеется в виду личность как субъект социальных отношений, которая имеет свой неповторимый набор личностных характеристик. Во втором случае предусматривается, что на определенном этапе индивид еще не является личностью, то есть не характеризуется специфическими, социально обусловленными качествами.

Особые параметры ПД позволяют исследовать ЯЛ политика как динамичный синкретический феномен [436, с. 105]. Деятельность когнитивно-речевого субъекта политики нацелена прежде всего на реализацию функции воздействия, которая доминирует над познавательной и направлена на достижение основной цели ПК – борьбе за власть.

Политик выступает одновременно в двух ипостасях: как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса и как субъект ИД. В результате, политик как ЯЛ реализует себя в дискурсивных действиях, трансформируясь в дискурсивную личность, которая проявляет свои индивидуальные признаки: этнические, гендерные, возрастные, профессиональные, эмоциональные и др. [436, с. 105–106].

Дискурсивная личность политика – это интерактивная личность, обладающая «коммуникативным паспортом» [378], т. е. системой индивидуальных дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформированных в процессах интеракции. Исследуя языковые средства и речевые стратегии ЯЛ как субъекта ПД в логике дискурс-анализа, их можно рассматривать в качестве способа реализации системы культурно обусловленных значений,

отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности [268, с. 103].

ЯЛ политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются как надындивидуальные, так и индивидуальные черты [436, с. 106].

В последнее время в лингвистике появляются определенные попытки анатомизации понятия «ЯЛ». Понимая под «ЯЛ», прежде всего, человека как носителя языка, рассматриваемого со стороны его способности к речевой деятельности, то есть комплекс психофизических способностей индивида, которые позволяют ему говорить, создавать и воспринимать речевые произведения. Выделяют личность речевую [60, с. 16], коммуникативную, под которой понимают совокупность особенностей вербального поведения человека, который использует язык как средство общения [383, с. 82], личность словарную, этносемантическую.

Кроме того, коммуникативная личность – это содержание, центр и единство коммуникативных актов, направленных на другие коммуникативные личности, коммуникативный деятель.

В свою очередь, можно заметить, что понятие «ЯЛ» создает проекцию в сферу языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого отображаются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных качеств человека, которые обуславливают его качественную определенность (Ф. С. Бацевич, В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Р. Т. Белл, Н. Белнап, Т. Стил, Э. Берн, М. А. Богомолова, И. А. Бодуэн де Куртене, А. Вежбицкая, Т. Г. Винокур, О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, В. фон Гумбольд, В. А. Гуреев, П. В. Зернецкий, Б. А. Зильберт, В. И. Карасик, Е. В. Клюев, Г. В. Колшанский, В. В. Красных, А. А. Леонтьев, Н. Б. Мечковская, Г. Г. Почепцов, Л. М. Салмина, К. Ф. Седов, И. А. Стернин и др.).

Соответственно, «ЯЛ» – это закрепленный в основном в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, определенный «семантический фоторобот», который обычно создается на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отображенных в словаре, личность – словарная, этносемантическая. Принимая во внимание многогранность понятие «ЯЛ», логичным будет выделение в содержании ЯЛ таких компонентов, как ценностный, культурологический и личностный [189].

Выходя, практически, из того же самого принципа комплексности и многогранности ЯЛ, большинство лингвистов считают, что ЯЛ характеризуется многоуровневой структурой.

Так, например, Г.И. Богин продемонстрировал модель ЯЛ в роли структуры, которая включает в себя определенный перечень уровней развитой ЯЛ.

Автор предлагает такие уровни, как: 1) правильности; 2) интериоризации, на котором прослеживается замедление в процессе информации, «то есть плохая скорость», связанная с недостаточно интериоризированным планом речевого акта, с недостаточной целостностью представления о следующем отдельном высказывании; 3) насыщенности информации; 4) адекватного выбора; 5) адекватного синтеза [60].

Г.И. Богин утверждает, что развитие ЯЛ происходит от уровня до уровня, то есть «ЯЛ, овладев на 1) уровне принятыми в обществе наиболее часто употребляемыми способами прямой номинации, переходит к 2) уровню интериоризации речи, которая открывает путь к 3) лексико-грамматическому знанию и, далее, к 4) своеобразной свободе в выборе способов выражения из множества своеобразных субституентов» [60, с. 247–249].

Ю. М. Караулов выделяет нулевой (вербально-семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни в структуре личности. Автор трактует это положение, исходя из таких составляющих как: 1) уровень кода (лексикон, запас слов и знаков других кодов, умение их

использовать, в том числе ошибки, то есть вербальный опыт);
2) когнитивный уровень (личностная картина мира, система ценностей, любимые выражения, то есть социальный и познавательный опыт);
3) прагматико-мотивационный уровень (намерения говорящего, коммуникативные способности, то есть ситуативный опыт).

В соответствии с уровнями выделяют параметры коммуникативной личности: функциональный, когнитивный и мотивационный [193]. Мотивационный параметр определяется коммуникативными потребностями и занимает центральное место в структуре коммуникативной личности.

На основании коммуникативной потребности формируется коммуникативная установка, которая осознается коммуникативной личностью на протяжении определенного промежутка речевой деятельности (варьируются способы коммуникации и тактика).

Когнитивный параметр включает в себя большое количество характеристик, которые формируются в процессе накопления познавательного опыта индивида, его внутреннего мира: знание коммуникативных ходов, умение совершать интроспекцию и ауторефлексию, то есть самонаблюдение и самоосознание, метакоммуникативные навыки, способность адекватной оценки когнитивного и коммуникативного границ партнера-коммуниканта, стереотипы и верования, мифы и предрассудки. Успешность коммуникации, влияние на собеседника в значительной мере зависит от совместимости когнитивных характеристик коммуникантов.

Функциональный параметр включает три характеристики, определяющие коммуникативную компетентность индивида: практическое владение вербальными и невербальными способами для совершения коммуникативных функций; умение варьировать коммуникативными способами в процессе коммуникации в зависимости от условий общения; построение дискурса согласно нормам кода и правилам этикета.

Когнитивный параметр в этой модели выступает объединяющим началом между познавательным опытом и компетенциями коммуникативной

личности, ее коммуникативными способностями и конкретной коммуникативной ситуацией. Таким образом, определяющими параметрами для коммуникативной личности являются: мотивационный, когнитивный и функциональный [193; 194].

Используя эти параметры, В.П. Коннецкая строит собственную двуступенчатую модель коммуникативной личности. Исходные параметры выделяются и Р. Димбли, и Г. Бертоном: потребности, комплекс знания – верования – стереотипы – предположения – ценности – (предыдущий) опыт, обратная связь в процессе коммуникации (восприятие собеседника и его сообщений, самопрезентация, выбор и взаимооценка ролей, эмоциональное состояние) [207].

Принимая во внимание проведенный анализ научной литературы, можно сделать вывод, что структура ЯЛ представляет собой иерархическую систему, то есть когнитивный уровень выступает наиболее поздним образованием, которое надстраивается над вербально-семантическим, качественно изменяя его, включая лексические единицы в качестве строительных элементов.

Со временем на основе тезаурусного уровня развивается высший уровень – мотивационный, интегрируя составляющие предыдущих уровней и становясь определяющим для речевого поведения личности.

Личность, наделенная властью, рассматривается учеными с точки зрения 1) имиджа политика, 2) его идиостиля, 3) речевого поведения, 4) ЯЛ политика.

Имидж – стереотип человека, который закрепился в массовом сознании и предназначен в концентрированной форме отображать сущность человека или партии [327]. Считают, что имидж политика является частью его профессионального успеха. Отсюда следует, что чем точнее будет построен имидж, тем эффективнее будет коммуникация с электоратом, а это значит, что будет достигнута главная цель – завоевание и удержание симпатии населения.

На данный момент существует большое количество книг о том, как создать имидж политика, руководителя, бизнесмена (Т. Н. Астафурова,

В. В. Богданов, А. А. Бойко, Р. Н. Ботавина, Л. Ю. Веретенкина, Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер, Н. Н. Германова, М. Д. Городникова, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, Н. И. Формановская, А. М. Цуладзе, А. П. Чудинов и др.).

Однако в них практически не освещен анализ вербальных составляющих имиджа, хотя, в большинстве случаев имидж политического лидера создается благодаря языковым и речевым способам, стратегиям и тактикам, поскольку речевое поведение лидера непосредственно оценивается адресатом, который наблюдает за политиком благодаря средствам массовой коммуникации и слушает его на митингах.

Под имиджем понимаем образ – представление, целенаправленно созданное, которое обогащает представление о человеке дополнительными ценностями (человеческими, моральными), которые содействуют его более эмоциональному восприятию.

Имидж политического лидера – это представление о политике, которое сложилось у населения в следствие долговременного влияния на него, которое характеризуется высокой стойкостью и неприятием перемен [435, с. 41–42]. В политической коммуникации имидж является результатом осознанной работы: лидер демонстрирует не свои настоящие способности, а созданный и культивируемый образ, который активно навязывается аудитории.

На данный момент в зависимости от того или иного критерия предлагается целый ряд типологий языковой и коммуникативной личности, выделяются такие доминанты как 1) характерные для типологии языковых личностей; 2) характерные для типологии коммуникативных личностей; 3) синкретичные (исходя из которых нельзя однозначно сказать, языковая или коммуникативная личность будут рассматриваться) [435].

Первую группу представляет типология ЯЛ В. И. Карасика, в которой автор выделяет эгоцентрический и социцентрический типы на

основе индивидуальности или коллективности используемых языковых средств [189, с. 142].

О. Б. Сиротина классифицирует ЯЛ по наличию у них определенного типа внутринациональной речевой культуры, представляя такие типы, как: элитарные, среднелитературные, литературно-разговорные; фамильярно-разговорные; просторечные; народно-речевые [365, с. 7].

В зависимости от сфер словесности Ю. В. Рождественский выделяет типы ЯЛ, акцентируя внимание на том факте, что для всех видов устной словесности создатель речи совпадает с ЯЛ, т. е. является индивидуальным речедееателем, а в письменной словесности ЯЛ может быть коллегиальной, кооперативной, коллегиально-кооперативной и коллективной [339; 340].

Вторую группу, для которой характерно выделение доминант, актуальных для коммуникативной личности, представляет типология В. Б. Кашкина. Автор выделяет типы коммуникативной личности на основании использования коммуникативного потенциала, а именно: 1) доминантный коммуникант, стремящийся завладеть инициативой; 2) мобильный коммуникант, легко входящий в разговор, владеющий темой, не теряющийся в незнакомой ситуации общения; 3) ригидный коммуникант, испытывающий трудности на контактоустанавливающей фазе общения, далее, в процессе общения, четок и логичен; 4) интровертный коммуникант, не стремящийся завладеть инициативой, скованный в неожиданной ситуации общения [199].

В. П. Конецкая, в зависимости от коммуникативного стиля, выделяет 1) доминантный, драматический, 2) аргументативный, 3) впечатляющий, 4) спокойный (уравновешенный), 5) открытый и 6) другие типы коммуникативной личности [207].

К третьей группе синкретических доминант относится типология И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, согласно которой выделяются типы ЯЛ в зависимости от степени конфликтности и способности к кооперации в речевом поведении: 1) конфликтный; 2) централизованный (игнорирование

собеседника, стремление к самовыражению, «уход в себя»);
3) кооперативный тип [119; 350].

В зависимости от того, какую речевую стратегию выбирает ЯЛ, авторы выделяют 1) инвективный тип (аффективная разрядка в форме брани), 2) куртуазный (этикетные формы взаимодействия, аффект в форме плача), 3) рационально-эвристический (рассудочность, здравомыслие, смех как аффективная реакция) [119; 350].

Некоторые исследователи, в частности, О. Л. Арискина и Е. А. Дрянгина, утверждают, что подобные основания подойдут и для классификации коммуникативной личности, так как оба понятия предстают «как динамические категории, сигнификативный компонент которых еще до конца не определился» [10, с. 18].

Для А. Д. Беловой важным является тезис о том, что в процессе порождения дискурса, так же, как и в процессе контроля за ним, особенно важную роль играет язык. Язык, сам по себе власти не имеет, приобретает ее только тогда, когда регулярно употребляется в соответствующем направлении людьми, наделенными властью [46].

Речевое поведение вырабатывается на протяжении всей жизни человека, оно связано с особенностями воспитания, местом рождения и обучения, окружением, в котором человек привык развиваться, с его собственными данными ему как личности и представителю определенной социальной группы качествами [424].

Поэтому речевое поведение представляет собой сложное явление: с одной стороны, оно – неповторимое и уникальное, как и отдельно взятая личность, с другой стороны, речевое поведение – социально содержит элемент стереотипности, характерный для определенной социальной группы, в нашем случае – социальной группы занятой в сфере политики.

В большинстве работ понятие речевого поведения расширяется за счет прибавления к нему другого – «ЯЛ» (М. Р. Желтухина, В. И. Карасик,

Ю. Н. Караулов, В. Б. Кашкин). Авторы сходятся на том, что ЯЛ реализуется в КС и КТ, выбирая при этом определенные языковые способы.

Таким образом, в ПК важным является тот факт, что наряду с общими характеристиками для ПК определенной страны существуют и отличительные черты, которые отображают индивидуальные вербальные и невербальные предпочтения в речевом поведении определенного политика.

Владение риторическими приемами на протяжении двух веков остается актуальным для президентской риторики. Для успешного достижения адресантом своей цели является создание успешного имиджа, составляющими которого являются в одинаковой мере как ораторские способности говорящего, так и его внешний вид, фотогеничность. Фактически аудитория имеет дело не непосредственно с политиком, а с его имиджем, в создании которого принимают участие имиджмейкеры и СМИ.

В XX в. в эпоху телевидения одной из важнейших характеристик является внешность политика. Внешность часто связывают с понятием «харизма». Харизматическими президентами США считаются Т. Рузвельт, Д. Эйзенхауэр, Ф.Д. Рузвельт и Дж. Кеннеди.

Следует заметить, что «харизма» невозможна без риторических способностей в ПК. Т. Рузвельта считают основателем так называемого «риторического президентства», суть которого состоит в том, что президент выступает лидером формирования общественной мысли в стране.

Президент Ф. Д. Рузвельт первым из хозяев Белого Дома в качестве эффективного «оружия» использовал радио. Умение политика эффективно использовать риторические способы, выбирать правильную интонацию, простыми словами говорить о сложных проблемах, способствовали его популярности. Президента Дж. Кеннеди считают основателем современного «спичмейкерства». Дж. Кеннеди завоевал президентское кресло благодаря своей телегеничности и привлекательности, которые сыграли огромную роль во время его дебатов с Ричардом Никсоном в 1960 г. Кроме того, он

первым из президентов начал выступать с одинаковой регулярностью на протяжении года.

Р. Рейган считается «великим коммуникатором». Как актер в прошлом он хорошо знал, как работают СМИ, как их можно использовать в своих целях, как построить свое выступление, чтобы лучше достичь желанного эффекта. Подготовленные выступления президента по радио и телевидению всегда имели большой успех. Однако президент не любил пресс-конференции, во время которых иногда неправильно понимал вопросы журналистов и допускал серьезные ошибки в ответах, однако компенсировал их, стараясь быть приветливым, раскрепощенным, неформальным в общении с журналистами.

С появлением на мировой арене Б. Клинтона произошли некоторые изменения и в президентской риторике. Риторика нового поколения американских политиков отличается смещением в сторону эгоцентричности, свидетельством которой является широкое употребление местоимения первого лица единственного числа, что не было характерным для предшественников Б. Клинтона.

Таким образом, в качестве результата изучения речевой деятельности современных политиков с учетом эволюционных процессов в обществе, посредством коммуникативно-прагматического анализа личностных дискурсов можно рассматривать создание «речевых портретов», равно как и функционирование различных типов ЯЛ ведущих политиков нашего времени.

4.2 Интенциональная характеристика политического дискурса

Экстралингвистический компонент ПД, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, включает ценности коммуниканта. Коммуникация в АПД характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных

структур и объясняется особым типом ментальности лингвокультурного сообщества [56; 51; 476].

В каждом акте речевого общения дискурса можно проследить процесс достижения определенной цели, соотносимой с регуляцией деятельности собеседника. Основной целевой установкой общения является управление деятельностью собеседника. Р. Блакар заметил, что «высказаться нейтрально невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает реализацию власти», то есть влияние на восприятие и структурирование мира другим человеком» [56, с. 89].

Впервые на интенцию обратили внимание и взяли к рассмотрению исследователи теории речевых жанров Дж. Серль [556], П. Стросон [563, с. 290–301] и Г. Грайс [512, с. 41–58] и др.

Следует заметить, что в известных и общепринятых дефинициях термина «интенция» акцентируется внимание на различных его аспектах. По мнению Г. Грайса [512, с. 42], интенция – это намерение говорящего что-то сообщить, передать в высказывании определенное субъективное значение. Дж. Серль [556, с. 34] отмечает, что, идентифицируя интенцию, как говорящий / пишущий, так и слушатель / читатель ориентируются на то, что они уже выразили ранее до момента речевого акта.

Целевой аспект коммуникативной деятельности связан с характеристикой направленного воздействия, в котором отображается средство «вооруженной» каузации речевого высказывания [556, с. 7–8]. Дискурс вообще поддерживается и разворачивается исключительно благодаря интенциям.

Изучению интенции, ее видов и способов реализации в ПД, посвящены работы Н. Д. Арутюновой [15; 16; 17; 18], А. Н. Баранова [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34], Ю. Н. Караулова [193; 194], Дж. Лакоффа, М. Джонсона [242; 243; 244], Дж. Серля, П. Стросона [556] и др.

Однако остается нерешенной проблема реализации совокупности интенций в АПД XX – начала XXI веков с помощью разных лексико-

грамматических и стилистических средств, что имеет значение для развития теории языка и межкультурной коммуникации в связи с необходимостью перехода от исследования разрозненных языковых и речевых фактов к комплексному их анализу.

Интенциональность речевого поведения в АПД делает актуальным описание системы средств речевого манипулирования с позиции теории речевых актов как процесса взаимодействия речевых актов как открытой, так и скрытой коммуникации, имеющих особую интенциональную структуру и не подлежащих распознаванию массовым реципиентом (адресатом).

АПД рассматривается как форма социального воздействия, определяемая конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия ПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения.

АПД представляет особую форму существования английского языка, способ выражения ментальности народа [447, с. 38–43; 245, с. 7–25]. Отметим, что менталитет не идентичен общественному сознанию, а характеризует специфику этого сознания [259, с. 62–70]. Под менталитетом понимается образ мышления определяющий восприятие мира в соответствии с этносоциогенезом человека и фиксируемый посредством языка, отражающего духовные качества народа, говорящего на данном языке [330, с. 59–61].

Данный вид национального дискурса отражает образ мышления, присущий носителям американской политической культуры – особого типа ментальности в классификации мировых политических культур. В США сложился национальный ПД, фиксирующий как общие черты

американского образа мышления, так и особенности ментальных характеристик американцев, специфику их лингвокультурного сознания в политической сфере.

Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти. Под ЯЛ понимается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности, при определенной целевой направленности [193; 194].

Именно интенциональность во многом способствует интеракции на уровне дискурса. В этом аспекте процесс общения предстает как последовательность интеракционных ходов, определяющих взаимодействие интеракционных интенций. АПД направлен на достижение иллюкативной цели коммуникантов, заключающейся в обеспечении максимального воздействия на адресата для достижения собственных целей. Термин «коммуникативное воздействие» понимают, как «процесс изменения адресантом поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок и т. д. в процессе речевого взаимодействия с ним» [160, с. 63]. А. Н. Баранов понимает речевое воздействие как «коммуникативное использование языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка входят новые знания и модифицируются уже имеющиеся, то есть происходит процесс онтологизации знания» [34, с. 12]. Целью любого коммуникативного воздействия является побуждение к определенным действиям, изменения или подготовка почвы для изменений, поэтому коммуникант, который оказывает влияние, использует богатый запас речевых средств с эксплицитно и имплицитно выраженными принуждением и побуждением к определенному действию.

Интенциональное влияние осуществляется четырьмя способами: 1) благодаря авторитету, законной власти; 2) путем манипуляции, завуалированной власти; 3) с помощью убеждения, аргументации; 4) применяя силу, физическую и психическую [556, с. 269–293].

Все вышеуказанные способы интенционального влияния на адресата направлены на изменение эмоционального или ментального состояния партнера по коммуникации или принуждение адресата осуществить определенные действия.

В приведенных ниже примерах наблюдаются все четыре способа интенционального влияния на адресата:

(284) *'In response to **Senate resolution** of December 6 addressed to me, and to the two **Senate resolutions** addressed to him, the **Secretary of War** has, by my direction, submitted to me a report which I here with send to the Senate, together with several documents, including a letter of General Nettleton and memoranda as to precedents for the summary discharge or mustering out of regiments or companies, some or all of the members of which had been guilty of misconduct. I ordered the discharge of nearly all the members of Companies B, C, and D of the Twenty-fifth Infantry by name, in the exercise of my constitutional power and in pursuance of what, after full consideration, I found to be my constitutional duty as Commander in Chief of the United States Army. I am glad to avail myself of the opportunity afforded by these resolutions to lay before the Senate the following facts as....'* [713].

В указанном примере (1) интенция направлена на изменение эмоционального состояния адресата с целью вызвать у него чувства доверия, защищенности и безопасности, благодаря политике правящего президента и партии. Используя однородные члены предложения, представляющие объект действия в сочетании с адвербиальными причастиями, характеризующими способ и направление действия, адресант реализует свою интенцию.

(285) *'The United Nations was born in the **hope** that survived a world war -- the **hope** of a world moving toward **justice**, escaping old patterns of **conflict** and **fear**. The founding members resolved that the **peace of the world** must never again be destroyed by the will and wickedness of any man. We created the United Nations Security Council, so that, unlike the League of Nations, our deliberations would be more than talk, our resolutions would be more than wishes. After*

generations of deceitful dictators and broken treaties and squandered lives, we dedicated ourselves to standards of human dignity shared by all, and to a system of security defended by all’ [630].

Приведенный пример (285) демонстрирует интенцию адресанта, направленную на убеждение аудитории в своем авторитете, опыте и уже сложившейся мировой истории как результата политических действий его страны в лице его предшественников, используя ведущий дискурсообразующий концепт PEOPLE на фоне оппозиции «СВОЙ-ЧУЖОЙ», противопоставляя народ США как законодателя справедливого / демократического государственного устройства во всем мире лживым диктаторам с неуютной для США социальной и экономической политикой. Оказывая давление на адресата, благодаря повтору абстрактного существительного *‘hope’*, являющегося именем ведущего национально-маркированного концепта HOPE в АПД XX – начала XXI веков, противопоставляя идеи мира и справедливости войне, конфликту и страху, интенция адресанта направлена на изменение мыслей адресата, его мировоззрения, с целью повлиять на его картину мира, придать чувство защищенности и уверенности, будучи гражданином США.

(286) *‘Anyone who **has taken the oath** I have just taken must feel a heavy weight of responsibility. If not, he has no conception of the **powers and duties** of the office upon which he is about to enter, or he is lacking in a proper sense of the obligation which **the oath imposes**’* [718].

В данной ситуации для достижения цели оратор пользуется речевыми приемами, представляющими эксплицитное выражение оценки, языковые средства, побуждающие адресата к запланированной цели – реакции на предоставленную информацию. Зачастую политический актер / адресант прибегает к использованию перформативных глаголов, таких как *‘take the oath’*, *‘promise’*, *‘engage’* и т.п. Пример (286) демонстрирует интенцию адресанта: сформировать в сознании реципиентов мнение, что власть президента как лидера страны – тяжкое бремя, которое только он (президент)

способен нести, что должно привести адресата к тому, чтобы он сам (народ) принял решение необходимое для адресанта. Вышеуказанная интенция достигается также благодаря использованию дискурсообразующего концепта АПД POWER, выраженного непосредственным словом-номинантом имени концепта 'power' и лексем-ассоциантов 'duties', 'obligation'.

(287) *'Good afternoon, everybody. Last night I had a chance to speak to the leaders of the House and the Senate and reached out to those **who had both won and lost in both parties**. I told John Boehner and Mitch McConnell that I look forward to working with them. And I thanked Nancy Pelosi and Harry Reid for their extraordinary leadership over the last two years. After what I'm sure was a long night for a lot of you -- and needless to say it was for me – I can tell you that some election nights are more fun than others. **Some are exhilarating; some are humbling**. But every election, regardless of **who wins and who loses**, is a reminder that in our democracy, power rests not with those of us in elected office, but with the people we have the privilege to serve'* [681].

Манипулятивное воздействие в рамках данного отрывка (287) актуализируется за счет использования апеллятива 'everybody', репрезентатива 'who had both won and lost in both parties', 'who wins and who loses', концептуальной метафоры, 'every election is a reminder', вербализирующей ведущие дискурсообразующие концепты АПД XX – начала XXI веков POWER и PEOPLE.

Заслуживает внимание структура речи президента В. Вильсона (288), использующего репрезентативы, инверсию, восклицательные предложения, риторические вопросы для придания экспрессивности речи и выдвижения на первый план информации, актуализирующей универсальный дискурсообразующий концепт АПД XX в. PEOPLE с помощью таких лексем-номинантов как 'these gallant men in blue and gray', 'many of them', 'their comrades', 'brothers and comrades in arms', 'enemies no longer', 'generous friends', рассчитанная на разные слои населения и выделяющаяся

использованием простых по структуре предложений с точки зрения лексического и грамматического наполнения.

(288) *'I need not tell you what the Battle of Gettysburg meant. These **gallant men in blue and gray** sit all about us here. **Many of them** met upon this ground in grim and deadly struggle. **Upon these famous fields and hillsides their comrades** died about them. **In their presence** it were an impertinence to discourse upon how the battle went, how it ended, what it signified! But fifty years have gone by since then, and I crave the privilege of speaking to you for a few minutes of what those fifty years have meant. What have they meant? They have meant peace and union and vigor, and the maturity and might of a **great nation**. How wholesome and healing the peace has been! **We have found one another again as brothers and comrades in arms, enemies no longer, generous friends rather, our battles long past, the quarrel forgotten?**' [736].*

В примере (289) воздействие на адресата достигается за счет использования КМ, представляющих национально-маркированный концепт AMERICA, повторов и простых по структуре предложений с целью прямого влияния на аудиторию, представленную различными слоями населения, с целью убеждения реципиента в возможности достижения желаемого благодаря совместным усилиям президента и народа, будучи единой нацией и властью как в своем государстве, так и во всем мире.

(289) *'Each American generation passes the torch of truth, liberty and justice — in an unbroken chain all the way down to the present. That torch is now in our hands. And we will use it to light up the world. I am here tonight to deliver a message of unity and strength, and it is a message deeply delivered from my heart. A **new chapter** of American Greatness is now beginning. A **new national pride** is sweeping across our Nation. And a **new surge of optimism** is placing impossible dreams firmly within our grasp. What we are witnessing today is the **Renewal of the American Spirit**. Our allies will find that **America** is once again ready to lead. All the nations of the world – friend or foe -- will find that **America is strong, America is proud, and America is free**' [725].*

Особого внимания заслуживает высказывание В. Гардинга (290) и Дж.Буша-мл. (291), демонстрирующие воздействие на аудиторию благодаря использованию универсальных дискурсообразующих и национально-маркированных концептов АПД STATE, PEOPLE, FREEDOM, NATIONALISM / PATRIOTISM непосредственно выраженными лексемами-номинантами имен вышеуказанных концептов, а также использованию метафор в сочетании с ярко выраженными эпитетами 'undying', 'guiding', 'indivisible', 'red-blooded', 'priceless', 'soothing and appealing', 'echoing', 'appalling', 'far reaching', 'opening'. Для усиления эффекта президент В.Гардинг использует несколько синонимичных по значению однородных членов предложения 'brotherhood', 'fraternity', 'fellowship':

(290) *'Nationality is the call of the hearts of liberated people, and the dream of those to whom **freedom** becomes an undying cause. It's the guiding light, the psalm, the prayer, the confirmation for our **own people**, although we were never assured indivisible union until the Civil War was fought. Can any red-blooded American consent--now when we have come to understand its priceless value--to merge **our nationality into internationality**, merely because **brotherhood and fraternity and fellowship and peace** are soothing and appealing terms? Out of the ferment, the turmoil, the debts, and echoing sorrows, out of the appalling waste and far reaching disorder, out of the threats against orderly government and the assault on our present day civilization, I think, sirs, **I can see the opening way for America**' [658];*

(291) *'Five years into this battle, **there is an understandable debate over whether the war was worth fighting; whether the fight is worth winning; and whether we can win it.** The answers are clear to me: Removing Saddam Hussein from power was **the right decision, and this is a fight America can and must win.** The men and women who crossed into Iraq 5 years ago **removed a tyrant, liberated a country, and rescued millions from unspeakable horrors. Some of those troops are with us today, and you need to know that the American people are proud of your accomplishment, and so is the Commander in Chief**' [636].*

В выше указанном примере (291) адресант использует репрезентатив, представленный сложноподчиненным предложением с однородными объектными придаточными, вводимыми союзом *'whether'*, представляющими возможность для адресата самому задуматься и порассуждать над сложившейся ситуацией и принять правильное решение, необходимое адресанту. Для усиления эффекта воздействия на массовую аудиторию оратор употребляет модальные глаголы со значением физической возможности, необходимости выполнения определенного действия и морального долга *'can'*, *'need'*, *'must'*.

Таким образом, анализ политики как динамического явления позволил определить АПД XX – начала XXI веков как речемыслительную деятельность, которая имеет два плана выражения: лингвистический и лингвокогнитивный.

Лингвистический план выражения АПД отражается в использовании определенных языковых средств и проявляется в совокупности порожденных текстов. Лингвокогнитивный план выражения связан с языковым сознанием и предопределяет выбор языковых средств, воздействуя на порождение и восприятие текстов, реализуемых в рамках коммуникации АПД XX – начала XXI веков.

Способом осуществления речевой деятельности в АПД выступает речевой стиль, который характеризуется определенным набором разноуровневых языковых средств: лексических, фразеологических, грамматических и стилистических, отобранных в соответствии с определенными коммуникативными целями, главной из которых является влияние, и выбор которых основывается на характеристике коммуникативной ситуации, определяется ролевой структурой участников общения. Основной формой организации и продуктом этой деятельности выступает политический текст как коммуникативное единство, обусловленное системно-структурной организацией.

В АПД социальность языка проявляется в языковом оформлении социально-значимых событий и особенностях адресантно-адресатной конфигурации. Развитие и функционирование АПД в XX – начала XXI веков в большей степени происходит благодаря влиянию на него СМИ и Интернета. На АПД влияют внеязыковые факторы идеологического содержания – факторы осознанного влияния на язык (идеология, пропаганда, идеологическое осмысление языковых единиц, лексикон и речь политиков), макросоциальные (массовая коммуникация) и микросоциальные факторы (феминистское движение, борьба представителей этнических и сексуальных меньшинств за свои права).

Адресантно-адресатная конфигурация коммуникации в АПД XX – начала XXI веков выглядит так: адресант (президент как представитель государственных организаций) – адресат (граждане США / политические сторонники / политические противники / оппоненты / мировое сообщество). При такой конфигурации адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации.

В АПД XX – начала XXI веков коммуникация представляет собой не только обмен знаниями и их передачу, но и воздействие на партнера по общению, где ведущую роль играет адресант (президент), который одновременно является автором / соавтором, оратором и координатором системы знаний адресата.

Адресант воспринимается адресатом (широкой аудиторией в лице граждан США и мирового сообщества) как гарант достоверности фактологической, ценностной и дескриптивной информации, несущий ответственность за истинность представленных данных.

4.3 Метафора как способ реализации интенции в политическом дискурсе

Раздел посвящен описанию метафор, используемых в АПД XX – начала XXI веков, которые помогают создать необходимый образ восприятия

действительности общественностью в лице американского народа и мирового сообщества, благодаря завуалированно выраженным намерениям лидера страны и правящей партии, на материале публичных выступлений президентов США. Изучению отдельных видов метафор и их функций в ПД посвящены работы Н. Д. Арутюновой [16], А. Н. Баранова [29; 31], Ю. Н. Караулова [194], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [242; 243; 244; 533; 536; 537; 538], А. П. Чудинова [445; 446]. Исследования Дж. Серля, П. Стросона [556], направлены на изучение интенции, ее видов и способов реализации в политических текстах.

Метафорика влияет на сознание и особенно на подсознание адресата, изменяя систему представлений у адресантов и адресатов и их эмоциональное отношение к соответствующему объекту. Эффективность речевого воздействия зависит от степени его эмоциональности [56, с. 90], то есть можно предположить, что метафора в АПД является одним из таких средств эмоционального воздействия. Механизмы прагматического влияния метафорики рассматривались в трудах А. Н. Баранова [29; 31; 32], Г. Г. Почепцова [329; 330; 331], А. П. Чудинова [445; 446], Р. А. Chilton [482], G. Lakoff, M. Johnson [533; 536; 537; 538; 539; 540], Z. Kovecses [529; 530; 531] и др.

В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувство и свободу адресата. Метафора, по мнению А. П. Чудинова, чрезвычайно динамична, понятна и действенна только «здесь» и «сейчас», вместе с тем согласована с основными понятиями отдельной культуры, имеет национальные корни [446, с. 22]. Поскольку основу процесса метафоризации составляют процедуры обработки структур знаний, то метафора, в первую очередь, является когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека. Также, было выдвинуто предположение, что метафора влияет на процесс принятия решений [533]. В зависимости от типа дискурса, используемые в нем метафоры реализуют конгломерат функций, содержащих экспрессивную, номинативную и когнитивную

функции. Закономерным представляется вопрос и о функциях метафоры в АПД XX – начала XXI веков. Язык данного вида национального дискурса предстает фундаментально побудительным. То есть, в АПД метафоры проявляют себя как мощные эмоциональные возбудители. Это обусловлено наличием у них эмоционально-оценочных коннотаций, что, в свою очередь, приводит к актуализации у реципиента сети ассоциативных представлений в процессе восприятия метафор. Благодаря связи таких метафор с морально-эстетическими и политическими ценностями их можно квалифицировать, в известной степени, как ценностные ярлыки. Метафора в ПД – средство определенного способа категоризации мира: выделение одних фрагментов ситуации и замалчивание других, то есть выделение конкретных, необходимых адресанту аспектов ситуации и замалчивание других, позволяет создать необходимый для адресанта образ мира и присвоить ему определенные ценностные характеристики [543].

По мнению А. Н. Баранова, используемые в таком качестве метафоры, наделены определенными характеристиками, отличающими их от метафор чисто когнитивных [29; 32]. В этом состоит прагматическая функция метафоры, присущая АПД XX в. Данная функция метафоры реализуется в АПД для манипуляции гражданами страны и мировым сообществом, с целью убеждения и влияния на него. Прагматическая функция метафоры (функция воздействия на адресата) выступает мощным средством формирования у реципиента необходимого для адресанта (президента) эмоционального состояния и мировосприятия. В такой функции метафора в АПД – это средство превращения имеющейся в сознании адресата политической картины мира, средство побуждения его к определенным поступкам и средство формирования у него продиктованного эмоционального состояния адресантом.

Изучение публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются ключевые концепты АПД в XX – начала XXI веков. Анализ языкового материала

позволяет сделать вывод, что основу семантического пространства АПД составляют несколько концептов, среди которых универсальными дискурсообразующими являются POLITICS, POWER, STATE и PEOPLE. Анализ интенциональной направленности АПД XX – начала XXI веков позволяет констатировать, что КМ является самым продуктивным прагматическим средством в исследуемом дискурсе.

Концептуальное моделирование метафорического значения обладает большой объяснительной силой и позволяет анализировать семантику метафоры как языковой феномен, объединяющий весь комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний [255, с. 126].

При актуализации в сознании концептов на первый план выдвигаются коммуникативная и прагматическая функции метафорического обозначения денотатов. В первом случае метафора не просто актуализирует некий известный концепт, а выполняет коммуникативную задачу – рематизировать, высветить и вывести в фокус сознания определенные стороны, признаки денотата. Во втором она служит для того, чтобы выразить разнообразные прагматические значения, в том числе – оценочные [292, с. 262].

Данное исследование направлено на выявление способов убеждения адресата, основанных на использовании метафорической логики.

Взаимосвязь идеологии и ее метафорического воплощения базируется на том факте, что метафора считается важным элементом социальной и политической реальности [539, с. 156]. Освещая и скрывая определенные аспекты явлений действительности, предоставляя им оценку, метафора способна склонять человека к определенной точке зрения, подсказывая способ действий. Иными словами, метафора выступает инструментом идеологического воздействия на человека.

Для исследования ПД особенно перспективным считается такой подход к тропам, прежде всего к метафорам, который был предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [242; 533]. Основные положения концептуального анализа

состоят в том, что метафора относится не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности [242; 533].

Суть КМ заключается в актуализации одного концепта посредством другого [537, с. 223]. На языковом уровне метафорическая реализация предусматривает сходство импликационалов взаимодействующих концептов и расхождение интенционалов, что относит их к различным предметным сферам [293, с. 197–198].

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знания, которые называют концептуальным референтом и концептуальным коррелятом, сигнификативной и денотативной зонами, донорской и реципиентной зонами, сферой-целью и сферой-источником [537]. Несколько коррелятов, которые соотнесены с одним референтом, составляют спектр метафоры [529; 530; 531].

В исследовании выделяем метафорические модели на основе общей сферы-цели метафорической экспансии [29; 32]. Это обратное направление анализа базируется на конкретных текстовых реализациях метафор, которые рассматриваются как исходные для определения структуры метафорической модели. На этом основании установлены метафорические реализации дискурсообразующих концептов в АПД XX – начала XXI веков. При выборе метафор нами учитывались частотность и степень структурированности соответствующих моделей. Анализ концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в АПД XX – начала XXI веков показал, что типичными для исследуемого дискурса, наиболее частотными и структурированными являются такие сферы как СОЦИУМ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК: чаще других встречается социоморфная метафора (61% / 63%), на долю природоморфной приходится 28% / 23%, антропоморфная метафора встречается в 11% / 19% случаев. Основные типы КМ, представляющие универсальные дискурсообразующие концепты в АПД XX – начала XXI веков представлены в таблицах 4.1, 4.2, 4.3, 4.4 и в Приложении В, таблице 4.

**Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей
универсальный дискурсообразующий концепт POLITICS
в АПД XX – начала XXI веков**

№	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
	<i>Структурная метафора</i>		
1.	POLITICS IS POWER (Политика – Власть)	14%	16%
2.	POLITICS IS WAR (Политика – Война)	12%	14%
3.	POLITICS IS THEATER (Политика – Театр)	7%	5,5%
4.	POLITICS IS BUSINESS (Политика – Бизнес)	5%	7,5%
5.	POLITICS IS SPORT (Политика – Спорт)	4,5%	5%
6.	POLITICS IS RELIGION (Политика – Религия)	2,5%	1,5%
7.	POLITICS IS GAMBLING (Политика – Азартная игра)	3%	1,8%
8.	POLITICS IS GOOD / EVIL (Политика – Добро / Зло)	3,5%	1,2%
9.	POLITICS IS JOURNEY (Политика – Путешествие)	2%	4,5%
10.	POLITICS IS CRIME (Политика – Преступление)	1,2%	2,7%
<i>Онтологическая метафора</i>			
11.	POLITICS IS NATURAL PHENOMENON (Политика – Природная стихия)	8,8%	7%
12.	POLITICS IS PLANT (Политика – Мир растений)	8,5%	4,5%
13.	POLITICS IS BEAST (Политика – Мир животных)	3,6%	3,8%
14.	POLITICS IS HUNT (Политика – Охота)	4,2%	5%
15.	POLITICS IS SCIENCE (Политика – Наука)	2,7%	2,5%
<i>Ориентационная метафора</i>			
16.	POLITICS IS UP (Политика – Вверху)	8,5%	9%
17.	POLITICS IS DOWN (Политика – Внизу)	5,5%	4,5%
ВСЕГО:		100%	100%

Принимая во внимание данные, приведенные в таблице 4.1, следует заметить, что еще в 1902 г. Теодор Рузвельт, создавший себе имидж первого великого американского героя нового столетия, продолжив курс 25-го президента США, Уильяма Мак-Кинли, используя структурную метафору «ПОЛИТИКА – ВОЙНА» в своих публичных выступлениях, акцентировал внимание на том факте, что сложившаяся политическая ситуация в мире усугубляется и не может рассматриваться как нормальная для переговоров и урегулирования международных отношений, а наоборот, способствует усилению конфронтации между мировыми державами:

(292) 'As civilization grows warfare becomes less and less be normal condition of foreign relations' [705].

Таблица 4.2

Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX – начала XXI веков

№	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
<i>Структурные метафоры</i>			
1.	POWER IS POLITICS (Власть – Политика)	12,7%	13,3%
2.	POWER IS DEMOCRACY (Власть – Демократия)	7,7%	8%
3.	POWER IS ACTION (Власть – Действие)	4%	2,7%
4.	POWER IS PATRIOTISM (Власть – Патриотизм)	3,5%	3,2%
5.	POWER IS FREEDOM (Власть – Свобода)	2,5%	1,8%
6.	POWER IS STRUGGLE (Власть – Борьба)	–	1,2%
7.	POWER IS HUNT (Власть – Охота)	1%	0,7%
8.	POWER IS SCIENCE (Власть – Наука)	0,8%	0,5%
9.	POWER IS GAMBLING (Власть – Азартная игра)	0,5%	1,5%
10.	POWER IS CRIME (Власть – Преступление)	0,6%	0,5%
11.	POWER IS DIGNITY (Власть – Достоинство)	0,06%	0,03%
12.	POWER IS WISH (Власть – Желание)	7,7%	8,3%
13.	POWER IS GOOD / EVIL (Власть – Добро /Зло)	2,2%	1,2%
14.	POWER IS DESTINATION (Власть – Место назначения)	1,7%	2%
<i>Онтологические метафоры</i>			
15.	POWER IS TROPHY (Власть – Трофей)	6%	5,8%
16.	POWER IS ARTIFACT (Власть – Артефакт)	5,2%	5,5%
17.	POWER IS a HUMAN BEING (Власть – Человек)	4,8%	5,3%
18.	POWER IS CONTAINER (Власть – Контейнер)	2,3%	1,8%
19.	POWER IS A NATURAL PHENOMENON (Власть – Природное явление)	1,5%	1,7%
20.	POWER IS PLANT (Власть – Мир растений)	0,9%	0,6%
21.	POWER IS a BEAST (Власть – Зверь)	0,4%	0,5%
22.	POWER IS TREASURE (Власть – Сокровище)	0,6%	0,7%
23.	POWER IS ENERGY (Власть – Энергия)	0,07%	0,2%
<i>Ориентационные метафоры</i>			
24.	POWER IS UP (Власть – Вверху)	16%	17%
25.	POWER IS DOWN (Власть – Внизу)	4%	6%
26.	POWER IS INSIDE (Власть – Внутри)	12%	7,3%
27.	POWER IS OUTSIDE (Власть – Снаружи)	1,3%	2,7%
	ВСЕГО:	100%	100%

**Количественная характеристика основных типов КМ,
представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE
в АПД XX – начала XXI веков**

№	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
<i>Онтологические метафоры</i>			
1.	STATE IS A HUMAN BEING (Государство – Живое существо)	16%	20%
2.	STATE IS MECHANISM (Государство – Механизм)	6%	4,9%
3.	STATE IS ARCHITECTURE (Государство – Архитектурное сооружение)	5%	4,3%
4.	STATE IS a NATURAL PHENOMENON (Государство – Природное явление)	10%	3,7%
5.	STATE IS PLANT (Государство – Растение)	3,7%	2,7%
6.	STATE IS ANIMAL WORLD (Государство – Мир животных)	2%	5%
<i>Структурные метафоры</i>			
7.	STATE IS CONTROL (Государство – Контроль)	9,3%	6,7%
8.	STATE IS SECURITY (Государство – Безопасность)	8%	9,7%
9.	STATE IS DEMOCRACY (Государство – Демократия)	4%	9,7%
10.	STATE IS SOLUTION (Государство – Решение)	–	0,7%
11.	STATE IS EQUALITY (Государство – Равенство)	7,3%	8%
12.	STATE IS SECURITY (Государство – Искусство)	2,1%	1%
13.	STATE IS PROTECTION (Государство – Безопасность)	3,3%	3,3%
<i>Ориентационные метафоры</i>			
14.	STATE IS UP (Государство – Вверху)	14%	12,7%
15.	STATE IS DOWN (Государство – Внизу)	6%	3%
16.	STATE IS INSIDE (Государство – Внутри)	12%	12%
17.	STATE IS OUTSIDE (Государство – Снаружи)	1,3%	2,3%
	ВСЕГО:	100%	100%

Историческая роль США, по мнению 35-го президента, Дж. Ф. Кеннеди, состоит в защите демократии, человеческих прав, мира, свободы и порядка, что не мешает адресанту использовать милитарную метафору на фоне традиционной оппозиции для АПД «Свой-Чужой»:

(293) *'The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe – the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God. We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans – born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage – and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this nation has always been committed, and to which we are committed today at home and around the world'* [669]

Холодная война (Cold War) между СССР и США, не признанная в международно-правовом смысле, представляла собой глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние с 1946 г. до конца 1980-х гг. Одной из главных составляющих конфронтации была идеологическая борьба между двумя сильнейшими державами СССР и США за доминирующее положение в мировом общественном мнении и политической сфере. Внешняя политика Рональда Рейгана (англ. Reagan Doctrine) поддерживала движения, выступающие за свержение просоветских и прокоммунистических режимов в странах третьего мира – в Азии, Африке, Центральной Америке. В результате проводимой политики в Афганистане, Анголе, Никарагуа шли гражданские войны, которые могут рассматриваться как опосредованные войны в рамках холодной войны.

Таким образом, большинство речей Р. Рейгана, правление которого приходится на 80-е годы XX ст. (20.01.1981–20.01.1989) содержат милитарную метафору как средство достижения интенции, а именно убеждение аудитории в правоте и необходимости проводимой страной международной политики, идущей на конфронтацию с противниками.

(294) *‘When we met in Detroit in that summer of 1980, it was a summer of discontent for America around the world. Our national defense had been so weakened, the Soviet Union had begun to engage in reckless aggression, including the invasion and occupation of Afghanistan. The U.S. response to that was to forbid our athletes to participate in the 1980 Olympics and to try to pull the rug out from under our farmers with a grain and soybean embargo. And in those years, on any given day, we had military aircraft that couldn't fly for lack of spare parts and ships that couldn't leave port for the same reason or for lack of a crew’ [692].*

Таблица 4.4

Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков

№	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	PEOPLE ARE UNITY (Народ – Единство)	28%	32%
2.	PEOPLE ARE FEELINGS AND EMOTIONS (Народ – Чувства и эмоции)	12%	12,5%
3.	PEOPLE ARE ANIMAL WORLD (Народ – Мир животных)	8%	10%
4.	PEOPLE ARE NATURAL PHENOMENON (Народ – Природная стихия)	6%	5,5%
5.	PEOPLE ARE PLANTS (Народ – Растение)	4,5%	3%
6.	PEOPLE ARE RELIGION (Народ – Религия)	3%	4,5%
7.	PEOPLE ARE DEMOCRACY (Народ – Демократия)	12%	11%
8.	PEOPLE ARE FORCE (Народ – Сила)	8,5%	7%
9.	PEOPLE ARE IN (Народ – Внутри)	6,5%	4,5%
10.	PEOPLE ARE OUT (Народ – Снаружи)	0,5%	0,7%
11.	PEOPLE ARE UP (Народ – Вверху)	7,5%	5,5%
12.	PEOPLE ARE DOWN (Народ – Внизу)	3,5%	3,8%
	ВСЕГО:	100%	100%

Социоморфная метафора со сферами-источниками «Война», «Преступность», «Экономика» приобретает особую популярность в АПД XX – начала XXI веков во время предвыборных кампаний и президентской

гонки. Для призыва к борьбе политики искусно нагнетают обстановку описаниями тяжелого положения простых американцев, применяя в своих агитационных выступлениях данный вид метафоры со сферой-источником «Война». Политик перед избирателями выступает в роли воина, который готов защитить государство от возникающих угроз, способен противостоять своим оппонентам, ведущим США к краху.

Современный политик должен представлять из себя харизматичного лидера, который берет на себя роль защитника и заботиться о благополучии людей:

(295) 'To make life safe for all our citizens, we must also address the growing threats we face from outside the country. ... I have a different vision for our workers. It begins with a new, fair trade policy that protects our jobs and stands up to countries that cheat' [725].

В данных примерах будущий президент акцентирует внимание на том, что именно он способен справиться с трудностями и противостоять силам, которые пытаются «сломить» их страну.

Политик позиционирует себя как предводитель армии, который направляет свое войско против своего оппонента. В своих выступлениях применяя личное местоимение «мы», Д. Трамп показывает свое единство с народом, а также то, что не ставит себя выше своих избирателей.

Таким образом, будущий президент заставляет население «ополчиться» против других политиков, и, в свою очередь, политик заслуживает поддержку избирателей при помощи грамотно поставленной речи.

В АПД начала XXI века особую популярность приобретает антропоморфная метафора со сферами-источниками «Болезнь», «Анатомия и физиология», т.к. применение в агитационной деятельности метафор из этой сферы-источника помогает политикам показать гражданам Америки всю ту боль, которую принесли стране предыдущие правители, и его готовность исправить последствия их правления:

(296) *'I saw the trouble our country was in, I knew I couldn't stand by and watch any longer. Our country has been so good to me. I love our country. And I felt I had to act'* [724].

Сравнивая государство с человеком «страна в беде, страна сделала мне много добра», Д. Трамп подразумевает, что государство – это индивидум, которому присуще все то, что свойственно человеку. Наделяя страну качествами и способностями, присущими человеку, президент дает понять, что народ своими поступками и мыслями создает объективную реальность. Таким образом, антропоморфная метафора используется политиком, чтобы ассоциировать США с живым человеком, который обладает личностными качествами, чувствами и эмоциями. При помощи данного вида метафоры, Д. Трамп склоняет избирателей голосовать именно за него, ведь, по его словам, только он способен исправить сложившуюся ситуацию и вернуть прежнюю силу США.

Обращение к природоморфной метафоре со сферой-источниками «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы» в АПД XXI в. используется для того, чтобы сравнить иммигрантов и террористов с животными, разрушающими все на своем пути.

Таким образом, президент отвлекает внимание от других более важных вопросов и гиперболизирует рамки страдания и страха мирных жителей США:

(297) *'They (immigrants) are being released by the tens of thousands into our communities with no regard for the impact on public safety or resources'* [716].

Применяя артефактную метафору в АПД политики по аналогии с артефактами метафорически моделируют политическую сферу, представляя ее компоненты как «Механизм», «Здание», «Сооружение», «Инструмент». Лингвисты предполагают, что аудитория не обязательно узнает каждое метафорическое понятие в политической речи. Скорее всего слушатели уловят общую символическую идею и «аллегорические темы», которые отанаиболее известную фразу Д. Трампа:

(298) *'Nobody knows the system better than me, which is why I alone can fix it'* [716].

В данном изречении домен фиксации, который относится к сферисточнику «Механизм», стал узнаваемой модной фразой. Используя метафору *fix* (исправить), президент ассоциирует решение проблем с ремонтом машины, т. к. глагол *to fix* имеет значение «ремонтировать», т. е. «исправлять какие-то поломки» в механизмах. В данном случае политик выступает как инженер, который знает, как работают «машины» и как обнаруживать неисправности, которые только он может исправить. Таким образом, Д. Трамп гиперболизирует свои возможности, чтобы эффективно воздействовать на аудиторию и показать свое превосходство по отношению к другим политикам в предвыборной гонке.

В результате исследования приходим к выводу, что разнообразие сферисточников и большое количество реализаций КМ в АПД ХХ – начала ХХІ веков приходится на период президентской избирательной кампании, а также возникновения острых политических вопросов и проблем, возникающих в государстве на различных этапах его исторического развития. КМ делают выступления президентов более убедительными и увеличивают их прагматический потенциал. В АПД ХХ – начала ХХІ веков КМ играют важную роль, выполняют когнитивную, прагматическую, коммуникативную и эстетическую функции, воздействуют на мышление аудитории, создавая нужный политику образ, вызывают определенные эмоции и в конечном итоге побуждают принимать определенные решения.

4.4 Общая характеристика стратегий и тактик в политическом дискурсе

Определяющими особенностями ПД являются информативность, идеологическая направленность, интертекстуальность, мифологичность. ПД рассматривается как форма социального действия, определяемая конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и

социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия ПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения.

ПД и ПЯ объединяет сфера социальной деятельности – политика. Являясь особой подсистемой национального языка, ПЯ предназначен для ПК и пропаганды своих идей, информационного влияния на членов социума, побуждения к определенным политическим действиям с целью одобрения принятых для власти социально-политических решений в условиях существования разнообразных мнений в обществе.

Выделение в ПД институциональности определяет значимость функционирования личности у власти. Под ЯЛ подразумевается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые разнятся по уровню структурно-языковой сложности, глубине и точности отображения действительности при условии определенной целевой направленности.

ЯЛ реализуется в определенном, характерном для нее, стратегическом и тактическом комплексе, который предусматривает наличие набора разноуровневых языковых средств, которые необходимы для создания текстов, где понятия стратегия и тактика получают особое значение для ЯЛ в целом и личности политика, и представляют собой оптимальную реализацию интенций того, кто говорит, направленную на достижение определенной, конкретно поставленной цели общения, согласованной с личностными и психологическими характеристиками участников коммуникативного процесса и обусловленных коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормам в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения.

В нашем исследовании ЯЛ рассматривается с позиции ее реализации в коммуникативных стратегиях и тактиках АПД и языковых средств ее выражения. Общий стратегический и тактический комплекс для политиков США обусловлен их статусом в политической системе страны, а также единой концепцией ее развития. В свою очередь, отличия обоснованы фактами собственной биографии, жизненным опытом и личностными характеристиками политиков и, как следствие, их индивидуальными вербальными и невербальными характеристиками.

Планирование речевой деятельности подчиняется стратегиям и тактикам. Понятие стратегии и тактики часто используются в исследованиях по прагматике. Однако при этом остается актуальной проблема толкования этих терминов, так как лингвисты не пришли к единому мнению о том, что они обозначают. Стоит при этом отметить, что наименования коммуникативная стратегия и речевая стратегия тождественны и обозначают наиболее общие понятия. Рассмотрим некоторые наиболее распространенные подходы к трактовке стратегий и тактик.

Иногда понятие стратегии рассматривается как цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств. С другой точки зрения, стратегия – реализация набора целей в структуре общения. По мнению М. Л. Макарова, эти два подхода дополняют друг друга, они вместе намного полнее раскрывают природу языкового общения и его строение. Каждое высказывание, как и их последовательность, выполняет множество функций и преследует множество целей, в связи с чем говорящим выбираются языковые средства, которые оптимально соответствуют имеющимся целям [264, с. 15].

Коммуникативная стратегия (далее КС) – вид коммуникативного поведения или коммуникативного воздействия, во время которого говорящим используются различные вербальные и невербальные средства для достижения определенной коммуникативной цели. Конечной

коммуникативной целью коммуникативной стратегии адресанта является коррекция картины мира адресата.

Коммуникативная тактика (далее КТ) представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. КС соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели [15, с. 11–13].

Согласно утверждению Е. А. Селивановой, КС – это составляющий компонент эвристической интенциональной программы планирования дискурса, его проведения и управления, с целью достижения единого результата эффективности, обмена информацией и коммуникативного воздействия. Принцип стратегичности дискурсивной деятельности, под которой понимается разновидность речевой деятельности, направленный на осознанное и целенаправленное образование целостных речевых произведений – обуславливает наличие КС [353, с. 20].

Существует конкретная типология стратегических целей:

1) проинформировать, конкретно и объективно дать представление о предмете разговора;

2) убедить – склонить к своему мнению, применяя нужные аргументы и доказательства, апеллируя в первую очередь к разуму собеседника, к его жизненному опыту;

3) побудить к действию – призвать, убедить собеседника в необходимости действия таким образом, чтобы ответной реакцией было прямое действие [199].

В зависимости от степени «масштабности» намерений, КС могут характеризовать конкретный разговор с его конкретными целями и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей. Этот факт обуславливает разграничение стратегий на общие и конкретные.

Конкретная коммуникативная интенция действия, коммуникативный смысл и интерактивный режим (выбор манеры, стиля, жанра и т. п.) – являются основой КС. По словам О. С. Иссерс, «вербальная коммуникация строится на основании представлений о речевом акте (или серии речевых актов), коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и адресата, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом. Сама же стратегия определяет выбор языковых средств, стилистических приемов и прагматических маркеров» [257].

Очевидным является то, что КС и КТ, при соблюдении конвенций, принципов, правил коммуникации служат для достижения поставленных целей. Стратегии связаны с общей идеей конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию адресанта: чем выше его компетентность в языке и речи, в использовании постулатов и правил общения, тем многообразнее стратегии и тактики, и тем успешнее он добивается поставленных целей. Считается, что чем более официальная обстановка общения и социальные роли говорящих, тем более жесткий план, более стереотипные рамки и строже контроль за стратегиями и тактиками [210].

Стратегический план и тактические ходы тесно связаны. Стратегическая цель может быть направлена на завоевание авторитета или желание понравиться, на передачу партнеру новых знаний, на изменение его мировоззрения, на создание хорошего настроения (или изменение на лучшее), на запугивание партнера, лишение его воли и способности сопротивляться, выведение из психологического равновесия, на убеждение сделать нечто, предостережение от необдуманного поступка, на воздержание от критики, и тому подобное [383]. Стратегический план может реализовываться с помощью целого ряда тактических ходов. Цепочка тактических ходов образует типизированные тексты общения соответственно сценариям коммуникативных эпизодов.

Имеющиеся в литературе типологии исходят из определенной сферы общения и формы коммуникации, разделение КС в диалоге на интерактивные, обусловленные социально-ролевым статусом коммуникантов, интерпретативные (логического следования) и руководящие (руководство вниманием партнера) или приспособленные к речевым актам разных типов конкретные стратегии в отличие от общих [187].

С точки зрения функциональности О. С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалогические и риторические) стратегии. Основной называется стратегия, которая на этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относят те, которые непосредственно имеют компонент воздействия на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективному диалогическому взаимодействию, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантической стратегии). В связи с этим выделяют стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоциональные компоненты стратегии и др. Коммуникативная ситуация диктует выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции адресанта [257].

Прагматические стратегии связаны с составляющими коммуникативной ситуации: автором, адресатом, каналом связи, коммуникативным контекстом. Диалогические и коммуникативные стратегии используются в разговорном анализе диалога.

Риторические стратегии определяют тактику формирования стилистических приемов и фигур, а также риторических техник воздействия на адресата.

В соответствии с задачами контроля за организацией диалога применяются диалогические стратегии, которые используются для наблюдения за темой, инициативой, степенью понимания в процессе разговора. Риторические стратегии, в рамках которых применяются приемы ораторского искусства и риторические техники влияния на адресата представляют личный тип стратегий.

Наивысшей формой речевого воздействия считается манипуляция, которая реализуется при взаимодействии участников общения, когда говорящий путем скрытого внедрения в психику слушающего желаний, намерений, целей или установок, не совпадающих с теми, что есть у адресата в данный момент, вынуждает последнего перестраивать свое мировоззрение и настроение.

Следует отметить, что КС носит манипулятивный характер, поскольку направлена на изменение поведения адресата, его модели мира, системы ценностей, что входит в цель говорящего. Кооперативный характер КС, способствует эффективности организации диалогического взаимодействия и оптимальному воздействию на адресата [79]. В широком значении, КС – некий тип поведения одного из говорящих в конкретной ситуации диалогического общения, который соответствует плану достижения коммуникативных (или глобальной) целей в рамках типового фреймового сценария [275].

А. А. Романов полагает, что речевая стратегия говорящего как составляющая плана реализации иллюкативного потенциала типового функционально-семантического поля раскрывает через определенные языковые форманты (показатели) иерархическое отношение между глобальной (основной) и тактическими (локальными) целями. Как тип речевого поведения стратегия может быть представлена в виде набора некоторых конститuentов – действий, соотносимых с планом, целями и условиями их достижения. Поэтому стратегию следует рассматривать как

некоторую перспекцию того, как различные цели могут и должны быть достигнуты и какой набор действий необходим для этого [342].

Часто стратегии относят к основному уровню осознания коммуникативной ситуации в целом, называя тактиками локальные риторические приемы и ходы речевого поведения [462]. Считается, что КС характеризуется динамичностью. В ходе общения она подвергается постоянной корректировке и изменяющемуся контексту высказывания, Н.П. Формановская считает, что стратегии связаны с общим замыслом конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии [424].

В. Б. Кашкин утверждает, что КС – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [199].

Семантическая стратегия может быть определена как способ индуцирования желательной семантики, которое осуществляется через использование различных языковых ресурсов. Семантические стратегии определяют, как и какими языковыми средствами цель может быть достигнута. Следовательно, стратегии этого типа имеют непосредственное отношение к выбору семантических, стилистических и прагматических средств. Возможность достичь цели разными путями находит отражение в понятии речевой тактики, которая в некоторой степени соотносится с понятием семантического хода у ван Дейка [145].

В нормативном общении различают жесткие, мягкие и гибкие дискурсивные стратегии. В понятие жесткой дискурсивной стратегии вкладывается линия речевого поведения личности, которая в любой коммуникативной обстановке сознательно нарушает принципы, нормы и конвенции общения ради достижения цели в кратчайшие сроки. Мягкая дискурсивная стратегия – это линия речевого поведения личности, которая в любой коммуникативной обстановке для достижения цели стремится

соблюдать принципы, нормы и конвенции общения. При осуществлении гибкой дискурсивной стратегии в зависимости от коммуникативной обстановки языковая личность либо сознательно нарушает принципы, нормы и конвенции общения, либо стремится соблюдать их [453].

Высказывание, рассматриваемое с точки зрения речевой деятельности, и ее частных проявлений – конкретных речевых действий – обладают структурой, основными компонентами которой являются оценка ситуации речи, формирование задачи действия и выбор языковых средств. В оценке говорящего, присутствует ориентация на слушающего. В зависимости от ожидаемой или осуществляемой в процессе реализации высказывания реакции слушающего перечисленные компоненты структуры речевого действия способны модифицироваться [134].

Инициатор общения строит образ адресата часто неосознанно. В этот образ входят следующие характеристики: 1) отношение к социальному статусу; 2) отношение к коммуникативному статусу (в момент общения); 3) эмоциональное отношение коммуникантов друг к другу; 4) отношение к самому факту общения; 5) отношение к необходимости общения для коммуниканта (общение необходимо или навязано); 6) отношение к результату эпизода общения: соответствует ли цель общения целям коммуниканта, его интересам, противоречит ли им или не затрагивает их; 7) интерес – отношение к результату деятельности (на кого и как она влияет); 8) отношение к исполнению программируемого действия (к распределению обязанностей); 9) отношение к информации, необходимой для реализации деятельности; 10) отношение к умению совершения деятельности (способен, не способен); 11) отношение к ведущей роли в эпизоде (коммуникативная роль: инициатор общения, адресат); 12) отношение к управлению деятельностью (кто обладает властью и поэтому может запрещать или разрешать); 13) отношение ко времени (когда должна совершиться деятельность: до, теперь, после) [127].

Исходя из данного образа, коммуникант должен определить, какие параметры адресата он должен изменить, выбрав при этом центральную характеристику. Такое действие мы считаем стратегией. То есть стратегия связана с тем, что человек решает, что нужно изменить и нужно ли изменить вообще. Руководствуясь своей стратегией, коммуникант выбирает кооперативное или некооперативное, вежливое или невежливое поведение.

Тактика – это уже выработка того, как добиться осуществления стратегии, на какие другие параметры собеседника нужно оказать влияние. В отличие от стратегий, тактики, обобщением которых являются принципы общения, конвенциональны, установлены культурой. Они ориентируются на многие параметры адресата и условия общения. Коммуникант решает, соответствует или не соответствует форма высказывания данным условиям, нужен ли конкретный речевой акт.

Тактика соотносится с конкретными речевыми актами или ходами и определяется социально-психологическими параметрами. Таким образом, стратегия задается коммуникативной ролью в эпизоде общения, а оформление коммуникативной роли – тактическая характеристика. При этом задача инициатора общения состоит в том, чтобы выбрать хорошую тактику для стратегии. Задача адресата в диалоге – за всеми тактическими приемами инициатора усмотреть стратегию. Исследование коммуникативных стратегий и тактик позволяет формулировать и уточнять предписания речевого поведения носителей языка, углублять описание смысла высказывания [102].

Под стратегией в ПД понимается оптимальная реализация интенций говорящего, направленная на достижение определенной цели общения, согласованная с личностными (статусно-ролевыми) и психологическими характеристиками участников коммуникативного процесса и обусловленная коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормами в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения [461].

При исследовании стратегий и тактик в ПД существенным является так называемый «фактор власти»: 1) завоевание или приход к власти в результате предвыборной кампании; 2) удержание власти путем доказательства эффективности работы ее институтов. Если первый этап предусматривает наличие комплекса фронтальных стратегий и тактик, то второй этап предусматривает доминирование кооперативных стратегий.

В ПД Е. И. Шейгал выделяет такие виды стратегий: стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты); стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение); стратегия анонимности как прием снятия ответственности [460]. Стратегии дискредитации и самопрезентации в политическом дискурсе на материале письменных текстов СМИ проанализировала О. С. Иссерс [179].

А. И. Башук рассматривает КС как часть политического ритуала. Автор выводит КС, которые апеллируют к социально-политическому контексту речи, а именно стратегию государственности, стратегию посвящения, стратегию официального дискурса, стратегию признания проблемы, стратегию декларации новых политических принципов [43].

Стратегии и тактики речевого общения воплощаются в определенных коммуникативных поступках, которые определяются очень важными составляющими сообщений, которые, в свою очередь, формируют дискурсы как категории общения. Идеальная структура ПД рассматривается как структура с реализованной первичной стратегией и с учетом фактора вежливости [199], где под первичной стратегией в политическом дискурсе понимается стратегия гармонизированного речевого поведения по принципу коммуникативного сотрудничества. Стратегия гармонии основывается на принципе речевой поддержки и непосредственно вытекает из теории речевой аккомодации.

Владение стратегиями и тактиками речевой коммуникации зависит от коммуникативной компетенции того, кто говорит, его психологического

состояния – степени комбинаторности мышления и владения своим эмоциональным состоянием, способностью варьировать свое речевое поведение, изменять речевые тактики в зависимости от возраста, пола коммуникантов, ориентации в психологической, когнитивной и других сферах адресата. В неконфликтном (кооперативном) общении в рамках ПД его стратегию определяют поиски и набор языковых способов представления, формирование благоприятной атмосферы взаимодействия всех участников коммуникации.

Коммуникативные стратегии в ПД дают возможность эффективно достичь цели дискурсивного плана (проинформировать, обратиться с просьбой), или вообще ориентированы на достижение более общих социальных целей (установление или поддержание статуса, проявление / подтверждение доминантности).

Кооперативное политическое общение является конвенциональным, плодотворным и конструктивным, поскольку основывается на поддержке коммуникантами определенных принципов.

В своем диссертационном исследовании О. Н. Паршина делает вывод о том, что в зависимости от особенностей и типа ЯЛ, используя возможность выбора, политики используют КС и КТ по-разному. Из всего возможного потенциала стратегий и тактик политик выбирает те речевые способы, которые формируют его политический речевой стиль и имидж в целом. Как основные ученый выделяет такие стратегии: самопрезентации, борьбы за власть, удержание власти, убеждения и около 30 тактик, например: тактика обвинения, критики, предписания путей решения проблем [303].

Стратегии в ПД отличаются лабильностью и динамикой в процессе общения они могут изменяться, корректироваться как слушателем, так и говорящим. Неконфликтное общение в ПД возможно тогда, когда выбранная говорящим КТ отличается достаточной коммуникативной компетенцией для того, чтобы согласовать коммуникативные намерения с коммуникативной целью.

В неконфликтном (кооперативном) общении в рамках ПД его стратегию отличает поиск «общего языка», то есть основ диалогического сотрудничества: подбор языковых средств, представления реального состояния вещей, выбор тональности общения, формирование благоприятной атмосферы взаимодействия участников коммуникации и т. п.

Таким образом, КС, используемые в ПД, могут быть разделены на основные (в процессе коммуникативного взаимодействия последние являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей) и вспомогательными (способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата).

Каждая КС в политическом тексте реализуется посредством целого спектра КТ, которые в свою очередь реализуются при помощи определенных лексико-синтаксических средств и риторических приемов. Некоторые тактики могут использоваться в рамках различных коммуникативных стратегий. Конкретные ходы и приемы позволяют воплотить и навязать авторскую точку зрения, манипулировать общественным сознанием.

КС и КТ в современном АПД дают возможность эффективно достичь цели дискурсивного плана или вообще ориентированы на достижение наиболее общих социальных целей, таких, как установление или поддержание статуса, завоевание или удержание власти.

4.5 Коммуникативные стратегии манипулирования и давления в президентских выступлениях XX – начала XXI веков

Процессуальная природа дискурса реализуется в категориях, представленных в КС и КТ, которые организуют восприятие и интерпретацию текста адресатом. КС в новой парадигме предстают как когнитивные процессы [454, с. 9–20], с помощью которых говорящий соотносит свои коммуникативные цели с их языковым выражением.

КС выступает фактором создания дискурса и имеет двухуровневую структуру: поверхностную, ориентированную на нормы социума, и

глубинную, где источником строения является не нормы социума, а диспозиция психологической структуры личности [384, с. 45–50]. КС – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, где серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения коммуникативной цели, стратегического результата, на который направлен коммуникативный акт [199].

АПД представляет собой когнитивно-коммуникативную систему, которая определяется единством трех аспектов: аспекта языкового использования, передачи идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и ситуациях. Социально-прагматический аспект реализуется благодаря сочетанию стратегий и тактик, которые организуют восприятие и интерпретацию текста адресатом, и является направленным на достижение целей коммуникантов, непосредственно связанных с интенциональностью речи.

КС – вид коммуникативного поведения или коммуникативного воздействия, во время которого говорящим используются различные вербальные и невербальные средства для достижения определенной коммуникативной цели. Конечной коммуникативной целью стратегии адресанта является коррекция картины мира адресата.

КТ представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. КС соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели [15, с. 11–13].

Существует конкретная типология стратегических целей:

- 1) проинформировать, конкретно и объективно дать представление о предмете разговора;
- 2) убедить – склонить к своему мнению, применяя нужные аргументы и доказательства, апеллируя в первую очередь к разуму собеседника, к его жизненному опыту;
- 3) побудить к действию – призвать,

убедить собеседника в необходимости действия таким образом, чтобы ответной реакцией было прямое действие [127, с. 259–336].

В зависимости от степени «масштабности» намерений, КС могут характеризовать конкретный разговор с его конкретными целями и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей. Этот факт обуславливает разграничение стратегий на общие и конкретные.

Конкретная коммуникативная интенция действия, коммуникативный смысл и интерактивный режим (выбор манеры, стиля, жанра и т. п.) – являются основой КС. По словам О. С. Иссерс, «вербальная коммуникация строится на основании представлений о речевом акте (или серии речевых актов), коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и адресата, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом. Сама же стратегия определяет выбор языковых средств, стилистических приемов и прагматических маркеров» [178, с. 51–54].

Следует признать, что КС и КТ, при соблюдении конвенций, принципов, правил коммуникации служат для достижения поставленных целей. Стратегии связаны с общей идеей конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Владение КС и КТ входит в прагматическую компетенцию адресанта: чем выше его компетентность в языке и речи, в использовании постулатов и правил общения, тем многообразнее стратегии и тактики, и тем успешнее он добивается поставленных целей. Считается, что чем более официальная обстановка общения и социальные роли говорящих, тем более жесткий план, более стереотипные рамки и строже контроль за КС и КТ [134, с. 327–337].

Стратегический план и тактические ходы тесно связаны. Стратегическая цель может быть направлена на завоевание авторитета или желание понравиться, на передачу партнеру новых знаний, на изменение его мировоззрения, на создание хорошего настроения (или изменение на лучшее), на запугивание партнера, лишение его воли и способности

сопротивляться, выведение из психологического равновесия, на убеждение сделать нечто, предостережение от необдуманного поступка, на воздержание от критики, и тому подобное [311]. Стратегический план может реализовываться с помощью целого ряда тактических ходов. Цепочка тактических ходов образует типизированные тексты общения соответственно сценариям коммуникативных эпизодов. КТ выполняют функцию способов осуществления стратегии речи.

Самыми общими стратегиями воздействия на адресата в АПД XX – начала XXI веков являются стратегии манипулирования и давления. Американский вариант английского языка отличается определенной спецификой, отражается в количественном составе контекстов, объективирует КС в национальном дискурсе (см. таблицу 4.5).

Таблица 4.5

Количественная характеристика КС в АПД XX – начала XXI веков

Тип стратегии	XX в.		XXI в.	
	абс. ч-сть	%	абс. ч-сть	%
Стратегия манипулирования	280	55	89	58
Стратегия давления	229	45	64	42
ВСЕГО:	509	100	153	100

Как свидетельствуют данные таблицы 4.5, доминирует стратегия манипулирования, как в XX, так и в XXI вв., которая количественно представлена примерно одинаково (55% от общего количества в XX в., 58% – в XXI в. соответственно).

Следует заметить, что в АПД адресант не ограничивается рациональным убеждением, а стремится манипулировать сознанием адресата. Под манипуляцией в психологии понимают воздействие, нацеленное на изменение активности человека в интересах манипулятора, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им.

Е. Л. Доценко выделяет основные признаки психологической манипуляции: обман, эксплуатация, управление, принуждение,

структурирование мира и использование другого в качестве объекта в интересах манипулятора [145]. При этом зачастую намерения, возникающие в результате подобного психологического воздействия, не совпадают с существующими желаниями. Мишенью манипулирования, которое практически всегда носит скрытый характер, являются психологические структуры человеческой личности [145].

Для манипуляции характерно отношение к другому как к средству достижения собственной цели, стремление получить односторонний выигрыш от коммуникации и скрытый характер воздействия. При этом целенаправленное преобразование информации, а именно ее искажение или утаивание, является важной составляющей манипулятивного воздействия. В результате вербальные средства, используемые манипулятором, становятся принципиально важными для достижения им успеха.

П. Б. Паршин определяет манипулирование как «такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого) побуждая его вести себя угодным манипулирующим способом ... При этом языковым манипулированием называется «осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [302, с. 57–58]. Подобным образом определяет языковую манипуляцию Ю.К. Пирогова: «Языковое манипулирование – это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении ...» [302, с. 77].

О. Н. Паршина разграничивая манипуляцию и демагогию, акцентирует внимание на том, что целью первой прежде всего является навязывание выгодного для манипулятора действия, а ко второй относятся различные «высокопарные рассуждения, использование пустых обещаний ... и недоказанных фактов» [303, с. 36], что, в принципе, все равно используется

для воздействия на адресата, который далее будет иметь определенное мнение и совершать в соответствии с ним некоторые поступки.

Стратегия манипулирования – является видом психологического воздействия, осуществление которого приводит к скрытому возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с желанием этого человека [145, с. 59].

В приведенном примере наблюдаются скрытые намерения адресанта: сформировать в сознании реципиентов мнение, что власть президента осуществляется только благодаря воле народа, избравшего его, в тесном взаимодействии с ним и принимая во внимание непосредственно мнение всех слоев населения для проведения как внутренней, так и внешней политики страны:

(299) *‘My fellow-citizens, no people on earth have more cause to be thankful than ours, and this is said reverently, in no spirit of boastfulness in our own strength, but with gratitude to the Giver of Good who has blessed us with the conditions which have enabled us to achieve so large a measure of well-being and of happiness. To us as a people it has been granted to lay the foundations of our national life in a new continent. We are the heirs of the ages, and yet we have had to pay few of the penalties which in old countries are exacted by the dead hand of a bygone civilization. We have not been obliged to fight for our existence against any alien race; and yet our life has called for the vigor and effort without which the manlier and hardier virtues wither away. Under such conditions it would be our own fault if we failed; and the success which we have had in the past, the success which we confidently believe the future will bring, should cause in us no feeling of vain glory, but rather a deep and abiding realization of all which life has offered us; a full acknowledgment of the responsibility which is ours; and a fixed determination to show that under a free government a mighty people can thrive best, alike as regards the things of the body and the things of the soul. Much has been given us, and much will rightfully be*

expected from us. We have duties to others and duties to ourselves; and we can shirk neither’ [710].

Скрытая интенция адресанта достигается благодаря использованию апеллятива *‘my fellow-citizens’*, что сокращает дистанцию между говорящим и массовым слушателем, а также сравнительной конструкции *‘no people on earth have more cause to be thankful than ours’*, ярко демонстрирующей ведущий дискурсообразующий концепт АПД PEOPLE. Особого внимания заслуживает подбор сложносочиненных предложений с союзами *‘but’* и *‘and’*, использующихся с целью прямого влияния на подсознание адресата, внешне повышающих статус слушателя, играющих на его самолюбии с целью сокращения дистанции между говорящим и слушающим.

(300) *‘President Clinton, distinguished guests and my fellow citizens, the peaceful transfer of authority is rare in history, yet common in our country. With a simple oath, we affirm old traditions and make new beginnings. ... Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations.*

Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even after nearly 225 years, we have a long way yet to travel. While many of our citizens prosper, others doubt the promise, even the justice, of our own country. The ambitions of some Americans are limited by failing schools and hidden prejudice and the circumstances of their birth’ [627].

Направленность манипулятивной стратегии в примере (300) обозначена апеллятивами, КМ, простыми по структуре предложениями, инверсией с целью усиления влияния на подсознание массового слушателя, а также высокой концентрацией слов-номинантов ведущих национально-маркированных концептов AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY и универсального дискурсообразующего концепта АПД PEOPLE.

Вторая коммуникативная стратегия – давление – представляет собой влияние на адресата, с целью заставить его принять необходимые для

коммуниканта действия, нежелательные для адресата. Стратегия коммуникативного давления на партнера по коммуникации наблюдается в следующих примерах:

(301) *'If those things come to pass in other parts of the world, let no one imagine that America will escape, that America may expect mercy, that this Western Hemisphere will not be attacked and that it will continue tranquilly and peacefully to carry on the ethics and the arts of civilization. If those days come "there will be no safety by arms, no help from authority, no answer in science. The storm will rage till every flower of culture is trampled and all human beings are leveled in a vast chaos." If those days are not to come to pass—if we are to have a world in which we can breathe freely and live in amity without fear—the peace-loving nations must make a concerted effort to uphold laws and principles on which alone peace can rest secure. The peace-loving nations must make a concerted effort in opposition to those violations of treaties and those ignorings of humane instincts which today are creating a state of international anarchy and instability from which there is no escape through mere isolation or neutrality'* [694]

(302) *'If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately and unconditionally forswear, disclose, and remove or destroy all weapons of mass destruction, long-range missiles, and all related material. If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately end all support for terrorism and act to suppress it, as all states are required to do by U.N. Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will cease persecution of its civilian population, including Shi'a, Sunnis, Kurds, Turkomans, and others, again as required by Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will release or account for all Gulf War personnel whose fate is still unknown. It will return the remains of any who are deceased, return stolen property, accept liability for losses resulting from the invasion of Kuwait, and fully cooperate with international efforts to resolve these issues, as required by Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately end all illicit trade outside the oil-*

for-food program. It will accept U.N. administration of funds from that program, to ensure that the money is used fairly and promptly for the benefit of the Iraqi people. If all these steps are taken, it will signal a new openness and accountability in Iraq. And it could open the prospect of the United Nations helping to build a government that represents all Iraqis -- a government based on respect for human rights, economic liberty, and internationally supervised elections' [630].

В данных примерах (301, 302) адресанты используют синтаксический параллелизм, а именно сложноподчиненные предложения с придаточными условия, представленными союзом *'if'*, глагол в императиве *'let no one imagine'*, а также превалирует использование глаголов действия в будущем простом времени *'will escape'*, *'will not be attacked'*, *'will continue'*, *'will disclose, remove, destroy'* и т.п., модальных глаголов, представляющих возможность спонтанного действия в связи со сложившимися обстоятельствами *'if we are to have a world'*, физическую и умственную возможность *'can breathe freely and live'*, *'could open the prospect'*, моральный долг *'must make a concerted effort'*, наречия со значением образа действия *'immediately'*. Особого внимания заслуживают повторы различного характера, представленные в примерах (301, 302) как востребованный прием речевой манипуляции и давления, в том числе политического, поскольку являются действенным способом достижения запланированного эффекта, особым образом влияя на тональность и мелодику текстового пространства, подсознательно оказывая влияние на мнение и выбор адресата.

Иллокутивная цель использования таких языковых средств заключается в желании подчинить другого коммуниканта, заставить его действовать согласно своим целям и по своим правилам, вызвать у него определенные негативные эмоции.

Стратегическое использование лингвистических средств в АПД XX – начала XXI веков направлено на формирование и создание особого сознания – массового, поглощающего индивидуальное сознание, что

обуславливает использование стратегии манипулирования, которая имеет косвенное, но очень существенное влияние на менталитет людей. Стратегия манипулирования является видом психологического воздействия, осуществление которого приводит к скрытому возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с желанием этого человека [145].

В АПД XX – начала XXI веков эта стратегия реализуется в 19 тактиках (см. табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Типы коммуникативных тактик, реализующих стратегию
манипулирования в АПД XX – начала XXI веков**

№	Тактика	XX век	Начало XXI века
1.	«анализ-плюс»	+	++
2.	«анализ-минус»	+	–
3.	обвинения	+	–
4.	безличного обвинения	+	–
5.	обличения	+	++
6.	угрозы	++	+++
7.	презентации	+	+
8.	самопрезентации	+	++
9.	отвода критики	+	+
10.	самооправдания	+	+
11.	побуждения	+	++
12.	кооперации	+	++
13.	размежевания	+	++
14.	информирования	+	+
15.	обещания	+	++
16.	прогнозирования	+	++
17.	предупреждения	+	++
18.	иронизирования	+	+
19.	провокации	+	++

Манипулятивная стратегия в основном выражена апелляциями, концептуальной метафорой, простыми по структуре предложениями, инверсией с целью усиления влияния на подсознание массового слушателя, а также высокой концентрацией слов-номинантов основных национально-

маркированных концептов AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY и дискурсообразующего концепта АПД PEOPLE:

(303) *‘Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations. Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even after nearly 225 years, we have a long way yet to travel’* [627].

Другой ведущей коммуникативной стратегией в АПД XX – начала XXI веков является стратегия давления, которая представляет собой влияние на адресата, с целью заставить его принять необходимые для коммуниканта действия, нежелательные для адресата. Стратегия давления характеризуется как целенаправленное деструктивное коммуникативное поведение и реализуется в АПД XX – начала XXI вв. с помощью 10 тактик (см. табл. 4.7).

Таблица 4.7

**Типы коммуникативных тактик, реализующих стратегию давления
в АПД XX–XXI веков**

№	Тактика	XX век	Начало XXI века
1.	обличения	+	++
2.	приказа	+	+++
3.	угрозы	++	++
4.	обвинения	++	++
5.	побуждения	+	+
6.	«создания образа врага»	+++	+++
7.	оскорбления	–	+
8.	дистанцирования	+	+
9.	размежевания	–	+
10.	эмоционального воздействия	+	+++

Стратегия коммуникативного давления на партнера по коммуникации в большинстве случаев достигается с помощью тактик угрозы, дистанцирования, размежевания и эмоционального воздействия, которые реализуются в рамках сложноподчиненных предложений синтаксическим

параллелизмом, модальными глаголами и семантическим повтором. Это востребованный прием речевой манипуляции и давления, в том числе политического, поскольку являются действенным способом достижения запланированного эффекта, особым образом влияя на тональность и мелодику текстового пространства, подсознательно оказывая влияние на мнение и выбор адресата:

(304) *'If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately and unconditionally forswear, disclose, and remove or destroy all weapons of mass destruction, long-range missiles, and all related material. If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately end all support for terrorism and act to suppress it, as all states are required to do by U.N. Security Council resolutions'* [630].

Коммуникативные стратегии манипулирования и давления являются универсальными для АПД XX – начала XXI веков. Отличие заключается в выборе речевых приемов, которые зависят от особенностей исторического развития, мировой и внешней политики, социально-экономического положения на определенном этапе, лингвокультурного своеобразия картины мира коммуникантов, а также стереотипов поведения, социально-статусной принадлежности адресата, в данном исследовании – президента как гаранта Конституции США. Стратегия манипулирования является более частотной как в XX, так и в XXI веке по сравнению со стратегией давления.

В АПД XXI века отмечается доминирование роли адресанта (президента), позиционирующего себя более четко как субъект власти, а не исполняющего номинальную функцию, что, прежде всего, осуществляется благодаря демонстрации в президентской речи внутреннего мира политика, его вероисповедания и мировоззрения, материальных и духовных ценностей, а также коммуникативных интенций.

Таким образом, АПД XX – начала XXI веков представляет собой не только сложившуюся и функционирующую согласно сложившимся историческим традициям, риторике и правил публичной политики, оформившихся согласно устоявшимся моделям адресантно-адресатных

конфигураций в данном типе институционального дискурса, но и средство воздействия на партнера по общению, реализацию коммуникативных интенций адресата (президента) и координацию индивидуальной системы знания и опыта адресанта (массового реципиента), т. е. взаимодействие сознаний двух субъектов: индивидуального и массового. Президентская риторика отражает политическую и речевую культуру американского общества, представляет различные мнения, социальные воззрения определенных общественных групп и слоев, а также отдельных личностей во власти.

Выводы к главе 4

1. Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти, способной создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности, при определенной целевой направленности. Идеологическая направленность высказывания заключается в том, что политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или в ряде случаев «навязывает» получателю текста. В АПД исследуемых периодов установлены пять основных моделей адресантно-адресатной конфигурации, которые определяют характер коммуникации и являются определяющим фактором при выборе форм и стратегий общения: 1) адресант (президент) – адресат (граждане США); 2) адресант (президент) – адресат (мировое сообщество); 3) адресант (президент) – адресат (политические сторонники); 4) адресант (президент) – адресат (политические противники); 5) адресант (президент) – адресат (Конгресс). В данных моделях адресант выполняет корректирующую роль при подборе стратегий и средств аргументации, реализуется тип языковой личности, стремящейся к убеждению, покорению, принуждению и демонстрирующей доминирование.

2. Интенция борьбы за власть или ее удержание – это специфическая характеристика АПД, которая постоянно присутствует во всех его жанрах. В АПД язык рассматривается как средство осуществления социальной власти, как средство формирования, а не выражения мировоззрения. В интенциональном аспекте одной из наиболее значимых особенностей АПД XX века является его метафоричность, представленная двумя ведущими моделями КМ: структурной и онтологической. В данном виде дискурса метафоры проявляют себя как мощные эмоциональные побудители к действию и как средство прагматического воздействия с целью категоризации мира политики и изменения картины мира граждан страны и мирового сообщества. Представленные типы КМ являются как средством формирования у адресата необходимого адресанту эмоционального состояния и мировосприятия, преобразования имеющейся в сознании адресата политической картины мира, так и средством побуждения его к определенным поступкам и действиям в социальной и политической сферах.

В корпусе выявленных метафор исходными сферами источниками являются СОЦИУМ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК. Количественный анализ материала свидетельствует о преобладании социоморфной метафоры. Приоритетность вышеуказанной метафоры для актуализации универсальных дискурсообразующих концептов POLITICS, POWER, STATE и PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков объясняется тем, что данный вид метафоры включает в себя продуктивный набор метафорических моделей, которые дают представление о доминировании определенных стереотипных мыслей американского языкового сообщества о существующих явлениях, субъектах и объектах политики, государства и власти. Социоморфная метафора является неотъемлемым инструментом системы речевого воздействия, благодаря которому происходит взаимодействие языка, политики и общественного сознания.

3. Стратегическое использование лингвистических средств в АПД XX – начала XXI веков направлено на формирование и создание особого сознания

– массового, поглощающего индивидуальное сознание, что обуславливает использование стратегии манипулирования, которая имеет косвенное, но очень существенное влияние на менталитет людей. В АПД XX – начала XXI веков эта стратегия реализуется в 19 тактиках: «анализ-плюс», «анализ-минус», обвинения, безличного обвинения, обличения, угрозы, презентации, самопрезентации, отвода критики, самооправдания, побуждения, кооперации, размежевания, информирования, обещания, прогнозирования, предупреждения, иронизирования, провокации. В XX веке доминируют тактики «анализ-плюс», побуждения, обещания и предупреждения. В XXI веке расширяется набор тактик, реализующих манипулятивную стратегию. На первый план выходят тактики «анализ-минус», обвинения, угрозы, размежевания, обещания, прогнозирования, предупреждения и провокации. Манипулятивная стратегия в основном выражена апелляциями, КМ, простыми по структуре предложениями, инверсией с целью усиления влияния на подсознание массового слушателя, а также высокой концентрацией слов-номинантов основных национально-маркированных концептов AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY и дискурсообразующего концепта АПД PEOPLE. Другой ведущей коммуникативной стратегией в АПД XX – начала XXI веков является стратегия давления, которая представляет собой влияние на адресата, с целью заставить его принять необходимые для коммуниканта действия, нежелательные для адресата. Стратегия давления характеризуется как целенаправленное деструктивное коммуникативное поведение и реализуется в АПД XX – начала XXI веков. с помощью 10 тактик: обличения, приказа, угрозы, обвинения, побуждения, «создания образа врага», оскорбления, дистанцирования, размежевания. В XX веке ведущими тактиками для реализации стратегии давления являются тактики угрозы, обвинения, «создания образа врага». В XXI веке вышеуказанные тактики не утрачивают своей актуальности, но в то же время появляются новые, такие как тактика размежевания, и наиболее частотными становятся тактики обличения, приказа, побуждения и эмоционального

воздействия, которые реализуются в рамках сложноподчиненных предложений синтаксическим параллелизмом, модальными глаголами и семантическим повтором. Это востребованный прием речевой манипуляции и давления, в том числе политического, поскольку являются действенным способом достижения запланированного эффекта, особым образом влияя на тональность и мелодику текстового пространства, подсознательно оказывая влияние на мнение и выбор адресата.

Коммуникативные стратегии манипулирования и давления являются универсальными для АПД XX – начала XXI веков. Отличие заключается в выборе речевых приемов, которые зависят от особенностей исторического развития, мировой и внешней политики, социально-экономического положения на определенном этапе, лингвокультурного своеобразия картины мира коммуникантов, а также стереотипов поведения, социально-статусной принадлежности адресата, в данном исследовании – президента как гаранта Конституции США. Стратегия манипулирования является более частотной как в XX, так и в XXI веке по сравнению со стратегией давления. В АПД XXI века отмечается доминирование роли адресанта (президента), позиционирующего себя более четко как субъект власти, а не исполняющего номинальную функцию, что, прежде всего, осуществляется благодаря демонстрации в президентской речи внутреннего мира политика, его вероисповедания и мировоззрения, материальных и духовных ценностей, а также коммуникативных интенций. Таким образом, президентская риторика отражает политическую и речевую культуру американского общества, представляет различные мнения, социальные воззрения определенных общественных групп и слоев, а также отдельных личностей во власти.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [394; 402; 406; 407; 408; 411; 412; 415; 417; 418; 419].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации подведены итоги исследования и представлены его основные результаты:

1. Комплексное системное исследование развития АПД XX – начала XXI веков, актуализируемого в публичных выступлениях президентов, позволило установить динамику его концептуального пространства и коммуникативной организации, обусловленную политическим и социокультурным контекстом рассматриваемых исторических периодов. Включение исторической перспективы в анализ данного вида дискурса отражает динамическую природу, обусловленную функционированием этого образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра. Концептосфера АПД, реализуемая системой дискурсообразующих и национально-маркированных концептов, в большей степени подвержена трансформациям, чем коммуникативная организация данного типа дискурса.

2. Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности у власти, способной создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности, при определенной целевой направленности. Интенция борьбы за власть или ее удержание является специфической характеристикой АПД во всех его жанрах. АПД характеризуется идеологичностью и аксиологичностью. Идеологическая направленность высказывания заключается в том, что: политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или в ряде случаев «навязывает» получателю текста. Важнейшей характеристикой АПД является его этнокультурная специфика, представляемая культурными смыслами – коммуникативным поведением и ценностным отношением «коллективной языковой личности» к фрагментам политической реальности.

3. Основу семантического пространства АПД в XX – начала XXI веков составляют универсальные дискурсообразующие концепты POLITICS, STATE, POWER и PEOPLE и национально-маркированные концепты AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY, COLD WAR, PRESIDENT, THE FIRST LADY, CRISIS, SECURITY, TERRORISM. Дискурсообразующие концепты регулярно актуализируются во всех жанрах публичных выступлений президентов США XX – начала XXI веков. Национально-маркированные концепты демонстрируют большую динамику, что проявляется в доминировании актуальных когнитивных признаков и лакунарности на определенных этапах развития американского лингвокультурного сообщества. Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концептов, их ключевых слов в дискурсе, в частности, выявлены важнейшие тенденции в американской президентской речи, обусловленные сменой ориентиров современного американского общества, что непосредственно находит выражение в подборе лексических и синтаксических, а также стилистических средств вербализации дискурсообразующих и национально-маркированных концептов. Тенденция к увеличению в структуре дискурсообразующих и национально-маркированных концептов числа признаков отражается изменениями в языке и является показателем его развития и национально-культурной обусловленности, подверженной влиянию социально-политических процессов. В публичных выступлениях президентов США как носителей соответствующей культуры и статусно-ролевых отношений в XX – начале XXI веков приоритетны те компоненты национально-маркированных концептов, которые связаны с историческими и социокультурными аспектами в жизни американского лингвокультурного сообщества.

4. Универсальные дискурсообразующие и национально-маркированные концепты в АПД XX – начала XXI веков вербализуются разноуровневыми языковыми единицами, среди которых наиболее продуктивными являются фразеологизмы, терминологизмы, мифологемы, идеологемы, эпитеты,

метонимии, эвфемизмы, анафоры, семантические повторы, синтаксический параллелизм. Интертекстуальность АПД заключается в признании факта существования нескольких реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание (политические деятели, политическая группировка или партия, от которой выступает копирайтер или спичрайтер, редактор и т. д.). Однако интертекстуальность как характеристика АПД, а значит, и публичного выступления президента не исключает возможность исследования речевого поведения политика и диагностирование на основе его личностных характеристик.

5. Концептуальная метафора является наиболее продуктивным способом репрезентации универсальных дискурсообразующих и национально-маркированных концептов в АПД XX – начала XXI веков. Наиболее продуктивны структурные метафоры с такими сферами источниками, как POWER, WAR, THEATER, BUSINESS, PROFESSION и SPORT. Доминирование военной метафоры POLITICS IS WAR в обоих периодах указывает на то, что политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается в терминах войны со всеми и против всех, что может быть объяснено сущностью самого ПД – борьбой за власть.

6. Президентская риторика отражает политическую и речевую культуру американского общества, представляет различные мнения, социальные воззрения определенных общественных групп и слоев, а также отдельных личностей. Навязывание адресату собственной позиции адресанта по поводу существующей действительности, ее интерпретации, представленной в тексте публичного выступления, напрямую связано с принятием массовым реципиентом определенных решений, выработкой социально значимых позиций и осуществлением конкретных практических действий, что находит отражение в адресантно-адресатных конфигурациях.

7. В коммуникативной организации АПД XX – начала XXI веков метафоры проявляют себя как мощные эмоциональные возбудители и как средство прагматичного воздействия с целью категоризации мира политики и

изменения картины мира граждан страны. Проанализированные типы КМ являются средством преобразования имеющейся в сознании адресата политической картины мира, средством побуждения к определенным поступкам и средством формирования у него продиктованного адресантом эмоционального состояния. Универсальными типами КМ в АПД XX – начала XXI веков являются метафоры, использующие в качестве сфер-источников антропоморфные и социоморфные домены. Тенденция к исторической стабильности и незначительному обновлению в метафорическом инструментарии, используемом адресантом (президентом) в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует о консерватизме президентской речи и соблюдении правил, сложившихся в американской президентской риторике и проверенных веками. Взаимодействие тенденций стабильности и вариативности американской президентской метафорической системы проявляется в том, что, несмотря на сформированные и четко структурированные метафорические модели, развитие культуры, науки, техники, изменения в укладе жизни, общественно-политическая ситуация в мире, господствующая идеология в государстве влияют на арсенал метафор и на появление новых вариантов устоявшейся метафорической модели, углубление ее аллюзивного потенциала, что свидетельствует о принципиально новых направлениях метафорических смыслов.

8. Коммуникативные стратегии манипулирования и давления являются универсальными для АПД XX – начала XXI веков. Отличия заключаются в выборе речевых приемов, которые зависят от особенностей исторического развития, мировой и внешней политики, социально-экономического положения на определенном этапе, лингвокультурного своеобразия картины мира коммуникантов, а также стереотипов поведения, социально-статусной принадлежности адресата, в нашем исследовании – президента как гаранта Конституции США. Стратегия манипулирования является более продуктивной как в XX, так и в XXI веке по сравнению со стратегией давления. Доминирование манипулятивной стратегии в АПД обоих периодов

обусловлено рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеет мировоззрение людей рассматриваемой исторической эпохи, детерминированной в большей степени господствующей идеологией и социально-политической ситуацией, сложившейся в мире и диктующей условия проживания и выживания, как в родной стране, так и в постоянно изменяющемся мире.

Перспективным представляется использование предложенной модели описания АД в изучении других типов институционального дискурса, а также национальных политических дискурсов различных лингвокультурных сообществ. Последующие исследования могут быть также сосредоточены на изучении невербальных компонентов коммуникации в политическом дискурсе.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АПД – американский политический дискурс

ДФК – дискурсивная формация концептов

ИД – институциональный дискурс

КА – концептуальный анализ

КЛ – когнитивная лингвистика

КМ – концептуальная метафора

ККМ – концептуальная картина мира

КС – концептосфера

ЛЕ – лексическая единица

ПГТ – политический газетный текст

ПГД – политический газетный дискурс

ПД – политический дискурс

ПК – политическая коммуникация

ПЛ – политическая лингвистика

ПЯ – политический язык

ФЕ – фразеологическая единица

ЯКМ – языковая картина мира

ЯЛ – языковая личность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельсон, Р. П. Структуры убеждений / Р. П. Абельсон. – Текст непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 317–380.
2. Акинина, П.С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Акинина Полина Сергеевна. – Тверь, 2019. – 20 с. – Текст непосредственный.
3. Аكوпова, Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова. – Текст непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – М., 2013. – №6(1). – С.403–409.
4. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н.Ф. Алефиренко. – Текст непосредственный // Когнитивная семантика: материалы II Междунар. школы-семинара. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 33–36.
5. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с. – Текст непосредственный.
6. Алещанова, И.В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса / И.В. Алещанова. – Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 131–140.
7. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – Изд-во Московского университета. Факультет журналистики. – 390 с. – ISBN 978-5-211-06231-3. – Текст : непосредственный.
8. Антонова, Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук / Антонова Юлия Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – 25 с. – Текст : непосредственный.

9. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: Т. 2. / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с. – Текст : непосредственный.

10. Арискина, О.Л., Дрянгина, Е.А. Языковая и коммуникативная личность: разные подходы к исследованию / О.Л. Арискина, Е.А. Дрянгина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. ун-та, 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. – С. 15–18.

11. Аристов, С.А., Сусов, И.П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А. Аристов, И.П. Сусов. – URL: <http://homepages.tversuru/Susov/Aristov.htm>. (дата обращения: 10.11.2021). – Текст : электронный.

12. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. – Т. 4. – М., 1983. – Текст : непосредственный.

13. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-ех тт. – Т. 4. – М., 1983. – Текст : непосредственный.

14. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с. – Текст : непосредственный.

15. Арутюнова, Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Высшая школа. – 1983. – С. 11–13.

16. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 1–32.

17. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990а. – С. 136–137.

18. Арутюнова, Н.Д. Речевой акт / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990б. – С. 412–414.

19. Арутюнова, Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1990в. – С. 175–189.

20. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1998. – 381 с. – Текст : непосредственный.

21. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

22. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов. – Текст : непосредственный // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

23. Атьман, О.В. Вербализация стратегии саморепрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США / О.В. Атьман. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – №1 (35). – С. 96–102.

24. Афанасьева, О.В. Понимание прилагательного как признакового слова. Ономазиологический подход к изучению лексики / О.В. Афанасьева. – Текст : непосредственный // К юбилею ученого. Сб. науч. трудов, посвященного юбилею докт. филол. наук, проф., гл. научного сотрудника лаборатории теоретического языкознания РАН Елены Самойловны Кубряковой. – М.: МГПУ, 1997. – С. 29–36.

25. Бабушкин, А.П. Объективное и субъективное в языке / А.П. Бабушкин. – Текст : непосредственный // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории): Материалы научн. конференции 23–25 апреля 1998 г. – М.: РАНИЯ, 1998 г. – С. 28–31.

26. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996.–104 с. – Текст : непосредственный.

27. Баранов, А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания / А.Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Язык как социальное познание. – М., 1990. – С. 166–167.

28. Баранов, А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен / А.Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 40–53.

29. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 73–95.

30. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56, № 1. – С. 11–21. – Текст : непосредственный.

31. Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М., 1994. – 351 с. – Текст : непосредственный.

32. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов. – URL: <http://evartist.narod.ru>. (дата обращения: 21.12.2021). – Текст : электронный.

33. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов, 2001. – М. – 245 с. – Текст : непосредственный.

34. Баранов, А. Н. Что нас убеждает? / А. Н. Баранов. – М. : Знание, 1990. – 63 с. – Текст : непосредственный.

35. Басова Л.В. Административно-политический социолект в тюменских печатных СМИ / Л.В. Басова // Вестник Тюменского государственного университета. – С. 83-89. – Текст : непосредственный.

36. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – [перевод с французского Г.И. Косикова] – М., 1989. – 615 с. – Текст : непосредственный.

37. Басырова, Н.Т. Политический дискурс / Н.Т. Басырова – URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Politologia/46717.doc.htm. (дата обращения: 15.06.2022). – Текст : электронный.

38. Баталов, Э.Я. Политическая культура современного американского общества / Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1990. – 256 с. – Текст : непосредственный.

39. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа / М.М. Бахтин. – Текст : непосредственный. // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 473–500.

40. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. – Текст : непосредственный. // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – с. 263.

41. Бахтин, М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. – Текст : непосредственный.

42. Бацевич, Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики: [підручник] / Ф.С. Бацевич. – К.: Видавничий центр “Академія”, 2004. – 344 с. – Текст : непосредственный.

43. Башук, А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста / А.И. Башук. – Текст : непосредственный // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Т. 19 (58). – 2006. – №2. – С.9–45.

44. Белова, Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса: (на материале слушаний комитетов и подкомитетов Конгресса США): 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Белова Елена Николаевна –

Российский гос. пед. ун-т им. Герцена. – Спб., 1995. – 18 с. – Текст : непосредственный.

45. Белова, А.Д. Американизм, американский политический дискурс и идиостиль президента Теодора Рузвельта / А.Д. Белова. – Текст : непосредственный // Вісник Харківського держ. ун-ту. – 1999. – № 430. – С. 6–13.

46. Белова, А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / А.Д. Белова. – К.: Логос, 2003. – 304 с. – Текст : непосредственный.

47. Белова А. Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці / А. Д. Белова. – Текст : непосредственный // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – Серія Іноземна філологія. – 2002. – Вип. 32. – С. 11–14.

48. Белявская, Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Белявская Елена Георгиевна. – М., 1991. – 495 с. – Текст : непосредственный.

49. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [перевод с французского Ю.Н. Караулова и др.] // Под общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 447 с. – Текст : непосредственный.

50. Бережная, Т.М. Президентская риторика США в системе пропагандистского манипулирования общественным сознанием / Т.М. Бережная. – Текст : непосредственный // Язык и стиль буржуазной пропаганды: Сборник. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 157–178.

51. Бессонова, О. Л. Оценочный тезаурус английского языка: когнитивный и гендерный аспекты : монография / О. Л. Бессонова. – Донецк: ДонНУ, 2002. – 362 с. – Текст : непосредственный.

52. Бессонова, О.Л., Долгополова, В.В. Концептуальная организация англоязычных новостных медиа-текстов, посвященных сирийскому кризису / О.Л. Бессонова, В.В. Долгополова. – Текст : непосредственный // Studia

Germanica, Romanica et Comparatistica, 2017. Т. 13, Вып. 1-2 (35-36). – С. 12–25.

53. Бессонова, О.Л., Госсар, Ю.Л. Реализация категории оценки в англоязычном политическом дискурсе / О.Л. Бессонова, Ю.Л. Госсар. – Текст : непосредственный // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков. Вып. 23 / под общей редакцией М.В. Пименовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 479 с.

54. Бессонова, О.Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка / О.Л. Бессонова. – Текст : непосредственный // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж. федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. коммуникации. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. 351 с. – С. 12–20.

55. Бессонова, Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л.Е. Бессонова. – Текст : непосредственный // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Т. 16 (55). – № 1: Филологические науки. – Симферополь, 2004. – С. 22–27.

56. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар. – Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия / [сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина / под общ. ред. В.В. Петрова]. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.

57. Блох, М.Я., Великая, Е.В. Просодия в стилизации текста / М.Я. Блох, Е.В. Великая. – М.: «Прометей» МПГУ, 2011. – 120 с. Текст : непосредственный.

58. Богданов, В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении / В.В. Богданов. Текст : непосредственный // Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. – С. 18–25.

59. Богданов, В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / В.В. Богданов. Текст : непосредственный // Язык, дискурс, личность: меж. вуз. сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 1990 (а). – С. 26–31.

60. Богин, Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Текст : непосредственный // Общая психолингвистика: Хрестоматия. М., 2004. – С. 230–258.

61. Болдырев, Н.Н. Категориальное значение глагола как способ концептуализации события / Н.Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Когнитивная лингвистика конца 20 века: мат-лы Междунар. научн. конф. 7–9 октября 1997: В 3 ч. – Ч. 2. – Минск: МГЛУ, 1997. – С. 9–13.

62. Болдырев, Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения / Н.Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Филология и культура: междунар. конф., 7–9 октября 1999 г. : мат-лы докл. – Тамбов, 1999. – С. 62–69.

63. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: [курс лекций по англ. филологии] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2001. – 123 с. – Текст : непосредственный.

64. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. – Текст : непосредственный.

65. Бондаренко, А.Ф. Локальное сложноподчиненное предложение (на мат-ле франц. языка) / А.Ф. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Лексическая и грамматическая семантика романских и германских языков. Романо-германская филология. – Кишинев, 1989. – С. 15–22.

66. Бондаренко, Є.В. Картина світу і дискурс: реалізація дуальної природи людини / Є.В. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. І.С. Шевченко. – Харків: Константа, 2005. – С. 36–64.

67. Бондаренко, К.М. Картина мира: опыт лингво-когнитивного синтеза / К.М. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – Харків: Константа, 2004. – № 635. – С. 8–12.

68. Бондаренко, О.С. Про співвідношення між мовною та концептуальною картинами світу / О.С. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Наук. записки Луганського нац. пед. ун-ту. – Вип. 4. – Т.1. – Серія "Філологічні науки", "Альма-матер", 2003. – С. 37–44.

69. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с. – Текст : непосредственный.

70. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на мат-ле русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с. – Текст : непосредственный.

71. Борисенкова, Л.М. К вопросу о некоторых особенностях немецкой концептосферы / Л.М. Борисенкова. – Текст : непосредственный // Лексикология и стилистика. Современные тенденции развития. К 70-летию В.С. Вашукина и В.А. Портянникова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 139–147.

72. Борисенков, А.А. Понятие политической деятельности / А.А. Борисенков // ВВ: Проблемы политики и общества. 2013. №5. С.1–28. – URL: http://e-notabene.ru/pr/article_610.html (дата обращения: 10.12.2021). – Текст : электронный.

73. Борисов, О.О. Мовні засоби вираження емоційного концепту страх: лінгво-когнітивний аспект (на мат-лі англомовної художньої прози): 10.02.04 «Германські мови» : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Борисов Олексій Олександрович – Донецьк, 2005. – 20 с. – Текст : непосредственный.

74. Бородкина, Г.С. Концепты "Angst" и "Freude" в семантическом пространстве языка и его австрийского варианта : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора

филологических наук / Г.С. Бородкина. – Воронеж, 2002. – 22 с. – Текст : непосредственный.

75. Борщев, В.Б. Естественная языковая математика для описания наивной картины мира / В.Б. Борщев. – Текст : непосредственный // Спорное в лингвистике. Московский лингвистический альманах. – Вып. 1. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – С. 203–225.

76. Брутян, Р.А. Язык и картина мира / Р.А. Брутян. – Текст : непосредственный // НД Вш. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–115.

77. Бублик, І.Ф. Комуникативно-прагматичні та лінгвостилістичні аспекти реалізації вербальної агресії в парламентському дискурсі ФРН : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бублик І.Ф. – Харків, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.

78. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелева. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 576 с. – Текст : непосредственный.

79. Быкова, О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия / О.Н. Быкова. – Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения // Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 96–99. – Текст : непосредственный.

80. Васильева, М.О. Метафорична реалізація концепту ПОЛІТИКА в сучасному англomовному політичному дискурсі: 10.02.04 «Германські мови» автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Васильева Марина Олександрівна – Харків, 2008. – 20 с. – Текст : непосредственный.

81. Васильев, С.А. Язык, значение и картина мира / С.А. Васильев. – Текст : непосредственный // Известия АНКАЗ. ССР. Серия общественная. – 1972. – №4. – С. 41–48.

82. Вашталова, Ю.С. Риторические особенности американского политического дискурса: когнитивно-семантический аспект (на материале

речей политических лидеров США) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Вашталова Юлия Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2009. – 17 с. – Текст : непосредственный.

83. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. М., 1990. – Текст : непосредственный.

84. Вежбицкая, А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус / А. Вежбицкая: [перевод с английского] // Язык и структура знания. – М.: Наука, 1990. – С. 63–83. – Текст : непосредственный.

85. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая: [перевод с английского] – М.: Русские словари, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.

86. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежбицкая: [перевод с английского А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной]. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с. – Текст : непосредственный.

87. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая: [перевод с английского]. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. – Текст : непосредственный.

88. Великих, О.Ю. К проблеме исследования лексико-семантических групп афро-американского сленга / О.Ю. Великих. – Текст : непосредственный // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики: всерос. науч.-практ. конф., 21-24 июня 2000 г.: мат-лы докл. – Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ И.И. Ползунова, 2000. – С. 148–155.

89. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке: Учеб. пособие / З.Н. Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с. – Текст : непосредственный.

90. Вернадский, В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Высш. школа, 1986. – 639 с. – Текст : непосредственный.

91. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн: [перевод с немецкого]. – М.: Гнозис, 1994. – Кн. 1. – Ч. 1. – 520 с. – Текст : непосредственный.

92. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак: [перевод с английского и немецкого; ВГПУ]. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с. – Текст : непосредственный.

93. Водак, Р. Взаимосвязь "дискурс-общество" : когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак– Текст : непосредственный // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 123–136.

94. Волкова, Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в исследовании институционального дискурса / Т.А. Волкова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17. – С. 37–42.

95. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. – Текст : непосредственный.

96. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 69–81.

97. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев. – URL: <http://tp11999.narod.ru/WEBTPL2002/VORKACHEVTL2002.HTM> (дата обращения: 11.09.2022). – Текст : электронный.

98. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный.

99. Воробьева, О.П. Лингво-когнитивный аспект вторичной текстовой номинации / О.П. Воробьева. – Текст : непосредственный // К юбилею ученого : Сб. научн. тр., посвященный юбилею доктора филол. наук, проф. Е.С. Кубряковой. – М.: МГПУ, 1997. – С. 51–54.

100. Воробйова, О.П. Когнітивна поетика: здобутки і перспективи / О.П. Воробйова. – Текст : непосредственный // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2004. – №635. – С. 18–22.

101. Ворожбитова, А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты : монография / А.А. Ворожбитова: Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела. – Сочи : СГУТиКД, 2000. – 319 с. – Текст : непосредственный.

102. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Воронцова Татьяна Александровна. – Челябинск. – 2006. – 44 с. – Текст : непосредственный.

103. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с. – Текст : непосредственный.

104. Гаврилова, М.В. Лингвистический анализ политического текста / М.В. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. СПб: СПбГУ, 2002. Вып .3. – С .88–108.

105. Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования, 2004. – № 3. – С. 127–139.

106. Гайкова, О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: (на мат-ле англ. яз.): автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / О.В. Гайкова. – Волгоград, 2003. – 19 с. – Текст : непосредственный.

107. Гак, В.Г., Васильев, Л.М. Теория семантических полей (обзор) / В.Г. Гак, Л.М. Васильев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 103–113.

108. Гак, В.Г. Высказывание / В.Г. Гак. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1990а. – С. 90.

109. Гак, В.Г. Лексическое значение слова / В.Г. Гак. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990б. – С. 261–263.

110. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 768 с. – Текст : непосредственный.

111. Герасименко, Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н.А. Герасименко. – Текст : непосредственный // Политический дискурс в России-2. – М., 1998. – С. 20–23.

112. Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка / В.И. Герасимов, В.В. Петров. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 5–11.

113. Герасимов, В.И., Ильин, М.В. Политический дискурс-анализ / В.И. Герасимов, М.В. Ильин. – Текст : непосредственный // Политическая наука, 2002. – № 3. – С. 68–75.

114. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – Избр. произведения: в 2-х томах. – М., 1964. – Т. 2. – С. 116. – Текст : непосредственный.

115. Головань, О.В. Семантико-ассоциативная структура концепта "Война" / О.В. Головань. – Барнаул: Изд-во Алт ГГУ, 2001. – 119 с. – Текст : непосредственный.

116. Голованевский, А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах / А.Л. Голованевский. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – М.: Нефтяник, 2002. – № 3 – С. 76–88.

117. Голубева, Т.М. Дискурсивно детерминированная лексико-семантическая трансформация слов в американском и британском политическом дискурсе / Т.М. Голубева. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета, 2017, Т.16, №1 – С. 109–117.

118. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковых картин мира : монография / И.А. Голубовская – К.: Издат.-полиграф. центр "Киевский университет", 2002. – 293 с. – Текст : непосредственный.

119. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. – С. 113–170. – Текст : непосредственный.

120. Горина, Е.В. Президентская риторика Б. Обамы / Е.В. Горина. – Текст : непосредственный // Вісник ХНУ. – Харьков, 2011. – №973. – С. 24–29.

121. Городецька, О.В. Національно-марковані концепти в британській картині світу ХХ століття : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертації на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Городецька Олена Василівна. – К., 2003. – 20 с. – Текст : непосредственный.

122. Грушевская, Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста / Т.М. Грушевская. – СПб., Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – 116 с. – Текст : непосредственный.

123. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт : [перевод с немецкого]. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с. – Текст : непосредственный.

124. Гурочкина, А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании / А.Г. Гурочкина. – Текст : непосредственный // Номинация и дискурс. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – С. 12–15.

125. Гусева, О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: (на материале президентских обращений к нации) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гусева Ольга Александровна. – Калуга, 2006. – 228 с. – Текст : непосредственный.

126. Даньшина, О.В. Ключові концепти електорального дискурсу республіканців США / О.В. Даньшина. – Текст : непосредственный // Вісник ХНУ. – 2007. – № 773. – С. 32–34.

127. Дейк ван, Т. А. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.

128. Дейк ван, Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк, В. Кинч. – Текст : непосредственный. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 121–153.

129. Дейк ван, Т. А. Анализ новостей как дискурса: [перевод с английского] / Сост.: В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111–160. – Текст : непосредственный.

130. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т.А. ван Дейк ; [перевод с английского языка под ред. В. И. Герасимова]. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с. – Текст : непосредственный.

131. Дейк ван, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: [перевод с английского] / Т.А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с. – Текст : непосредственный.

132. Дементьев, В.В. Фатические речевые жанры / В. В. Дементьев – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С.37–55.

133. Демьянков, В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный. // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–67.

134. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков. – М.: Наука. – 1989. – Т.41. №4. – 1982. – С.327–337. – Текст : непосредственный.

135. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.

136. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 116–133.

137. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.

138. Денискіна, Г.О. Тактико-стратегічний комплекс жанру передвиборчих теледебатів (на мат-лі теледебатів за участі кандидатів на посаду Президента України В.Ф. Януковича та В.А. Ющенко) / Г.О. Денискіна. – Текст : непосредственный // Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова. Серія 9: Актуальні проблеми сучасного мовознавства. – М. – 2006. – № 1. – С. 15–17.

139. Джіоева, А.А. Концепт "understatement" в англійській мовній моделі світу / А.А. Джіоева. – Текст : непосредственный // Язика в сучасному світі: Матеріали конференції. – М., 2004. – Т. 1. – С. 191–198.

140. Джіоева, А.А. Англійський менталітет крізь призму мови: концепт "privacy" / А.А. Джіоева. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Сер. 19. Лінгвістика і міжкультурна комунікація. – 2006. – № 1. – С. 41–59.

141. Дзялошинський, І.М. Комунікативне вплив: цілі, стратегії, технології. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с. – Текст : непосредственный.

142. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : колективна монографія / [Безугла Л.Р., Бондаренко Є.В., Донець П.М. та ін.]; під ред. І.С. Шевченко. – Харків: Константа, 2005. – 356 с. – Текст : непосредственный.

143. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с. – Текст : непосредственный.

144. Добросклонская, Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская. – Текст :

непосредственный // Вестник МГУ. – Сер. 10 : Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.

145. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – 3-е изд., испр. и перераб. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 294 с. – Текст : непосредственный.

146. Дроздова, С.А. Некоторые аспекты изучения концепта “власть” / С.А. Дроздова. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья, 2002 – № 35. – С. 93–97.

147. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я. Дымарский [изд. 3-е, испр.]. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с. – Текст : непосредственный.

148. Жаботинская, С.А. Когнитивные и коммуникативные аспекты класса числительных / С. А. Жаботинская. – М.: ИЯРАН, 1992. – 216 с. – Текст : непосредственный.

149. Жаботинская, С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – К., 1993. – С. 48–56.

150. Жаботинская, С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Лінгвістичні студії. – Вип. 2. – Черкаси: Сіяч. – 1997. – С. 3–11.

151. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Вісник Черкаського ун-ту. Серія філологічні науки. – Вип. 11. – Черкаси: Сіяч. – 1999. – С. 12–25.

152. Жаботинская, С.А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. трудов. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – 231 с.

153. Жаботинская, С.А. Ономаσιологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // С любовью к языку. – М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. Гос. ун-т, 2002. – С. 115–123.

154. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Мова: Зб. наук. праць. – Одеса: Одеський нац. ун-т, 2003. – С. 1–26.

155. Жаботинская, С.А. Теория номинации: когнитивный ракурс / С.А. Жаботинская. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Лексика в разных типах дискурса. – М.: МГЛУ, 2003. – Вып. 478. – С. 145–164.

156. Жаботинська, С.А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи / С.А. Жаботинська. – Текст : непосредственный // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя М. Кочергана: Зб. наук. пр. – К.: КНЛУ, 2006. – С.178–193.

157. Жарковская, И.В. Гипо-гиперонимические отношения лексико-семантических вариантов существительного "conflict" / И.В. Жарковская. – Текст : непосредственный // Лінгвістичні дослідження : Зб. наук. праць / За заг. ред. проф. Л.А. Лисиченко. – Харків, 2005. – Вип. 16. – С. 117–122.

158. Жбанков, М.М. Жанровая система как институциональный признак дискурса клинических исследований (на материале английского языка) / М.М. Жбанков. – Текст : непосредственный // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы IV Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апреля 2013 г. / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. редактор) [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – С.155-162. – ISBN 978-985-500-484-5.

159. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи. Психолінгвістическая интерпретация речевого воздействия / В. И. Жельвис. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушанского, 1990. – 81 с. – Текст : непосредственный.

160. Желтухина, М. Р. Тропология суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке

СМИ: монография / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград; Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с. – Текст : непосредственный.

161. Жуковець, Г. Л. Маніфести лейбористської партії Великої Британії як різновид політичного тексту / Г. Л. Жуковець. – Текст : непосредственный // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць / [відп. ред. О.С. Снитко]. – К.: Логос, 1999. – С.113–125.

162. Заботкина, В.И. Особенности строения лексических категорий / В.И. Заботкина. – Текст : непосредственный // Мат-лы научн. конф. 23–25 апр. 1998. – М. РАНИЯ, 1998. – С. 75–76.

163. Зайкулина, Л.М. Когнитивная метафора в разносистемных языках / Л.М. Зайкулина. – Текст : непосредственный // Композиционная семантика: мат-лы Третьей Межд. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сентября 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Ред. кол.: Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Ч. 1. – С. 191–193. – Текст : непосредственный.

164. Зайчикова, Н. В. Языковой образ современного американского политика: от объективного к моделируемому: монография / Н.В. Зайчикова. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2011 – 227 с. – Текст : непосредственный.

165. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-т, 1990. – 205 с. – Текст : непосредственный.

166. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская – М.: РГГУ, 1999. – 382 с. – Текст : непосредственный.

167. Захаров, А.С. Когнитивные механизмы языкотворчества / А.С. Захаров. – Текст : непосредственный // Композиционная семантика: Мат-лы 3 межд. Школы семантики по когнитивной лингвистике, 18–20 сент. 2002 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2 ч. – Ч. 2. – Тамбов: Изд. ТГУ, 2002. – С. 29–31.

168. Зацний, Ю.А. Америка і світ після "11 вересня" та англійська мова / Ю.А. Зацний. – Текст : непосредственный // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2005. – № 23. – С. 7–11.

169. Зацний, Ю.А., Янков, А.В. Інновації у словниковому складі англійської мови початку ХХІ століття: англо-український словник / Ю.А. Зацний, А.В. Янков. – Вінниця: Нова Книга, 2008. – 360 с. – ISBN 978-966-382-156-6. – Текст : непосредственный.

170. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 336 с. – Текст : непосредственный.

171. Иванова, С.В. Исследования семантической области с помощью фреймов / С. В. Иванова. – Л., 1986. – 188 с. – Текст : непосредственный.

172. Иванова, С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм / С. В. Иванова. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2004. – 150 с. – Текст : непосредственный.

173. Иванова, С. В. Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект) / С. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 54–59.

174. Иванова, С.В. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса / С.В. Иванова. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. – №8 (15). Ч.1. – С. 74–77.

175. Иванова, Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Иванова Юлия Михайловна – Волгоград, 2003. – 19 с. – Текст : непосредственный.

176. Ивлева, М.Х. Базисные концепты ментального мира человека (на мат-ле тавтологий типа жизнь есть жизнь) / М.Х. Ивлева. – Уфа: РИО Баш. ГУ, 2002. – 140 с. – Текст : непосредственный.

177. Инжечик, А.А. Особенности политического языка, общественно-политической лексики и терминология в современном немецком языке / А.А. Инжечик. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 12(66): в 4-х ч. – Ч. 4. – 2016. – С. 108–111.

178. Иссерс, О.П. «Паша «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О.П. Иссерс. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 1997. – №2. – С.51–54.

179. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с. – Текст : непосредственный.

180. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, – 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-9765-0766-1 (Флинта). – ISBN 978-5-02-034575-1 (Наука). – Текст : непосредственный.

181. Ишмуратов, А. Т. Логико-когнитивный анализ онтологии дискурса / А.Т. Ишмуратов. – Текст : непосредственный / Рациональность и семиотика дискурса // АНУ Институт Ф-и.-К.: Наук. Думка, 1994. – С. 171–183.

182. Калашова, А.Ш. Особенности референции в политической коммуникации / А.С. Калашова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Междунар. сб. научных трудов. Вып. 8. – Москва; Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – С. 445–452.

183. Канчер, М.А. О трех аспектах описания языковой личности / М.А. Канчер. – Текст : непосредственный // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. – С. 311–318.

184. Капранов, О.П. Взаємодія словотвірних метонімії та метафори у теорії “концептуальної інтеграції” (на матеріалі похідних іменників німецької мови) / О. П. Капранов. – Текст : непосредственный // Науковий

вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. – Серія Філологія. – 2002. – Вип. 6. – С. 182–188.

185. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. трудов / [отв. ред. В. И. Карасик]. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 3–18.

186. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. трудов / [отв. ред. В. И. Карасик]. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.

187. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

188. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров ИНИОН РАН. – М., 2000. – С. 157–159.

189. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002а. – 330 с. – Текст : непосредственный.

190. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002б. – 477с. – Текст : непосредственный.

191. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с. – Текст : непосредственный.

192. Карасик, В.И. Дискурс / В.И. Карасик. – Текст : непосредственный. // Социальная психолінгвістика: Хрестоматія. Москва: Лабіринт, 2007. С. 162–196.

193. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с. – Текст : непосредственный.

194. Караулов, Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю.Н. Караулов. – Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 67–96.

195. Каримова, Б.С. Жанровое пространство политического дискурса / Б.С. Каримова. – Текст : непосредственный // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. Алматы, 2006. – №2 (92). – С. 37–41.

196. Карпенко-Иванова, У. Фрейм "вооруженное противостояние" в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции / У. Карпенко-Иванова. – К., 2006. – 232 с. – Текст : непосредственный.

197. Карпова, К.С. Вербалізація національно-специфічних концептів американського суспільства ХХ – початку ХХІ століття : 10.02.04 «Германські мови» : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Карпова Катерина Сергіївна. – Київ, 2008. – 17 с. – Текст : непосредственный.

198. Касавин, И.Т. Ситуационный контекст / И.Т. Касавин. – Текст : непосредственный // Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2008. – С. 267–280.

199. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие / В.Б. Кашкин / Воронежский гос. технический ун-т. – Воронеж: Издательство ВГПУ, 2000. – 175 с. – Текст : непосредственный.

200. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

201. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Вест. Москов. ун-та. Сер. 9 Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

202. Ковалева, Л.В. Фразеологизм в когнитивном аспекте / Л.В. Ковалева. – Текст : непосредственный // Гуманитаризация обучения и

актуальные проблемы лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 51–55.

203. Коваль, М. Н. Відбиття розвитку мовної картини світу у лексиці іспаномовного суспільно-політичного дискурсу / М.Н. Коваль – Текст : непосредственный // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць / [відп. ред. О. С. Снитко]. – К.: Київ. нац. у-т ім. Тараса Шевченка. – 2002. – № 7. – С. 224–230.

204. Кожин А. Н. Функциональные типы русской речи : учебное пособие для филол. спец. ун-тов / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М. : Высш. шк., 1982. – С. 40–47. – Текст : непосредственный.

205. Кожина М. Н. Истоки и перспективы речеведения / М.Н. Кожина. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой; Саратов. ун-т. Саратов, 2003а. С. 34–46.

206. Кокорина, К.А. Репрезентация концепта «Power» / «Сила» в дискурсе политика (на материале публичных выступлений Терезы Мей) : 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Кокорина Ксения Александровна. – Москва, 2021. – 246 с. – Текст : непосредственный.

207. Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая. – М.: Междунар. Ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с. – Текст : непосредственный.

208. Константинова, А.А. Современный американский политический дискурс: Паремии в риторике Барака Обамы / А.А. Константинова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – Сер. Филология. – Томск, 2010. – №331. – С. 7–13.

209. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе (некоторые особенности языка современной газетной публицистики) / В. Г. Костомаров. – М.: Моск. гос. ун-т., 1971. – 265 с. – Текст : непосредственный.

210. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2012. – 170 с. – Текст : непосредственный.

211. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996. – 160 с. – Текст : непосредственный.

212. Кравченко, В.Л. Семантичні та лінгвопрагматичні характеристики концепту ЄВРОПА в сучасному англійському політичному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 "Германські мови" / Кравченко В.Л. – К., 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.

213. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультуре: монография / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с. – Текст : непосредственный.

214. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография / В.В. Красных. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – Текст : непосредственный.

215. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2001. – 270 с. – Текст : непосредственный.

216. Красных, В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с. – Текст : непосредственный.

217. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с. – Текст : непосредственный.

218. Красовский, Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональных концептов / Н.А. Красовский. – Текст : непосредственный // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Мат-лы международного симпозиума молодых ученых "Лингвистическая панорама рубежа веков". – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 18–28.

219. Краткий словарь когнитивных терминов / [сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрат, Л.Г. Лузина]. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245с. – Текст : непосредственный.

220. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика / О.А. Крылова. – Кн. 1. – М.: Высшая школа, 2006. – Текст : непосредственный.

221. Крючкова, П.Г. Авторитарный дискурс (на мат-лі сучасної англ. мови) : 10.02.04 «Германські мови» : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Крючкова П.Г. – К., 2003. – 21 с. – Текст : непосредственный.

222. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 150 с. – Текст : непосредственный.

223. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

224. Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18–28.

225. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – Психология – Когнитивная наука / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–37.

226. Кубрякова, Е.С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Изв. АН России. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–15.

227. Кубрякова, Е.С. Новые пути исследования феномена значения в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Тезисы докладов межд. конференции. – Ч. 1. – М.: РУДМ, 1997. – С. 60–62.

228. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. – Тамбов: РАНИЯ, 1997. – 327 с. – Текст : непосредственный.

229. Кубрякова, Е.С. Языковое пространство и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литература и язык. – 1997. – Т.56, №3. – С.22–31.

230. Кубрякова, Е.С. Виды пространства и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова. – Текст : непосредственный // Категоризация мира: Пространство и время: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997а. – С. 15–26.

231. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Тр. Междунар. конф. "Филология и культура". – Тамбов: ТГУ, 1999, С. 6–13.

232. Кубрякова, Е. С. Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / Е. С. Кубрякова. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7–25. – Текст : непосредственный.

233. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность. Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. – С.7–25.

234. Кубрякова, Е.С. Понятия "дискурс" и "анализ дискурса" в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность: Сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 3–15.

235. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Изв. АН. Серия литературы и языка. – 2002. – Т.61, №1. – С. 13–25.

236. Кубрякова, Е.С. О современном понимании термина "концепт" в лингвистике и культурологии / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports. – Tambov: Tambov University Press, 2002. – Iss. 2. – С. 2–13.

237. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

238. Куликов, В.Г. К вопросу о путях формирования концептуальных систем в национальных вариантах английского языка / В.Г. Куликов. – Текст : непосредственный // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы Межд. науч. конф. 22–24 апреля 2004. / Отв. ред. Т.А. Фесенко: М-во образования и науки Рос. Федерации, Ин-т языкознания Рос. академии наук, Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Институт исследования развития яз. процессов в Австрии и в лит-ре INST (Вена, Австрия). – М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – Т. II. – С. 340–346.

239. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – [2-е изд., перераб.]. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с. – Текст : непосредственный.

240. Купина, Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург-Пермь, 1995. – 143 с. – Текст : непосредственный.

241. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М., 2003. – 400 с. – Текст : непосредственный.

242. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. – М., 1987. – С. 126–172.

243. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов: [перевод с английского] / Дж. Лакофф. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 12–51.

244. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: [перевод с английского] / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – Текст : непосредственный.

245. Левенкова, Е.Р. Контрастивный анализ национально-специфических коцептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США / Е.Р. Левенкова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. – № 32 (213). Филология. Искусствоведение. – Вып. 48. – С. 62-70.

246. Левицкий, А.Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка / А. Э. Левицкий. – К.: "АСА", 1998. – 362 с. – Текст : непосредственный.

247. Левицкий, А.Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Левицкий Андрей Эдуардович – К., 1999. – 396 с. – Текст : непосредственный.

248. Левицкий, А.Э. Коммуникативно-когнитивные аспекты номинативной деятельности индивида / А.Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Композиционная семантика: мат-лы III-го междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; ред. кол. : Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др. : В 2 ч. – Ч. 2. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 13–15.

249. Левицкий, А.Е. Основи функціональної лінгвістики / А.Е. Левицкий. – Ніжин: Редакційно-видавничий відділ НДПУ, 2004. – 124 с. – Текст : непосредственный.

250. Левицкий, В.В. Семасиология / В.В. Левицкий. – Винница: Нова книга, 2006. – 512 с. – Текст : непосредственный.

251. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы лингвокультурного общения / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – Текст : непосредственный.

252. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 213 с. – Текст : непосредственный.

253. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Лань, 2003. – 285 с. – Текст : непосредственный.

254. Линнас, Э.А. Информационные технологии в политическом дискурсе / Э.А. Линнас. – Текст : непосредственный // Языковой дискурс в социальной практике: Мат-лы межрегиональной научно-практической конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С. 161–166.

255. Липилина, Л.А. Концептуальное моделирование метафорического значения / Л.А. Липилина. – Текст : непосредственный // Когнитивнопрагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – С. 121–128.

256. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия лит-ра и язык. – 1993. – 31. – С. 3–9.

257. Лобас, П.П. Тропика, синонимика, топика как основные средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики) : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Лобас Павел Павлович. – Ростов-на-Дону. – 2011. – 19 с. – Текст : непосредственный.

258. Локк, Д. Два трактата о правлении : [в 3 томах] / Д. Локк. – М., 1988. – Т.3. – 668 с.

259. Лопатина, Н.В. Понятие «ментальность» в социальной истории / Н.В. Лопатина. – Текст : непосредственный // Познание и его возможности: тезисы международной научно-методической конференции (Москва, 24-25 мая 1994 г.). М.: ИНИОН, 1994. – С. 59–61.

260. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с. – Текст : непосредственный.
261. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: "Искусство-СПб", 2001. – 704 с. – Текст : непосредственный.
262. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин. – Текст : непосредственный // Концепты: Науч. труды Центроконцепта. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – С.11–35.
263. Ма, Т.Ю. Исследование американской языковой личности с позиций прототипического подхода / Т.Ю. Ма. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №16 (3-45). Филология. Искусствоведение. Вып. 91. – С.74–81.
264. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.
265. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г.Н. Манаенко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С. 26–40.
266. Манерко, Л.А. Теория словосочетания: от внешней формы к внутреннему содержанию / Л.А. Манерко. – Текст : непосредственный // Мат-лы Круглого стола. "Проблемы традиционного языкознания в новом свете" (3 ноября 1999 г.). – М. – Тамбов: Институт языкознания РАН. – Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 13–17.
267. Мартинюк, А.П. Концепт у дискурсивній парадигмі / А.П. Мартинюк. – Текст : непосредственный // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 9–12.
268. Мартинюк, А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – 196 с. – Текст : непосредственный.
269. Маслова, В.А. Языковая картина мира и культура / В.А. Маслова. – Текст : непосредственный // Когнитивная лингвистика конца 20 в. Мат-лы

международ. науч. конф. 7–9 октября 1997 г.: В трех частях. – Ч.1. – Минск: МГЛУ, 1997. – С. 59–64.

270. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

271. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с. – Текст : непосредственный.

272. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистеме, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.

273. Матюхина, Ю.В., Шевченко, И.С. Прагматические особенности фатической метакоммуникативной информации в дискурсе / Ю.В. Матюхина, И.С. Шевченко. – Текст : непосредственный // “Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика – на шляху до інтеграції”. – Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2003. – С. 110–111.

274. Мезенин, С.М. Образное сравнение с точки зрения функциональной перспективы (на материале языка произведений Шекспира) / С.М. Мезенин. – Текст : непосредственный // Учёные записки. Синтаксические исследования по английскому языку, 1971. – Т. 473. – Вып. 2. – С. 75–81.

275. Меспорян, Л.М. ИмPLICITная (вербальная) речевая агрессия как средство воздействия в информационной войне / Л.М. Меспорян // Российский академический журнал. / Языкознание. 2011. № 3 (17). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnaya-rechevaya-verbalnaya-agressiya-kak-sredstvo-vozddeystviya-v-informatsionnoy-voyne> (дата обращения: 02.05.2022). – Текст : электронный.

276. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; [перевод с английского О.Н. Гринбаума ; Под ред. Ф.М. Кулакова]. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с. – Текст : непосредственный.

277. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного: [перевод с английского] / М. Минский. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1998. – Вып. XXIII. – С. 281–309.

278. Миронина, А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе: на материале публичных выступлений Барака Обамы : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Миронина Анна Юрьевна. – Киров, 2012. – 177 с. – Текст : непосредственный.

279. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова. – Текст : непосредственный // Изв. АН СЛЯ, 1997. – Т. 56, № 4. – С. 52–59. – Текст : непосредственный.

280. Михайлова, Т.В. Средства и способы выражения оценочной семантики в языке повестей Смутного Времени 17 в.: 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Михайлова Татьяна Витальевна. – СПб, 1999. – 22 с. – Текст : непосредственный.

281. Михалева, О.В. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Михалева Ольга Леонидовна ; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2004. – 24 с. – Кемеровский государственный университет. – Текст : непосредственный.

282. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с. – ISBN 978-5-397-00227-1. – Текст : непосредственный.

283. Михальская, А.К. Коммуникативно-речевая стратегия / А.К. Михальская – Текст : непосредственный // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М., 1998. – С. 85. – Текст : непосредственный.

284. Моргун, Е.А. Когнитивно-прагматический анализ системы концептов в инаугурационных речах американского президента / Е.А. Моргун. – СПб.: Вектор, 2011. – 22 с. – Текст : непосредственный.

285. Мохова, Е.К. Метафорическая репрезентация категории «Свои – Чужие» в президентском дискурсе Барака Обамы, Николя Саркози и Уго Чавеса : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мохова Евгения Константиновна ; ГОУ ВПО «Сургутский государственный университет ХМАО-Югры». – Сургут, 2011. – 23 с. – Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т.

286. Мухортов, Д.С. Прагмасемантический анализ самостоятельных и служебных частей речи в публичных выступлениях главы государства: (на материале программных речей Рональда Рейгана). / Д.С. Мухортов– Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – № 50. – С. 157–172.

287. Неретина, С.С., Огурцов, А.П. Концепты политического сознания / С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – Текст : непосредственный // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. – № 1. – С. 17–72.

288. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме диалектического концептуализма / В.П. Нерознак. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии и методологии преподавания иностранных языков. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – С.80–85.

289. Нерознак, В.П. Языковая личность / В.П. Нерознак. – Текст : непосредственный // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. М., 2005. – С. 587–591.

290. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с. – Текст : непосредственный.

291. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 756 с. – Текст : непосредственный.

292. Никитин, М.В. Метафора: уподобление vs интеграция концептов // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. М.– Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 255–270. – Текст : непосредственный.

293. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие для высш. учеб. заведений / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. – 277 с. – Текст : непосредственный.

294. Никулина, Е.А. Теминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Никулина Елена Александровна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2005. – 44 с.

295. Новикова, А.М. Содержание языковой картины политического мира / А.М. Новикова. – Текст : непосредственный // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. № 12. – С. 111–113.

296. Нурова, Л.Р. Когнитивные основания организации синонимического ряда / Л.Р. Нурова. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч.3. – С. 48–49.

297. Общее языкознание / Н.Б. Мечковская, Б.Ю. Норман, Б.А. Плотников, А.Е. Супрун. – Минск: Высш. шк., 1983. – 456 с. – Текст : непосредственный.

298. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории). Материалы науч. конференции 23–25 апреля 1998 г. – М.: РАНИЯ, 1998. – С. 7–12. – Текст : непосредственный.

299. Остиновская Г. В. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / под ред. Осипова Г. В., Москвичева Л. Н.] / Г.В. Остиновская, Л.Н. Москвичева. – М., Аспект пресс, 1996. – 218 с. – Текст : непосредственный.

300. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с. – Текст : непосредственный.

301. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. – Текст : непосредственный.

302. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин. – Текст : непосредственный // Системные исследования. – М., 1986. – С. 400–409.

303. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов. 2005. – 48 с. – Текст : непосредственный.

304. Перевалова, К.Г. Дискурсообразующие концепты политической культуры / К.Г. Перевалова. – Текст : непосредственный // Вестник ЧитГУ, №6/157. – С.25–28.

305. Перельгут, Н.М., Сухоцкая, Е.Б. О структуре понятия «политический дискурс» / Н.М. Перельгут, Е.Б. Сухоцкая. – Текст : непосредственный // Вестник Нижневаторского государственного университета. 2013. № 2. – С. 35–41.

306. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие / В. Ф. Петренко – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 396 с. – Текст : непосредственный.

307. Петров, В.В., Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка / В.В. Петров, В.И. Герасимов. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1998. – Вып. XXIII. – С. 5–11.

308. Пильгун, Е.В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка / Е.В. Пильгун – Минск: РИВШ, 2016. – С. 55–62. – Текст : непосредственный.

309. Пименова М.В. Политическая концептуальная система / М.В. Пименова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика (2)32'2010. – С. 47–55.

310. Пирогова, Ю.К., Паршин, П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с. – Текст : непосредственный.

311. Плахотная, Ю.И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте / Ю.И. Плахотная. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. №25 (210). Филология. Искусствоведения. Вып.58. – Челябинск, 2011. – 135–137.

312. Плотникова, С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С.Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // Политический дискурс в России: Материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н.Базылева, В.Г.Красильниковой. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 8. – С. 22–26.

313. Погорелко, А.М. Культурные особенности концептуального образа свободы в российском и американском политических дискурсах / А.М. Погорелко. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. Сер. История и филология. – Уфа, 2010. – Т. 15, № 3. – С. 623–630.

314. Поздеева, Т.В. Аргументативный дискурс в политической газетной коммуникации / Т.В. Поздеева. – Текст : непосредственный // Вестник

Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. №2 (153). – С. 67–72.

315. Полюжин, М.М. Основные положения когнитивной грамматики как особого типа языка / М.М. Полюжин. – Текст : непосредственный // К юбилею ученого : Сб. науч. трудов, посвященных юбилею докт. филол. наук, проф., гл. науч. сотрудника лаборатории теоретического языкознания РАН Е.С. Кубряковой. – М.: МГЛУ, 1997. – С. 91–97.

316. Полюжин, М.М. Концептуальна система як базове поняття когнітивної семантики й теорії мовної особистості / М.М. Полюжин. – Текст : непосредственный // Проблеми романо-германської філології: Зб. наук. праць. – Ужгород: Ліра, 2005. – С. 5–19.

317. Попова, З.Д. Введение в языкознание / З.Д. Попова. – М.: Индрик, 1995. – 208 с. – Текст : непосредственный.

318. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 30 с. – Текст : непосредственный.

319. Попова, З.Д. Семантика слова: когнитивный аспект / З. Д. Попова. – Текст : непосредственный // Композиционная семантика: Мат-лы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сентября 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев : В 2 ч. – Ч. II. – Тамбов : Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2002. – С. 97–99.

320. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 195 с. – Текст : непосредственный.

321. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с. – Текст : непосредственный.

322. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивно-семантический анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2006. – 226 с. – Текст : непосредственный.

323. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с. – Текст : непосредственный.

324. Попова, Т.И. К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке / Т.И. Попова. – Текст : непосредственный // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы всероссийской конференции. Том 2 – СПб.: 2001. – с. 46–48.

325. Потапенко, С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу): монографія / С.І. Потапенко. – К.: Видав. центр КНЛУ, 2004. – 360 с. – Текст : непосредственный.

326. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К. – Синто, 1993. – 189 с. – Текст : непосредственный.

327. Почепцов, Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения / Г.Г. Почепцов. – Текст : непосредственный // Языковое общение, единицы и регулятивы. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1987. – С. 26–38.

328. Почепцов, Г.Г. Теория и практика коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М., 1998. – 211 с. – Текст : непосредственный.

329. Почепцов, Г.Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: "Ваклер", 2000. – 248 с. – ISBN: 5-87983-087-. – Текст : непосредственный.

330. Почепцов, Г. Г. Психологические войны: монография / Г.Г. Почепцов. – К. : Ваклер, 2000. – 528 с. – ISBN: 5-87983-092-6, 966-543-058-0, 966-543-048-3. – Текст : непосредственный.

331. Почепцов, Г.Г. Теорія комунікації / Г. Г. Почепцов. – К.: "Ваклер", 2001. – 656 с. – ISBN 966-543-048-3. – Текст : непосредственный.

332. Приходько, А.М. Языковое картирование мира в паттерне "Концептосфера – Концептополе – Концептосистема" / А.М. Приходько. – Текст : непосредственный // Нова філологія. – № 1 (21). – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – С. 94–104.

333. Приходько, А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Текст : непосредственный. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 232 с.

334. Прокопенко, А.А. Президентський дискурс Барака Обама: когнітивно-комунікативні аспекти: 10.02.04 "Германські мови" : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Прокопенко А.А. – Харків, ХНУ, 2016. – 23 с. – Текст : непосредственный.

335. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 224 с. – Текст : непосредственный.

336. Рахилина, Е.В. Основные идеи когнитивной семантики / Е.В. Рахилина. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секириной. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 370–389.

337. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с. – Текст : непосредственный.

338. Родченко, А.М. Языковой вкус эпохи / А.М. Родченко. – Текст : непосредственный // "Молодые ученые – Кузбассу": II областная науч. конф., мат-лы докладов. – Кемерово: ООО "Полиграф", 2003. – С. 80–85.

339. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1997. – 597 с. – Текст : непосредственный.

340. Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию / Ю.В. Рождественский / 2-е изд. – М.: Добросвет, 2000. – 344 с. – Текст : непосредственный.

341. Розмариця, І.О. Лінгвокогнітивні особливості комунікації у сфері екології: 10.02.04 «Германські мови» : дис... канд. філол. наук / Розмариця Ірина Олександрівна. – К., 2004. – 196 с. – Текст : непосредственный.

342. Романов, А.А. Политическая лингвистика / А.А. Романов. – Москва. – Тверь, 2002. – 190 с. – Текст : непосредственный.

343. Савенкова, Л.Б. Языковое воплощение концепта / Л.Б. Савенкова. – Текст : непосредственный // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и тексте: мат-лы Междунар. симпозиума. – Волгоград, 22–24 мая 2003: В 2 ч. – Ч.1. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 255–264.

344. Сагайдачная, Е.Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков: на материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша: 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Е.Н. Сагайдачная. – Ростов-на-Дону, 2009. – 206 с. – Текст : непосредственный.

345. Сагайдачная, Е.Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е.Н. Сагайдачная. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse/viewer> (дата обращения: 06.09.2022). – Текст : электронный.

346. Садуов, Р.Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : монография / Р.Т. Саудов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 136 с. – URL: https://elib.bashedu.ru/dl/read/Saduov_Fenomenpoliticheskogodiskursa_mon_2012.pdf (дата обращения: 07.09.2022). – Текст : электронный.

347. Сальникова, Н.В. Национально-культурная риторика политического дискурса: на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М.С. Горбачева: 10.02.19 «Общее языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сальникова Нина Валерьевна. – Ставрополь, 2011. – 224 с. – Текст : непосредственный.

348. Самигуллина А.С. Метафора в инаугурационной речи Б. Обамы / А.С. Самигуллина. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Уфа, 2012. – Т. 17, Вып. 1. – С. 196–198.

349. Светоноснова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное

языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Светоносова Татьяна Алесандровна. – Екатеринбург, 2006. – 174 с. – Текст : непосредственный.

350. Седов, К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии / К.Ф. Седов. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов – Саратов: Изд-во Сарат ун-та, Вып. 2. – 2003. – С. 20–28. – Текст : непосредственный.

351. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология: монография / Е.А. Селиванова. – К.: Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с. – Текст : непосредственный.

352. Селиванова, Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К.: ЦУА «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с. – Текст : непосредственный.

353. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с. – Текст : непосредственный.

354. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с. – Текст : непосредственный.

355. Селиверстова, Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века: на мат-ле их публичных выступлений и мемуаров : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Селиверстова Людмила Николаевна. – Ростов, 2004. – 168 с. – Текст : непосредственный.

356. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостова, О.Н. Рюмина ; Отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с. – Текст : непосредственный.

357. Сёмкина, Н.А. Концепты и их связи в тексте / Н.А. Сёмкина. – Текст : непосредственный // Текст и дискурс: традиционные и когнитивно-

функциональные аспекты исследования. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2002. – С. 106–114.

358. Сергеев, В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях / В.М. Сергеев. – Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. – С. 20–31.

359. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление: [под ред. Б.А. Серебренникова] / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с. – Текст : непосредственный.

360. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и итер-дискурс) / П. Серио. – Текст : непосредственный // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549–562.

361. Сидорова, Е.В. Личностный аспект речевой коммуникации и текст / Е.В. Сидорова. – Текст : непосредственный // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И. П. Суслов. – Калинин, 1989. – С. 16–25.

362. Силантьев, И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе : научное издание / И. В. Силантьев ; отв. ред. Е. К. Ромодановская, Ю. В. Шатин ; Ин-т филологии СО РАН. - Новосибирск : НИИ МИОО НГУ, 1996. – 98 с. – Библиогр. в примеч.: с. 77-96. – ISBN 5-88119-066-1. – Текст : непосредственный.

363. Синельникова, Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л.Н. Синельникова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 4. – С. 41–48.

364. Синельникова, Л. Н. Язык, погруженный в жизнь / Л.Н. Синельникова. – Текст : непосредственный // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе: Вып. 2. – Ч.1. Филологические науки. – Луганск – Цюрих – Женева, 2001. – С. 17–31.

365. Сиротинина, О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление / О.Б. Сиротинина. – Текст : непосредственный // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород, 1997. – С. 7-12.

366. Скидан, О.П. Математический концепт и его категориальная структура / О. П. Скидан. – Текст : непосредственный // Концепты. Науч. тр. Центроконцепта. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. – Вып. № 1. – С. 36–69.

367. Славова, Л.Л. Лінгвопрагматичні особливості сучасного американського політичного дискурсу / Л.Л. Славова. – Текст : непосредственный // Вісник Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. – 2004. – № 7. – С. 233–234.

368. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография / Г.Г. Слышкин – М.: Academia, 2000. – 128 с. – Текст : непосредственный.

369. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена. – 2004. – 340 с. – ISBN 5-88234-704-1. – Текст : непосредственный.

370. Спиридовский, О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Спиридовский Олег Владимирович. – Воронеж, 2006. – 255 с. – Текст : непосредственный.

371. Степанов, Г.В. Единство выражения и убеждения / Г.В. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык. Литература. Поэтика: [сб. работ / сост. Степанов Ю.С.]. – М.: Наука, 1988. – 363 с.

372. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип личности / Ю.С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык и наука XX века. – М.: Прогресс. – 1995. – С. 11–25.

373. Степанов, Ю.С. Между системой и текстом выражения фактов / Ю.С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: ИРЯ, 1995. – С. 38–43.

374. Степанов, Ю.С. Концепт / Ю.С. Степанов. – Текст : непосредственный // Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры". – 1997. – С. 48–83.

375. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – [3-е изд., испр. и доп.]. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с. – Текст : непосредственный.

376. Стрельников, А.М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Стрельников Александр Михайлович. – Екатеринбург, 2005. – 18 с. – Текст : непосредственный.

377. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 160 с. – Текст : непосредственный.

378. Стернин, И.А. О понятии коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Текст : непосредственный // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. – S. 279-282.

379. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин. – Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : [науч. издание]. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.

380. Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 190 с. – Текст : непосредственный.

381. Стоянова, І.Д. Дискурс антиутопії (на матеріалі англійської, української та російської мов) : 10.02.17 "Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство" : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд.

філол. наук / Стоянова Інна Дмитрівна. – Донецьк, 2009. – 25 с. – Текст : непосредственный.

382. Сусов, И.П. Личность как субъект языкового общения / И.П. Сусов. – Текст : непосредственный // Личностные аспекты языкового общения. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 7–11.

383. Сухих, С.А. Языковая личность в диалоге / С.А. Сухих. – Текст : непосредственный // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1989. – С. 82–86.

384. Сухих, С.А. Типология языкового общения / А.А. Сухих. – Текст : непосредственный // Язык. Дискурс. Личность. – Тверь, 1990. – С. 45–50.

385. Тамзина, А.Т. Проблемы современной американской президентской риторики / А.Т. Тамзина. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 154 с. – Текст : непосредственный.

386. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия. – Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1988. – С. 173–204.

387. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия. – Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.

388. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.

389. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 264 с. – Текст : непосредственный.

390. Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я. С Драбкин, В. В Дамье и др. – М.: Памятники ист. мысли, 1996 – 537 с. – Текст : непосредственный.

391. Трофимова, Ю.В. Концепт «Политика» в русской языковой картине мира: 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на

соискание учёной степени кандидата филологических наук / Трофимова Юлия Вячеславовна – Барнаул, 2004. – 20 с. – Текст : непосредственный.

392. Трошина, К.В. Архетипический компонент как составляющая президентской риторики Барака Обамы / К.В. Трошина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – № 4(30). – С. 138–141.

393. Фатьянова, І. В. Мікроконцептосфера TERRORISM у сучасному англо-американському політичному дискурсі : 10.02.04 «Германські мови» : дис. ... кандидата філол. наук / Фатьянова Ірина Валеріївна. – Одеса, 2013. – 275 с. – Текст : непосредственный.

394. Фатьянова, І. В. Метафорическая реализация концепта TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // VII Международный лингвистический конгресс «Язык и мир»: Международный конгресс (Ялта, 5-8 октября 2015): Сборник научных докладов / Отв. ред. А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев; Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 349–353.

395. Фатьянова, І. В. Phraseological units as means of verbalization of the micro conceptual sphere TERRORISM in present-day Anglo-American political discourse / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сб. науч. ст.: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ / под ред. д. филол. н., проф. Бессоновой О. Л. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 103–110.

396. Фатьянова, І. В. Вербализация микроконцептосферы TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 4. – С. 602–611.

397. Фатьянова, И. В. Номинативное пространство микроконцептосферы TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Филология. Международный научный журнал. – Волгоград: Изд-во «Научное обозрение», 2016. – № 5 (5) – С. 71–78.

398. Фатьянова, И. В. Актуальные концепты и их вербальное представление в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки / отв. ред. В.И. Теркулов. – Донецк, 2016. – № 4. – С. 27–33.

399. Фатьянова, И. В. Прототипная организация номинативного пространства микроконцептосферы TERRORISM / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Филология. Международный научный журнал. – Волгоград: Изд-во «Научное обозрение», 2017. – № 2 (8). – С. 94–100.

400. Фатьянова, И. В. Концептуально-семантические особенности выражения микроконцептосферы TERRORISM средствами современного английского языка / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Мир и человек в зеркале языка: Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой / отв. ред.: Трофимова Е.В., Сысоева Е.С. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – С. 124–132.

401. Фатьянова, И. В. Номинативное пространство концепта WAR в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Филологические исследования Далековского университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации: сб. научных трудов. – Луганск : изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. – Вып. 4. – С. 38–52.

402. Фатьянова, И. В. Языковая личность в контексте англо-американского политического дискурса 21 века (на материале публичных выступлений Дональда Трампа) / И.В. Фатьянова. – Текст :

непосредственный // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. Коммуникации. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 351 с. – С. 80–90.

403. Фатьянова, И. В. Лексико-семантическая парцелляция номинативного пространства и моделирование концептуальной структуры концепта VIOLENCE в современном англоязычном политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков / под общей ред. М.В. Пименовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – Вып. 23. – С. 368–379. (Серия «Концептуальные исследования»).

404. Фатьянова, И. В. Метафорическая актуализация концепта ВОЙНА в современном русском и англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т.15. – Вып. 1–2 (43–44). – С. 168–181.

405. Фатьянова, И. В. Социальная метафора в структуре образного компонента концепта WAR / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. / отв. ред. В.И. Теркулов. – Донецк, 2019. – № 1 – С.61–68.

406. Фатьянова, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном англо-американском политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. / отв. ред. В.И.Теркулов. – Донецк, 2019. – №2. – С. 40–47.

407. Фатьянова, И. В. Типы языковой личности в современном англоязычном политическом дискурсе / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный

журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15. – Вып. 3 (45). – С. 16–29.

408. Фатьянова, И. В. Национально-маркированные концепты в англоязычном политическом дискурсе XX–XXI вв. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. / отв. ред. В.И. Теркулов, – Донецк, 2019. – № 4. – С. 75–81.

409. Фатьянова, И. В. Фразеологическая актуализация микроконцептосферы WAR в англоязычном политическом дискурсе XXI в. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – Вып. 24. – С. 264–270. (Серия «Концептуальные исследования»).

410. Фатьянова, И. В. Лингвокогнитивные принципы изучения концептов в англоязычном политическом дискурсе в XX–XXI вв. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. трудов V Международной научной конференции (14 ноября 2019 г.). – Макеевка, 2019. – С. 327–331.

411. Фатьянова, И. В. Идеологичность американского политического дискурса XXI столетия / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология / отв. ред. В.И. Теркулов, – Донецк, 2020. – № 3–4. – С. 53–62.

412. Фатьянова, И. В. Вербальные средства представления агрессии в американском политическом дискурсе XXI века / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 3 (49) – С. 48–63.

413. Фатьянова, И. В. Американский политический дискурс в разных типологиях дискурса / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Тридцать первая

международная научно-практическая конференция (28 сентября 2020 г.). – Белгород: Издательство ООО «ГиК», 2020. – С. 427–432.

414. Фатьянова, И. В. Методика лингвистического анализа лингвокогнитивных и коммуникативных особенностей американского политического дискурса XX–XXI вв. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Вып. 3 (53). С. 107–125.

415. Фатьянова, И. В. Метафора как способ реализации интенции в американском политическом дискурсе XX века / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica* : научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Вып. 4 (54) – С. 24–36.

416. Фатьянова, И. В. Американский политический дискурс XXI столетия: основные характеристики / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология.* / отв. ред. В.И. Теркулов. – Донецк, 2021. – Вып. 4. – С. 74–81.

417. Фатьянова, И. В. Особенности интенциональной структуры американского политического дискурса в XX–XXI ст. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Международной научной конференции (26–28 октября 2021 г.)* / под общ. ред. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – Т. 4: Филологические науки. – Ч. 1 : Иностранная филология. – С. 117–120.

418. Фатьянова, И. В. Интенциональная направленность американского политического дискурса XX–XXI вв. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки.* – Волгоград, 2022. – №2 (165). – С. 191–197.

419. Фатьянова, И.В. Американский политический дискурс XX–XXI ст.: коммуникативные стратегии манипулирования и давления в президентских выступлениях / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология / отв. ред. В.И. Теркулов. – Донецк, 2022. – № 1. – С. 54–63.

420. Фатьянова, И.В. Вербализация образно-ценностного компонента концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX–XXI ст. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология / отв. ред. В.И. Теркулов. – Донецк, 2022. – № 2. – С. 24–32.

421. Фатьянова, И.В. Лингвальное воплощение концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX–XXI ст. / И.В. Фатьянова. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2022. – Т. 18. – Вып. 1 (55). – С. 5–30.

422. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания: [перевод с английского] / Ч. Филлмор. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 52–93.

423. Фоменко О.С. Лінгвістичний аналіз сучасного політичного дискурсу США (90-ті роки XX століття): 10.02.04 «Германські мови» : дис. ... канд. філол. наук: / Фоменко Олена Степанівна. – К., 1999. – 195 с. – Текст : непосредственный.

424. Формановская, Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М., 1989. – 156 с. – Текст : непосредственный.

425. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р.М. Фрумкина. – Текст : непосредственный // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1992. – № 3. – С. 1–8.

426. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Изд. центр "Академия", 2001. – 320 с. – Текст : непосредственный.

427. Фуко, М. Археология знания: [перевод с французского М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой]. / М. Фуко. – СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с. – Текст : непосредственный.

428. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер : [перевод с немецкого В.В. Бибихина]. – Харьков: Фолио, 2003. – 510 с. – Текст : непосредственный.

429. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. – Серия 7. «Философия. – 1993, № 4. – 44 с.

430. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 382 с. – Текст : непосредственный.

431. Хариточник, З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З.А. Хариточник. – Текст : непосредственный // Язык и структуры представления знаний. – М.: МГУ. – 1992. – С. 98–123.

432. Хариточник, З.А. Платон и его теория номинации / З.А. Хариточник. – Текст : непосредственный // Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: Изб. Труды. – Минск: МГЛУ, 2004. – С. 6–21.

433. Хренова, А.В. Происхождение концептов “president” и “президент” / А.В. Хренова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика, 2018. – №3 (69). – С. 135-142.

434. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский : [перевод с английского]. – М. : Изд-во Москов. гос. ун-та, 1972. – МГЛУ, 2004. – С.6–21. – Текст : непосредственный.

435. Цуладзе, А. Большая манипулятивная игра / А. Цуладзе. – М.: Алгоритм, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.

436. Цуциева, М.Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М.Г. Цуциева. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып.2. – С. 104–107.

437. Чантуридзе, Ю.М. Жанровое своеобразие англоязычного политического дискурса: сравнительный анализ победных и инаугурационных речей Б. Обамы / Ю.М. Чантуридзе. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – Твер. гос. ун-т. – №2., 2015. – С. 224–231.

438. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1991. – 240 с. – Текст : непосредственный.

439. Челпанова, Е.В., Новикова, В.П. Концепт «state» в англоязычном художественном дискурсе / Е.В. Челпанова, В.П. Новикова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. 2013. №6 (78) – С.151–158.

440. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.

441. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки. – Текст : непосредственный // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М.: Эдиториал УРСС. – 2002. – С. 340–369.

442. Чеханова, И.В. Национально-культурные особенности проявления антропоцентризма в английских зоонимах / И. В. Чеханова. – Текст : непосредственный // Языки и транснациональные проблемы: междунар. науч. конф., 22–24 апреля 2004 г. : мат-лы докладов. – М.-Тамбов, 2004. – Т. II. – С. 475–480.

443. Чикилева, Л.С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи: 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Чикилева Людмила Сергеевна– М., 2005. – 42 с. – Текст : непосредственный.

444. Чорновол-Ткаченко, О.О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному британському газетному дискурсі: 10.02.04 "Германські мови": автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. Наук / Чорновол-Ткаченко О.О. – Харків, 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.

445. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УГЛУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

446. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УГЛУ, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

447. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – [3-е изд., испр.] – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный.

448. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012. Вып.2 (40). – С.53–59.

449. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография / Д. В. Шапочкин ; Российская Федерация, М-во образования и науки, ФГБОУ ВПО Тюменский гос. ун-т, Ин-т гуманитарных наук. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 259 с. – Текст : непосредственный.

450. Шафиков, С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С.Г. Шафиков. – Изд-е Башкир. Ун-та Уфа, 2000. – 260 с. – Текст : непосредственный.

451. Шевченко, И.С., Морозова, Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова. – Текст : непосредственный // Вісник ХНУ. – 2003. – № 586. – С. 33–38.

452. Шевченко, И.С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике / И.С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вісн. ХНУ. – 2004. – № 609. – С. 202–205.

453. Шевченко, І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу / І.С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: [кол. монографія]. під загальн. ред. І.С. Шевченко – Харків: Константа, 2005. – С. 9–20.

454. Шевченко, І.С., Морозова, О.І. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І.С. Шевченко, О.І. Морозова. – Текст : непосредственный // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: кол. монографія під загальн. ред. І.С. Шевченко. – Харків: Константа, 2005. – С. 21–29.

455. Шевченко, И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 192–195.

456. Шевченко, И.С. Теория Юргена Хабермаса и критический анализ дискурса / И.С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вісник ХНУ. – 2007. – № 773. – С. 12–15.

457. Шейгал, Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Текст : непосредственный // Филология. – Philologica. – Краснодар, 1998. – №14. – С. 22–29.

458. Шейгал, Е.И. Невербальные знаки политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Текст : непосредственный // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. – Волгоград, 2000. – Вып.1 – С. 157-161.

459. Шейгал, Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Текст : непосредственный // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы междунар.

научно-практической конференции. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 24–26.

460. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с. – Текст : непосредственный.

461. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шелестюк. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с. – Текст : непосредственный.

462. Шилихина, К.М. Коммуникативное давление в русском общении / К.М. Шилихина. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2: Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000.

463. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М., 1964 – 244 с. – Текст : непосредственный.

464. Шустрова, Е. В. Карикатурные образы Барака Обамы / Е. В. Шустрова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 74-84. – EDN OWUZSZ.

465. Шустрова, Е.В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е.В. Шустрова. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2014. – 370 с. – Текст : непосредственный.

466. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с. – Текст : непосредственный.

467. Энциклопедический словарь / [ред. А.М. Прохоров], 1999. – 1632 с. – URL: <http://www.libex.ru/detail/book99259.html> (дата обращения: 10.09.2022). – Текст : электронный.

468. Юм, Д. Трактат о человеческой природе // Д. Юм. – Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М., 1965. – Текст : непосредственный.

469. Aitchison, J. Words in the Mind: an introduction to the mental lexicon / J. Aitchison. – Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell Publishers, 1994. – 290 p. – Текст : непосредственный.

470. Argyle, M. Soziale Interaktion / M. Argyle. – Keln: Kiepenheuer and Witsch, 1981. – 314 p. – Текст : непосредственный.

471. Barsalou, W.L. Frames, concepts, and conceptual fields / L.W. Barsalou. – Текст : непосредственный // *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization* / Ed. by A. Lehrer, E. Kittay. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers. – 1989. – P. 21–71.

472. Bayley, P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley. – Текст : непосредственный // G. Ragazzini, D.R.B.P. Millereds // *Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984*. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 77–174.

473. Beaugrande, R. de. Frames, schemes, plans and scripts / R. de Beaugrande. – Текст : непосредственный // *Text, discourse and process. Towards a multi-disciplinary science of text. Series advances in discourse processes*. – 1980. – Vol. IV. – P. 163 – 194.

474. Bell, V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist / V. Bell. – Текст : непосредственный // A. Firth (Ed.). *The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace*. Oxford etc.: Pergamon, 1995. – 41–58.

475. Bell, A., Garrett, P. *Media and Discourse : A Critical Overview* / A. Bell, P. Garrett. – Текст : непосредственный // *Approaches to Media Discourse*. Ed. by Bell A., Garrett P. – Oxford : Blackwell Publishing, 1998. – P. 1–20.

476. Byessonova, O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In: *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph]* / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová. - Skopje : Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. Pp. 259-284.

477. Bickhard, M. H. *Cognition, Convention and Communication* / M.H. Bickhard. – Текст : непосредственный – N.Y. : Praeger, 1980. – 270 p.

478. Bierwiazzonec, B.A. Cognitive Study of the Concept of Love in English / B.A. Bierwiazzonec. – Текст : непосредственный. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Slaskiego, 2002.– 227 p.

479. Brown, G., Yule, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Текст : непосредственный. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

480. Burn, S.M. The Social Psychology of Gender / S. M. Burn. – Текст : непосредственный. – McGraw-Hill, Inc., 1996. – 233 p.

481. Bytsenko, T. The History of Expressives in the English Emotional Discourse / T. Bytsenko, I. Shevchenko. – Текст : непосредственный // The USSE Messenger. – Kharkiv, Kiev: Konstanta Publishers, 2003. – Vol. 2. – P. 46–56.

482. Chilton, P. A. Metaphor in Political Discourse : The Case of the “Common European House” / P. A. Chilton, M. V. Ilyin. – Текст : непосредственный // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 7–31.

483. Clausner, T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft. – Текст : непосредственный // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 10, № 1. – P.1–31.

484. Cooley, C.H. Human Nature and the Social Order / Ch.H. Cooley. – Текст : непосредственный. – New York, 1964. – 444 p.

485. Coulthard, M. An introduction to discourse analysis / M. Coulthard. – Текст : непосредственный. – L.: Longman, 1992. – 212 p.

486. Coulson, S. and Oakley, T. Blending and Coded Meaning: Literal and Figurative Meaning in Cognitive Semantics / S. Coulson, T. Oakley. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37–10. – P. 1510–1536.

487. Croft, W., Cruse, D.A. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Текст : непосредственный. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

488. Cruse, D.A. Prototype theory and lexical semantics / D. Alan Cruse. – Текст : непосредственный // *Meaning and prototypes. Studies in linguistic categorization.* – L.: Pandora, 1990. – P. 382–402.

489. Dijk T.A., van Power and the News Media / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // *Political Communication and Action.* Ed. by D. Paletz. – Cresskill, NJ: Hampton Press, 1995. – P. 9–36.

490. Dijk T.A., van The study of discourse / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // *Discourse studies: A multi-disciplinary introduction: In 2 vol.* / Ed. by T.A. van Dijk. – L., etc.: Sage, 1997a. – Vol.1.: *Discourse as structure and process.* – P.1–34.

491. Dijk T.A., van Cognitive context models and discourse / T.A. van Dijk. – Текст : непосредственный // *Language structure, discourse and the access to consciousness* / Ed. by M. Stamenow. – Amsterdam: Benjamins, 1997b. – P. 189–226.

492. Dijk T.A., van Opinions and Ideologies in the Press / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // *Approaches to Media Discourse.* Ed. by Bell A., Garrett P. – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 21–63.

493. Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis? / T.A. van Dijk. – Текст : непосредственный. – Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) *Political Linguistics.* Amsterdam, 1998. – PP. 11-52.

494. Dijk T. A. van. Discourse and Racism / T. A. van. Dijk. – Текст : непосредственный // *The Blackwell companion to racial and ethnic studies: [D. Goldberg, J. Solomos (Eds.)].* – Oxford: Blackwell, 1999. – P. 541–558.

495. *The Discursive Construction of National Identity (Critical Discourse Analysis Series* / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart; translated by Hirsch A., Mitten R. – Текст : непосредственный. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003 – 224p.

496. Drucker, P. The New Philosophy Comes to Life / P. Drucker. – Текст : непосредственный // *Harper's Magazine*, 1957. Aug. – P. 36.

497. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – Текст : непосредственный. – London and New York: Longman, 1989. – 259 p.

498. Fairclough, N. L. *Critical Discourse Analysis: the critical study of language* / N. L. Fairclough, R. Wodak. – Текст : непосредственный. – L.: Longman, 1995. – 265 p.

499. Fairclough, N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – Текст : непосредственный. – London: Routledge, 2003. – 270 p.

500. Fairclough, N. *Genres in political discourse* / N. Fairclough. – Текст : непосредственный // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2005. P. 33., с. 33–34.

501. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language* / G. Fauconnier. – Текст : непосредственный. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190p.

502. Fillmore, Ch. J. *Frame Semantics* / Ch. J. Fillmore. – Текст : непосредственный // *The Linguistics Society of Korea (ed.) Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111–137.

503. Fillmore, Ch. J. *Form and Meaning in Language: Papers on Semantic Roles* / Ch. J. Fillmore. – Текст : непосредственный. – Stanford, California: CSLI Publications, 2003. – 311 p.

504. Flick, U. *Social representations* / U. Flick. – Текст : непосредственный // *Rethinking psychology*. – L., N.Y.: Longman, 1995. – P. 70-96.

505. Fodor, J., Lepore, E. *The Compositionality Papers* / J. Fodor, E. Lepore. – Текст : непосредственный. – Oxford: Clarendon Press, 2002. – 212 p.

506. Fowler, R. *Literature as Social Discourse* / R. Fowler. – Текст : непосредственный // *Twentieth-Century Literary Theory*. – L., 1988. – P. 125 – 230.

507. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – Текст : непосредственный. – London; N.Y. : Routledge, 1991. – 251 p.

508. Goatly, A. The Language of Metaphors / A. Goatly. – Текст : непосредственный. – Routledge. London and New York, 1997.

509. Goatly, A. Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. – Текст : непосредственный. – John Benjamins Publishing Co., 2007. – 431 p.

510. Goffman, E. Interactional ritual: essays on face to face behavior / E. Goffman. – Текст : непосредственный. – N.Y.: Anchor / Doubleday, 1967 – 288 p.

511. Graber, D. A. / D.A. Graber. – Текст : непосредственный. – Political Languages. In D. Nimmo, & K. Sanders (Eds.), Handbook of Political Communication, 1981. – Beverly Hills, CA: Sage. – PP. 195–224.

512. Grice, H. P. Logic and conversation / H.P. Grice. – Текст : непосредственный // Syntax and Semantics. – Vol. 3. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41–58.

513. Gyori, G. Semantic change and cognition / G. Gyori. – Текст : непосредственный // Cognitive linguistics. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002. – №13-2. – P. 123-166.

514. Hacker, K.L. Political Linguistic Discourse Analysis / K. L. Hacker. – Текст : непосредственный // The Theory and Practice of Political Communication Research. – N.Y., 1996, p. 51.

515. Harder, P. Partial autonomy: Ontology and methodology in cognitive linguistics / P. Harder. – Текст : непосредственный // Cognitive linguistics: Foundations, cooperation, methodology / Ed. by Th. Jankken, G. Redeker. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 195-222.

516. Halliday, M.A.K., Hasan K. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective / M.A.K. Halliday, K. Hasan. – Текст : непосредственный. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 126 p.

517. Harre, R. *Dikcurkive pkychology* / R. Harre. – Текст : непосредственный // *Relhinking Pkychology*. – L.; N.Y.: Longman, 1995. – P. 143-159.

518. Harris, Z. *Discourse analysis* / Z. Harris. – Текст : непосредственный // *Language*, 1952. – V.28. – №1. – N P. 1-30

519. Hartley, J. *Understanding News* / J. Hartley. – Текст : непосредственный. – London and New York : Routledge, 1988. – 203 p.

520. Hodge, R. *Social Semiotics* / R. Hodge, G. Kress. – Текст : непосредственный. – Cambridge; Oxford: Polity Press, 1988. – 285 p.

521. Hudson, R.A. *Sociolinguistics* / R. A. Hudson. – Текст : непосредственный. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 296 p.

522. Hymes, D. *On communicative competence* / D. Hymes. – Текст : непосредственный / *Sociolinguistics* / [ed. by J.B. Pride, J. Holmes]. – Harmondsworth : Penguin books, 1972. – P. 269–293.: 11.

523. Jackendoff, R. *What is a Concept?* / R. Jackendoff. – Текст : непосредственный // *Frames, Fields, and Contrasts. New essays in semantics and lexical organization*. – Hillsdale, 1992. – P. 191–209.

524. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition (current studies in linguistics series* / Ray Jackendoff. – Cambridge (Mass.) / R. Jackendoff. – Текст : непосредственный. – The MIT Press, 1993. – 283 p. – P. 15–26.

525. Jackendoff, R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution* / R. Jackendoff. – Текст : непосредственный. – Oxford: Oxrord University Press, 2002. – 477 p.

526. Johnson, M. *The body in the mind: The Body basis of meaning, imagination, and reason* / M. Johnson. – Текст : непосредственный. – Chicago: Un-ty of Chicago Press, 1987. – 234 p.

527. Johnson, M. *Philosophical implications of cognitive semantics* / M. Johnson. – Текст : непосредственный // *Cognitive Linguistics*. – 1992. – Vol.3, № 4. – P. 345–366.

528. Johnson, M. Moral Imagination. Implication of Cognitive Science for Ethics / M. Johnson. – Текст : непосредственный. – Chicago and London: University of Chicago Press. – 1993. – 287 p.

529. Kovecses, Z. American friendship and the scope of metaphor / Z. Kovecses. – Текст : непосредственный // Cognitive Linguistics. – 1995. – Vol.6, №4. – P. 23–45.

530. Kovecses, Z. Metaphor. A Practical Introduction / Z. Kovecses. – Текст : непосредственный. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 285 p.

531. Kovecses, Z., Palmer, B. Gary, Dirven, R. Language and Emotion: The Interplay of Conceptualization with Physiology and Culture / Z. Kovecses, B. Gary Palmer, R. Dirven. – Текст : непосредственный // Cognitive Linguistics Research. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Porings. – N.-Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – Vol. 20. – P. 133–161.

532. Kress, G. Text and Discourse / G. Kress. – Текст : непосредственный // Handbook of discourse analysis: In 4 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. – L.: Academic Press, 1985. – Vol. 4: Discourse Analysis in Society.

533. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. / G. Lakoff, M. Johnson. – Текст : непосредственный. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

534. Lakoff, R. T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising / R. T. Lakoff. – Текст : непосредственный // Analysing discourse: text and talk: [ed. by D. Tannen]. – Washington: Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.

535. Lakoff, G. Cognitive Semantics / G. Lakoff. – Текст : непосредственный. – Bloomington, Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

536. Lakoff, G. The Metaphorical Logic of Rape / G. Lakoff, M. Johnson. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbolic Activity. – 1987. – Vol. 2. – P. 73–79.

537. Lakoff, G. The Contemporary theory of metaphor / G. Lakoff . – Текст : непосредственный // Metaphor and thought / [ed. A. Ortony]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 202–251.

538. Lakoff, G., Johnson, M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – Текст : непосредственный. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 624 p.

539. Lakoff, G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think / G. Lakoff. – Текст : непосредственный. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – 486 p.

540. Lakoff, G. The brain's concepts / G. Lakoff. – Текст : непосредственный // Cognitive linguistics, functionalism, discourse studies: Common ground and new directions: Abstracts of the 8-th International Cognitive Linguistics Conference. July 20–25, 2003. – Longrono: University of La Rioja, 2003. – P. 10.

541. Langacker, W.R. Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Текст : непосредственный. – Vol. 1. : Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.

542. Langacker, W.R. Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Текст : непосредственный. – Vol. 2. : Descriptive Application. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 504 p.

543. Langacker, W.R. A View of Linguistic Semantics / R. W. Langacker. – Текст : непосредственный // Current Issues in Linguistic Theory. Topics in Cognitive Linguistics. Ed. by B. Rudzka. – Ostyn Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – P. 49–90.

544. Langacker, W.R. Discourse in Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Текст : непосредственный // Cognitive Linguistics. – 2001. – Vol. 12, № 2. – P. 143–188.

545. Langacker, W.R. Lecture given to celebrate the award of the degree Doctor Honoris Causa of the University of Łódź / R. W. Langacker. – Текст : непосредственный. – Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2003. – 20 p.

546. Lyons, J. *Linguistic Semantics: An Introduction* / J. Lyons. – Текст : непосредственный. – Cambridge University Press, 1995. – 376 p.

547. Mantero, M. *The Reasons We Speak: Cognition and Discourse in the Second Language Classroom* / M. Mantero. – Текст : непосредственный. – Westport. – L.: Berqin and Garvey, 2002. – 162 p.

548. Marey, A. V. The concept “people” in the modern European political thought / A.V. Marey. – Текст : непосредственный. – Hobbes, Spinoza, Pufendorf, Slovo.ru: baltic accent, 2020. – Vol. 11, no. 3. – p. 824.

549. Miller, A.G. *Practical and Lexical Knowledge* / A.G. Miller. – Текст : непосредственный // *Thinking. Readings in Cognitive Science* / Ed. by P.N. Johnson-Laird and P.C. Watson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 400–410.

550. Nelson, K. Some evidence for the cognitive primacy of categorization and its functional basis / K. Nelson. – Текст : непосредственный // *Thinking. Readings in Cognitive Science* / Ed. by P.N. Johnson-Laird and P.C. Watson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 223–228.

551. *Politics as Text and Talk. Analytic Approaches to Political Discourse* / Ed. by P.A. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam, 2002. – Текст : непосредственный.

552. *Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere* / O. Feldman (ed.). N. Y., 1998. – Текст : непосредственный.

553. Rehder, B. *Categorization as Causal Reasoning* / B. Rehder. – Текст : непосредственный // *Cognitive Science*. – 2003. – Vol. 27, №5. – P. 709–748.

554. Robinson, A.E. *The Cognitive Foundations of Pragmatic Principles: Implications for Theories of Linguistic and Cognitive representation* / E. A. Robinson. – Текст : непосредственный // *Language and Conceptualization* / Ed. by G. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge: CUP, 1999. – P. 253–271.

555. Rosch, E. *Classification of Real-World Objects: Origins and Representations in Cognition* / E. Rosch. – Текст : непосредственный // *Thinking*;

Readings in Cognitive Science / Ed. by P.N. Johnson-Laird and P.C. Watson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 212–223.

556. Searle, J. R. Speech Acts : An Essay in the Philosophy of Language / J.R. Searle. – Текст : непосредственный. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976 – 203 p.

557. Schiffrin, D. Approaches to discourse / D. Schiffrin. – Текст : непосредственный. – Oxford, Cambridge (Mass.): Basis Blackwell, 1994. – 470 p.

558. Schiffrin, D. Introduction / D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. – Текст : непосредственный. // The handbook of discourse analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P.1–10.

559. Schulte, G. An Interdisciplinary Perspective on the Cognitive Meaning of Linguistic metaphor, its Interpretation and Computational Representation / Gwendolyn Schulte. – Marburg: MTL, 1997. – 311 p. – Текст : непосредственный.

560. Shweder, A. Richard Likeness and Likelihood in Everyday Thought: Magical Thinking and Everyday Judgements about Personality / R. A. Shweder. – Текст : непосредственный // Thinking. Readings in Cognitive science / Ed. by P.N. Johnson-Laird and P.C. Watson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 446–467.

561. Sillars, O. Malcom Values and Beliefs: A Systematic Basis for Argumentation / M. O. Sillars. – Текст : непосредственный // Advances in Argumentation and Research. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1982. – 421 p.

562. Sinclair, J., Coulthard, M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils / John Sinclair, Malcolm Coulthard. – Oxford, 1975. – 163 p. – Текст : непосредственный.

563. Strawson, P. E. Intention and Convention in Speech Acts / P.E. Strawson. – Текст : непосредственный // Pragmatics : A Reader. – New -York, 1991. – P. 290–301.

564. Stubbs, M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language* / M. Stubbs. – Текст : непосредственный.– Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

565. Swales, J.M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Setting* / J. M. Swales. – Текст : непосредственный. – Cambridge, 1990. – 274 p.

566. Taylor, R.J. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory* / J. R. Taylor. – Текст : непосредственный. – Oxford – New York: Oxford University Press, 1993. – 312 p.

567. Thompson, J. B. *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication* / J.B. Thompson. – Текст : непосредственный. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. – 203 p.

568. Trask, R.L. *Key Concepts in Language* / R. L. Trask. – Текст : непосредственный. – L.; N.Y.: Routledge, 1999. – 378 p.

569. Turner, M. *Reading Minds. The Study of English in the Age of Cognitive Science* / M. Turner. – Текст : непосредственный. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – 298 p.

570. Ungerer, F., Schmid, H.J. *An Introduction to Cognitive Linguistics* / F. Ungerer, H. J. Schmid. – Текст : непосредственный.– London–New-York: Longman, 1999. – 306 p.

571. Weaver, W. *A kommunikáció egy matematikai modellje [The Mathematics of Communications]* / W. A. Weaver. – Текст : непосредственный // *Kommunikáció [A kommunikatív jelenség]*. – Budapest: General Press Kiadó, 2003. – P. 17–25.

572. Wierzbicka, A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language* / A. Wierzbicka. – Текст : непосредственный. – Sydney; New York: Academic Press, 1980. – 367 p.

573. Wierzbicka, A. *Lexicography and Conceptual Analysis* / A. Wierzbicka. – Текст : непосредственный. – Ann Arbor: Karoma Publishers, Inc., 1985. – 368 p.

574. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – Текст : непосредственный. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – 502 p.

575. Wodak, R. Turning the Tables: Anti-Semitic Discourse in Post-war Austria / R. Wodak. – Текст : непосредственный // Discourse and Society. – 1991. – Vol. 2. – No.1. – P. 47–64.

576. Wodak, R. Disorders of Discourse / R. Wodak. – Текст : непосредственный. L.; N.Y.: Longman, 1996. – 200 p.

577. Wodak, R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA / R. Wodak. – Текст : непосредственный // Discourse and society, 2006. № 8. – P. 179–190.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

578. The American Heritage College Dictionary of the English Language. – 3-d edition. – Boston / New York: Houghton Mifflin Company, 1997. – 1630 p. – Текст : непосредственный.

579. The Britannica Dictionary – URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

580. Cambridge Learner's Dictionary. – Cambridge University Press, 2001 – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/ground-zero> (дата обращения: 21.05.2022). – Текст : электронный.

581. Chambers Twentieth Century Dictionary by W. and R. Chambers, 1901. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.14785/page/n727/mode/2up> (дата обращения: 21.05.2022). – Текст : электронный.

582. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. – New Digital Edition, 2008. – 483 p. – Текст : непосредственный.

583. Collins English Dictionary and Thesaurus. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2009. – URL: <http://dictionary.reverso.net/english-definition/> (дата обращения: 05.05.2022). – Текст : электронный.

584. Concise Oxford dictionary of Current English by Henry Watson Fowler & Francis George Fowler, 1919. – URL: <https://archive.org/details/con00ciseoxforddicfowrich/page/794/mode/2up?view=thheater> (дата обращения: 11.08.2022). – Текст : электронный.

585. Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford Dictionary of English Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 685 p. – Текст : непосредственный.

586. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 489 p. – Текст : непосредственный.

587. Dickson P. War Slang. American Fighting Words and Phrases from the Civil War to the Gulf War / P. Dickson. – New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore, Pocket Books, 1994. – 403 p. – Текст : непосредственный.

588. Longman Dictionary of American English. – New York: Pearson ESL, 2002. – 933 p. – Текст : непосредственный.

589. Longman Dictionary of English Idioms. – Edinburgh Gate; Harlow: Longman Group UK Limited, 1996. – 387 p. – Текст : непосредственный.

590. Longman Dictionary of the English Language and Culture. – L.: Pearson Education Limited, 2005. – 1620 p. – Текст : непосредственный.

591. Longman Exams Dictionary. – L.: Pearson Education Limited, 2006. – 1831p. – Текст : непосредственный.

592. Longman Idioms Dictionary. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 398 p. – Текст : непосредственный.

593. Longman Language Activator. – Edinburgh: Pearson Education Limited, 2010. –1530 p. – Текст : непосредственный.

594. Longman Synonym Dictionary. – Harlow, Essex: Longman House, 1986. – 489 p. – Текст : непосредственный.

595. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford : Bloomsbury Publishing Plc, 2006. – 1567 p. – Текст : непосредственный.

596. Macmillan Essential Dictionary. – Bloomsbury Publishing Plc., 2003. – 861 p. – Текст : непосредственный.

597. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. – Springfield, Mass., USA: Merriam-Webster, 2008. – 2032 p. – Текст : непосредственный.

598. Merriam's Webster's Collegiate Dictionary. – 10th edition, Springfield, Mass., USA: Merriam-Webster, 1994. – 1557 p. – Текст : непосредственный.

599. Merriam-Webster Unabridged Dictionary Merriam-Webster Incorporated, 2012. – URL: <http://www.merriam-webster.com/info/copyright.htm> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст : электронный.

600. Modern dictionary of the English language, MacMillan, 1911. – URL: <https://archive.org/details/moderndictionary00londuoft/page/556/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 23.08.2022). – Текст : электронный.

601. The National Dictionary. A New and Completely Up-To-Date Dictionary of the Living Language Containing over 60,000 References and Supplements Including A 32-Page Section Entitled Aids To Good English / General Editor: J.B. Foreman, M.A. – William Collins Sons and Co. Ltd., 1959. – 608 p. – Текст : непосредственный.

602. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language / Ed. by Bernard S. Cayne. – Danbury: Lexicon Publications, 1993. – 1137 p. – Текст : непосредственный.

603. Online Etymology Dictionary – URL: https://www.etymonline.com/word/state#etymonline_v_22015 (дата обращения: 07.09.2022). – Текст : электронный.

604. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 6-th edition / Ed. by Sally Wehmeier. – Oxford University Press, 2000. – 1604 p. – Текст : непосредственный.

605. The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 1024 p. – Текст : непосредственный.

606. The Oxford Dictionary of Law. – 6-th edition / Ed. by Elizabeth A. Martin Jonathan Law. – Oxford University Press, 2006. – 591 p. – Текст : непосредственный.

607. The Oxford Dictionary of New Words / Ed. by Sara Tulloch, Elizabeth Knowles, Julia Elliott. – Oxford University Press; New ed. of 2 revised ed. edition, 1999. – 366 p. – Текст : непосредственный.

608. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – 2-nd edition. – Oxford University Press, 2007. – 519 p. – Текст : непосредственный.

609. The Oxford Encyclopedic English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 1754 p. – Текст : непосредственный.

610. The Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – Vol.XVII. – 1015p. – Текст : непосредственный.

611. Oxford Guide to British and American Culture. – Oxford University Press, 2005. – 533 p. – Текст : непосредственный.

612. The Oxford Paperback Thesaurus. – 3-rd edition / Ed. by Maurice Waite with Lucy Hollingworth and Duncan Marshal. – Oxford University Press, 2006. – 930 p. – Текст : непосредственный.

613. The Oxford Reference Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 972 p. – Текст : непосредственный.

614. The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms / R. Fergusson, Penguin Books Ltd., Middlesex, 1992. – 442 p. – Текст : непосредственный.

615. The Penguin Modern Guide to Synonyms and Related Words (Reference Books) [Paperback] / Ed. by S.I. Hayakawa, Paul Fletcher. – Penguin Books Ltd; Revised edition, 1988. – 720 p. – Текст : непосредственный.

616. Random House Webster's Unabridged Dictionary. – New York: Random House, 2001. – 2229 p. – Текст : непосредственный.

617. Random House Word Menu / S. Glazier. – New York: Random House Reference, 1996. – 977 p. – Текст : непосредственный.

618. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by Robert A. Dutch. – Penguin Books Ltd, Harmondsworth, Middlesex, England, 1969. – 712 p. – Текст : непосредственный.

619. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – Harlow, Essex: Longman, 1987. – Текст : непосредственный.

620. Roget's International Thesaurus / Roget's II: The New Thesaurus, Third Edition – URL: http://education.yahoo.com/reference/thesaurus/;_ylt=AmZUZDAD.v7L3sS_22XHhSIuCcsF (дата обращения: 17.08.2022). – Текст : электронный.

621. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N.Y.; Avenel: Gramercy Books, 1996. – 1693 p. – Текст : непосредственный.

622. Webster's New World College Dictionary. – N.Y.: Webster's New World, 2000. – 1716 p. – Текст : непосредственный.

623. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridge, USA: Merriam-Webster Inc. Publisjers, 1981. – 2662 p. – Текст : непосредственный.

624. Wood F.T. Dictionary of English Colloquial Idioms / Revised by Robert J. Hill. – London and Basingstoke: The Macmillan Press limited, 1980. – 354 p. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

625. Bush, G.H.W. Address Before a Joint Session of Congress, 11 September 1990. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress> / (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

626. Bush, G.W. The Second Gore-Bush Presidential Debate, 11 October, 2000. – URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript/> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

627. Bush, G.W. First Inaugural Address, 20 January 2001. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2001-first-inaugural-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

628. Bush, G.W. Proposal for Global Fund to Fight HIV/AIDS, Malaria, and Tuberculosis, 11 May 2001. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/05/20010511-1.html> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

629. Bush, G.W. Address to the Nation, 1 June, 2002. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/06/20020606-8.html> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

630. Bush, G.W. Remarks at the UN General Assembly, 12 September 2002. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-12-2002-remarks-un-general-assembly> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

631. Bush, G. W. State of the Union Address, 29 January 2002. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-2002-state-union-address> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

632. Bush, G.W. Address to the Nation on Iraq, 17 March, 2003. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

633. Bush, G.W. Second Inaugural Address, 20 January, 2005. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2005-second-inaugural-address-0> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

634. Bush, G.W. State of the Union Address, 2 February, 2005. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-2-2005-state-union-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

635. Bush, G.W. State of the Union Address, 31 January 2006. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-31-2006-state-union-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

636. Bush, G.W. Remarks on the War on Terror, 19 March 2008. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-19-2008-remarks-war-terror> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

637. Carter, J. Inaugural Address, 20 January 1977. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1977-inaugural-address> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

638. Carter, J. University of Notre Dame Commencement, 22 May 1977. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/may-22-1977-university-notre-dame-commencement> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

639. Carter, J. State of the Union Address, 19 January 1978. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-19-1978-state-union-address> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

640. Carter, J. State of the Union Address, 23 January 1980. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-23-1980-state-union-address> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

641. Carter, J. Farewell Speech, 14 January 1981. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-14-1981-farewell-speech> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

642. Clinton, B. First Inaugural, 20 January 1993. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1993-first-inaugural> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

643. Clinton, B. Second Inaugural, 20 January 1997. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1997-second-inaugural> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

644. Clinton, B. Response to the Lewinsky Allegations, 26 January 1998. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-26-1998-response-lewinsky-allegations> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

645. Clinton, B. Farewell Address, 18 January 2001. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-18-2001-farewell-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

646. Coolidge, C. Inaugural Address, 4 March 1925. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1925-inaugural-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

647. Coolidge, C. Third Annual Message, 8 December 1925. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-8-1925-third-annual-message> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

648. Eisenhower, D. First Inaugural Address, 20 January 1953. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1953-first-inaugural-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

649. Eisenhower, D. Republican National Convention, 23 August 1956. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-23-1956-republican-national-convention> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

650. Eisenhower, D. Eisenhower Doctrine, 5 January 1957. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-5-1957-eisenhower-doctrine> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

651. Eisenhower, D. Farewell Address, 17 January 1961. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-17-1961-farewell-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

652. First Gore-Bush Presidential Debate, Oct. 3, 2000. – URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-3-2000-transcript/> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

653. First McCain-Obama Presidential Debate, September 26, 2008 Debate Transcript. – URL: <https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/first-presidential-debate.html> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

654. First presidential debate between Joe Biden and Donald Trump, Sept. 30, 2020. – URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-26-2016-debate-transcript/> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

655. Ford, G. Remarks on Pardoning Richard Nixon, 8 September 1974. – URL: <https://ap.gilderlehrman.org/history-by-era/seventies/resources/president-ford%E2%80%99s-statement-pardoning-richard-nixon-1974> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

656. Ford, G. Remarks in Helsinki, 1 August 1975. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-1-1975-remarks-helsinki> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

657. Ford, G. Republican National Convention, 19 August 1976. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-19-1976-republican-national-convention> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

658. Harding, W. Safeguarding America, 11 September 1919. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1919-safeguarding-america> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.

659. Harding, W. Inaugural Address, 4 March 1921. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1921-inaugural-address> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.

660. Harding, W. Readjustment, 14 May 1920. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/may-14-1920-readjustment> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный

661. Hoover, H.C. Speech Accepting the Republican Nomination, 11 August 1932. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-11-1932-speech-accepting-republican-nomination> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.

662. Hoover, H. C. Inaugural Address, 4 March 1929. – URL: – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1929-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

663. Johnson, L.B. Inaugural Address, 20 January 1965. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1965-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

664. Johnson, L.B. Thanksgiving Message, 28 November 1963. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-28-1963-thanksgiving-message> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

665. Johnson, L.B. State of the Union, 8 January 1964. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-8-1964-state-union> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

666. Johnson, L.B. Speech Before Congress on Voting Rights, 15 March 1965. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-15-1965-speech-congress-voting-rights>

667. Johnson, L.B. State of the Union, 12 January 1966. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-8-1964-state-union> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

668. Kennedy, J.F. Acceptance of the Democratic Party Nomination, 15 July 1960. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-15-1960-acceptance-democratic-party-nomination> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

669. Kennedy, J. F. Inaugural Address, 20 January 1961. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1961-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

670. Kennedy, J.F. Address to the UN General Assembly, 25 September 1961. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-25-1961-address-un-general-assembly> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

671. Nixon, R.M. First Inaugural Address, 20 January 1969. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1969-first-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

672. Nixon, R.M. Radio Address About Second Annual Foreign Policy Report to the Congress, 25 February 1971. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-25-1971-radio-address-about-second-annual-foreign> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

673. Nixon, R.M. Remarks on Being Reelected to the Presidency, 7 November 1972. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-7-1972-remarks-being-reelected-presidency> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

674. Nixon, R.M. Second Inaugural Address, 20 January 1973. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1973-second-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

675. Obama, B. Debate Transcript, 26 September 2008. – URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/2008-debate-transcript/> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный

676. Obama, B. Acceptance Speech at the Democratic National Convention, 28 August 2008. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-28-2008-acceptance-speech-democratic-national> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

677. Obama, B. Night Before the Election, 2008. – URL: <http://obamaspeeches.com/E-Barack-Obama-Speech-Manassas-Virgina-Last-Rally-2008-Election.htm> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

678. Obama, B. 21st Century Economy Address at George Mason, 8 January 2009 – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamageorgemas-on.htm> (дата обращения 12.10.2020). – Текст : электронный.

679. Obama, B. Inaugural Address, 20 January 2009. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2009-inaugural-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

680. Obama, B. Remarks on Wall Street Reform, 28 April 2010. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-28-2010-remarks-wall-street-reform> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

681. Obama, B. Press Conference After 2010 Midterm Elections, 3 November 2010. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-3-2010-press-conference-after-2010-midterm-elections> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

682. Obama B. Address to Congress on the American Jobs Act, 8 September 2011. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст: электронный.

683. Obama B. Second Inaugural Address. 21 January, 2013. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-21-2013-second-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

684. Obama, B. Statement on the Government Sequester, 1 March 2013. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/03/01/statement-president-sequester> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

685. Obama, B. President Obama gives speech addressing Europe, Russia on 26 March 2014 – URL: https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressingeurope-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_story.html?utm_term=.4c284ab45f1f (дата обращения 30.08.2020). – Текст : электронный.

686. Obama Barack, White House Correspondents' Dinner Address, 3 May, 2014 – URL:

<https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20White%20House%20Correspondent%20Dinner%202014.pdf> (дата обращения 18.09.2020). – Текст : электронный.

687. Reagan, R. First Inaugural Address, 20 January 1981. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1981-first-inaugural-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

688. Reagan, R. Speech to the United Nations General Assembly, 17 June 1982. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-17-1982-speech-united-nations-general-assembly> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

689. Reagan, R. Speech at the Conservative Political Action Conference, 18 February 1983. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-18-1983-speech-conservative-political-action> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

690. Reagan, R. Speech on the Creation of the Martin Luther King, Jr., National Holiday, 2 November 1983. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-2-1983-speech-creation-martin-luther-king-jr-national> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

691. Reagan, R. State of the Union Address, 25 January 1984. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-25-1984-state-union-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

692. Reagan, R. Farewell Address at the Republican National Convention, 15 August 1988. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-15-1988-farewell-address-republican-national-convention> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

693. Roosevelt, F.D. Second Inaugural Address, 20 January, 1937. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1937-second-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

694. Roosevelt, F.D. Quarantine Speech, 5 October 1937. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/october-5-1937-quarantine-speech> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

695. Roosevelt, F. D. State of the Union (Four Freedom), 6 January 1941. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

696. Roosevelt, F.D. Inaugural Address, 20 January 1941. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1941-third-inaugural-address> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

697. Roosevelt, F.D. Fireside Chat 20: On the Progress of the War, 23 February 1942. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-23-1942-fireside-chat-20-progress-war> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

698. Roosevelt, F.D. State of the Union Address, 7 January 1943. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-7-1943-state-union-address> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

699. Roosevelt, F.D. Fireside Chat 27: On the Tehran and Cairo Conferences, 24 December 1943. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-24-1943-fireside-chat-27-tehran-and-cairo-conferences> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

700. Roosevelt, F.D. Fireside Chat 28: On the State of the Union, 11 January 1944. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-11-1944-fireside-chat-28-state-union> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

701. Roosevelt, F.D. Fourth Inaugural Address, 20 January 1945. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1945-fourth-inaugural-address> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

702. Roosevelt F. D. Joint Statement with Churchill and Stalin on the Yalta Conference, 11 February 1945. – URL: <https://millercenter.org/the->

presidency/presidential-speeches/february-11-1945-joint-statement-churchill-and-stalin-yalta (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

703. Roosevelt, Th. First Annual Message, 3 December 1901 – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

704. Roosevelt, Th. Message Regarding US-Cuban Relations, 13 June 1902. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-10-1903-message-regarding-us-cuban-commercial> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

705. Roosevelt, Th. Second Annual Message, 2 December 1902. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

706. Roosevelt, Th. Message Regarding US-Cuban Commercial Convention, 10 November, 1903. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-10-1903-message-regarding-us-cuban-commercial> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

707. Roosevelt, Th. Message Regarding the Panamanian Revolution, 16 November 1903. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-16-1903-message-regarding-panamanian-revolution> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный

708. Roosevelt, Th. Message Regarding Treaty with Panama, 7 December 1903. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-7-1903-message-regarding-treaty-panama> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

709. Roosevelt, Th. Fourth Annual Message, 6 December 1904: – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1904-fourth-annual-message> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

710. Roosevelt Th. Inaugural Address, 4 March 1905. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1905-inaugural-address> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

711. Roosevelt, Th. Message Regarding the State of Puerto Rico, 11 December 1906. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-11-1906-message-regarding-state-puerto-rico> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный.

712. Roosevelt, Th. Message Regarding Conditions in Panama, 17 December 1906. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-17-1906-message-regarding-conditions-panama> (дата обращения: 04.10.2022). – Текст : электронный

713. Roosevelt T. Message Regarding Disturbances in Texas, 19 December 1906. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-19-1906-message-regarding-disturbances-texas> (дата обращения: 23.09.2022). – Текст : электронный.

714. Roosevelt, Th. Seventh Annual Message, 3 December 1907. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1907-seventh-annual-message> (дата обращения: 23.09.2022). – Текст : электронный.

715. Roosevelt, Th. Eighth Annual Message, 9 December 1908. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-9-1908-eighth-annual-message> (дата обращения: 23.09.2022). – Текст : электронный.

716. Presidential Rhetoric. com. – URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/programs/index.html> (дата посещения: 10.10.2022). – Текст : электронный.

717. The Second Gore-Bush Presidential Debate, October 11, 2000 Debate Transcript. – URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript/> (дата посещения: 10.10.2022). – Текст : электронный.

718. Taft W. Inaugural Address, 4 March 1909. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1909-inaugural-address> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

719. Taft W. First Annual Message, 7 December 1909. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-7-1909-first-annual-message> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

720. Truman, H.S. First Speech to Congress, 16 April 1945. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-16-1945-first-speech-congress> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

721. Truman, H.S. Radio Report to the American People on the Potsdam Conference, 9 August 1945. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-9-1945-radio-report-american-people-potsdam-conference> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

722. Truman, H.S. Inaugural Address, 20 January 1949. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1949-inaugural-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

723. Trump D. Nomination Acceptance Speech, 22 July 2017. – URL: <https://www.politico.com/story/2016/07/full-transcript-donald-trump-nomination-acceptance-speech-at-rnc-225974> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

724. Trump D. Inaugural Address, 20 January 2017. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

725. Trump D. Address to Joint Session of Congress, 28 February 2017. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-28-2017-address-joint-session-congress> (дата обращения: 08.09.2021). – Текст : электронный.

726. Trump, D., Praise for President Trump's Commitment to Border Security, 23 August, 2017. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/praise-president-trumps-commitment-border-security-2/> (дата обращения 01.09.2020). – Текст : электронный.

727. Trump, D. President's Weekly Address – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-weekly-03102018/> (дата обращения 11.09.2020). – Текст : электронный.

728. Trump, D. State of the Union Address, 30 January 2018. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address> (дата обращения 11.09.2020). – Текст : электронный.

729. Trump, D. Remarks by President Trump on the Illegal Immigration Crisis and Border Security, 1 November, 2018. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-illegal-immigration-crisis-border-security/> (дата обращения: 20.09.2022). – Текст : электронный.

730. Trump, D. Presidential Proclamation Addressing Mass Migration Through the Southern Border of the United States, 9 November, 2018 – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-addressing-mass-migration-southern-border-united-states/> (дата обращения: 17.08.2022). – Текст : электронный.

731. Trump, D. President Donald J. Trump's Address to the Nation on the Crisis at the Border, 8 January, 2019. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-address-nation-crisis-border/> (дата обращения 05.02.2022). – Текст : электронный.

732. Trump, D. Address at West Point Graduation, 13 June 2020. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-13-2020-address-west-point-graduation> (дата обращения 05.02.2022). – Текст : электронный.

733. Trump, D. Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma, 20 June 2020. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-20-2020-campaign-rally-tulsa-oklahoma> (дата обращения 05.02.2022). – Текст : электронный.

734. Trump, D. 9/11 Memorial Speech, 11 September 2020. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

735. Wilson, W. First Inaugural Address, 4 March 1913. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1913-first-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.

736. Wilson, W. Address at Gettysburg, 4 July 1913. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-4-1913-address-gettysburg> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.

737. Wilson, W. Address at Congress, Philadelphia, 25 October 1913. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/october-25-1913-address-congress-hall-philadelphia> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.

738. Wilson, W. Fourth of July Address, 4 May 1914. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-4-1914-fourth-july-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

739. Wilson, W. Memorial Day Address, 30 May 1914. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/may-30-1914-memorial-day-address> (дата обращения: 01.06.2022). – Текст : электронный.

740. Wilson, W. An Address in Pittsburgh on Preparedness, 29 January 1916. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-soldiers-memorial-hall-pittsburgh-pennsylvania> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

741. Wilson, W. Message Regarding German Actions, 19 April 1916. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-19-1916-message-regarding-german-actions> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

742. Wilson, W. "A World League for Peace" Speech, 22 January 1917. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-22->

1917-world-league-pease-speech (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

743. Wilson, W. Fifth Annual Message, 4 December 1917. – URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-4-1917-fifth-annual-message> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
СПИСОК ПРЕЗИДЕНТОВ США (XX – начала XXI веков)

Партии

■ Демократическая

■ Республиканская

№	Фотография президента	Президент	Начало срока	Конец срока	Партийная принадлежность	Вице-президент
1.		<p>Теодор Рузвельт (<i>Theodore Roosevelt</i>) (27.10.1858-06.01.1919) 25-й вице-президент США, 26-й президент США, лауреат Нобелевской премии мира 1906 года за роль посредника при заключении Портсмутского мирного договора, завершившего Русско-японскую войну (1904-1905). Согласно ему, между Россией и Японией был разделен остров Сахалин. Первый и единственный президент США, удостоенный высшей военной награды своей страны: посмертно награжден Медалью Почета. Самый молодой (42 года и 10 мес.) президент за всю историю США.</p> <p>Теодор Рузвельт – дальний родственник 32-го президента США Франклина Рузвельта, а жена Франклина – Элеонора Рузвельт – приходилась Теодору племянницей.</p> <p>Первая администрация (1901-1904 годы) В 1900 году команда Мак-Кинли и Рузвельта одержала победу на президентских выборах. 4 марта 1901 года Мак-Кинли вступил в должность президента на второй срок, Рузвельт стал вице-президентом. 6 сентября того же года на Мак-Кинли было совершено покушение, а 14 сентября он скончался от полученной раны. В тот же день Рузвельт был приведен к присяге как новый президент. Он стал самым молодым президентом за всю историю США.</p> <p>Принеся присягу, Рузвельт сохранил без изменений весь кабинет Мак-Кинли и заверил деловые круги в том, что не будет ограничивать деятельность монополий, чего добивались остальные претенденты на Белый дом.</p> <p>3 декабря 1901 года в своём первом послании Конгрессу США Рузвельт объявил своей целью достижение большей социальной справедливости. Именно в социальной сфере правительство США испытывало в то время наибольшие проблемы. Все более углублялось недовольство народных масс, вызываемое ростом</p>	14 сентября 1901	4 марта 1909	Республиканец	Должность вакантна Чарльз Фэрбенкс

		<p>коррупции и засилием монополий.</p> <p>Желая унять народные волнения и в то же время не ограничивать интересов монополий, Рузвельт акцентировал внимание общественности на конкретных проявлениях социальной несправедливости со стороны отдельных «нечестных» трестов. Против ряда корпораций были возбуждены судебные процессы, однако в большинстве случаев корпорации отделывались лишь незначительными штрафами. Распущенные же по решению суда тресты вскоре возрождались под новыми названиями.</p> <p>Эти судебные процессы позволили Рузвельту создать себе репутацию «разрушителя трестов» и в то же время позволили продолжить, по сути, политику невмешательства государства в деятельность монополий. Т. Рузвельт создал себе имидж первого великого американского героя нового века – века средств массовой информации. Рузвельт умело скрестил имидж необычайно мужественной и властной фигуры, заставив широкую аудиторию покорно принять его, и показал, как могло процветать аристократическое правление в условиях массовой демократии. Он считал отсутствие или недостаток мужественности угрозой не только политическим реформам в самой стране, но и её политическим позициям за рубежом. Многие историки полагают, что, делая упор в своей политике на мужественность, он тем самым компенсировал слабость и болезненность в детстве.</p> <p>Рузвельт продолжил курс Мак-Кинли на отказ от изоляционизма и становление Америки как мировой державы, активно действующей во всём мире. Ему принадлежат выражения «политика большой дубинки» и «мировой полицейский».</p> <p>В начале XX века правительство Венесуэлы получало письма от Великобритании и Германии из-за «актов насилия против свободы британских субъектов и массированного захвата британских кораблей», а также отказа выплачивать внешние долги. Вскоре военными силами этих стран была организована тотальная морская блокада (1902-1903), против которой и выступил Рузвельт. Это событие стало основой для поправки Рузвельта к доктрине Монро. Хотя основа этой концепции уже была расписана в частных письмах президента, её официальное провозглашение произошло в 1904 году. Рузвельт отмечал, что хочет только, чтобы «другие республики на этом континенте» были «счастливы и процветали». Для осуществления этого, поправка требует от них «поддерживать порядок в пределах своих границ и выполнять свои обязательства перед чужаками».</p> <p>Большинство историков, а с ними и главный биограф Рузвельта Говард К. Бил считают,</p>				
--	--	--	--	--	--	--

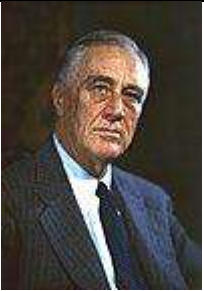
		<p>что поправка стала следствием личных убеждений Рузвельта и его связей с иностранными держателями облигаций.</p> <p>В начале XX в. в контролировавшейся Колумбией Панаме США имели большие интересы, а Колумбия и французская компания-концессионер повысили цены на строительные материалы. Отказавшись платить больше, американцы «организовали революцию» в Колумбии. 3 ноября 1903 года Панама при поддержке военного флота США восстала против Колумбии. Получив статус республики, Панама также получила 10 млн долларов от США, ежегодную выплату в 250 тыс. долларов и гарантии независимости. Взамен американцы получили «вечные» права на зону панамского канала. Позже Рузвельт говорил, что «взял канал и поручил Конгрессу обсудить эту проблему». После утраты территории, Колумбия апеллировала к США с требованием пересмотра договоров и переименования Панама-Сити.</p> <p>Выборы 1904 года</p> <p>В своей предвыборной кампании Рузвельт делал упор на осуждение преступников среди монополистов, не осуждая монополий в целом, и в то же время ведя переговоры с представителями корпораций о финансировании Республиканской партии. Деловые круги Соединенных Штатов быстро разобрались в истинной роли Рузвельта в деле защиты интересов крупного капитала. Впоследствии стало известно, что эти круги покрыли 72,5 % всех расходов предвыборной кампании Республиканской партии. Среди главных спонсоров этой партии в 1904 году можно назвать: Джона Пирпонта Моргана, Джона Дэвисона Рокфеллера, Эдварда Генри Гарримана, Генри Клея Фрика и других крупных американских промышленников.</p>				
2.		<p>Уильям Тафт (<i>William Howard Taft</i>) (15.09.1857-08.03.1930)</p> <p>27-й президент США, затем с 1921 по 1930 гг. Председатель Верховного суда США. Находясь в этой должности, привёл к присяге 30-го президента США Калвина Кулиджа (в 1925 году) и 31-го президента Герберта Гувера (в 1929 году). Сын Альфонсо Тафта, занимавшего посты военного министра и генерального прокурора США.</p> <p>До избрания президентом занимал судебные и военные посты (пик карьеры – военный министр), близкий друг Теодора Рузвельта, который в 1908 году поддержал его как будущего преемника. Президентство Тафта охарактеризовалось некоторым усилением роли государства в экономике.</p> <p>На президентских выборах в 1912 Рузвельт, отношения которого с Тафтом стали</p>	4 марта 1909	4 марта 1913	Республиканец	Джеймс Шерман <i>Должность вакантна</i>

		<p>напряжёнными, попытался вновь выставить свою кандидатуру, однако Республиканская партия отклонила его амбиции и выдвинула Тафта на второй срок. Тогда Т. Рузвельт создал собственную Прогрессивную партию и баллотировался от неё. В результате такого распыления республиканского электората проиграли и Тафт, занявший третье место с 23,2 % голосов, и Рузвельт, а президентом был избран демократ Вудро Вильсон.</p> <p>В 1913-1921 профессор права и истории права Йельского университета.</p> <p>В 1921 году Тафт был избран Председателем Верховного суда США, став единственным президентом (будущим или бывшим), который занимал пост в этом суде.</p> <p>В начале 1930 года Тафт начал испытывать галлюцинации. 3 февраля он ушёл в отставку за 33 дня до смерти (8 марта 1930 года), которая пришлась на один день со внезапной смертью члена Верховного суда США Эдварда Терри Сэнфорда. Традиция обязывает членов Верховного суда присутствовать на похоронах своих коллег, что привело к «логистическому кошмару», потребовав сначала поездки в Ноксвилл (штат Теннесси), на похороны Сэнфорда, а затем в Вашингтон на похороны Тафта.</p>				
3.		<p>Вудро Вильсон (<i>Thomas Woodrow Wilson</i>) (28.12.1856-03.02.1924)</p> <p>28-й президент США. Известен также как историк и политолог. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 года, присуждённой ему за миротворческие усилия.</p> <p>Второй срок его президентства был отмечен вступлением США в Первую мировую войну (март 1917 года) и активными дипломатическими усилиями Вильсона по мирному урегулированию, выраженными в «Четырнадцати пунктах». Вильсон стал первым президентом США, посетившим с официальным визитом Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции). Предложения Вильсона были положены в основу Версальского договора. Вильсон был одним из инициаторов создания Лиги Наций, однако Сенат США отказал во вступлении в эту организацию. В 1913 году Вильсон подписал законопроект о создании Федеральной резервной системы, которая выполняет роль центрального банка США, имеет инструменты государственного влияния, но форма собственности капитала является частной — акционерная с особым статусом акций.</p>	4 марта 1913	4 марта 1921	Демократ	Томас Маршалл

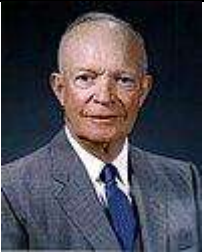
4.		<p>Уоррен Гардинг (<i>Warren Gamaliel Harding</i>) (02.11.1865-02.08.1923)</p> <p>29-й Президент США. После двух лет правления Гардинг скончался 2 августа 1923 года в Сан-Франциско во время турне по западным штатам, предположительно от обширного инфаркта. После его смерти широкое распространение получили слухи об отравлении, причём в числе других подозрения падали также и на его жену. Гардинг известен как любитель богемного образа жизни (покер, пристрастие к спиртным напиткам, любовные похождения), которому он не изменил и во время своего президентства.</p> <p>Был решительным противником признания Советской России. Единственным реальным сдвигом в российско-американских отношениях в годы администрации Гардинга стало восстановление прерванного после Октябрьской социалистической революции 1917 года почтового сообщения между двумя странами.</p>	4 марта 1921	2 августа 1923	Республиканец	Калвин Кулидж
5.		<p>Калвин Кулидж (<i>John Calvin Coolidge Jr.</i>) (04.07.1872-05.01.1933)</p> <p>30-й президент США. Правление Кулиджа, руководствовавшегося принципом невмешательства в экономику, было довольно успешным; Штаты переживали бурный экономический рост («процветание», «революция двадцатые»). Вместе с тем уже в следующее правление (при Герберте Гувере) этот успех обернулся мощным кризисом («Великой депрессией»). При Кулидже индейцы получили полноценное американское гражданство; вместе с тем проблема афроамериканцев была далека от разрешения, и 1920-е годы отмечены резким всплеском деятельности Ку-Клукс-Клана и судов Линча.</p> <p>Будучи избранным на собственный президентский срок в 1924 году, К. Кулидж отказался баллотироваться в 1928 году, уступив это право Г. Гуверу. Масштабные неудачи республиканской партии отрицательно повлияли на его здоровье. Он умер через несколько месяцев после поражения Герберта Гувера на выборах 1932 года от Франклина Рузвельта, чьих планов переустройства экономики он не одобрял. Во время правления Калвина Кулиджа США сохранили оккупацию Никарагуа и Гаити, однако в 1924 году были выведены войска из Доминиканской республики. В 1928 году Кулидж возглавил делегацию США на 6-й Панамериканской конференции в Гаване с мирным предложением к руководителям латиноамериканских государств. Этот официальный визит президента США на Кубу, которая в то время являлась</p>	2 августа 1923	4 марта 1929	Республиканец	Должность вакантна Чарльз Дауэс

		<p>зависимой от США республикой, стал последним в XX столетии – лишь 20 марта 2016 года, спустя 88 лет, Кубу посетил с визитом президент США Барак Обама.</p> <p>Принципиально негативное отношение к установлению дипломатических отношений между СССР и США сохранялось на протяжении всех лет пребывания у власти администрации Кулиджа. Вместе с тем в эти годы началось заметное оживление торгово-экономических отношений между двумя странами.</p>				
6.		<p>Герберт Гувер (<i>Herbert Clark Hoover</i>) (10.08.1874-20.10.1964) 31-й президент США.</p> <p>После октябрьского биржевого краха 1929 года начался тяжелейший экономический кризис – Великая депрессия. Герберт Гувер решил смягчить удары кризиса с помощью стимулирования частнособственнической инициативы, поощрения гуманитарных мер, принимаемых управленческими структурами на местах, и частной благотворительной деятельности. Он убеждал предпринимателей не снижать уровень производства и заработную плату, а профсоюзных деятелей уговаривал не настаивать на повышении оплаты труда.</p> <p>Традиционно Гувера принято обвинять как президента, не сумевшего предложить эффективной стратегии выхода из ситуации, наподобие Нового курса его преемника Рузвельта. Многие историки, однако, считают, что Г. Гуверу просто не повезло: на пике кризиса никакие меры не помогали, и самый деятельный президент наткнулся бы на границы своих полномочий, а реформы Рузвельта были осуществлены и стали эффективными, когда высшая точка депрессии была уже позади. Кроме того, Рузвельт продолжил и значительно усилил ряд мер, предпринятых ещё администрацией Гувера. Кроме того, тенденцию осуждения Гувера за его экономическую политику, недостаточно энергичные и эффективные меры по преодолению кризиса объясняют межпартийной борьбой во времена правления Рузвельта между демократической и республиканской партиями.</p>	4 марта 1929	4 марта 1933	Республиканец	Чарльз Кёртис

7.		<p>Франклин Рузвельт (<i>Franklin Delano Roosevelt</i>) в США также известен под инициалами — ФДР (англ. FDR) (30.01.1882-12.04.1945) 32-й президент США, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время великой депрессии и Второй мировой войны. Единственный американский президент, избиравшийся более чем на два срока. В историографии его неизменно ставят в один ряд с наиболее выдающимися президентами США Джорджем Вашингтоном, Томасом Джефферсоном и Авраамом Линкольном.</p> <p>В президентской кампании 1932 года Ф. Рузвельт одержал внушительную победу над Гербертом Гувером, не сумевшим вывести страну из экономического кризиса 1929-1933 годов («Великой депрессии»). В ходе избирательной кампании Рузвельт изложил основные идеи социально-экономических преобразований, получившие по рекомендации его советников («мозгового треста») название «Нового курса». В первые сто дней своего президентства Рузвельт осуществил ряд важных реформ: была восстановлена банковская система, в мае подписал закон о создании Федеральной чрезвычайной администрации помощи голодным и безработным, был принят Закон о рефинансировании фермерской задолженности, а также Закон о восстановлении сельского хозяйства, который предусматривал государственный контроль за объёмом производства сельскохозяйственной продукции. Рузвельт считал наиболее перспективным Закон о восстановлении промышленности, который предусматривал целый комплекс правительственных мер по регулированию промышленности. В 1935 году были проведены важные реформы в области труда (закон Вагнера), социального обеспечения, налогообложения, банковского дела. Убедительная победа на выборах 1936 года позволила Ф. Рузвельту продолжить реформы, и в 1937-1938 годы улучшить ситуацию в сферах гражданского строительства, заработной платы и трудового законодательства. Принятые Конгрессом по инициативе президента законы являлись смелым экспериментом государственного регулирования с целью изменения распределительного механизма экономики и социальной защиты населения.</p> <p>Предвоенная внешняя политика Рузвельта отличалась, с одной стороны, гибкостью и реализмом, а с другой, противоречивостью и крайней осторожностью. Одной из внешнеполитических инициатив в первые месяцы после прихода Ф. Рузвельта к власти явилось дипломатическое признание СССР в ноябре 1933 года. В отношениях со странами Латинской Америки была провозглашена политика «добраго соседа», способствовавшая созданию межамериканской системы коллективной</p>	4 марта 1933	12 апреля 1945	Демократ	Джон Гарнер Генри Уоллес Гарри Трумэн
----	---	---	-----------------	----------------------	----------	--

		<p>безопасности.</p> <p>Однако опасение за судьбу внутриполитических реформ и нежелание связывать США какими-либо обязательствами в сложной международной обстановке способствовали тому, что внешнеполитический курс Рузвельта носил характер нейтралитета. В результате невмешательства в итало-эфиопский конфликт (1935) и гражданскую войну в Испании законные правительства были лишены возможности закупать американское оружие и боеприпасы в борьбе с хорошо вооружёнными державами «оси Берлин-Рим». Лишь в ноябре 1939 года, когда уже началась война в Европе, Рузвельт добился отмены статьи об эмбарго на продажу оружия и стал проводить политику помощи жертвам агрессии.</p> <p>16 мая 1940 года, после нападения Гитлера на Францию, Ф. Рузвельт передал на утверждение конгрессу план создания крупнейшего в мире военно-промышленного комплекса.</p> <p>Блицкриг Гитлера в Европе и третья подряд победа Ф. Рузвельта на выборах 1940 года активизировали американскую помощь Великобритании. 11 марта 1941 года президент подписал «Закон о дальнейшем укреплении обороноспособности Соединённых Штатов и о содействии другим целям». Закон о ленд-лизе 7 ноября 1941 года распространился на СССР, которому был предоставлен беспроцентный заём на сумму 1 млрд долларов.</p> <p>Ф. Рузвельт стремился как можно дольше ограничиваться поставками вооружений и по возможности избегать широкомасштабного участия США в европейской войне. При этом под лозунгом «активной обороны» с осени 1941 года в Атлантике шла «необъявленная война» с Германией. Разрешалось ведение прицельного огня по германским и итальянским судам, зашедшим в зону безопасности США, отменены статьи законодательства о нейтралитете, запрещавшие вооружение торговых кораблей и заход американских судов в зоны боевых действий.</p> <p>Нападение 7 декабря 1941 года японских самолётов на американскую военноморскую базу Пёрл-Харбор в Тихом океане явилось неожиданностью для Рузвельта, пытавшегося в последние месяцы 1941 года путём дипломатических переговоров оттянуть войну с Японией. На следующий день США и Великобритания объявили войну Японии, а 11 декабря война Соединённым Штатам была объявлена Германией и Италией. Рузвельт, в соответствии с конституцией, принял на себя все обязанности главнокомандующего в военное время. Он приложил немало усилий для укрепления антигитлеровской коалиции, придавая большое значение созданию Организации Объединённых Наций.</p> <p>1 января 1942 года в Вашингтоне состоялось подписание Декларации Объединённых</p>				
--	--	---	--	--	--	--

		<p>Наций, закреплявшей этот союз в международно-правовом порядке. Вместе с тем Рузвельт долгое время занимал выжидательную позицию в вопросе об открытии второго фронта. Но после впечатляющих побед Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге он всё больше убеждался в том, что СССР является решающим фактором поражения держав «оси» в Европе и что необходимо активное сотрудничество с ним в послевоенном мире. На Тегеранской конференции «большой тройки» (1943) Ф. Рузвельт не поддержал Черчилля, уклонявшегося от решения конкретных вопросов об открытии второго фронта.</p> <p>Проявляя особое внимание к вопросам послевоенного мирного урегулирования, Ф. Рузвельт впервые на Квебекской конференции (1943) изложил свой проект создания международной организации и ответственности США, Великобритании, СССР и Китая («четырёх полицейских») за сохранение мира. Обсуждение этой темы было продолжено на Московской конференции, Тегеранской конференции и на конференции в усадьбе Думбартон-Окс (Вашингтон). В 1944 году Рузвельт принял участие во второй Квебекской конференции, на которой обсуждалось будущее послевоенной Германии. Переизбранный в 1944 году на четвёртый срок Рузвельт внёс значительный вклад в исторические решения Ялтинской конференции (1945). Его позиция была продиктована учётом текущей военно-стратегической и политической обстановки в связи с успешным продвижением советских войск в Восточной Европе, желанием договориться о вступлении СССР в войну с Японией и надеждой на продолжение послевоенного американо-советского сотрудничества.</p>				
8.		<p>Гарри Трумэн (<i>Harry S. Truman</i>) (08.05.1884-26.12.1972) 33-й президент США</p> <p>Гарри Трумэн продолжил социально-экономические реформы в духе «Нового курса» его предшественника Франклина Рузвельта.</p> <p>Принял решение о применении в 1945 году атомного оружия против Японии – противника США во Второй мировой войне на основе доклада Комитета начальников штабов США о предполагаемых значительных потерях американской армии в ходе высадки на Японские острова.</p> <p>С его именем также связано начало «Холодной войны». Г. Трумэн выступал за жёсткое противостояние СССР и коммунистическим силам и утверждение единоличного лидерства США во всём мире.</p>	12 апреля 1945	20 января 1953	Демократ	Должность вакантна Олбен Баркли

9.		<p>Дуайт Эйзенхауэр <i>(Dwight David Eisenhower)</i> (14.10.1890-28.03.1969) американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США.</p> <p>Связь внутренней и внешней политики США в 1950-х проявлялась столь рельефно, что в одном из выступлений Д. Эйзенхауэр заявил: «мероприятия внутреннего характера и отношения на международной арене настолько тесно связаны, что во многих случаях неразделимы». При этом Д. Эйзенхауэр не переоценивал своих возможностей ни в политике, ни в экономике. «Я никогда не обучался политике, – признавался Эйзенхауэр. – Я пришёл в неё со стороны на самую вершину». Ещё более определённо президент высказался в отношении своей подготовки в области экономических знаний: «Я деревенский парень и мало что понимаю в экономике».</p> <p>Внешнеполитический курс США во время президентства Эйзенхауэра, получивший вид «интернационализации», строился на максимальном использовании усилий союзников США при решении кардинальных проблем мировой внешней политики.</p> <p>Основу внешней политики составила доктрина «массированного возмездия», которая предусматривала увеличение авиации с ядерным оружием, чтобы дать возможность нанести удары по СССР и КНР.</p> <p>После краха суэцкой авантюры, вызванной тройственной агрессией Израиля и партнёров по НАТО Великобритании и Франции, и последовавшей эвакуации из Египта англо-французских войск США объявили, что призваны заполнить вакуум, образовавшийся вследствие утраты партнёрами позиций на Ближнем Востоке, который Эйзенхауэр обещал защитить от «коммунистической угрозы». 9 марта Конгресс США принял соответствующий закон, дававший президенту право под предлогом защиты независимых стран Ближнего Востока использовать объединённые «вооружённые силы для оказания помощи любой стране или группе стран, нуждающихся в ней, против вооружённой агрессии со стороны какой-либо страны, контролируемой коммунизмом», что фактически заложило основание так называемой «Доктрины Эйзенхауэра». Следствием этой доктрины стали осложнения международных отношений между США и СССР в рамках агрессии США, Израиля, Ирака и Турции против Сирии в 1957 году и англо (в Иордании)-американской (в Ливане) агрессии против Ирака, свергнувшего монархический режим и вышедшего из Багдадского пакта в июле 1958 года.</p> <p>Д. Эйзенхауэр два раза – в 1955 году в Женеве и в 1959 году в США – устраивал советско-американские встречи на высшем уровне. Официальный визит</p>	20 января 1953	20 января 1961	Республиканец	Ричард Никсон
----	---	--	--------------------------	--------------------------	---------------	------------------

		руководителя КПСС и главы советского правительства Никиты Хрущёва в США состоялся с 15 по 27 сентября 1959 года, существенного сближения в позициях сторон по германской проблеме, заключению политического договора между СССР и США, торгово-экономическим отношениям, предложениям СССР о всеобщем и полном разоружении, прекращении испытаний ядерного оружия , представительству КНР в ООН и ситуации вокруг Тайваня – не произошло. В мае 1960 года под Свердловском был сбит американский разведывательный самолёт U-2. Это стало причиной охлаждения советско-американских отношений, срыва планировавшейся встречи по германскому вопросу и ответного визита Эйзенхауэра в СССР.				
10.		Джон Кеннеди (<i>John Fitzgerald «Jack» Kennedy</i> , известный также как <i>JFK (Джей-Эф-Кей)</i>) (29.05.1917-29.11.1963) американский политический, государственный и общественный деятель, 35-й президент США . В современном общественном сознании Дж. Кеннеди чаще всего связывают с его загадочным убийством, потрясшим весь мир, многочисленные гипотезы разрешения которого выдвигаются по сей день. Почти трёхлетнее президентство Дж. Кеннеди ознаменовано Берлинским кризисом, Карибским кризисом, операцией в заливе Свиней, космической гонкой между СССР и США , которая привела к началу космической программы «Аполлон» , а также серьёзными шагами по преодолению расовой дискриминации. По мнению большинства граждан страны, Кеннеди входит в десятку величайших американских президентов в истории	20 января 1961	22 ноября 1963	Демократ	Линдон Джонсон
11.		Линдон Джонсон (<i>Lyndon Baines Johnson</i>) (27.08.1908-22.01.1973) 36-й Президент США . Одной из первых инициатив Джонсона было создание «Великого общества» , в котором не будет бедности. Конгресс выделил на эти цели около миллиарда долларов. В 1964 году был принят Акт о гражданских правах, уничтоживший расовую сегрегацию на Юге США . Была учреждена государственная медицинская страховка (Medicare) . В 1966 году Джонсон добился принятия мер по созданию «учительского корпуса» , программы жилищных субсидий нуждающимся семьям, программы «образцовых городов» , новых мер борьбы с загрязнением воды и воздуха, программы	22 ноября 1963	20 января 1969	Демократ	Должность вакантна Хьюберт Хамфри

		<p>строительства улучшенных автомагистралей, увеличения выплат по социальному страхованию, новых мер в области медицинской и профессиональной реабилитации. Администрация Джонсона приняла также ряд мер по увеличению безопасности дорожного движения – в пользу данного проекта конгрессменов убедил, в частности, в своей книге «Опасен при любой скорости: недостатки конструкции американского автомобиля» юрист и политический активист Ральф Нейдер.</p> <p>Однако позже программа создания «Великого общества» была свёрнута в связи с вмешательством США во Вьетнамскую войну.</p> <p>Во время второго срока Джонсона вновь начали обостряться проблемы, связанные с правами чернокожих американцев. В августе 1965 года в негритянском районе Лос-Анджелеса произошли беспорядки, в результате которых погибло 35 человек. Летом 1967 года произошли крупнейшие выступления афроамериканского населения. В Ньюарке (штат Нью-Джерси) погибли 26 человек, ещё 40 погибли в Детройте. 4 апреля 1968 года был убит лидер движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг. После этого в 125 городах, в том числе и в Вашингтоне, начались волнения негритянского населения.</p> <p>Из-за войны во Вьетнаме к осенним выборам в Конгресс популярность Джонсона значительно упала. Антивоенные настроения подпитывали подъём молодёжного движения новых левых («Студенты за демократическое общество», хиппи и т. д.), кульминацией которого были протесты во время съезда Демократической партии США в Чикаго в августе 1968 г.</p> <p>Главным внешнеполитическим событием периода президентства Джонсона стала война во Вьетнаме. США поддерживали правительство Южного Вьетнама в его борьбе с коммунистическими партизанами НФОЮВ, которые, в свою очередь, пользовались поддержкой Северного Вьетнама. В августе 1964 года после двух инцидентов в Тонкинском заливе Джонсон приказал нанести «ответные» удары с воздуха по Северному Вьетнаму и добился принятия Конгрессом резолюции о поддержке любых действий, которые президент сочтёт необходимыми для «отпора нападению на вооружённые силы США и предотвращения дальнейшей агрессии» в Юго-Восточной Азии.</p> <p>В 1964 году при поддержке США в Бразилии было свергнуто демократическое правительство Жуана Гуларта.</p> <p>В 1965 году в рамках провозглашённой «Доктрины Джонсона» были направлены войска в Доминиканскую Республику. Сам Джонсон «оправдал» интервенцию,</p>				
--	--	---	--	--	--	--

		<p>утверждая, что коммунистические элементы пытались взять под контроль движение мятежников.</p> <p>Летом 1965 года Джонсон принял решение об увеличении американского контингента во Вьетнаме. Численность американских вооружённых сил во Вьетнаме увеличилась с 20 тысяч при Кеннеди до почти 540 тысяч к концу президентского срока Джонсона. Кроме того, Джонсон официально отдал приказ о использовании сухопутной армии в военных операциях на территории Вьетнама.</p> <p>В июне 1967 года состоялась на высшем уровне встреча президента Джонсона с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным в Гласборо (штат Нью-Джерси), проложившая путь к договору 1968 года о нераспространении ядерного оружия, заключения которого президент добивался на протяжении трёх лет.</p> <p>23 января КНДР захватила близ своих берегов американское судно-разведчик «Пуэбло» с экипажем из 82 человек. Неделей позже партизаны Национального фронта освобождения Южного Вьетнама при поддержке северовьетнамской армии начали так называемое Тетское наступление, одновременно атаковав многие военные объекты и города Южного Вьетнама. Один из крупнейших городов страны Хюэ был почти полностью захвачен, кроме того, партизанам удалось проникнуть на территорию американского посольства в Сайгоне, что получило широкий резонанс в средствах массовой информации США. Эта атака поставила под серьёзное сомнение доклады американских должностных лиц и военачальников об успехах, якобы достигнутых во Вьетнаме. Генерал Уильям Уэстморленд, командующий американскими войсками во Вьетнаме, запросил о дополнительном направлении туда ещё 206 тысяч солдат.</p> <p>По причине своей низкой популярности Джонсон не стал выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах 1968 года. Ожидалось, что от Демократической партии может быть выдвинут популярный Роберт Кеннеди, но он был убит 5 июня 1968 года; другой леволиберальный кандидат антивоенных демократов Юджин Маккарти также не был номинирован. Демократы выдвинули Хьюберта Хамфри, но победу на выборах одержал кандидат республиканцев Ричард Никсон.</p> <p>20 января 1969 года прошла инаугурация Никсона, после чего Джонсон отбыл на своё ранчо в Техасе.</p>				
--	--	---	--	--	--	--

12.		<p>Ричард Никсон (<i>Richard Milhous Nixon</i>) (09.01.1913-22.04.1994)</p> <p>37-й президент, 36-й вице-президент США (1953-1961). Единственный президент США, ушедший в отставку до окончания срока.</p> <p>В годы Второй мировой войны служил в военно-морских силах США. В году был избран в Палату представителей США от Калифорнии, а в 1950 году – в сенат. В ходе дела Элджера Хисса Никсон приобрёл антикоммунистическую репутацию и национальную известность. После выборов президента в 1952 году, на которых победил Дуайт Эйзенхауэр, Никсон занял пост вице-президента. После восьми лет в этом кресле в 1960 году принял участие в выборах президента, однако с минимальной разницей уступил Джону Кеннеди. В 1962 году также безуспешно участвовал в выборах губернатора Калифорнии. В 1968 году победил в выборах президента страны, в 1974 году досрочно подал в отставку, сложив полномочия в результате Уотергейтского скандала. Это был первый в истории США случай отставки верховного лидера.</p> <p>Никсона обычно относят к числу самых одиозных президентов, хотя и подчёркивая противоречивость фигуры: внешнеполитические успехи, жёсткий и, в общем, эффективный стиль управления. Политолог Фиона Хилл отмечала в его образе действий неожиданность, непредсказуемость, сравнивая этот стиль со стратегией действий президента России Владимира Путина.</p>	20 января 1969	9 августа 1974	Республиканец	Спиро Агню <i>Должность вакантна</i> Джеральд Форд
13.		<p>Джеральд Форд (<i>Gerald Rudolph Ford Jr.</i>) при рождении именовался Лесли Линч Кинг Мл. <i>англ. Leslie Lynch King Jr.</i> (14.07.1913-26.12.2006)</p> <p>38-й президент США</p> <p>Недолгое правление Форда ознаменовалось продолжением политики разрядки в отношениях с СССР; так, он подписал Хельсинкские соглашения, совершил визит в Советский Союз и встречался с Леонидом Брежневым во Владивостоке, а конкретно в Воздвиженке, Уссурийский район, Приморский край. В ноябре 1974 года в ходе этой рабочей встречи были согласованы общие подходы к Соглашению по ОСВ-2 и количественные «потолки» на отдельные виды стратегических ядерных ракет и на ракеты с разделяющимися боеголовками.</p> <p>В 1975 году закончилась Вьетнамская война: силы Севера захватили Южный Вьетнам.</p>	9 августа 1974	20 января 1977	Республиканец	<i>Должность вакантна</i> Нельсон Рокфеллер

		<p>Во внутренней политике Дж. Форд столкнулся с самым сильным на тот момент экономическим кризисом со времён Великой депрессии. Противоречивую оценку вызвало решение Дж. Форда помиловать своего предшественника Р. Никсона (8 сентября 1974 г.) за все преступления, выявленные и невыявленные, которые тот мог совершить за время президентства. Так как процедура импичмента Никсона в Сенате США не успела начаться из-за его отставки, то президент имел право на такое помилование. На выборах 1976 года ему удалось с трудом добиться выдвижения от своей партии на праймериз (опередив Рональда Рейгана), в итоге он потерпел поражение от демократа Джимми Картера. После окончания президентского срока Дж. Форд продолжительное время работал в Американском институте предпринимательства.</p> <p>За время президентства на Дж. Форда было совершено два покушения. 5 сентября 1975 году в Сакраменто (Калифорния) последовательница Чарлза Мэнсона Линетт Фромм направила в сторону Форда пистолет, но выстрелить не успела, так как тут же была схвачена сотрудником Секретной службы. Через семнадцать дней, 22 сентября, в Сан-Франциско Сара Джейн Мур, известная радикальными взглядами, выстрелила в Дж. Форда из револьвера и промахнулась, после чего её обезоружил отставной морской пехотинец Оливер Сиппл.</p>				
14.		<p>Джимми Картер (<i>Jimmy Carter</i>, полное имя Джеймс Эрл Картер — младший, англ. James Earl Carter Jr.) (род. 1 октября 1924) 39-й президент США. Лауреат Нобелевской премии мира 2002 г. Самый долгоживущий президент в истории США.</p> <p>В 1978 году на встрече в Кэмп-Дэвиде под председательством Картера президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин договорились о мире, взаимном признании и передаче Египту Синайского полуострова; это завершило серию из четырёх египетско-израильских войн.</p> <p>Советско-американские отношения в период президентства Картера были неоднозначными. С одной стороны, Картер продолжил переговоры об ограничении стратегических вооружений с СССР и в 1979 году подписал с Брежневым договор ОСВ-2. В историю вошёл знаменитый поцелуй двух лидеров на церемонии подписания этого соглашения, воспринимавшийся как акт советско-американского примирения. В том же году по просьбе правительства Афганистана СССР вводит войска в Афганистан, и Картер подписывает указ о финансировании афганских</p>	20 января 1977	20 января 1981	Демократ	Уолтер Мондейл

		<p>антикоммунистических и террористических сил. Политика разрядки в отношениях с СССР сходит на нет. Появляется так называемая «новая ядерная стратегия» Картера, изложенная им в секретной президентской директиве № 59 от 25 июля 1980 года. Она исходила из возможности не обязательно скоротечной ядерной войны с использованием всех ядерных арсеналов конфликтующими державами, а из продолжительной ядерной войны, когда ядерные удары сначала могут наноситься по военным объектам СССР, в то время как другие ракеты будут по-прежнему нацелены на его города. Это подавалось как внесение элементов гибкости в стратегию ядерного сдерживания, но тем самым подтверждалась концепция ядерной войны с СССР, несмотря на декларацию, взаимно принятую во время его президентства.</p> <p>Советско-американские отношения резко ухудшились, договор ОСВ-2 не был ратифицирован Конгрессом, США бойкотировали летние Олимпийские игры 1980 года в Москве. Картер принял в Белом доме советского диссидента Владимира Буковского.</p> <p>В 1979 году Картер восстановил дипломатические отношения с КНР, что во многом предрешило победу США в «холодной войне».</p> <p>В правление Картера произошла Исламская революция в Иране; аятолла Хомейни объявил США «Большим сатаной» (или «Великим Дьяволом»), в 1979 году были взяты в заложники сотрудники американского посольства в Тегеране. Переговоры оказались неудачными. 24 апреля 1980 года США попытались провести военную операцию по освобождению заложников, однако она окончилась провалом.</p> <p>В конце 1970-х США не поддержали никарагуанского диктатора Сомосу, его свергли в ходе Сандинистской революции. Картер ввёл запрет на операции ЦРУ в Центральной Америке, что дало повод ведущим североамериканским СМИ заговорить о «полном крахе центральноамериканской политики США» и даже о «проигранной битве, которая приведёт к поражению в глобальном противостоянии между США и СССР». Этот вакуум заполнили аргентинцы Виделы, объявившие себя «единственным борцом с коммунизмом в Западном полушарии», СИДЕ и 601-й батальон взялись за обучение никарагуанских партизан-контрас.</p> <p>23 января 1980 года Джимми Картер выступил с ежегодным посланием «О положении страны», в котором огласил новую внешнеполитическую доктрину. Регион Персидского залива был объявлен зоной интересов США, ради защиты которых Соединённые Штаты готовы пойти на применение вооружённой силы. В соответствии с «доктриной Картера», попытки любой державы установить свой контроль над регионом Персидского залива были заранее объявлены</p>				
--	--	--	--	--	--	--

		<p>американским руководством посягательством на важные интересы США.</p> <p>Во внутренней политике позиции Картера были преимущественно либерально-демократическими. Он утверждал, что можно сократить безработицу до 4,5 % и уменьшить инфляцию до ежегодного уровня в 4 %. Пообещал основательно пересмотреть федеральную налоговую систему, которую назвал «позором рода человеческого». Заявил, что попытается ввести единую федеральную систему социального обеспечения и снизить стоимость лечения в медицинских стационарах. Картер пообещал также полную реорганизацию федерального чиновничьего аппарата и создание «открытого правительства». С самого начала президент наносил визиты в небольшие провинциальные города, где проводил встречи с местной общественностью. Отвечал на вопросы сограждан в радиопрограмме «Спроси президента Картера». Объявил амнистию лицам, уклонившимся от призыва на войну во Вьетнаме, ввёл двух женщин в состав кабинета (больше, чем кто-либо до него), подыскал ответственные политические посты для представителей национальных меньшинств.</p> <p>Во время президентства Картера произошёл взлёт цен на нефть. На этом фоне безработица и инфляция были высоки как никогда.</p>				
15.		<p>Рональд Рейган (<i>Ronald Wilson Reagan</i>) (06.02.1911-05.06.2004)</p> <p>американский политик, 40-й президент США, 33-й губернатор штата Калифорния (1967-1975). Также известен как актёр и радиоведущий.</p> <p>В ходе своего президентского правления, называемого революцией Рейгана, президент проводил политику, отражающую его личную веру в свободу личности. Он внёс большие изменения в экономическую, внутреннюю и внешнюю политику США, поднял моральный дух американцев, люди стали меньше полагаться на правительство. Рейган вёл дневники, в которых комментировал ежедневные события и свои взгляды на них. В 2007 его дневники были опубликованы в книге «Дневники Рейгана», ставшей бестселлером.</p> <p>Государственная политика США приобрела при Рейгане жёстко антикоммунистический характер, соответствующий мировоззрению и политическим взглядам президента. Соответствующие политические и идеологические установки были чётко заявлены в предвыборных программах Республиканской партии, принятых при выдвижении кандидатуры Рейгана на выборах 1980 и 1984 годов. Партийная платформа 1980 года ставила задачу применить все невоенные средства,</p>	20 января 1981	20 января 1989	Республиканец	Джордж Буш — старший

		<p>чтобы остановить наступление коммунизма. Партийная платформа 1984 года характеризовала противостояние марксистско-ленинским режимам как фундаментально мотивированное моральными принципами. Рейган не жалел денег на оборону: при нём бюджетные военные расходы США в 1987 году составили 282 млрд долларов (в последнем бюджете Дж. Картера на них было выделено только 160 млрд долларов).</p> <p>Р. Рейган свою первую инаугурационную речь 20 января 1981, текст которой он написал сам, посвятил вопросам экономических неурядиц страны. «Во время кризиса правительство не решение, правительство – это и есть проблема». В то время как он произносил свою речь, 52 американских заложника в Иране были освобождены. В первый срок Рейган уделил особое внимание религиозным чувствам американцев. 1983 год был им объявлен «Годом Библии», а в начале 1984 года появились разъяснения для чиновников, что добровольная школьная молитва не противоречит Конституции США. Также в 1983 году вышло эссе Рейгана, в котором он осудил аборты. В 1984 году он подписал «Акт о защите детей», который увеличил штрафы за сексуальную эксплуатацию детей, а также закрепил понятие «несовершеннолетнего» как лица моложе 18 лет. Успешной была борьба Рейгана с преступностью, в результате чего за период 1980—1984 годов количество зарегистрированных преступлений сократилось на 10 %, в том числе количество убийств уменьшилось на 20 %.</p>				
16.		<p>Джордж Герберт Уокер Буш («Джордж Буш - старший») <i>(George Herbert Walker Bush)</i> (12.06.1924-30.11.2018)</p> <p>41-й президент США, 43-й вице-президент США при Рональде Рейгане (в 1981-1989 гг.), конгрессмен, дипломат, директор Центральной разведки. Неофициальное прозвище «старший» получил после того, как его сын Джордж Буш – младший в 2001 г. стал 43-м президентом США, чтобы устранить неоднозначность толкования фразы «президент США Джордж Буш».</p> <p>С 26 декабря 2006 года по 30 ноября 2018 года являлся старейшим по возрасту из живущих на тот момент президентов США, а 24 ноября 2017 года стал самым долгоживущим в истории президентом США (побив рекорд Джеральда Форда). Продолжал экономическую политику предшественника, но столкнулся с экономическими проблемами, связанными с дефицитом</p>	20 января 1989	20 января 1993	Республиканец	Дэн Куэйл

		бюджета. Его президентство ознаменовалось окончательной победой в холодной войне и политикой, направленной на уменьшение запасов стратегического оружия. В правление Буша США провели войну в Персидском заливе, а также вторжения в Панаму. Способствовал объединению Германии.				
17.		<p>Билл Клинтон (<i>William Jefferson «Bill» Clinton</i>) (19.08.1946)</p> <p>42-й президент США. До своего избрания на пост президента пять раз избирался губернатором штата Арканзас (1979-1981, 1983-1992). Клинтон был избран президентом в 1992 году, победив оппонента Джорджа Буша-старшего.</p> <p>Объявил курс на укрепление статуса США как сверхдержавы, которой предстоит руководить миром. Намеревался провести реформу системы здравоохранения, но не достиг в этом успеха. Выдвинул новую экономическую программу: уменьшение налогов и инфляции, создание новых рабочих мест. Экономика страны при президентстве Клинтона оставалась относительно стабильной. США приняли участие в урегулировании войны в Югославии, НАТО провела операцию в Боснии и Герцеговине. Окончания президентского срока Клинтона ознаменовалось сексуальным скандалом с Моникой Левински.</p>	20 января 1993	20 января 2001	Демократ	Альберт Гор
18.		<p>Джордж Уокер Буш («Джордж Буш- младший») (<i>George Walker Bush</i>) (06.06.1946)</p> <p>американский политик-республиканец, 43-й президент США, губернатор штата Техас с 1995 по 2000 год.</p> <p>Сын 41-го президента США Джорджа Г. У. Буша, с чем и связано прозвище «младший». Окончил Йельский университет (бакалавр) в 1968 году, Бизнес-школе Гарвардского университета в 1975 году. На службе в ВВС Национальной гвардии с 1968 по 1974 год. В 1994 году избран губернатором Техаса, в 1998 году – переизбран на второй срок. В 2000 году победил на президентских выборах действовавшего на тот момент вице-президента Альберта Гора.</p>	20 января 2001	20 января 2009	Республиканец	Дик Чейни

		<p>Через несколько месяцев после вступления Буша в должность 11 сентября 2001 года в США произошла серия крупных терактов, в ответ на которые Буш объявил глобальную «войну против терроризма». В том же году США вторглись в Афганистан, в 2003 году – в Ирак. В дополнение к вопросам национальной безопасности, Буш провёл ряд реформ в области здравоохранения, образования и социального обеспечения, серьёзно сократил налоги.</p> <p>В 2004 году Буш успешно переизбрался на второй срок, одержав победу над сенатором-демократом Джоном Керри. В 2005 году администрация Буша подверглась критике за неумелое управление в кризисной ситуации, вызванной ураганом Катрина. В декабре 2007 года США вступили в крупнейшую со времён Второй мировой войны рецессию, что вынудило президентскую администрацию активней вмешиваться в экономику, претворяя комплекс мер для стимулирования её роста.</p> <p>Хотя Буш был популярным президентом на протяжении первого своего срока, во втором его рейтинг постоянно снижался. В 2009 году на посту президента его сменил Барак Обама. Буш вернулся в Техас, в настоящее время занимается общественной деятельностью. В 2010 году опубликовал свои мемуары под названием «Поворотные моменты».</p>				
19.		<p>Барак Обама (<i>Barack Hussein Obama II</i>) (04.08.1961)</p> <p>44-й президент США. Лауреат Нобелевской премии мира 2009 года. До избрания президентом являлся федеральным сенатором от штата Иллинойс. Был впервые избран в ноябре 2008 года, переизбран на второй президентский срок в 2012 году.</p> <p>Первый афроамериканец, выдвинутый на пост президента США от одной из двух крупнейших партий, и первый в национальной истории глав государства темнокожий президент, а также президент с фамилией африканского и средним именем арабского этимологического происхождения. Обама – мулат, но, в отличие от большинства чёрных американцев, не потомок рабов, а сын студента из Кении и белой американки (Стэнли Энн Данхэм). Выпускник Колумбийского университета и Школы права Гарвардского университета, где он также был первым за всю его историю афроамериканцем-редактором университетского издания Harvard Law</p>	20 января 2009	20 января 2017	Демократ	Джо Байден

		<p>Review. Обама также работал общественным организатором и адвокатом в области гражданских прав. Преподавал конституционное право в Чикагском институте юридических наук с 1992 по 2004 год и одновременно трижды, в период с 1997 по 2004 год, избирался в сенат штата Иллинойс. После неудачной попытки баллотироваться в 2000 году в Палату представителей США в январе 2003 года баллотировался в Сенат США. После победы на праймериз (первичных выборах) в марте 2004 года Обама произнёс основную речь на Демократическом национальном съезде в июле 2004 года. Был избран в Сенат в ноябре 2004 года, набрав 70 % голосов.</p> <p>Как член Демократического меньшинства в Конгрессе 109-го созыва, он помог создать законы о регулировании обычных вооружений и увеличении прозрачности в использовании государственного бюджета. Он также совершил официальные поездки в Восточную Европу (в том числе в Россию), на Ближний Восток и в Африку. Во время работы в Конгрессе 110-го созыва участвовал в создании законов, касающихся мошенничества на выборах, лоббизма, изменения климата, ядерного терроризма и демобилизовавшихся американских военнослужащих.</p> <p>Обама объявил о своём желании баллотироваться в президенты в феврале 2007 года и в 2008 году на президентских праймериз на Демократическом национальном съезде был официально выдвинут от Демократической партии кандидатом в президенты вместе с кандидатом на пост вице-президента – сенатором от штата Делавэр Джозефом Байденом. На президентских выборах 2008 года Обама опередил кандидата от правившей Республиканской партии Джона Маккейна, набрав 52,9 % голосов избирателей и 365 голосов в коллегии выборщиков против 45,7 % и 173 у Маккейна.</p> <p>9 октября 2009 года получил Нобелевскую премию мира с формулировкой «за экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии и сотрудничества между людьми».</p> <p>На президентских выборах 2012 года Обама опередил кандидата от Республиканской партии Митта Ромни, набрав 51,1 % голосов избирателей и 332 голоса в коллегии выборщиков против 47,2 % и 206 – у Ромни.</p> <p>Обама покинул свой пост 20 января 2017 года с рейтингом одобрения 60 %. В настоящее время он проживает в Вашингтоне. С тех пор его президентство положительно оценивается историками и широкой публикой. У него также был высокий рейтинг глобального одобрения, и репутация Соединённых Штатов резко изменилась во время его президентства.</p>				
--	--	--	--	--	--	--

20.		<p>Дональд Трамп <i>(Donald John Trump)</i> (14.06.1946) американский государственный деятель, политик, предприниматель, 45-й президент США.</p> <p>Предприниматель (главным образом в сфере недвижимости), шоумен и телеведущий. Человек года по версии журнала «Time» (2016). С 1971 по 2017 год Дональд Трамп являлся президентом строительного конгломерата Trump Organization и основателем компании Trump Entertainment Resorts, специализирующейся на игорном и гостиничном бизнесе. В 1996-2015 годах был владельцем конкурса красоты «Мисс Вселенная». Появлялся в роли камео в ряде кинофильмов и телесериалов. Кроме того, Дональд Трамп являлся исполнительным продюсером и на протяжении 14 сезонов (2004-2015 годы) был ведущим реалити-шоу «Кандидат» на телеканале «NBC». С президентских выборов 1988 года Дональд Трамп рассматривался как потенциальный кандидат на пост президента США почти на каждом выборах. В октябре 1999 года объявил себя потенциальным кандидатом от Партии реформ, на выдвижение в президенты США, но 14 февраля 2000 года снял свою кандидатуру с выборов. Объявил о вступлении в борьбу за пост следующего президента США 16 июня 2015 года. В мае 2016 года, опередив всех соперников на праймериз, фактически гарантировал себе выдвижение единым кандидатом от Республиканской партии. Официально утверждён на партийном съезде, состоявшемся 18-21 июля того же года. Стал вторым в истории кандидатом на пост президента США от двух главных партий, кто был изначально известен прежде всего, как бизнесмен и не занимал никаких государственных постов (первым был Уэнделл Уилки в 1940 году) и первым таким кандидатом, выигравшим выборы.</p> <p>На президентских выборах 8 ноября 2016 года Дональд Трамп одержал победу над кандидатом от Демократической партии Хиллари Клинтон, набрав 306 голосов выборщиков (56,88 %).</p> <p>В возрасте 70 лет Дональд Трамп стал старейшим впервые избранным президентом США, чем побил рекорд Рональда Рейгана, занявшего этот пост в 69 лет. Также Трамп – первый президент США, не занимавший до въезда в Белый дом никакого другого государственного или военного поста. Кроме этого, Дональд Трамп является самым богатым человеком, вступившим в должность президента. К тому же Дональд Трамп – пятый президент, который был избран, набрав меньшее число голосов избирателей, чем проигравший кандидат.</p>	20 января 2017	настоящее время	Республиканец	Майк Пенс
-----	---	---	----------------------	--------------------	---------------	-----------

		<p>В мае 2018 года 18 конгрессменов-республиканцев подписали письмо-обращение в Нобелевский комитет, в котором предложили присудить Трампу Нобелевскую премию мира 2019 года за усилия, направленные на решение корейского вопроса. В декабре 2019 года Трамп стал третьим президентом в истории США, подвергшимся импичменту. Решение было принято из-за серьёзных обвинений в злоупотреблении властью и препятствовании правосудию, касающиеся рапорта анонимного информатора, в котором были указаны подозрительные и незаконные действия со стороны Трампа.</p> <p>Разбирательство в Сенате по делу об импичменте началось 16 января 2020 года, а 5 февраля Трамп был оправдан Сенатом по обоим обвинениям. По первому обвинению 48 сенаторов проголосовали за то, чтобы признать Трампа виновным в злоупотреблении властью, но 52 сенатора признали президента США невиновным. За импичмент по этой статье проголосовали все демократы в сенате и один республиканец. Однако, чтобы импичмент состоялся, противникам Трампа необходимо было набрать две трети голосов.</p> <p>В конце декабря 2019 года британская газета <i>Financial Times</i> включила Трампа в опубликованный ей список из 50 человек, «определивших облик десятилетия».</p>				
--	--	--	--	--	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица 1

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ РЕЧЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

№	Президент	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры					ВСЕГО	
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на конференциях различных уровней	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Речь о принятии выдвижения от партии	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии	Послание / обращение к Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН		Обращение к Конгрессу с просьбой объявления войны
1.	Теодор Рузвельт (14.09.1901-04.03.1909)	1	2				3	7	1			8			1					23
2.	Уильям Тафт (04.03.1909-04.03.1913)	1					5	2				4								12
3.	Вудро Вильсон (04.03.1913-04.03.1921)	2		3			5	5				8			2		7		1	33
4.	Уоррен Гардинг (04.03.1921-02.08.1923)	1					6	6				2			1					16
5.	Калвин Кулидж (02.08.1923-04.03.1929)	1	1	3			1					6								12
6.	Герберт Гувер (04.03.1929-04.03.1933)	1					17	4				4	3		1					30
7.	Франклин Рузвельт (04.03.1933-12.04.1945)	4		1			17	17		1		2	1		3		2		2	50
8.	Гарри Трумэн (12.04.1945-20.01.1953)	1		2	1		3	5					3	1	1		2			19
9.	Дуайт Эйзенхауэр (20.01.1953-20.01.1961)	1			1			1							1		1			6

№	Президент	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры					ВСЕГО	
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на конференциях различных уровней	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Речь о принятии выдвижения от партии	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	Послание /обращение к Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН		Обращение к Конгрессу с просьбой объявления войны
10.	Джон Кеннеди (20.01.1961-22.11.1963)	1	5	4			6	13	3		3	1		1	4	1		2		44
11.	Линдон Джонсон (22.11.1963-20.01.1969)	1	3	2			11	17			6	1	24	1			3	1		70
12.	Ричард Никсон (20.01.1969-09.08.1974)	2			1		3	8			4	1	1	1	4		1	2		28
13.	Джеральд Форд (09.08.1974-20.01.1977)		1			1	1	4	1		3	1		1	3			1		17
14.	Джимми Картер (20.01.1977-20.01.1981)	1			1		5	6			3		1	1	4					22
15.	Рональд Рейган (20.01.1981-20.01.1989)	2		4	2		8	20	5	1	7		1	5	4			2		61
16.	Джордж Герберт Уокер Буш («Джордж Буш-старший») (20.01.1989-20.01.1993)	1					2	8			3		1	2	6		3	1		27
17.	Билл Клинтон (20.01.1993-20.01.2001)	2		2	1	2	10	8	3		7		1	1	1		1			39
ВСЕГО:		23	12	21	7	3	103	131	13	2	70	11	30	22	26	2	20	10	3	509

Таблица 2

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ РЕЧЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

№	Президент	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры					ВСЕГО	
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на различных уровнях конференции	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Речь о принятии выдвижения от партии (Предвыборное)	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	Послание /обращение Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН		Обращение к Конгрессу с просьбой объявлении войны
18.	Джордж Уокер Буш («Джордж Буш-младший») (20.01.2001-20.01.2009)	2			1		17	8	4		7		1	1	6		1	1		49
19.	Барак Обама (20.01.2009-20.01.2017)	2		2			15	8	6	1	7	1	2	2	6		3	1		56
20.	Дональд Трамп (20.01.2017-20.01.2021)	1		4	1	1	16	4	1	2	3	1	5	1	4		1	3		48
ВСЕГО:		5		6	2	1	48	20	11	3	17	2	8	4	16		5	5		153

Таблица 3

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Век	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры						
	Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на конференциях различных уровней	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Речь о принятии выдвигения от партии (Предвыборное выступление)	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	Послание /обращение Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН		Обращение к Конгрессу с просьбой объявлений войны
XX век	23	11	21	7	3	103	131	13	2	70	11	30	22	26	2	20	10	3	509
XXI век	5		6	2	1	48	20	11	3	17	2	8	4	16		5	5		153
ВСЕГО:	28	12	27	9	4	151	151	24	5	87	13	38	26	42	2	25	15	3	662

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Таблица 1

Тематика выступлений американских президентов в XX в.

№	Президент	Внутренняя политика	Внешняя политика	Государственная безопасность	Война	Терроризм	Экономика	Медицина	Образование	Культура	Миграция	Расовая дискриминация	Религия	Освоение космоса	Защита окружающей среды	Кибербезопасность	ВСЕГО
1	Теодор Рузвельт (14.09.1901-04.03.1909)	23	23	23	21	5	15		2		4				5		121
2	Уильям Тафт (04.03.1909-04.03.1913)	12	12	12	12		12		1		4				2		67
3	Вудро Вильсон (04.03.1913-04.03.1921)	33	33	33	33		20				2				1		155
4	Уоррен Гардинг (04.03.1921-02.08.1923)	16	16	16	16		16		1		1				1		83
5	Калвин Кулидж (02.08.1923-04.03.1929)	12	12	12	10		12		6		6	1			3		74
6	Герберт Гувер (04.03.1929-04.03.1933)	30	30	30	20		30	2	2		3				1		148
7	Франклин Рузвельт (04.03.1933-12.04.1945)	50	50	50	50		41	2	3		1				3		250
8	Гарри Трумэн (12.04.1945-20.01.1953)	19	19	19	15	2	16		1		6		1	4	1		103
9	Дуайт Эйзенхауэр (20.01.1953-20.01.1961)	6	6	6	6		6		1		1				1		33
10	Джон Кеннеди (20.01.1961-22.11.1963)	44	44	44	40	1	39	10	16	7	7	3	6	7	9		277
11	Линдон Джонсон (22.11.1963-20.01.1969)	70	70	70	37	1	63	16	15	8	2	24	11	12	2		401
12	Ричард Никсон (20.01.1969-09.08.1974)	28	28	28	18		19	7	6	2	4	6	5	4	6		161
13	Джеральд Форд (09.08.1974-20.01.1977)	17	17	17	9		11	3	3	2	1	3	3	1	1		88
14	Джимми Картер (20.01.1977-20.01.1981)	22	22	22	22		20	4	3		2	4	5		6		132
15	Рональд Рейган (20.01.1981-20.01.1989)	61	61	61	58	3	59	7	8	1	4	5	7	2	6		343
16	Джордж Г.У. Буш (20.01.1989-20.01.1993)	27	27	27	27		17	5	9		8	1	1				149
17	Билл Клинтон (20.01.1993-20.01.2001)	39	39	39	17	1	24	15	13	3	7	7	7		5		216
ВСЕГО:		509	509	509	411	13	420	71	90	23	63	54	46	30	53		2801

Таблица 2

Тематика выступлений американских президентов в начале XXI века

№	Президент	Внутренняя политика	Внешняя политика	Государственная безопасность	Война	Терроризм	Экономика	Медицина	Образование	Культура	Миграция	Расовая дискриминация	Религия	Освоение космоса	Защита окружающей среды	Кибербезопасность	ВСЕГО
18	Джордж У. Буш (20.01.2001-20.01.2009)	49	49	49	26	30	25	15	12	2	6	2	3		4	19	291
19	Барак Обама (20.01.2009-20.01.2017)	56	56	56	26	19	27	18	16	7	15	8	13	2	9	14	342
20	Дональд Трамп (20.01.2017-20.01.2020)	48	48	48	29	24	25	17	10	5	16	7	8	3	2	48	338
ВСЕГО:		153	153	153	81	73	77	50	38	14	37	17	24	5	15	81	971

Таблица 3

Корреляция тематики и жанров президентских выступлений в XX – начале XXI веков

№	Президент	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры						
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на конференциях различных уровней	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Предвыборное выступление	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	Послание Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН	Обращение к Конгрессу с просьбой объявлении войны	ВСЕГО
1.	Внутренняя политика	23	6	14	7	3	103	131	3	2	70	11	30	22	26	2	20	10	3	486
2.	Внешняя политика	23	8	14	7	3	103	131	11	2	70	11	29	22	26	2	20	10	3	495
3.	Государственная безопасность	23	8	14	7	3	103	131	9	2	70	11	30	22	26	2	20	10	3	494
4.	Война	23	6	18	7	1	103	131	11	2	70	11	29	22	26	2	20	10	3	495
5.	Терроризм	3	1	1	–	–	35	23	–		12	–	–	2	4	–	7	7	–	95
6.	Экономика	23	–	1	7	–	103	131	7	2	70	11	29	22	26	2	20	10	3	469
7.	Медицина	3	–	–	–	–	58	12	–		43	–	2	3	12	–	9	–	–	142
8.	Образование	5	4	3	4	–	69	14	2		48	1	3	3	14	2	11	–	–	183
9.	Культура	18	6	7	2	3	72	75	3		59	1	1	6	16	1	12	–	–	282
10.	Миграция	5	–	2	1	–	39	43	1		23	–	–	1	3	1	3	–	–	122

№	Президент	Ритуальные жанры					Ориентационные жанры							Агональные жанры						
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	Послание Президента о положении дел в стране	Послание Президента о положении дел в мире	Послание Президента другим странам	Выступление Президента на конференциях различных уровней	Отчетный доклад	Программная речь	Пресс-конференция	Предвыборное выступление	Предвыборные дебаты	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	Послание Конгрессу	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН	Обращение к Конгрессу с просьбой объявлении войны	ВСЕГО
11.	Рассовая дискриминация	10	-	7	-	-	65	39	2		40	1	5	5	17	-	8	-	-	199
12.	Религия	12	-	5	-	-	54	68	-		27	-	1	4	9	-	6	-	-	186
13.	Освоение космоса	2	1	-	-	-	23	14	-		17	-	2	2	7	1	3	-	-	72
14.	Защита окружающей среды	6	-	-	2	-	81	52	1		54	-	-	4	18	1	5	-	-	225
15.	Кибербезопасность	-	-	-	-	-	2	4	-		4	-	-	1	3	-	1	1	-	16
ВСЕГО:		158	40	86	44	13	1013	999	50	8	678	58	161	141	233	16	165	58	15	3954

Таблица 4

Количественная характеристика основных типов концептуальной метафоры, представляющей дискурсообразующие концепты в АПД XX – начала XXI веков

Концепт	Тип метафоры	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX ст.	Частотность употребления в АПД XXI ст.
POLITICS	Структурная	POLITICS IS POWER (Политика – Власть)	51,5%	54,3%
		POLITICS IS WAR (Политика – Война)		
		POLITICS IS THEATER (Политика – Театр)		
		POLITICS IS BUSINESS (Политика – Бизнес)		
		POLITICS IS SPORT (Политика – Спорт)		
		POLITICS IS RELIGION (Политика – Религия)		
		POLITICS IS GAMBLING (Политика – азартная игра)		
	Онтологическая	POLITICS IS GOOD / EVIL (Политика – Добро/ Зло)	34,5%	31,2%
		POLITICS IS JOURNEY (Политика – Путешествие)		
		POLITICS IS CRIME (Политика – Преступление)		
		POLITICS IS NATURAL PHENOMENON (Политика – Природная стихия)		
		POLITICS IS PLANT (Политика – Мир растений)		
		POLITICS IS BEAST (Политика – Мир животных)		
		POLITICS IS HUNT (Политика – Охота)		
		POLITICS IS SCIENCE (Политика – Наука)		
	Ориентационная	POLITICS IS UP (Политика – Вверху)	14%	13,5%
		POLITICS IS DOWN (Политика – Внизу)		
		ВСЕГО	100%	100%

Продолжение табл. 4

Концепт	Тип метафоры	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX ст.	Частотность употребления в АПД XXI ст.
POWER	Структурная	POWER IS POLITICS (Власть – Политика)	38,5%	37%
		POWER IS DEMOCRACY (Власть – Демократия)		
		POWER IS ACTION (Власть – Действие)		
		POWER IS PATRIOTISM (Власть – Патриотизм)		
		POWER IS FREEDOM (Власть – Свобода)		
		POWER IS STRUGGLE (Власть – Борьба)		
		POWER IS HUNT (Власть – Охота)		
		POWER IS SCIENCE (Власть – Наука)		
		POWER IS GAMBLING (Власть – Азартная игра)		
	POWER IS CRIME (Власть – Преступление)			
	Онтологическая	POWER IS DIGNITY (Власть – Достоинство)	35,5%	35%
		POWER IS WISH (Власть – Желание)		
		POWER IS TROPHY (Власть – Трофей)		
		POWER IS ARTIFACT (Власть – Артефакт)		
		POWER IS a HUMAN BEING (Власть – Человек)		
		POWER IS CONTAINER (Власть – Контейнер)		
		POWER IS GOOD / EVIL (Власть – Добро /Зло)		
		POWER IS DESTINATION (Власть – Место назначения)		
		POWER IS A NATURAL PHENOMENON (Власть – Природное явление)		
		POWER IS PLANT (Власть – Мир растений)		
		POWER IS a BEAST (Власть – Зверь)		
		POWER IS TREASURE (Власть – Сокровище)		
		POWER IS ENERGY (Власть – Энергия)		
	Ориентационная	POWER IS UP (Власть – Вверху)	26%	28%
		POWER IS DOWN (Власть – Внизу)		
		POWER IS INSIDE (Власть – Внутри)		
		POWER IS OUTSIDE (Власть – Снаружи)		
			ВСЕГО	100%

Окончание табл. 4

Концепт	Тип метафоры	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX ст.	Частотность употребления в АПД XXI ст.
STATE	Онтологическая	STATE IS A HUMAN BEING (Государство – Живое существо)	38,5%	39%
		STATE IS MECHANISM (Государство – Механизм)		
		STATE IS ARCHITECTURE (Государство – Архитектурное сооружение)		
		STATE IS a NATURAL PHENOMENON (Государство – Природное явление)		
		STATE IS PLANT (Государство – Растение)		
		STATE IS ANIMAL WORLD (Государство – Мир животных)		
	Структурная	STATE IS CONTROL (Государство – Контроль)	34,5%	36%
		STATE IS SECURITY (Государство – Безопасность)		
		STATE IS DEMOCRACY (Государство – Демократия)		
		STATE IS SOLUTION (Государство – Решение)		
		STATE IS EQUALITY (Государство – Равенство)		
		STATE IS SECURITY (Государство – Искусство)		
		STATE IS PROTECTION (Государство – Безопасность)		
	Ориентационная	STATE IS UP (Государство – Вверху)	27%	25%
		STATE IS DOWN (Государство – Внизу)		
STATE IS INSIDE (Государство – Внутри)				
STATE IS OUTSIDE (Государство – Снаружи)				
		ВСЕГО	100%	100%
PEOPLE	Онтологическая	PEOPLE ARE UNITY (Народ – Единство)	58,5%	63%
		PEOPLE ARE FEELINGS AND EMOTIONS (Народ – Чувства и эмоции)		
		PEOPLE ARE ANIMAL WORLD (Народ – Мир животных)		
		PEOPLE ARE NATURAL PHENOMENON (Народ – Природная стихия)		
		PEOPLE ARE PLANTS (Народ – Растение)		
	Структурная	PEOPLE ARE UNITY (Народ – Единство)	23,5%	22,5%
		PEOPLE ARE FEELINGS AND EMOTIONS (Народ – Чувства и эмоции)		
		PEOPLE ARE ANIMAL WORLD (Народ – Мир животных)		
		PEOPLE ARE NATURAL PHENOMENON (Народ – Природная стихия)		
	Ориентационная	PEOPLE ARE UNITY (Народ – Единство)	18%	14,5%
		PEOPLE ARE FEELINGS AND EMOTIONS (Народ – Чувства и эмоции)		
		PEOPLE ARE ANIMAL WORLD (Народ – Мир животных)		
		PEOPLE ARE NATURAL PHENOMENON (Народ – Природная стихия)		
		ВСЕГО	100%	100%